Къ № 1) Моск. Телегр. 1833 г.

Пис Смиркъ

Гр. Аѳанасьевъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть сорокъ девятая.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.
1833.

Digitized by Google

Sm 9801/49a (1833) №1-4

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Января 4 дня, 1833 года.

Цензоръ и Кавалеръ Н. Лавровъ.

Digitized by Google

№ I. ЯНВАРЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОТРЫВКИ

изъ Введенія во Всеобщую Исторію (*).

Съ начала міра явилась борьба, долженствующая кончиться тогда только, когда кончится міръ: борьба духовнаго *человѣка* съ вещественною *природой*, *духа* съ *вещественностью*, умственной *воли* съ *фатализмомъ*. Исторія есть повѣствованіе о сей нескончаемой, пламенной борьбѣ жизни съ смертію.

(*) Соч. Мишеле. Мы говорили о немъ (см. Тел. 1832 года, тт. XLVII, стр. 112). Новая идея Всеобщей Исторіи, чрезвычайно любопытная, заставляющая размышлять, но — односторонняя и неубѣдительная: *такъ* думаемъ мы объ этомъ новомъ сочиненіи писателя, одареннаго умомъ и дарованіями необыкновенными, съ которымъ желаемъ ближе познакомить Русскихъ читателей. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

Конечно: жизни есть предѣлы — не думаю ихъ оспоривать; слишкомъ чувствую ихъ въ угнетающемъ дѣйствіи физической Природы на Человѣка, и еще болѣе въ борьбѣ, какую непріязненная Вещественность производитъ во мнѣ самомъ. И кто изъ насъ, среди угрозъ, или обольщеній, какими окружаетъ насъ міръ, не уступалъ ему? Но — *она движется однакожъ* — говорилъ Галилей, ударяя ногою въ землю, и чтобы я ни дѣлалъ, я чувствую въ себѣ нѣчто, ничѣмъ непобѣдимое, ничему не уступающее, ни вещественности, ни мірскому игу, покорное только *уму* и *духу*, и вѣчно-непримиримое съ фатализмомъ. Продолжайся-же, вѣчная борьба, утверждающая достоинство человѣка и гармонію рода человѣческаго! И она продолжится, не сомнѣвайтесь въ томъ, продолжится, пока духъ человѣческій будетъ непогубимъ подъ вліяніемъ рода и климата; пока Байроны будутъ вырываться изъ промышленной Англіи, жить въ Италіи, и умирать въ Греціи; пока геній одного не будетъ сверкать во мракѣ толпы, и свѣтить путеводною звѣздою Человѣчеству!

Ободреніе наше въ сей борьбѣ то, что не смотря на безконечность ея, одна изъ сражающихся сторонъ сражается съ признакомъ вѣрной побѣды, другая съ знаменіемъ вѣрнаго паденія; одна не измѣняется и слабѣетъ, другая

Digitized by Google

измѣняется и становится могущее. Природа все одна и та-же, а человѣкъ безпрерывно беретъ преимущество надъ нею. Альпы не подросли, но мы пробили сквозь нихъ Симплонскую дорогу; море свирѣпо по прежнему, но пароходъ пренебрегаетъ его прихотливыми вѣтрами, и летитъ безъ попутныхъ направленій по волнамъ его.

Слѣдуйте отъ востока къ западу, по дорогѣ солнца и магнетическихъ теченій земнаго шара (*), за переселеніями народовъ; наблюдайте родъ человѣческій въ продолжительномъ странствованіи его, изъ Азіи въ Европу, изъ Индіи во Францію: вы увидите, что на каждой остановкѣ его въ семъ пути уменьшалось фаталическое могущество Природы, и вліянія рода и климата дѣлались безсильнѣе. Въ началѣ пути, въ Индіи, колыбели поколѣній и Миѳологій, the womb of the world, Человѣкъ преклоненъ, поверженъ предъ силою всеобладающей Природы: это бѣдное дитя на груди своей матери, слабое, зависимое созданіе, которое то потворяютъ, то наказываютъ, не пита-

(*) По мнѣнію Г-на Ампера, магнетическія теченія (courans magnétiques) лучше всякой другой гипотезы объясняютъ теплоту земнаго шара. Вообще они направлены отъ востока къ западу.

Digitized by Google

юпъ, но упоюшъ млекомъ, слишкомъ для него крѣпкимъ. Природа лелѣетъ его, ушомленнаго, омытаго влажнымъ и палящимъ воздухомъ, задушеннаго сильными благовоніями (*). Его сила, его жизнь, его мысль — все уничтожается подъ вліяніемъ Природы. Умножаясь до излишества, расточительно производимый Природою (**), Человѣкъ является тамъ безсиленъ; могущество жизни и смерти равно въ сихъ климатахъ солнца и опіума. Въ Бенаресѣ земля даетъ жатву три раза въ годъ; одна дождливая туча дѣлаетъ изъ степи цвѣтущій лугъ; тамошній тростникъ — бамбуковое дерево, въ 60 футовъ вышины; тамошнее дерево — Индійская смоковница, одинъ одного корня которой выростаетъ цѣлый лѣсъ. Подъ сѣнью сего чудовищнаго произрастанія живутъ чудовища: тигръ стерегъ добычу на берегу рѣки, выжидая гиппопотама, и доспѣгая до него однимъ прыжкомъ, въ десять туазовъ; стадо дикихъ сло-

---

(*) См. у Шардена (т. 4, стр. 43, изд. Ланглеса, 1811 г.), съ какимъ излишествомъ употребляютъ въ Индіи благовонія. На свадьбѣ одной Голкондской Княжны, въ 1679 г., на каждаго гостя вылили по двѣ, и по три стклянки крѣпкихъ благовоній.

(**) Лакнотъ, древняя столица Бенгала, содержала въ себѣ, въ 1538 году, до 1,200,000 семействъ, по словамъ Айанъ-Акбери.

Digitized by Google

новъ идетъ въ бѣшенствѣ сквозь чащу лѣса, и гнетъ и ломаетъ деревья, направо и налѣво (*); воздымается буря, и сдвигаетъ горы; начинается холера, и пожираетъ милльоны людей...

Такъ, повсюду встрѣчая несоразмѣрную силу Природы, Человѣкъ, угнетенный Природою, не дерзаетъ тамъ на борьбу съ нею, и предаетъ себя ей, безъ всякихъ условій. Онъ пьетъ, пересѣкаетъ и снова начинаетъ пить изъ упоительной чаши, въ которую Сива вровень съ краями наливаетъ смерть и жизнь; онъ пьетъ изъ сей чаши медленно, погружается въ нее, тѣшится въ ней, тонетъ въ ней свое бытіе, и съ мрачнымъ, отчаяннымъ сладострастіемъ сознается, что Богъ есть все и все есть Богъ; что Человѣкъ ничто передъ нимъ, случайность, жалкое явленіе единаго цѣлаго — Богоприроды. Или, въ терпѣливой, гордой неподвижности, онъ отрицаетъ бытіе этой враждебной Богоприроды, и мститъ логически за дѣйствительность, которая уничтожаетъ его (**).

Наконецъ — онъ бѣжитъ къ западу, и въ Персіи начинаетъ свое продолжительное стран-

---

(*) См. Сакунталу.

(**) Такова сущность ложной Индійской Религіи и Философіи. *Прим. Пер.*

Digitized by Google

ществованіе, и постепенное освобожденіе духа человѣческаго отъ ига Природы и Фашализма.

Въ Персіи, какъ говоритъ младшій Киръ у Ксенофонта, зима и лѣто существуютъ вмѣстѣ. Легкій, сухой воздухъ освобождаетъ голову человѣка отъ тяжелыхъ испареній, отягчавшихъ ее въ Индіи. Земля, знойная на поверхности, скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ тысячи живыхъ источниковъ, которые, какъ будто вызываютъ земледѣльческую промышленность (*). Здѣсь воля человѣческаго духа пробуждается, и проявляетъ себя ненавистью къ преждебывшему ея состоянію: Боги Индіи дѣлаются *дивами*, демонами; (мнимо) святыя изображенія ихъ почитаются идолами — нѣтъ статуй, нѣтъ искуства. Такъ является намъ, съ самаго своего начала, иконокластическій геній народовъ героическаго времени. Идеѣ Бога, размноженной Индійцами въ разныхъ образахъ, смѣшенію безконечныхъ формъ ея, порабощавшихъ духъ веществу, безбожной мысли о Богоприродѣ, наслѣдуетъ двойственность идеи:

(*) Одинъ изъ Визирей Хоразана (Бактріаны) написалъ въ описаніяхъ сей области, что древле было тамъ до 42,000 керизовъ, или подземныхъ каналовъ.

Digitized by Google

понятіе одной стороны чистой и духовной, другой нечистой и вещественной. Первая должна побѣдить, и ея побѣда есть цѣль человѣка и міра. Сія Миѳологія, относясь къ духу человѣка, допускала жреца только для показанія безсилія Ѳеократіи. Послѣдовавшели Маговъ ежегодно праздновали память побіенія жрецовъ. Здѣсь не видимъ уже мы терпѣнія Индійцевъ, умѣвшаго мстить своему притѣснителю только самоубійствомъ предъ его глазами (*).

Персія была началомъ умственной воли въ ученіи фатализма (**). Здѣсь миѳологія выбирала уже своихъ боговъ въ Природѣ наименѣе вещественной, но — все еще въ Природѣ. Она взяла свѣтъ, огонь, небесный огнь, Солнце. Адербайджанъ есть земля огня. Плодотворный и человѣкоубійственный жаръ Каспійскихъ береговъ напоминаетъ Индію, изъ которой думалъ убѣжать человѣкъ (***). Чувство непроч-

(*) Asiatic Researches, III, 344, V, 268.

(**) Das Heldenbuch von Iran aus dem Schah Nameh des Firdussi, von J. Görres (1820 г.). Einleitung.

(***) «Я зрѣлъ, въ упреннемъ снѣ, ангела смерти, бѣгущаго безъ обуви, далече отъ города Рага. Я сказалъ ему: И ты также, и ты бѣжишь!» Сіи слова одного Персидскаго поэта, и другія подроб-

Digitized by Google

ности придаетъ Персамъ равнодушіе, оковывающее ихъ природную дѣятельность. Персія есть большая дорога человѣческаго рода. Татары съ одной, Арабы съ другой стороны — всѣ народы Азіи кочевали, всякій въ свою очередь, въ этомъ всемірномъ каравансараѣ. Посему жители сей земли почти не принимали на себя труда воздвигать прочныя зданія. Въ новѣйшей Испагани, и въ древнемъ Вавилонѣ, строили зданія изъ кирпичей. Домы были легкіе кіоски, щегольскіе павильоны, родъ шатровъ, разбитыхъ мимоходомъ; сынъ не обиталъ въ домѣ отца своего; всякій строилъ себѣ новый домъ, умиравшій съ хозяиномъ. Тамъ не берегутъ даже и пищи на завтра: что осталось вечеромъ, то отдается бѣднымъ. Такъ при первомъ порывѣ своемъ, дѣятельность человѣка падаетъ безнадежная, и издыхаетъ въ равнодушіи. Человѣкъ ищетъ забвенія самого себя въ упоеніи чувствъ. Здѣсь упоеніе не то, что было въ Индіи: упоеніе не отъ Природы, но по волѣ человѣка. Персъ находитъ въ холодномъ опіумѣ

ности, см. у Шардена, т. II, 413, III, 405, IV, 57, 58, 125, 127. — Слич. великолѣпное сочиненіе Портера (Ker Porter's travels, 1818, 2 т. in-4), единственный авторитетъ, въ отношеніи Искусствъ въ Персіи.

Digitized by Google

мечты фантастической жизни, и въ долговременномъ его употребленіи спокойствіе смерти.

Неумирающая воля Человѣка продолжаетъ свое освобожденіе отъ Египта въ Халдею, какъ продолжала его отъ Индіи въ Персію. Египетъ есть даръ Нила (*): эта рѣка принесла въ него изъ Эѳіопіи, не только людей и образованіе, но и самую землю. Вспомните гигантскій замыслъ великаго Альбукерка, который въ XVI-мъ вѣкѣ хотѣлъ *уничтожить Египетъ* (**): для сего надобно было оборотить теченіе Нила въ Чермное море, и — пески пустынь вскорѣ пожрали-бы Египетскую землю. Каждое лѣто, нисходя съ горъ неизвѣстныхъ, Нилъ приноситъ съ собою годовое существованіе шуземцамъ. Человѣкъ, соприсутствующій сему чудному займу, отъ котораго зависѣла самая жизнь его, былъ до рожденія своего побѣжденъ Природою. Великодушная, многоплодная, всемогущая Изида подчиняла себѣ его мысль, и держала его согбен-

(*) Иродотъ, II, 5. *Ὅτι Αἴγυπτος... ἐστὶ Αἰγυπτίοισι ἐπίκτητός τε γῆ καὶ δῶρον τοῦ ποταμοῦ.*

(**) Commentarios do grande Alfonso de Alboquerque, capitan general da India, и проч., 1576, in-fol., изд. сыномъ его. См. также Asia Portugueza de Barros, и его продолжателей.

Digitized by Google

нымъ надъ его полосою наносной земли. Но воля нашла средство проявиться въ Египтѣ. Здѣсь, какъ въ Индіи, Человѣкъ соединилъ ее съ ученіемъ о безсмертіи души. Личность человѣческая, оттолкнутая здѣшнимъ міромъ, овладѣла другимъ міромъ. Иногда, даже и въ сей жизни, она возставала прошивъ тиранніи своихъ (мнимыхъ) боговъ. Два брата, Хеопсъ и Хефремъ, запрешившіе жертвоприношенія, и прокляпые за сіе жрецами, почитаются основателями пирамидъ — сихъ гробницъ, долженствовавшихъ помемнить собою всѣ храмы. Такимъ образомъ, величайшій памятникъ фаталическаго міра въ Египтѣ есть памятникъ спора Человѣчества съ Природою.

Является Божественная Религія, истинная, единая. Самъ Богъ возвѣщаетъ ее Человѣку. Но мы не будемъ входить въ таинственные пути соединенія неба и земли. Мы послѣдуемъ за Человѣкомъ, въ его общественной формѣ, ибо Исторія таинственной, истинной Религіи должна быть описуема особо.

Воля Человѣка отдохнула тогда только, когда въ бѣгствѣ изъ Египта достигла горъ Іудеи. Она пренебрегла *мяса и луковицы* Египетскія, оставила богатыя тамошнія долины для ущесовъ Кедрона и песковъ Мертваго моря. Единый Богъ, единый храмъ Богу. Судіи, потомъ

Digitized by Google

Цари, суть правители жертвоприношеній. Илія и Самуилъ властвуютъ, но ихъ власть мгновенна. Вмѣсто ихъ, властители народа суть мужи сильные, освобождающіе отчизну отъ чужеземцевъ: Гедеонъ, и его приста воиновъ; Аодъ, сражающійся обѣими руками; Самсонъ, уносящій на плечахъ своихъ врата непріятельскаго города; Давидъ, непоколебавшійся ѣсть хлѣбы предложенія (*). И подлѣ генія силы героической, является геній силы духовной: провидцы, Пророки возстаютъ изъ среды народа, вѣщаютъ откровенія божественныя внѣ храма. Богъ проявленъ уму. У Персовъ въ ихъ миѳологіи, Природа царствовала, хотя и была уже въ борьбѣ съ духомъ. Но въ истинной, божественной Религіи Природа ниспровергнута съ ея величія. Самый свѣтъ дѣлается тмою съ приближеніемъ Свѣта истиннаго; исчезаетъ двойство — Богъ истинный есть *Богъ Единый*. И сей міръ Истины, Единства, Духа, остается едва замѣтною точкою въ Человѣчествѣ, окруженною горами и пустынями. Она горитъ, сія точка, горитъ звѣздою отверженія для Востока — царства Природы, Вещественности и Фатализма. Съ

(*) Книга Судей, гл. III. ст. 15; книга Царствъ I, гл. XXI.

Digitized by Google

ужасомъ слышитъ избранный народъ, раздающіяся надъ дикими вершинами Ливана, сладострастныя пѣсни Астарты и звонъ кимвала Молохова. Пусть идутъ съ Юга бродящія кочевья Арабовъ, безъ жилищъ и безъ законовъ: Израиль видитъ въ нихъ потомковъ брата своего Измаила, но не простираетъ къ нимъ руки. Гибни инородецъ — Святый Градъ тебѣ неприступенъ: онъ хранитъ въ нѣдрахъ своихъ безцѣнный залогъ Истины, Единства, Духа, который придутъ молить у него на колѣняхъ, когда совершится судьба Запада, Греціи и Рима.

Если въ Естествознаніи, творенія высшихъ степеней суть тѣ, кои лучше *образованы въ частяхъ* (mieux articulés), наиболѣе способны къ различнымъ движеніямъ, какія внушаетъ имъ дѣятельность ихъ: человѣкъ, четвероногое; если въ языкахъ превосходнѣе другихъ суть тѣ, кои разнообразіемъ своихъ изгибовъ, богатствомъ своихъ оборотовъ, гибкостью своихъ формъ, болѣе соотвѣтствуютъ безконечнымъ потребностямъ разумѣнія человѣческаго— не должны-ли мы и къ Географіи приложить тоже правило? Нѣкоторыя страны, образованныя по очерку болѣе счастливому, лучше другихъ разрѣзанныя заливами и приспанями, лучше иныхъ ограниченныя морями и горами, лучше пробитыя

Digitized by Google

долинами и рѣками — *лучше образованныя въ частяхъ*, однимъ словомъ — надобно почесть наиболѣе способными къ выполненію предназначенія высшихъ судебъ. Наша маленькая Европа, въ сравненіи съ громадною и безформенною Азіею, сколь много болѣе опкрываетъ способовъ къ движенію Человѣчества, въ глазахъ проницательнаго наблюдателя! Въ чертахъ самыхъ общихъ симъ обѣимъ частямъ міра, Европа преимуществуетъ. У обѣихъ частей по два, или по три полуострова къ югу — полные четыреугольники, Испанія и Аравія; у обѣихъ длинные гребни горъ Пиренейскихъ и Индійскихъ, съ огромными ихъ рѣками къ сѣверу, и островами къ югу; наконецъ, у обѣихъ эпопъ вихрь острововъ и полуострововъ, здѣсь называемый Греціею, тамъ второю Индіею. Но, печальная Азія смотритъ въ Океанъ — безконечность; она, кажется, ждетъ къ себѣ отъ Австральнаго полюса материка, котораго тамъ нѣтъ еще. Полуострова, кинутые Европою на югъ, суть руки ея, протянутыя къ Африкѣ. Между тѣмъ, ея рамена препоясаны, какъ у могущаго атлета, Скандинавіею и Англіею. Ея голова во Франціи, а стопы ея упираются въ обильный народами Востокъ. Занѣтые на семъ удивительномъ тѣлѣ крѣпкіе нервы, идущіе отъ Альповъ къ Пиренеямъ, отъ Карпатовъ къ Гемусу; замѣтные и это неприятное сокровище Европы,

Digitized by Google

Грецію, съ ея многоразличіемъ обломанныхъ горъ, и ея потоками, ея мысами и заливами, иножествомъ ея изгибовъ и угловъ, столь рѣзко, столь благодѣтельно обозначенныхъ. Посмотрите на нее въ сравненіи съ противолежащею ей, неподвижною, прямою линіею однообразнаго Египта: она движется, вьется на картѣ — истинное знаменіе движимости нашего подвижнаго Запада!

Европа была страною независимости духа для пришельцевъ Востока: они дѣлались въ ней свободны, и въ Европу устремилось бѣгущее съ Востока Человѣчество.— Въ суровомъ мірѣ Запада, Природа ничего не даетъ даромъ: какъ необходимый законъ, она предписываетъ человѣку трудъ, дѣятельность воли. — Міръ Западнаго Человѣчества былъ не великъ — ему надобно было стѣснишься еще болѣе, тѣснѣе стать другъ къ другу, чтобы выдержать напоры сильныхъ непріятелей, и образовать эту крѣпкую общественность, названную: *городъ*.

Сей малый міръ, запертой въ стѣнахъ, поглотилъ въ своемъ искуственномъ единствѣ *роды* и *Человѣчество*. Онъ устроился на вѣчную войну ирошивъ всего, что осталось въ первоначальномъ бытіи Восточныхъ поколѣній. Это бытіе, подъ формою котораго Пелазги продолжили Азію въ Европѣ, было изглажено Аѳинами

и Римомъ. Въ сей борьбѣ образуются для насъ эпохи трехъ временъ Греціи: она *нападаетъ* на Азію въ Троѣ; *отбиваетъ* ее при Саламинѣ; *укрощаетъ* ее рукою Александра. Но Греція еще лучше укрощаетъ ее въ самой себѣ, и въ стѣнахъ своего города. Она укрощаетъ Азію, когда отрицается отъ ея многоженства, отъ чувственной ея природы, сохранявшейся даже въ Халдеѣ, и когда объявляетъ женщину подругою, товарищемъ мужчины, *человѣка*. Она укрощаетъ Азію, когда, сводя исполинскихъ ея кумировъ въ размѣрность человѣческую, дѣлаетъ боговъ ея способными къ красотѣ и совершенствованію: (мнимые) боги, съ грустію, видятъ себя исторгнутыми изъ мрачныхъ святилищъ Индіи и Египта, выставленными на свѣтъ и на народную площадь. Они нисходятъ съ ихъ величественнаго символизма, и облекаются въ мысль простонародную. Дотолѣ они заключали бытъ людей въ своей безмѣрности. Въ Греціи надобно было имъ сдѣлаться гражданами, оставить безконечность, принять мѣстность, отчизну, сдѣлаться небольшими, чтобы умѣститься въ городѣ. Здѣсь боги Дорическіе—тамъ боги Іоническіе; они распредѣляются по именамъ ихъ обожателей. Но, посмотрите, какъ, въ вознагражденіе за то, они преуспѣваютъ въ обществѣ народномъ, какъ слѣдуютъ они за быстрыми успѣхами Человѣчества. Паллада, въ Иліадѣ богиня кровожадная

Digitized by Google

и дикая, бьется съ Марсомъ, ранитъ его камнемъ; въ Одиссеѣ она истый голосъ порядка и мудрости, взывающій къ ропщу боговъ за Человѣка (*).

И вотъ что сдѣлало Грецію прекраснѣйшею изъ прекраснаго. Поставленная въ точкѣ посредничества, гдѣ (мнимо) божественное еще божественно и уже человѣческое, гдѣ, исторгаясь изъ фаталізма Природы, распускается цвѣтъ умственной воли — Греція осталась навсегда для міра шипомъ вѣка изящества — но изящества физическаго, и еще неподвижнаго: искусство Греціи почти не переходило предѣловъ Ваянія, статуи. Въ Литературѣ сей вѣкъ былъ мгновеніе: Иродотъ, Платонъ, Софоклъ—мгновеніе быстрое, невозвратное, о которомъ нечего жалѣть мужественной мудрости человѣческаго рода, но которое всегда возвращается въ его память, какъ очарованіе первой любви.

Сей малый міръ носилъ въ самой своей красотѣ свое осужденіе. Надобно красотѣ прейдти; прелесть юнаго возраста должна уступить мѣсто зрѣлости; ребенку суждено сдѣлаться мужемъ. Когда Аристотель обозначилъ, опрозаировалъ, уложилъ знаніе Греціи, когда Але-

(*) Одиссея. V.

Digitized by Google

ксандръ разсѣялъ Грецію отъ Геллеспонта до Инда — все было кончено! — Синъ Филиппа мечталъ, что міръ есть городъ, въ коемъ *фаланга его составляетъ крѣпость*. Греческій городъ слишкомъ тѣсенъ былъ для исполненія сей мечты: надобенъ міръ обширнѣйшій, соединяющій характеры рода и города; надобно подвижнымъ богамъ Греціи принять характеръ болѣе важный, выйдти изъ Искусства, которое держитъ ихъ въ вещественности, освободиться отъ Омировской судьбы, въ которой тягостѣетъ еще надъ ними рука Азіи; надобно женщинамъ оставить гинекеи, и быть дѣйствительно освобожденными отъ рабства. На развалинахъ міра Греческаго, разбросаннаго, опустошеннаго, остается неразрушимый элементъ его, его атомъ, по которому мы судимъ его, какъ судятъ кристалъ разбитый, по его послѣдней оболочкѣ. Сія оболочка — это Грекъ подъ формою Стоицизма, сосредоточенный въ самомъ себѣ, опершійся на самого себя, ничего не требующій у боговъ, необвиняющій ихъ — неудостоивающій даже оспоривать ихъ бытіе.

Міръ Греціи былъ чистымъ боемъ: это битва противъ Азіи, битва въ самой Греціи, битва Іонянъ съ Дорійцами, Спарты съ Аѳинами. Въ Греціи были два раздѣльные города, то есть,

Digitized by Google

городъ былъ тамъ еще неполный. Великій Римъ (*) заключилъ въ однѣхъ стѣнахъ своихъ два города, два рода, Этрусковъ и Латиновъ, религіозный и героическій, Восточный и Западный, Патриціевъ и Плебеевъ, владѣній недвижимыхъ и владѣній движимыхъ, остановки и успѣха, Природы и Человѣческой воли.

Семейство явилось тогда въ городѣ; семейный огнь Пелазговъ здѣсь зажженъ вновь на алтарѣ Весты. Двойственность Миѳологіи Персовъ возсоздана; но она перешла отъ Боговъ къ Человѣкамъ, отъ отвлеченности къ дѣйствительности, отъ Миѳологической Метафизики къ Праву Гражданскому. Присутствіе двухъ поколѣній въ однѣхъ стѣнахъ, противоположность ихъ выгодъ, потребность равновѣсія, начали законную вражду передъ судьею, и форма сей вражды сдѣлалась предметомъ Юриспруденціи. Военный героизмъ Персіи и Греціи, сей юный порывъ на битвы, сдѣлался здѣсь благоразумнѣе, и согласился не употреблять въ городѣ никакого другаго оружія, кромѣ слова. Въ семъ словесномъ поединкѣ, какъ въ вой-

(*) Подробности и доказательства всего, что говорю здѣсь о Римѣ, см. въ моей *Histoire Romaine*.

Digitized by Google

нѣ для завоеваній, вѣчные прошивоборники суть: *владѣлецъ* и *требователь*. За перваго говорили власть, давность, законъ писанный; ноги его крѣпко стояли на землѣ, въ которой онъ укоренился. Второй, подвижной ашлецъ, бралъ вмѣсто оружія исполкованіе; время было сообщникомъ его. И судія, увлекаемый временемъ, ничѣмъ другимъ не занимался, кромѣ спасенія неподвижной буквы Закона, безпрестанно вводя въ нее новый смыслъ. Такъ воля хиприла съ фапализмомъ, и право вступало въ общесіво двусмысленностью.

Римъ не былъ міромъ исключительнымъ: внутри городъ открывался мало по малу Плебеямъ; извнѣ Лаціуму, Италіи, всѣмъ областямъ. Такъ-же какъ самый родъ Римлянъ дополнялся пріятіемъ, распространялся и раздѣлялся уравненіемъ, городъ принималъ гражданъ, потомъ цѣлые города, называя ихъ: *municipes*, между тѣмъ какъ до безконечности воспроизводился онъ своими колоніями; на каждомъ завоеваніи онъ становилъ новый Римъ, представляющій Римскую столицу.

Такимъ образомъ, когда городъ Греческій, разводя колоніи, но никогда не принимая въ себя, разсѣявался, и долженствовалъ въ продолженіе времени умереть отъ истощенія, Римъ выигрывалъ и терялъ, какъ правильный

Digitized by Google

живой организмъ. Онъ вдыхалъ въ себя, если смѣю такъ выразишься, народы Лашинскіе, Сабинскіе, Эшрусскіе, и, претворя ихъ въ Римлянъ, онъ выдыхалъ ихъ внѣ, въ своихъ колоніяхъ.

И онъ уравнялъ симъ образомъ цѣлый міръ. Западные варвары, Испанія, Бришанія и Галлія, Восточное образованіе, Греція, Египетъ, Азія, Сирія, все перешло сюда въ свой чередъ. Міръ Семишическій противился — и Карѳагенъ былъ уничтоженъ, Іудея развѣяна (*). Весь осшашокъ міра былъ возведенъ къ однообразію языка, Закона, Миѳологіи; все, по волѣ и по неволѣ, превращилось въ Ишалійца, Римлянина, Сенашора, Имперашора. Послѣ Цезарей Римлянъ и Пашриціевъ, Флавіи были Ишалійцы, Антонины Испанцы, или Галлы; за шѣмъ Востокъ взываешъ о правахъ своихъ противъ Запада, и являются Имперашоры Африканскіе и Сирійскіе, Септимій, Каракалла, Геліогабалъ, Александръ Северъ; наконецъ, области центральныя, грубые жители Иллиріи, Авреліаны и Пробы — самые варвары, Арабъ Филиппъ, Гошъ

(*) См. въ Hist. Rom. т. II, гл. 2, изображеніе продолжительной борьбы міра Семишическаго и міра Индо-Германскаго.

Digitized by Google

Максиминъ. Прежде нежели Имперія была завоевана, Императорскую багряницу завоевали уже всѣ народы.

Это великолѣпное принятіе народовъ долгое время заставляло Римлянъ думать, что они исполняли дѣло Человѣчества. Capitoli immobile saxum.... res romanae, perituraque regna... Римъ ошибся, какъ ошибся Александръ; онъ думалъ осуществить всемірный, вѣчный городъ. И между тѣмъ варвары, невольники, Христіане, возражали, всякій по своему, что Римъ не былъ городъ міра, и всѣ нарушали различнымъ образомъ его обманчивое единство.

Героическій міръ Греціи и Рима, оставляя Искусства рукамъ побѣжденныхъ, невольниковъ, не преслѣдовалъ вдаль той побѣды Человѣка надъ Природою, которую называютъ: *Промышленность*. Древніе промышленные роды, Пеласги и другія поколѣнія, были порабощены, и погибли; потомъ погибли изъ самыхъ побѣдителей низшіе роды, Ахеяне, и проч. Наконецъ побѣдители побѣдителей, Дорійцы, Іоняне, Римляне, погибли въ свой чередъ. Сиріяне, Виѳинійцы, Ѳракіяне, Германцы и Галлы, долгое время снабжали жизнію безплодныя, убійственныя страны Греціи и Рима. Между тѣмъ, цлешворная язва такого безчеловѣчія усиливалась

Digitized by Google

болѣе и болѣе, и мало по малу ничто не могло уже удовольствовать оной. Тогда обезлюдненіе цѣлыхъ странъ положило начало, и приготовило мѣсто нашествію варваровъ, долженствовавшихъ вскорѣ придти на торжища Римскія, но не въ видѣ невольниковъ, не по неволѣ — нѣтъ! по собственной волѣ своей, свободно, съ оружіемъ, съ свирѣпымъ мщеніемъ за погибшихъ предковъ.

Задолго до сего вещественнаго и окончательнаго распаденія Имперіи, сильное нравственное распаденіе дѣйствовало внутри ея. Греція и Востокъ, которые Римъ почиталъ побѣжденными, сами обхватили и покорили его. Со временъ войнъ Филиппа и Антіоха, красивые Аѳинскіе боги, подъ именемъ древнихъ Латинскихъ божествъ, внѣдрились въ храмы Римскіе, и заняли алтари боговъ побѣдителей. Варваръ Римлянинъ принялся изучать Грецію. Онъ взялъ себѣ языкъ ея, подражалъ ея Литтературѣ, перечитывалъ Федона въ Утикѣ, умиралъ подъ Филиппіею, произнося стихи Эврипида, и по-Гречески восклицалъ подъ кинжаломъ Бруша (*). Эллинизированное, литтера-

(*) См. Плутарха, жизни Катона и Бруша; Светонія, жизнь Цезаря.

Digitized by Google

турное выраженіе этого Рима былъ вѣкъ Августа; плодъ его былъ Маркъ Аврелій, идеалъ древней нравственности.

За Греціею приблизился къ сему умственному завоеванію Рима Восточный міръ, сошедшійся съ Греціею въ Александріи. Перенесеніе Имперіи на Востокъ, удавшееся Константину, было еще гораздо прежде предполагаемо Антоніемъ. Онъ хотѣлъ уже Восточный городъ сдѣлать столицею міра. Клеопатра говаривала: «Клянусь закономъ, который предпишу я въ Капитоліи.» Надобно было, для исполненія сихъ словъ, Востоку предварительно завоевать Западъ могуществомъ идей. Александрія была, по крайней мѣрѣ, центромъ сего міра, непріязненнаго городу Римлянъ, мѣстомъ, гдѣ совершалось броженіе всѣхъ вѣрованій, всѣхъ Философій Азіи и Европы — Римомъ умственнаго міра.

Сіи вѣрованія, сіи миѳологіи, не безъ труда проникали въ Римъ. Съ отвращеніемъ отвергли Римляне въ вакханаліяхъ первое появленіе оргіастическаго поклоненія Природѣ (*). И вотъ,

(*) Изображеніе нашествія на Римъ идей Греціи и Востока составляетъ одинъ изъ главныхъ предме-

Digitized by Google

немного времени спустя, разрумяненные жрецы Цибеллы приводятъ льва доброй богини, изумляя народъ своими изступленными плясками, своимъ грубымъ обаяніемъ, разрѣзывая себѣ руки и ноги, и дѣлая изъ ранъ своихъ забаву. Ихъ Богъ — двусмысленный Атисъ, которому празднуютъ они смѣхомъ и слезами, представляя смерть его и возстаніе. За тѣмъ является мрачный Сераписъ, другой богъ жизни и смерти (*). И между тѣмъ, подъ Капитоліею, подъ самымъ трономъ Юпитера, кровожадный Миѳра искапываетъ свою подземную божницу, и обновляетъ человѣка, жаждущаго очищенія, нечистою банею отвратительнаго таврobола (**).

Среди сихъ изверженій Востока засіяла во мракѣ искра святой, истинной вѣры. Будемъ

товъ III-й книги моей Hist. Romaine (Dissolution de la Cité, кн. III, гл. 2).

(*) Адріанъ писалъ: «Обожающіе Сераписа суть Христіане, и называющіе себя Епископами Христа посвящены Серапису... У нихъ (въ Александріи) одинъ Богъ, которому молятся Христіане, Жиды, и всѣ народы» (Пис. Адріана, въ Вопискѣ, Saturnin. гл. 8.— Слич. изслѣдованія Гиньо, при 5-мъ т. Тацита, перев. Бюрнуфа.

(**) Славный барельефъ Миѳры виллы Боргезе, нынѣ находящійся въ Луврѣ, былъ освященъ въ подземельѣ,

Digitized by Google

смотрѣнъ на сіе великое явленіе глазами Римлянъ.

Приходятъ люди изъ Іудеи, отвергнутые соотчичами, и славятъ таинственную вѣру смерти и воскресенія. Ихъ Богъ умеръ позорною смертію. Тацитъ не знаетъ, что сказать о сей новой вѣрѣ. Онъ видѣлъ Христіанъ, употребленныхъ для освѣщенія горящими ихъ тѣлами пировъ и садовъ Нерона.

Но, какая величайшая разница видима была для Римлянъ между Христіанствомъ и Миѳологіями, подобно ему принесенными съ Востока! Тѣ погружали Человѣка въ вещество, и символами ихъ были постыдные знаки жизни и возрожденія плотскаго; Христіанство, воскресая духомъ, принимало въ нѣдра свои смерть. Оно избрало себѣ знакомъ — орудія позорной кончины. Жизнь, Природа, вещество, фаллизмъ—оно все отвергло, всѣмъ пожертвовало. Тѣло и плоть, дотолѣ обоготворенныя въ истуканахъ, явились въ Христіанствѣ пораженныя, уничтоженныя. Смерть прообразовала Вос-

---

ведущемъ, сквозь Капитолійскую гору, съ Марсова поля на Форумъ. — О тавроболѣ, см. Записку Г-на Лажара, и въ Символикѣ Крейцера, прим. Гиньо.

Digitized by Google

кресеніе на самомъ алтарѣ. И, скорбная жизнію, воля человѣка радостно устремилась на позоръ смерти, жаждала мученичества (*).

(*) Приведемъ, для примѣра, отрывокъ письма Св. Игнатія, Ен. Антіохійскаго, къ Римскимъ Христіанамъ, хотѣвшимъ избавить его мученичества: «Скоро надѣюсь видѣть себя въ оковахъ Христа, ибо счастливо оканчиваю, что началъ счастливо. Спрашусь, чтобы сердоболіе ваше не испортило всего. Никогда уже не найдти мнѣ подобнаго случа я достигнуть къ Богу. Если вы поблагопріятствуете мнѣ вашимъ молчаніемъ — я буду у Господа. Вы завистливы; вы поучаете другихъ, а я хочу исполнить ваше поученіе. Дайте мнѣ сдѣлаться пищею звѣрей; я пшеница Божія — да возмогу, перемолотый зубами ихъ, сдѣлаться истиннымъ Божіимъ хлѣбомъ. О, если-бы я могъ насладиться звѣрями, коихъ мнѣ приготовляютъ... Пишу къ вамъ живой, но жадный смерти, влюбленный въ смерть» (*ἐπιθυμῶ τῶν θηρίων τῶν ἐμοὶ ἡτοιμασμένων... ζῶν γὰρ γράφω ὑμῖν, ἐρῶν τοῦ ἀποθανεῖν*). Достовѣрность сего письма доказана критикою, и оно не находится въ апокрифическихъ письмахъ сего Святителя (SS. Patrum qui temporibus apostolicis floruerunt, Barnabæ, Clementis, Hermæ, Ignatii, Polycarpi opera Recensuit J. Clericus, Amstelædami, 1724, in-fol.; pag. 25—30

Digitized by Google

Благоговѣйно, стоя на колѣняхъ, лобызалъ я деревянный крестъ, воздвигнутый среди Колизея, имъ побѣжденнаго. Съ какимъ восторгомъ должна была прижимать его къ груди своей юная Христіанская вѣра, когда она являлась здѣсь на мученія, среди сего самаго позорища, между львомъ и леопардомъ! Что ни принесешъ намъ будущность, но гдѣ, кромѣ сего уединеннаго креста, убѣжище души восторженной? Міръ бѣжитъ отъ алтаря — но гдѣ-же другой алтарь всесожженія любви небесной?..

На аренѣ Колизея вспрѣтились Христіанинъ и варваръ, представители воли, привлеченные съ Запада и Востока. Мы рождены отъ ихъ союза, мы, и все грядущее.

« Я вижу передъ собою распростертаго гладіатора (*).... Голова его, поддерживаемая

(*) I see before me the gladiator lie:
He leans upon his hand — his manly brow
Consents to death, but conquers agony,
And his droop'd head sinks gradually low —
And through his side the last drops, ebbing slow
From the red gash, fall heavy, one by one,
Like the first of a thunder-shower; and now
The arena swims around him — he is gone,
Ere ceased the inhuman shout which hail'd the wretch
who won.

Digitized by Google

рукою его, постепенно склоняется... Послѣднія капли крови его истекаютъ медленно— уже арена кружится въ его глазахъ — онъ еще внемлетъ безчеловѣчнымъ восклицаніямъ... Онъ внималъ имъ, но глаза его, сердце его, были далеко! Онъ видѣлъ въ сіи мгновенія свою дикую хижину на берегахъ Дуная, играющихъ дѣтей своихъ, и мать ихъ.... Онъ зарѣзанъ для забавы Рима... Умерешь, и безъ отмщенія... Возстаньте, дѣти Сѣвера!..» Сокрушись Имперія Римская, и циркъ, и безчеловѣчный городъ, упоенный кровію...

Аларикъ увѣрялъ, что непреодолимое, роковое стремленіе увлекало его къ Риму. Онъ

He heard it, but he heeded not — his eyes
Were with his heart, and that was far away;
He reck'd not of the life he lost nor prize,
But where his rude hut by the Danube lay
There were his young barbarians all at play,
There was their Dacian mother — he, their sire,
Butcher'd to make a Roman holiday —
All this rush'd with his blood — shall he expire,
And unavenged?— Arise! Ye Goths, and glut your ire!

. . . . . .

While stands the Coliseum, Rome shall stand;
When falls the Coliseum, Rome shall fall;
And when Rome falls — the world...

Чайльдъ-Герольдъ, IV, 191, 192.

Digitized by Google

опустошилъ его, и умеръ. Первые выходы варваровъ, Готѳовъ, Бургундцевъ, Геруловъ, ночинили таинственное величіе города, непарушаемое безнаказанно. Даже и тотъ, кто хвалился, что права никогда уже не распнетъ тамъ, гдѣ онъ прошелъ, обратилъ коня передъ Римомъ, и оставилъ Италію. Первые варвары были испуганы, или обольщены городомъ, который пришли они разрушить... Они слились съ геніемъ Римлянъ, и поддержали невольничество. Не имъ принадлежало возстановленіе міра.

За тѣмъ явились Франки, сыны Одина, бѣшеные на грабежъ и войну, жадные ранъ и смерти, какъ другіе народы были жадны пировъ и веселья, неперпѣливые переселиться въ Валгалъ, и пить тамъ пиво изъ черепа вражескаго! Почти нагіе шли они въ битвы, бросались въ ушлыя лодки, и обплывали Океаномъ отъ Босфора до Батавіи (*). Подъ ихъ необузданнымъ, немилосердымъ владычествомъ вскорѣ исчезло невольничество — рабство ему наслѣ-

(*) О переселеніяхъ Франковъ на берега Понта Эвксинскаго, и возвращеніи ихъ въ Батавію, см. Panegyr. vet. V, 18, и Зосиму, I, 66.

Digitized by Google

довало (*). Это рабство было уже избавленіемъ угнетенной воли человѣка.

Сіи варвары принесли дѣвственную природу, узнали Церковь Христіанскую, и покорились ей. Готѳы и Бургундцы видѣли человѣка въ божественномъ Спасителѣ, и не получили отъ Христіанства ни его вдохновенія, ни его крѣпкаго единства. Франкъ принялъ религію Богочеловѣка, взялъ очищенный Римъ, назвалъ себя Цезаремъ. Хаосъ, вихрившійся въ мірѣ варваровъ, и, со временъ Аттилы, Ѳеодорика, искавшій точки опоры и соединенія, нашелъ центръ свой въ Карлѣ Великомъ.

Сіе единство, вещественное и ложное, продолжалось вѣкъ человѣческій, и распалось прахомъ, оставивъ на землѣ Европы аристократію Епископскую и аристократію Феодальную, увѣнчанныя Папою и Императоромъ. Изумительная система, въ которой устроились и основались одно противъ другаго владычество духовное

(*) Явно, что Франки не придавали владѣльцу невольниковъ столь особеннаго покровительства, какое было у Бургундцевъ и Визиготѳовъ. См. т. IV, Coll. des Hist. de France, lex Burgundionum, tit. XXXIX, lex Visigothorum, кн. III, tit. II, § 3, 4, 5; tit. III, § 9, и другіе.

Digitized by Google

и владычество вещественное! Сила вещественная, тѣло, наслѣдство — въ организаціи Феодализма; слово, духъ, выборъ — въ организаціи Ѳеократизма. Сила всюду, духъ въ центрѣ, духъ владыкою силы. Желѣзные люди гнушъ предъ невидимымъ мечемъ крѣпость своей брони. Сынъ раба могъ положить ногу свою на голову Фридерика Барбероссы. И не только духъ повелѣвалъ силою — онъ увлекалъ ее. Сей міръ силы, покоренной духомъ, выразился Крестовыми походами, войною Европы противъ Азіи, войною святой независимости человѣческой противъ Природы чувственной и безбожной. Но ему надобенъ былъ для непосредственной цѣли видимый символъ: этотъ символъ явился въ освобожденіи Гроба Христова. Всѣ — мужи и жены, юные и старики — устремились, безъ оружія, безъ припасовъ, безъ кораблей, увѣренные, что Богъ препитаетъ ихъ, защититъ, перенесетъ за моря. И даже малыя дѣти, говоритъ одинъ современникъ, слѣдовали за ними въ тѣлегахъ, и при каждомъ городѣ, стѣны коего появлялись передъ ними вдали, они добродушно спрашивали: «Не это-ли Іерусалимъ (*)?»

(*) Videres mirum quiddam; ipsos infantulos, dùm obviàm habent quælibet castella vel urbes, si hæc esset Jerusalem ad quam tenderent, rogitare — *Гиберть*, кн. I.

Digitized by Google

Такъ, въ продолженіе тысячи лѣтъ, совершалось долговременное чудо Среднихъ временъ, сія чудесная легенда, слѣды коей ежедневно изглаживаются съ лица земли, о коей сомнѣвались-бы черезъ нѣсколько столѣтій, если-бы она не была окаменѣна, окристаллизована, такъ сказать, для всѣхъ вѣковъ въ шпиляхъ, шпицахъ, сводахъ и украшеніяхъ безчисленныхъ Кельнскаго и Страсбургскаго Соборовъ, и въ пяти тысячахъ мраморныхъ статуй, вѣнчающихъ Соборъ Миланскій (*). Созерцая сіе нѣмое полчище изваяній, лѣствицею восходящихъ отъ земли къ небу, кто не сознаетъ Града Божія, даже до неба возвышающаго мысль человѣческую? Каждый шпиль Готическаго храма, стремящійся улетѣть въ высоту — что онъ

(*) Въ 1000 году отъ Р. Х. ждали кончины міра, и, изумленные продолженіемъ его, съ дѣтскою радостію принялись потомъ за возобновленіе церквей. Erat enim instar ac si mundus ipse excutiendo semet, rejectâ vetustate, passim candidam ecclesiarum vestem indueret (Rad. Glaber, III, 4). О числѣ изваяній Миланскаго Собора, см. превосходное сочиненіе — Storia e descrizione del Duomo di Milano, esposte da Gætano Franchetti. Миланъ, 1821 г. in-fol. — См. еще огромный трудъ Буассере о Кельнскомъ Соборѣ. Какъ будто для большаго сходства, описаніе осталось неконченнымъ, подобно самому памятнику.

Digitized by Google

такое, если не молитва, не безсильный обѣтъ человѣка небу, осшановленный въ своемъ полетѣ силою вещественности? Шиллъ, возлетѣвшій на необъятную высоту, свидѣтельствуетъ предъ Всевышнимъ, что, по крайней мѣрѣ, не воли человѣческой недосшавало ему. Вокругъ сей идеи неба рыкаетъ фанатическій міръ Язычесшва, коверкающійся въ тысячѣ двусмысленныхъ изваяній, ошвращительныхъ живошныхъ, между шѣмъ, какъ при подножіи храма варварскіе воишели сшоятъ окаменѣлые, въ шѣхъ положеніяхъ, въ какихъ засшало ихъ очарованіе новаго вѣка — и Вѣчносши мало имъ выйдши изъ сего очарованія!

Но оно прекрашилось уже для рода человѣческаго, сіе очарованіе. Послѣднее слово Христіанства въ Искусшвѣ Среднихъ временъ — Кельнскій Соборъ осшался неконченнымъ. Его безчисленныя часовни оказались шѣсны для сшекавшейся въ нихъ шолпы. Изъ народа возсшалъ сначала черный человѣкъ, законовѣдецъ (*),

(*) Съ XIII вѣка вліяніе Юристовъ въ Законодательсшвѣ, дошолѣ Церковномъ и Феодальномъ, дѣлается явно Св. Людовикъ и Фридерикъ II-й издаютъ свои уложенія, гдѣ открыто прошивъ Феодализма сшавится Римское Право. Въ Etablissemens Пандекты приводятся педантски, и часто безъ поняшія смысла ихъ. Юристамъ должно приписать твердое поведеніе Людовика

Digitized by Google

возсталъ противъ пурпура Папской одежды, и противоположилъ право праву. Купецъ оставилъ потомъ свою мрачную лавку, и ударилъ въ вѣчевой колоколъ, загородивъ Рыцарю тѣсную улицу своей общины. Рабъ Барона феодальнаго, какъ животное ползавшій на четвереньках по своему полю, сталъ на ноги, и съ дикимъ смѣхомъ поразилъ, подъ беззащитною бронею, уравнительнымъ ядромъ, своего гордаго Феодалиста и его могущаго коня.

Воля побѣдила; Правосудіе побѣдило. Міръ Фашализма сокрушился. Даже Теократическая сила отреклась отъ своихъ правъ, призывая къ себѣ на помощь силу вещественную. Постепенное торжество человѣческаго Я, древній трудъ человѣческаго рода, начавшійся съ плодомъ познанія добра и зла, явились переработанные мыслящелѣпіями. Героическое осно-

---

X-го противъ Римскаго Двора. Впрочемъ, этотъ коршежъ Прокуроровъ лишаетъ поэзіи патріархальные суды сего Монарха подъ Венсеннскимъ дубомъ. Вскорѣ Юристы усилились болѣе, и въ XIV-мъ вѣкѣ управляли всѣмъ. Одинъ изъ сихъ chevaliers en loi взялся отнести въ Римъ пощечину отъ Филиппа Прекраснаго Папѣ Бонифатію VIII-му. Это былъ Гильомъ Ногаретъ. Все Христіанство вознегодовало за сей поступокъ. См. слѣды общаго оскорбленія у Данте, *Purgat.* XX, 86.

Digitized by Google

ваніе Древности, столь долго ненавистное, смѣшанное съ фаллизмомъ, получило настоящее свое значеніе. Человѣкъ, мало по малу, отрѣзалъ себя отъ міра Природы, и промышленностью, изслѣдованіемъ, духомъ, создалъ себѣ міръ Духа. Онъ отвергъ Богоприроду, фаллическій пантеизмъ, имѣвъ исключительный, избиравшій для себя людей изъ среды Человѣковъ. Онъ возвысился къ Богочеловѣку — откровенію неба, Богу Духу, неразличающему между сынами своими никого, и всѣмъ отверзающему равное счастіе въ обществѣ, равную вѣру въ Религіи, равное лоно отеческой любви за гробомъ.

24 Ноября, 1832 г.

Москва.

Digitized by Google

ГЕРМАНСКІЕ

ИСПЫТАТЕЛИ ПРИРОДЫ.

Изученіе Природы, еще недавно бывшее пріятнымъ занятіемъ, невиннымъ препровожденіемъ времени для немногихъ праздныхъ людей, оказываетъ въ наше время такое дѣйствіе на образованность и благосостояніе народовъ, что всѣ Правительства, одно передъ другимъ, стараются основать заведенія, споспѣшествующія успѣхамъ и распространенію сего изученія. Но въ Германіи, гдѣ занимались ревностно Естествознаніемъ многіе, рѣдкихъ достоинствъ ученые, оно никогда не было покровительствуемо и поощряемо такъ, какъ во Франціи и въ Англіи.

Въ большей части владѣній Германскаго Союза, ученые, работающіе въ уединеніи, не могли имѣть сообщеній посредствомъ Журналовъ, не могли распространять и пускать въ обращеніе своихъ изслѣдованій, плода своихъ изученій и открытій. Не могли также они учредить и постоянныхъ сношеній между со-

Digitized by Google

бою посредствомъ переписки. Такое состояніе дѣлъ привело умы въ движеніе и породило превосходную мысль, которая наконецъ восторжествовала надъ всѣми препятствіями, надъ всѣми затрудненіями: Естествоиспытатели Германскіе составили неподчиненное никому Общество, ежегодно собирающееся въ одномъ изъ городовъ Германіи. Въ это собраніе каждый приноситъ плоды своего труда, сообщаетъ тамъ свои сомнѣнія, свои надежды, даетъ и принимаетъ въ свою очередь замѣчанія. По сему ничто лучше не показываетъ участія, внушаемаго въ сей странѣ Естествознаніемъ, какъ исторія Общества Естествоиспытателей Германскихъ (Naturforscher), собирающаго среди себя отличнѣйшихъ ученыхъ Сѣверной Европы. Сначала оно составилось изъ весьма небольшаго числа людей, посвятившихъ себя Естествознанію; но съ каждымъ годомъ число сіе увеличивалось, такъ что въ краткое время девяти лѣтъ, изъ него образовалось великое, народное сборище, гдѣ первѣйшіе современные Естествоиспытатели почитаютъ за честь быть членами. Въ началѣ оно могло открывать свои съѣзды въ немногихъ городахъ; нынѣ, оно принуждено избирать одинъ изъ множества городовъ, соперничествующихъ въ почести быть мѣстомъ сего собранія.

Digitized by Google

Начало Общества Германскихъ Естествоиспытателей принадлежитъ Минхенскому Профессору Окену. Этотъ ученый, одаренный умомъ неутомимымъ и независимымъ, былъ съ 1807 года Профессоромъ Естествознанія въ Іенскомъ Университетѣ, въ Герцогствѣ Веймарскомъ. Уже извѣстный съ хорошей стороны пятью или шестью сочиненіями, относящимися къ предмету его изученій, и особенно къ Зоологіи, онъ находилъ, среди трудовъ по своей должности, еще столько досуга, что каждый годъ прибавлялъ къ прежнимъ изданіямъ своимъ какое нибудь новое. Такъ слѣдовали одно за другимъ сочиненія его: *Система Науки о Природѣ*, *Разсужденіе о Свѣтѣ и Теплотѣ*, *Система Естественной Исторіи*. Въ 1817 году началъ онъ въ Іенѣ изданіе ежемѣсячнаго Журнала: *Изида*, относящагося къ Литературѣ и Наукамъ, и продолжаемаго имъ донынѣ. Окенъ не занимался Политикой, но, дѣйствуя независимо, помѣстилъ въ Журналѣ своемъ нѣсколько политическихъ статей, которыя заставили Правительство предписать ему прекратить свой Журналъ, или, въ противномъ случаѣ, оставить каѳедру Университетскую. «Я отвѣчалъ,» разсказываетъ самъ Окенъ, «что ни мало не дорожу каѳедрою, и буду продолжать *Изиду*.» Его лишили каѳедры и запретили ему печата-

Digitized by Google

ніе *Изиды* въ Веймарскихъ владѣніяхъ. Онъ перенесъ свое изданіе въ Лейпцигъ. Въ 1827 году, Король Баварскій далъ ему каѳедру въ Минхенскомъ Университетѣ, гдѣ и находится онъ до сихъ поръ Профессоромъ Физіологіи.

Окенъ невысокъ, ростомъ, лѣтъ около пятидесяти, смуглъ, темперамента сангвиническаго. Черты лица его обыкновенно выражаютъ строгость и сильную рѣшительность. Однакожь онъ пріятенъ въ разговорѣ и общителенъ. Еще находясь въ Іенѣ помѣстилъ онъ въ *Изидѣ* планъ ежегоднаго собранія ученыхъ, посвятившихъ себя Естествознанію и Медицинѣ, и находящихся въ Германіи. Мысль была прекрасна и впослѣдствіи она произвела слѣдствія самыя счастливыя; но въ 1821-мъ году, Окенъ казался еще вольнодумцемъ; еще помнили о недавнихъ его политическихъ грѣхахъ, и предложенный имъ проэктъ возбудилъ подозрѣнія жестокія. Правительства Германскія спрашились Обществъ всякаго рода, и боялись, не скрываетсяли какое нибудь опасное предпріятіе подъ предлогомъ собранія Философовъ; однакожь не льзя было преслѣдовать такого предмета, котораго еще не знали, и потому первое собраніе открылось въ Лейпцигѣ, въ 1822 году, подъ предсѣдательствомъ Доктора Швагрихена, Профессора Ботаники. Но какая раз-

Digitized by Google

ница между этимъ собраніемъ, и другими, которыя были въ послѣдніе три или четыре года. Въ Лейпцигѣ собралось не болѣе двѣнадцати чужестранныхъ, и двадцать Лейпцигскихъ Естествоиспытателей.

Въ 1823-мъ году, Общество съѣхалось въ Галлѣ, и было гораздо многочисленнѣе, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго Ботаника Шпренгеля. Вирцбургъ, славный своимъ Медицинскимъ Училищемъ, былъ мѣстомъ третьяго собранія Общества. Въ 1825-мъ году Франкфуртъ принялъ Общество въ свои стѣны, и городскія власти, вмѣстѣ съ учеными Франкфуртскими, изъявили всю вѣжливость и уваженіе знаменитымъ иностранцамъ, почтившимъ ихъ своимъ присутствіемъ. На слѣдующій годъ, въ Дрезденѣ также приготовились принять ихъ, и старались сдѣлать пріятнымъ для нихъ пребываніе въ семъ городѣ. Славный анатомъ Карусъ былъ Секретаремъ Собранія. Шестой съѣздъ былъ въ Минхенѣ, гдѣ процвѣтаетъ основанный за годъ передъ тѣмъ Университетъ, покровительствуемый Королемъ Баварскимъ Людвигомъ Максиміліаномъ. Городъ заслужилъ признательность Сочленовъ; но должно сказать, что вниманіе Короля превзошло все, что прежде было дѣлано для Общества. Каждый ученый, во время пребыванія въ Минхенѣ, былъ, по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ одинъ разъ, приглашенъ къ обѣду во Дворцѣ. Съ того времени Общество начало считать своихъ Членовъ сотнями, и при увеличившемся, выше всякаго ожиданія, числѣ и разнообразіи предмешовъ, представленныхъ во время публичныхъ собраній, было признано необходимымъ раздѣлиться на отдѣленія. Черезъ это выигрывали время; люди одинакихъ наклонностей, занимающіеся одинакими трудами, могли чаще и удобнѣе собираться; каждый избавлялся отъ скуки выслушивать разсужденія и изслѣдованія о такихъ предметахъ, которые чужды ему. Это новое распоряженіе, принятое въ Минхенѣ, было распространено въ Берлинѣ и окончательно утверждено въ Гейдельбергѣ.

Берлинъ весьма много способствовалъ раждавшейся славѣ Общества Нѣмецкихъ Естествоиспытателей. Оно было подъ непосредственнымъ руководствомъ знаменитаго Гумбольдша, Предсѣдателя Общества. Со стороны Правишедьства Прусскаго не было упущено ничего для удовольствія и удобства съѣхавшихся ученыхъ. Для нихъ давали праздники, гулянья и концерты, которые удостоивались присутствія Королевской Фамиліи, и даже самого Короля. Число иностранныхъ ученыхъ, пріѣхавшихъ изъ различныхъ частей Германіи и странъ Сѣверныхъ, простиралось до 269, а число записанныхъ Чле-

Digitized by Google

нозъ до 464. Это собраніе можно почесть самымъ блестящимъ изъ всѣхъ, какія были до сихъ поръ, и не потому, что число съѣхавшихся ученыхъ было велико, но потому что собраніе происходило въ столицѣ могущественнаго Государства, гдѣ Правительство болѣе всѣхъ ободряло, покровительствовало ученость, и гдѣ находится множество первостепенныхъ ученыхъ, лучшій Университетъ Германскій, и богатыя коллекціи по всѣмъ отраслямъ Естествознанія.

Прелестный, романтическій Гейдельбергъ былъ мѣстомъ собранія въ слѣдующій годъ, подъ предсѣдательствомъ славнаго анатома Тидемана. Иностранцевъ было тамъ только 193; всѣхъ Членовъ 273.

Главныя препятствія для собраній сего рода, суть разстояніе и трудность переѣзда; первому старались пособить, избирая попеременно городъ Сѣверный и городъ Южный. Это не уничтожаетъ упомянутаго препятствія, но показываетъ, отъ чего иныя изъ сихъ собраній бываютъ многочисленны, другія нѣтъ. Нынѣ, выборъ мѣста для годоваго собранія Общества, бываетъ предметомъ настоящей распри между главнѣйшими городами Германіи. Успѣхъ надеженъ лишь тогда, когда добивающійся почести городъ представляетъ депутацію изъ Членовъ,

Digitized by Google

присутствующихъ въ собраніи, и черезъ Предсѣдателя объясняетъ свои желанія, свои права, и стараніе, какія приложитъ онъ объ удобствѣ общемъ. Въ годъ собранія въ Гейдельбергѣ, просьба такого рода, представленная Копенгагенскимъ Профессоромъ Эрстедомъ, служила поводомъ къ продолжительному спору, и не была исполнена, потому что Общество, называемое *Германскимъ*, должно собираться, какъ утверждали, непремѣнно въ Нѣмецкомъ городѣ. Тогда началось совмѣстничество между Гамбургомъ и Гоною: первый былъ избранъ для девятаго годоваго собранія. Откровенность и радушіе, замѣченныя тамъ, и многочисленный съѣздъ славнѣйшихъ Профессоровъ изъ разныхъ Германскихъ Университетовъ, сдѣлали городъ сей достопамятнымъ въ лѣтописяхъ Общества. Представляемъ здѣсь очеркъ характера и физіогномію этого собранія. Прибавимъ къ нему нѣсколько подробностей о занятіяхъ Общества, и о людяхъ, наиболѣе участвовавшихъ въ ономъ.

Никто не ожидалъ, чтобы въ Гамбургѣ, городѣ торговомъ, гдѣ все вниманіе занято биржевыми оборотами, да повышеніемъ и пониженіемъ курса, нашелся человѣкъ, достойный по ученой славѣ своей занимать каѳедру Предсѣдателя. Но избраніе Доктора Бартельса, перваго Бургомистра города, и сочинителя мно-

Digitized by Google

гихъ, высоко уважаемыхъ описаній путешествій, представило всѣ желаемыя выгоды. Обладая обширными познаніями вообще, онъ могъ оцѣнить важность ученыхъ трудовъ; сверхъ того, ораторскія дарованія давали ему средство управлять ученымъ разбирательствами съ приличнымъ достоинствомъ. Наконецъ, какъ первый чиновникъ города, онъ могъ болѣе всякаго другаго доставить все, что способствовало къ удобству ученыхъ, составлявшихъ Общество.

Докторъ Фрике былъ избранъ Секретаремъ Собранія. Этотъ медикъ, почитаемый въ Гамбургѣ счастливымъ операторомъ, извѣстенъ особенно успѣшнымъ леченіемъ любострастной болѣзни, безъ пособія ртути. Но метода сія принадлежитъ не ему; она совсѣмъ не новая; она лѣтъ за двадцать перешла изъ Англіи въ Копенгагенъ, а оттуда въ Стокгольмъ. Когда ее бросили въ обоихъ сихъ городахъ, она перешла въ Гамбургъ, подъ покровительство Доктора Фрике, который и пріобрѣлъ успѣхи, ежедневно подтверждаемые всѣми практиками въ случаяхъ незатруднительныхъ, какіе вообще встрѣчаются въ Гамбургѣ, благодаря строгимъ предосторожностямъ тамошняго Правительства. Впрочемъ, Г-нъ Фрике имѣетъ обширныя познанія въ Медицинской Литтературѣ.

Digitized by Google

По пріѣздѣ въ Гамбургъ, Естествоиспытатель долженъ былъ прежде всего явиться въ Stadthaus, гдѣ находится Полиція, и пробравшись сквозь толпу прислужниковъ, ненадежнаго вида, и арестантовъ, которые еще хуже, онъ достигалъ большой лѣстницы. Тамъ, объявивши о себѣ, что онъ Naturforscher, онъ былъ вводимъ въ большую залу Чиновъ, гдѣ развѣшаны Гамбургскія знамена, и гдѣ многочисленный рядъ портретовъ напоминаетъ знаменитыхъ друзей Ганзеатическихъ городовъ, и въ тоже время доказываетъ признательность Верховнаго Сената Гамбурга, сего царя Нѣмецкой торговли.

Входя въ залу, иностранецъ встрѣчалъ зрѣлище, которое было разнообразно смотря по времени, когда пріѣхалъ онъ. Въ первые дни, 13 и 14-го Сентября, онъ находилъ тамъ небольшія толпы людей, которые съ важностью разговаривали и были доступны очень легко; но въ слѣдующіе дни, безпрестанно увеличивавшееся число пріѣзжающихъ сдѣлалось гораздо занимательнѣе. Во время этихъ утреннихъ собраній, въ Залу Чиновъ поминутно входили новые пріѣзжіе. Иногда, какое нибудь славное имя, перелетая изъ устъ въ уста, обращало всеобщее вниманіе на человѣка, отнюдь не показывавшаго своею наружностью ме-

Digitized by Google

гущественнаго ума; но его тотчасъ окружало множество друзей. Это безпрерывное движеніе, эта сцена, гдѣ иностранецъ видѣлъ быстрое появленіе людей, по именамъ давно знакомыхъ ему, которые сталкивались такимъ образомъ, все это придавало собраніямъ пріуготовительнымъ занимательность особеннаго рода. Съ другой стороны, вниманіе пріятно развлекалось при видѣ, какъ узнавали другъ друга и возобновляли старыя знакомства. Это было безпрерывно. Даже нѣчто комическое выказывалось въ этихъ многочисленныхъ привѣтствіяхъ, которыя были разнообразны смотря потому, къ какому народу принадлежалъ новый пріѣзжій: Нѣмцы кланялись съ неизмѣнимою важностью, а Скандинавы, слишкомъ поспѣшные въ своей учтивости, казалось, не знали, надобно-ли оканчивать привѣтствія.

По Скандинавскому обычаю, когда васъ представляютъ чужеземцу, вы должны сначала поклониться ему прямо, потомъ сдѣлать два шага влѣво и поклониться снова, потомъ два шага вправо и опять поклонъ, наконецъ зайдти опять съ лица и поклониться въ послѣдній разъ. Но если Шведа представляютъ дамамъ, то онъ начинаетъ поклонъ свой при входѣ въ комнату, и тихо наклоняется до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до дамъ, сидящихъ на дру-

Digitized by Google

гомъ концѣ комнаты. Привѣтствіе двухъ Нѣмцевъ состоитъ въ томъ, что они тихо идутъ одинъ къ другому, наклонивши голову, до тѣхъ поръ, покуда лбы ихъ почти столкнутся; тогда начинаютъ они кивать головами, какъ настоящіе Китайскіе Мандарины.

Вновь прибывшіе иногда являлись одни, если пріѣзжали изъ небольшихъ городовъ; но чаще являлись цѣлыя толпы, принадлежащія къ одному Университету, и предводительствуемыя избраннымъ начальникомъ. Во всякомъ случаѣ, знаменитые люди составляли средоточія небольшихъ системъ, вокругъ коихъ остальные довольствовались второю степенью, и были рады сопутствовать имъ. Такъ славный Агардъ (Профессоръ Ботаники) пріѣхалъ съ небольшою свитою изъ двухъ человѣкъ: больше не могъ выставить Лундскій Университетъ. Берцеліусъ успѣлъ завербовать въ Стокгольмѣ только одного ученаго, потому что путешествіе стоило дорого; за то въ Берлинѣ компанія его увеличилась до трехъ человѣкъ, тогда какъ Видманнъ и Пфаффъ привезли съ собой почти всѣхъ ученыхъ своего Университета.

Пфаффъ и Видманнъ составляютъ красу и гордость Кильскаго Университета. Первый извѣстенъ обширностью и глубиною своихъ свѣдѣній въ Наукахъ Естествознанія, и своими

Digitized by Google

сочиненіями о Физіологіи, Фармаціи и Химіи. Онъ отмѣнно живаго характера и чрезвычайно пріятенъ въ обращеніи. Говорятъ, что иногда выражалъ онъ свои мнѣнія слишкомъ свободно. Напримѣръ, путешествуя въ Германіи, въ то время когда вниманіе всѣхъ тамошнихъ Правительствъ было обращено на тайныя общества, онъ выразился какъ-то необдуманно. Это было доведено до свѣдѣнія Короля его, который зная лично Пфаффа, разсмѣялся и сказалъ: «Узнаю моего пріятеля Пфаффа! Онъ забылъ, что говоритъ не дома, гдѣ я позволяю ему выражаться какъ угодно.»

Видманна именуютъ Эстлеемъ-Купером Германіи. Онъ славнѣйшій акушеръ въ своей землѣ и единственный хирургъ, который съ успѣхомъ производилъ цесарское сѣченіе два раза надъ одною женщиною. Кромѣ того, что Видманнъ пріобрѣлъ высокую извѣстность въ своемъ Искусствѣ, хотя здоровье его, всегда слабое, пропивилось тому; онъ еще и ученый энтомологъ. Въ Германіи едва-ли найдется одинъ отличный медикъ, который-бы не былъ извѣстенъ изысканіями по какой нибудь отрасли Естествознанія.

Каждый изъ городовъ, и особенно Университетскихъ городовъ Германіи, а также и Сѣверной Европы, имѣлъ своихъ представителей

Digitized by Google

въ Гамбургскомъ собраніи. Туда съѣхались знаменитые Профессоры изъ Копенгагена, Стокгольма, С.Пешербурга, Москвы, Архангельска (*), Варшавы, и проч. Нѣкоторые города однакожъ были ознаменованы приѣздомъ самымъ малымъ числомъ ученыхъ. Напримѣръ, изъ славнаго Гёттингенскаго Университета, столь близкаго отъ мѣста собранія, пріѣхалъ только одинъ Профессоръ; но это былъ Озіандеръ! Минхенъ прислалъ также одного: это былъ Окенъ, основатель Общества. Прага, прежде столь славная, гордившаяся двадцатью тысячами своихъ Студентовъ, имѣла представителемъ одного Баттку, извѣстнаго Фармаколога, который доставляетъ всѣмъ химикамъ Селеній, въ видѣ медальоновъ, съ изображеніемъ открывшаго сей металлъ Берцеліуса. Были пріѣзжіе и изъ многихъ городовъ Англіи, Шотландіи, такъ-же какъ и Соединенныхъ Штатовъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ N°.)

(*) Едва-ли! *Прим. Перев.*

Digitized by Google

БЛАЖЕНСТВО БЕЗУМІЯ.

(Посвящено ***)

On dit que la folie est un mal; on a tort — c'est un bien. . .

***

Мы читали Гоффманову повѣсть: Meister Floh. Различныя впечатлѣнія быстро измѣнялись въ каждомъ изъ насъ, по мѣрѣ того, какъ Гоффманъ, это дикое дитя фантазіи, этотъ поэтъ-безумецъ, самъ боявшійся привидѣній, имъ изобрѣтенныхъ, водилъ насъ изъ страны чудеснаго въ самый обыкновенный міръ, изъ міра волшебства въ Нѣмецкій погребокъ, шутилъ, смѣялся надъ нашими ожиданіями, обманывалъ насъ безпрерывно, и наконецъ — скрылся, какъ мечта, изглаженная крѣпкимъ утреннимъ сномъ! Чтеніе было кончено. Начались разговоры и сужденія. Иногда, это послѣдствіе чтенія бываетъ любопытнѣе того, что прочитано. Въ дружеской бесѣдѣ нашей, всякій изъявлялъ свое мнѣніе свободно; противорѣчія были самыя странныя, и всего страннѣе показалось мнѣ,

Digitized by Google

что женщины хвалили прозаическія мѣста болѣе, а мужчины были въ восторгѣ отъ самыхъ фантастическихъ сценъ. Мѣста поэтическія пролетѣли мимо ушѣхъ и другихъ, большею частію не замѣченныя ими.

Одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ молчалъ. «Вы еще ничего не сказали, Леонидъ?» спросила его молодая дѣвушка, которая не могла налюбоваться дочерью переплетчика, изображенною Гоффманомъ. — Что-же прикажете мнѣ говорить? — «Какъ: что? Скажите: понравилась-ли вамъ повѣсть Гоффмана?

— Я не понимаю слова: *понравиться* — отвѣчалъ Леонидъ — и глаза его обратились къ другой собесѣдницѣ нашей — не понимаю, когда говорятъ это слово о Гоффманѣ и о дѣвушкѣ...

Та, на которую обратился взоръ Леонида, потупила глаза, и щеки ея покраснѣли.

«Чего-же вы тутъ не понимаете?»

— Того — отвѣчалъ Леонидъ—что ни Гоффманъ, ни та, которую сердце отличаетъ отъ другихъ, *нравиться не могутъ*.

«Какъ? Гоффманъ, и дѣвушка, которую вы любите, вамъ не могутъ нравиться?

— Жалѣю, что не успѣлъ хорошо высказать моей мысли. Дѣло въ томъ, что слово: *нра-*

Digitized by Google

ится, я позволилъ-бы себѣ употребить, говоря только о щегольской шляпкѣ, о собачкѣ, модномъ фракѣ, и тому подобномъ.

«Прекрасно! Такъ лучше желать быть собачкою, нежели тою дѣвушкою, которую вамъ вздумается любить?...

— Не безпокойтесь; но Гоффманъ вовсе мнѣ *не нравится*, какъ не нравится мнѣ буря, съ перекатнымъ громомъ и ослѣпительною молніею: я изумленъ, пораженъ; безмолвіе души выражаетъ все мое существованіе въ самую минуту грозы, а послѣ я самъ себѣ не могу дать отчета: я не существовалъ въ это время для міра. И какъ-же вы хотите, чтобы холоднымъ языкомъ ума и слова пересказалъ я вамъ свои чувства? Зажгите слова мои огнемъ, и тогда я выжгу въ душѣ другаго чувства мои такими буквами, что онъ пойметъ ихъ...

«Не пишетъ-ли онъ стиховъ?» сказала дѣвушка, которая спрашивала, молчаливой своей подругѣ. «Вѣрно, это какое нибудь поэтическое сравненіе, или выраженіе, и я ничего въ немъ не понимаю...

— Ахъ! какъ *я* его понимаю! — промолвила другая тихонько, сложивъ руки, и поднимая къ небу голубые глаза свои.

Digitized by Google

Я стоялъ за ея спуломъ, и слышалъ этотъ голосъ сердца, невольно вылетѣвшій. Боясь, чтобы она не замѣтила моего нечаяннаго дозора, я поспѣшилъ начать разговоръ съ Леонидомъ.

— Прекрасно — сказалъ я — прекрасно, любезный Леонидъ! Только, въ самомъ дѣлѣ, непонятно.

«Какъ-же вы говорите: *прекрасно*, если вы не понимаете?

Этотъ вопросъ смѣшалъ меня. Я не зналъ, что отвѣчать на возраженіе Леонидово. «То есть, я говорю — сказалъ я ему наконецъ — что трудно было-бы изъяснить положительно, если-бы мы захотѣли отдать полный отчетъ въ вашихъ словахъ.

— Бѣдные люди! имъ и *чувствовать* не позволяютъ того, чего *изъяснить* они не могутъ!— Леонидъ вздохнулъ.

«Но какъ-же иначе?» сказалъ я. «Безотчетное чувство есть низшее чувство, и умъ требуетъ отчета вѣрнаго, положительнаго...

— Мнѣ всегда забавно слышать подобныя слова: сколько въ нихъ шуму, грому, и между тѣмъ, какъ мало отчетливости во всѣхъ вашихъ отчетахъ! Скажите, пожалуйте: во многомъ-ли до сихъ поръ успѣли вы достигнуть ва-

Digitized by Google

шей отчетливой положительности? Не въ правѣ-ли мы и теперь еще, послѣ всѣхъ вашихъ философскихъ теорій и системъ, повторить:

Есть многое въ природѣ, другъ Гораціо,
Что и не снилось вашимъ мудрецамъ?

Что̀ такое успѣли мы разгадать нашимъ умомъ, и выразить нашимъ языкомъ? Величайшая горесть, величайшая радость — обѣ безмолвны; Любовь также молчитъ — не смѣетъ, не должна говорить (онъ взглянулъ украдкою на молчаливую нашу собесѣдницу). Вотъ при высокія состоянія души человѣческой, и при всѣхъ трехъ уму и языку дается полная отставка! Все это человѣкъ можетъ еще однакожь понимать; но, что̀, если мы осмѣлимся коснуться тѣхъ скрытыхъ тайнъ души человѣческой, которыя только ощущаемъ, о существованіи которыхъ только догадываемся....

Леонидъ засмѣялся, и вдругъ обратился къ веселой нашей собесѣдницѣ. «Вамъ скучно слушать мои странныя объясненія. Извините: вы сами начали.

— Я искренно признаюсь вамъ, что не понимаю, о чемъ вы говорите. Мнѣ, просто, хотѣлось узнать ваше мнѣніе о Гоффмановой сказкѣ...

Digitized by Google

«*Сказка* эта похожа на *быль*,» отвѣчалъ Леонидъ.

— Помилуйте? Какъ это можно!

«Говорю не шутя. Сначала мнѣ показалось даже, будто я слышу разсказъ о томъ, что случилось съ однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей.

— Возможно-ли?

«Окончаніе у Гоффмана однакожъ совсѣмъ не то. Бѣдный другъ мой не улетѣлъ въ волшебное царство духовъ: онъ остался на землѣ, и дорого заплатилъ за мгновенныя прихоти своего бѣшенаго воображенія. . .

— Разскажите намъ!

«Это возбудитъ горестныя воспоминанія моей жизни; при томъ-же, я боюсь: я такой плохой разскащикъ. . . Сверхъ того, въ приключеніяхъ друга моего я ничего не могу изъяснить положительно! . .» Леонидъ засмѣялся, и пожалъ мнѣ руку.

— Злой насмѣшникъ! — сказалъ я.

«Вы однакожъ разскажете намъ?» повторила веселая наша собесѣдница.

— Если вамъ угодно. . . Взоръ Леонида выразилъ однакожъ, что совсѣмъ не въ ея угоду хотѣлъ онъ разсказывать.

«Ахъ! какъ весело!» сказала въ полголоса молчаливая ея подруга, такъ, что Леонидъ могъ слышать — «онъ станетъ разсказывать!»

Digitized by Google

— Ты любишь слушать разсказы Леонида? — лукаво сказала ей подруга.

« Да. . . потому, что они всегда такіе странные. . . » Она смѣшалась, и опять замолчала.

Нѣсколько молодыхъ людей придвинули къ намъ свои кресла. Мы составили отдѣльный кружокъ. Другіе изъ гостей были уже заняты въ это время картами, и разговорами о погодѣ, и еще о чемъ-то весьма важномъ: кажется, объ осадѣ Антверпена. — Леонидъ началъ.

— Вы позволите мнѣ скрыть имена, и предварительно объявить, что я ни слова не прибавлю и не убавлю.

Въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ тому, когда служилъ я по Министерству . . . . . , зналъ я одного молодаго чиновника. Онъ былъ товарищъ мнѣ по Департаменту, и старше меня лѣтами. Назовемъ его *Антіохъ*. Въ началѣ нашего знакомства, показался онъ мнѣ угрюмъ, холоденъ, и молчаливъ. Въ веселыхъ бесѣдахъ нашихъ, онъ, обыкновенно, говаривалъ мало. Сказывали также, что онъ большой скупецъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно было, что у него большое состояніе, но онъ жилъ весьма тихо и скромно, никого не приглашалъ къ себѣ,

Digitized by Google

рѣдко участвовалъ въ забавахъ своихъ пріятелей, и только разъ въ годъ сзывалъ къ себѣ товарищей и знакомыхъ, въ день именинъ своихъ. Тогда угощеніе являлось богатое. Въ другое-же время рѣдко можно было застать его дома. Говорили, что онъ нарочно не сказывается, хотя кромѣ должности почти ни куда не ходитъ, и сидитъ запершись въ своемъ кабинетѣ. Должность была у него легкая, за бумагами сидѣть ему было не надобно, и никто не зналъ, какимъ образомъ Антіохъ проводитъ время. Впрочемъ, онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ и ласковъ, охотно ссужалъ деньгами, и былъ принятъ въ лучшихъ обществахъ. Прибавлю, что онъ былъ довольно хорошъ собою, только не всякому могъ понравиться. Лицо его, благородное и выразительное, со всѣмъ не было красиво; большіе, голубые глаза не были оживлены никакимъ чувствомъ. Стройный и высокій, онъ вовсе не заботился о пріятности движеній: часто, сложивъ руки, опустивъ глаза въ землю, сидѣлъ онъ, и не отвѣчалъ на вопросы самыхъ милыхъ дѣвушекъ, и улыбался притомъ, такъ странно, что можно было почесть эту улыбку за насмѣшку. Богъ знаетъ съ чего, Антіоха называли *ученымъ* — названіе, не придающее любезности въ глазахъ женщинъ. Говорю, что слыхалъ, и готовъ допустить исключенія изъ

Digitized by Google

этого правила. Такое названіе придали Антіоху, можетъ быть, потому, что онъ хорошо зналъ Латинскій языкъ, и былъ постояннымъ посѣтителемъ лекцій Велланскаго. Впрочемъ, Антіохъ показывалъ во всемъ оригинальное, хотя и странное образованіе. Онъ превосходно зналъ Французскій, Итальянскій, и особливо Нѣмецкій языкъ; изрядно танцовалъ, но не любилъ танцовать; страстно любилъ музыку, но не игралъ, не пѣлъ, и всему предпочиталъ Беетховена. Иногда начиналъ онъ говорить, говорилъ съ жаромъ, увлекательно, но вдругъ перерывалъ рѣчь, и упорно молчалъ цѣлый вечеръ. Знали, что онъ много путешествовалъ, но никогда не говорилъ онъ о своихъ путешествіяхъ. . .

Извините, что я изображаю вамъ моего героя. Этотъ старинный манеръ романовъ необходимъ, и вы поймете послѣ сего, почему называли Антіоха *страннымъ* человѣкомъ. Вообще Антіоха всѣ уважали, но любили его немногіе. Долго старались разгадать странности Антіоховы. Одни сказывали, будто онъ былъ когда-то влюбленъ, и влюбленъ несчастно. Это могло сдѣлать его *интереснымъ* для женщинъ; но холодность Антіоха отталкивала всѣхъ, кто хотѣлъ съ нимъ сблизиться. Другимъ казалось непростительнымъ, что при большомъ богатствѣ своемъ, онъ, совершенно

Digitized by Google

независимый и свободный, не живетъ открыто, и не находится въ блестящемъ обществѣ, не ищетъ ни чиновъ, ни связей, сидитъ дома, ходитъ на ученыя лекціи. «Онъ слишкомъ умничаетъ — онъ странный человѣкъ — онъ чудакъ — впрочемъ, онъ дѣловый человѣкъ — онъ скупъ, а это оправдательно!»

Такъ судили объ Антіохѣ. Странность труднѣе извинятъ, нежели шалость. Другимъ прощали безцвѣтность, ничтожность характера мѣлкость души, отсутствіе сердца: Антіоху не прощали того, что онъ отличался отъ другихъ рѣзкими чертами характера.

Признаюсь, я не могъ не уважать Антіоха за то, что онъ не походилъ на другихъ нашихъ товарищей. Кто знаетъ молодыхъ Петербургскихъ служивыхъ людей, тотъ согласится съ моимъ замѣчаніемъ. Немного разъ удалось мнѣ слыхать оживленный разговоръ Антіоха; но что слыхалъ я, то изумляло меня чѣмъ-то необыкновеннымъ—какою-то странною оригинальностью. Вскорѣ мы познакомились съ нимъ короче.

Это было лѣтнимъ вечеромъ. Помню этотъ вечеръ — одинъ изъ прекраснѣйшихъ вечеровъ въ моей жизни! Я вырвался тогда изъ душнаго Петербурга, уѣхалъ въ Ораніенбаумъ, далъ

Digitized by Google

себѣ свободу бродить безъ плана, безъ цѣли. Солнце катилось къ западу, когда я очутился на дачѣ Чичагова. Мѣстоположеніе прелестное, дикое, уединенное — солнце, утопающее въ волнахъ Финскаго залива, море, зажженное его лучами, небо ясное, безоблачное—все это расположило меня къ какому-то забвенію самого себя. Я былъ *весь мечта*, *весь дума* — какъ говорятъ наши поэты, и не замѣтилъ, когда приблизился ко мнѣ Антіохъ.

«Леонидъ!» сказалъ онъ мнѣ — «дай руку! Отнынѣ ты видишь во мнѣ добраго своего друга!

Я невольно содрогнулся отъ яркаго взора, какой Антіохъ устремилъ на меня, и отъ нечаяннаго появленія этого страннаго человѣка. Въ замѣшательствѣ, молча, пожалъ я ему руку.

Никогда не видывалъ я Антіоха въ такомъ, какъ теперь состояніи. Если-бы надобно было изобразить мнѣ состояніе его однимъ словомъ, то я сказалъ-бы, что Антіохъ казался мнѣ *вдохновеннымъ*. Я видѣлъ не прежняго холоднаго Антіоха, съ насмѣшливою улыбкою, съ какимъ-то презрѣніемъ смотрѣвшаго на всѣхъ, запеленаннаго въ формы и приличія. Въ глазахъ его горѣлъ огонь, румянецъ оживлялъ всегда блѣдныя его щеки.

Digitized by Google

— Леонидъ — сказалъ онъ мнѣ — ради Бога, прочь всѣ формы! Будь при мнѣ цѣлъ, чѣмъ видѣлъ я тебя за нѣсколько минутъ, или я уйду и оставлю тебя!

« Вы меня удивляете, Антіохъ!

— Несносные люди! Ихъ никогда не застанешь въ расплохъ; они тотчасъ спѣшатъ надѣть фракъ свой, и подать вамъ визитную карточку... Извините что я перервалъ вашу уединенную прогулку — сказалъ Антіохъ съ досадою, и хотѣлъ идти прочь. Я остановилъ его. Голосъ Антіоха дошелъ до моего сердца.

« Антіохъ! я тебя не понимаю.

— А мнѣ казалось, что за нѣсколько минутъ я понималъ тебя, понималъ юное сердце человѣка, который убѣжалъ изъ толпы людей, отдохнуть здѣсь, одинъ на просторѣ, побесѣдовать съ матерью-природою; понималъ взоръ твой, устремленный на этотъ символъ души человѣческой — море безконечное, бездонное, съ бурями и пропастями. . . .

Леонидъ! Антіохъ! воскликнули мы, и крѣпко обняли другъ друга. Взявшись рука въ руку, до глубокой ночи бродили мы вмѣстѣ.

Не могу пересказать вамъ всего, что было переговорено нами въ это время. Антіохъ раскрылъ мнѣ свою душу — я высказалъ ему мою.

Digitized by Google

Но, что могъ я тогда высказать ему? — продолжалъ Леонидъ, съ жаромъ, потупивъ глаза.— Нѣсколько блѣдныхъ воспоминаній дѣтства, нѣсколько неопредѣленныхъ чувствъ при взглядѣ на Природу, нѣсколько запверженныхъ мною идей, нѣсколько мечтаній о будущемъ. Можетъ быть... Но, я не о себѣ, а объ Антіохѣ хочу говорить вамъ.

Антіохъ открылъ мнѣ новый міръ, фантастическій, прекрасный, великолѣпный — міръ, въ которомъ душа моя тонула, наслаждаясь забвеніемъ, похожимъ на то неизъяснимо-сладостное чувство, которое ощущаемъ мы купаясь въ морѣ, или смотря съ высокой, заоблачной горы на низменное пространство, развивающееся подъ ногами нашими. Душа Антіоха была для меня этимъ новымъ, волшебнымъ міромъ: она населила для меня всю Природу чудными созданіями мечты; отъ ея прикосновенія, казалось мнѣ, и моя душа засверкала электрическими искрами. Какъ легко понялъ я тогда, и насмѣшливую улыбку Антіоха, при взглядѣ на извѣстныя обоимъ намъ свѣтскія общества, и презрѣніе, какое невольно изъявлялъ онъ при взглядѣ на нашихъ товарищей!

Только равная Антіоху душа могла понять его, или сердце младенческое, чистое, безпечно отдавшееся ему. Такъ прекрасную душу

Digitized by Google

женщины понимаетъ только пламенная душа любящаго ее человѣка, или дитя, которое безотчетно улыбается на ея материнскую слезу, и питается жизнью изъ ея груди!

«Леонидъ!» говорилъ мнѣ Антіохъ, «человѣкъ есть отпадшій ангелъ Божій. Онъ носитъ сѣмена Рая въ душѣ своей, и можетъ разсадить ихъ на тучной почвѣ земной Природы, и на лучшихъ созданіяхъ Бога — сердцѣ женщины и умѣ мужчины. Міръ прекрасенъ, прекрасенъ и человѣкъ, этотъ слѣдъ дыханія Божьяго. Бури низкихъ страстей портятъ, бури высокихъ страстей очищаютъ душную его атмосферу, и смепаютъ пыль ничтожныхъ суетъ. Любовь и дружба — вотъ солнце и луна душевнаго нашего міра! Къ несчастію, глаза людей заволокаетъ темная вода: они не видятъ ихъ величественнаго восхожденія; прячутся въ тѣнь отъ жаркаго полдня Любви и пугаются привидѣній священной полуночи Дружбы; или, больными, слабыми глазами не смѣютъ глядѣть на солнце, и спятъ при серебристомъ свѣтѣ мѣсяца. Тяжело тому, кто бродитъ одинъ бодрствующій, и слышитъ только храпѣнье сонныхъ. Пустыня жизни ужасна — страшнѣе пустынь земли! Какъ грустно смотрѣть, если видишь и понимаешь, *чѣмъ* могли-бъ быть люди, и *что* они теперь!»

Январь 1833. 5

Digitized by Google

Съ жаромъ дѣтскихъ надеждъ, опровергалъ я слова Антіоха, указывая ему на свѣтлую будущность нашей жизни. «Упѣшайся этими мечтами, храни ихъ, Леонидъ!» ласково, но задумчиво говорилъ Антіохъ.» Эта мѣлкая монета всего лучше въ торговлѣ жизнью, и — горе тому, кто принесетъ на рынокъ людской жизни горсть драгоцѣнныхъ алмазовъ: если-бы люди и могли оцѣнить ихъ, имъ не на что будетъ ихъ купить; никто тебѣ не размѣняетъ ихъ, никто не продастъ тебѣ на нихъ ничего, и ты, обладатель алмазовъ, умрешь съ голоду! Открой мнѣ поприще, достойное высокихъ порывовъ души; поставь мнѣ мѣрою лавровый, или дубовый вѣнокъ, не оскверненный мѣлкими отношеніями и приличіями пошлыми. А! самая смерть въ достиженіи къ этому вѣнку будетъ сладостною цѣлью жизни! Но, покупное, но ничтожное — за ними-ли пойду я? Такъ на торжественномъ пирѣ народномъ ставятъ золоторогихъ быковъ, и безумная чернь дерется за куски ихъ мяса, лѣзетъ на шестъ, стараясь достать позолоченный крендель, положенный на его вершинѣ. . . .

«Леонидъ! ты еще не испыталъ терзательныхъ бичей жизни. Ты еще не ставилъ на карту мечтаній всего своего счастія. Ты не знаешь еще муки неудовлетворенныхъ стре-

Digitized by Google

мленій души въ любви, дружбѣ и славѣ! Горестный опытъ научилъ меня многому, что тебѣ неизвѣстно.

Антіохъ разсказалъ мнѣ главныя подробности своей жизни. Отецъ его, бѣдный офицеръ, увезъ дочь богача, и жестокосердый отецъ проклялъ ихъ. «Я не помню радостей младенчества,» говорилъ мнѣ Антіохъ. «Угнетающая бѣдность, слезы матери, блѣдное лицо моего добраго отца — вотъ привидѣнія, которыми окружена была колыбель моя. Бѣдность убійственна, а я испыталъ ее, испыталъ вполнѣ: я видѣлъ, какъ мать моя терзалась послѣдними смертными муками, и лекарь не шелъ къ ней, потому, что нечѣмъ было заплатить ему за визитъ! Я видѣлъ, какъ отецъ мой держалъ въ рукѣ рецептъ, прописанный лекаремъ, и плакалъ: ему не съ чѣмъ было послать въ аптеку. Мы должны были много аптекарю; онъ не хотѣлъ намъ отпускать болѣе въ долгъ, а у насъ не было ни одной копѣйки! Двѣнадцати лѣтъ былъ я, когда проводилъ бѣдный гробъ матери на кладбище, и возвратясь домой засталъ отца безъ памяти — его повезли въ больницу. Я составлялъ единственное утѣшеніе матери моей, и воспитаніе мое было въ странной противоположности съ состояніемъ нашимъ. Женщина, какихъ не встрѣчалъ я послѣ, святой

Digitized by Google

идеалъ материнской любви! зачѣмъ такъ рано раскрыла ты мое сердце? Зачѣмъ не дозволила свѣту охолодить, облечь меня въ свои приличія и условія! Но тебѣ потребна была душа родная, съ которою могла-бы ты дѣлиться своею душею, своимъ сердцемъ. И твоя мечтательная, любящая душа погубила меня! Голова моя была уже романическою, когда я едва понималъ самые обыкновенные предметы жизни. Единственный другъ нашего семейства, пасторъ Лютеранской церкви того города, гдѣ мы жили, былъ другой губитель мой. Его высокая добродѣтель, его прогательная проповѣдь, его музыка, его слова, бесѣды съ моею матерью, уносили меня за предѣлы здѣшняго міра. Добрый старикъ этотъ, въ одинъ годъ лишился нѣжно-любимой жены, двухъ дочерей, и осиротѣлъ на чужой сторонѣ, въ старости лѣтъ. Единственное утѣшеніе его было, когда мать моя, со мною, приходила къ нему, и онъ могъ плакать, могъ говорить съ нею о милыхъ, утраченныхъ имъ, о своей доброй Генріэттѣ, о своихъ незабвенныхъ Элизѣ и Юліи. По цѣлымъ часамъ стоялъ я иногда, и слушалъ, когда онъ, забывши весь міръ, одинъ въ своей кирхѣ, игралъ на органахъ — я слушалъ божественные звуки Моцарта и Генделя, и голова моя горѣла, пока я не начиналъ неутѣшно рыдать. Тогда старикъ переставалъ

Digitized by Google

играшь, и обнималъ меня со слезами. . . . Мы казались друзьями-ровесниками. . .

Изъ этого міра романической жизни и мечтаній, вдругъ перешелъ я въ міръ совершенно противоположный. Дѣдъ мой услышалъ о смерти моей матери. Одиноко, грустно проводилъ онъ жизнь среди своихъ богатствъ. Въ больницу, гдѣ лежалъ отецъ мой, явился этотъ старикъ: все было забыто; горесть примирила ихъ. Я воображалъ себѣ дѣда строгимъ, угрюмымъ богачемъ — увидѣлъ сѣдаго, убитаго печалью старика, который обнималъ меня, называлъ своимъ милымъ Анпіохомъ. Отецъ мой выздоровѣлъ, снова вступилъ въ службу; я переселился къ моему дѣду. Вскорѣ Бессарабская чума лишила меня отца...

Дѣдъ мой жилъ, какъ богатый Русскій помѣщикъ, окруженный многочисленною дворнею, льстецами, прислужниками. Меня, его единственнаго наслѣдника, облелѣяли всѣ прихоти, всѣ изобрѣтенія роскоши. Но грубый міръ страстей, какой увидѣлъ я у дѣда, старика, обманываемаго всѣмъ, что его окружало, не только не увлекъ меня, но отвратилъ отъ себя, и увеличилъ противоположность мечтательной души моей и дѣйствительной жизни. Все время, котораго не проводилъ я въ учебной своей комнатѣ, съ множествомъ учителей, для

Digitized by Google

меня наняшихъ, былъ я съ моимъ дѣдомъ—какъ говоришься; не слышавшимъ во мнѣ души, или бродилъ по окрестнымъ лѣсамъ, съ книгою, съ мечтами, или скакалъ по полямъ на борзомъ конѣ. Сосѣди наши, добрые, грубые люди — особливо сосѣдки, мамушки, тетушки, кузины, дочки ихъ — заставляли меня съ особенною охотою скрываться въ мое уединеніе.» Выраженіе Аншіоха сдѣлалось колкимъ, насмѣшливымъ, когда онъ описывалъ мнѣ грубую безжизненную жизнь деревенскаго быта: помѣщиковъ, переходящихъ отъ овина къ висту, помѣщицъ, занятыхъ, то ѣздою въ гости, то сватаньемъ дочерей. Но съ большею насмѣшкою говорилъ онъ мнѣ о сельскихъ красавицахъ — полныхъ, здоровыхъ, съ румяными щеками, съ блѣдною душею, красивыхъ личиками, безобразныхъ сердцами. . .

«Я искалъ душь въ этихъ прозябающихъ тѣлахъ»—говорилъ Аншіохъ. «Часто увлекался я добродушіемъ отцовъ, простотою матерей, и взрослымъ младенчествомъ дѣтей ихъ. Но грубыя формы ихъ вскорѣ отталкивали меня, и всего грустнѣе мнѣ было видѣть, когда я находилъ слѣды чего-то прекраснаго, высокаго, насильно заглушеннаго среди рѣпейника и полыни суетъ и мелкихъ отношеній. Я готовъ былъ иногда жаловаться на Провидѣніе,

Digitized by Google

сѣющее безплодныя сѣмена, или попускающее расклевывать ихъ галкамъ и воронамъ ничтожныхъ отношеній, душить ихъ бѣленѣ и черноволоху невѣжества.»

«Я выпросился у дѣда моего въ Гёттингенскій Университетъ. Мнѣ и потому несносно было оставаться долѣе въ деревнѣ, что меня тамъ не взлюбили наконецъ, называли *философомъ*—страшная брань, въ устахъ тамошнихъ обитателей—чудакомъ, нелюдимомъ, насмѣшникомъ.

«Германія парникъ, гдѣ воспитываетъ Человѣчество самыя рѣдкія растенія, унесенныя человѣкомъ изъ Рая; но — она парникъ, Леонидъ! а не раздольное поле, на которомъ свободно возрастали-бы величественныя пальмы и вѣковыя дворенія человѣческой природы. Германія снимаетъ съ лампадъ просвѣщенія нагаръ, но за то отъ нея пахнетъ масломъ—сказалъ, не помню кто, и сказалъ справедливо. Однакожъ въ ней провелъ я лучшія минуты жизни—въ ней, въ Ипальянской природѣ, и между Швейцарскими горами, гдѣ пѣсня приволья отдается между утесами горными, и вторитъ шуму вѣчныхъ водопадовъ. . .

«Внезапная смерть дѣда заставила меня возвратиться въ Россію, о которой сильно билось сердце мое на чужбинѣ. Не зная разлуки

Digitized by Google

съ отчизною, не знаешь и грусти по отчизнѣ, не знаешь, какую прелесть имѣетъ самый воздухъ родины, какое очарованіе заключается въ снѣгахъ ея, какъ весело слышать нашъ Русскій, сильный языкъ. Я увидѣлъ себя обладателемъ большаго имѣнія; сила души моей не удовлетворялась болѣе однимъ ученьемъ. Мнѣ хотѣлось забыть и мечты мои, и противоположности жизни, въ дѣятельныхъ, достойныхъ мужа трудахъ; хотѣлось узнать и большой свѣтъ. . .

« Мой другъ! кто рано началъ жить вещественною жизнью, тому остается еще необозримая надежда спасенія въ жизни души; но бѣденъ, кто провелъ много лѣтъ въ мірѣ мечтаній, въ мірѣ духа, и думаетъ потомъ обольститься оболочкою этого міра, міромъ вещественнымъ! Такъ путешествіе отрада для души неопытной, обольщаемой живыми впечатлѣніями общественной жизни и Природы; но оно жестокое средство разочарованія для испытаннаго жильца міра! Богатые Лорды Англійскіе проѣзжаютъ черезъ всю Европу, нерѣдко для того только, чтобы навести пистолетъ на разочарованную голову свою, по возвращеніи въ свои великолѣпные замки. Есть путешествія, въ которыхъ душа человѣческая могла-бы еще забыться — путешествія по бурнымъ безднамъ Океана, среди льдовъ, скипѣвшихся съ облака-

ми подъ полюсомъ, среди палящихъ степей и пальмовыхъ оазисовъ Африки, среди дѣвственныхъ дебрей Америки. Но такой-ли міръ для души Пешербургскій Проспектъ, и эти размраморенныя, раззолоченныя залы и гостиныя? Кто привыкъ къ крѣпкому питью, тому хуже воды оржадъ, прохлаждающій щеголевашаго паршенёра кадрили. Вода, по крайней мѣрѣ, вовсе безвкусна, а бальный оржадъ что-то мутное, что-то притворное.... Несносно!

«Если-бы горѣла война, изумлявшая Европу въ 1812-мъ году, если-бы грудью своею ломилъ нашу Русь тогдашній великанъ, которому мечами вырубили народы могилу въ ущесахъ острова св. Елены — подъ заздравнымъ кубкомъ смерти можно-бы отдохнуть душею; если-бъ я былъ поэтомъ, могъ въ очарованныхъ пѣсняхъ высказывать себя — я также отдохнулъ-бы тогда, я разлилея-бы по душамъ людей гармоническими звуками, и буря души моей исчезла-бы въ громахъ и молніяхъ Поэзіи; если-бы я могъ, хотя не словами, но звуками только оживлять мечты, которымъ тѣсно въ вещественныхъ оковахъ.... но ты знаешь, что я не поэтъ, и не музыкантъ! Непослушная рука моя всегда отказывалась изображать душу мою, и въ краскахъ, и въ очеркахъ живописныхъ. О Рафаэль, о Моцартъ, о Шиллеръ! Кто далъ вамъ боже-

Digitized by Google

сивенныя ваши краски, звуки и слова? Для чего-же даны они были вамъ, а не даны мнѣ? И для чего не передали вы никому тайны созданій вашихъ? Или вы думали, что люди недостойны вашихъ тайнъ? И для чего-же судьба дала мнѣ чувства, съ которыми я понимаю всю ничтожность, всю безжизненность моихъ порывовъ, смотря на небесную Мадонну, слушая Requiem, и читая Résignation? Звуковъ, цвѣтовъ, словъ! восклицаю я — ихъ дайте мнѣ, чтобы сказаться на землѣ небу! Или дайте-же мнѣ душу, которая слилась-бы со мною въ пламени любви.... И что-же вокругъ меня? Куклы, съ завялыми цвѣтами жизни, съ цѣпями связей и приличій! Чего имъ отъ меня надобно? Моего золота, которое отвратительно мнѣ, когда я вспоминаю, что мать моя умирала, а у меня не было гривны денегъ купить ей лекарства! И эту купленную любовь, эту продажную дружбу, эти обшитыя мишурою разсчета почести, будутъ занимать меня?.. Никогда!»

Вы назовете Антіоха моего безумцемъ, мечтателемъ — не противорѣчу вамъ, не хвалю его, но — *таковъ* онъ былъ. Не осуждайте его хоть за то, что впослѣдствіи онъ расплатился дорого за все, что чувствовалъ, о чемъ говорилъ и мечталъ. Простите ему, хоть за эту цѣну, его безуміе, и, если угодно, извле-

Digitized by Google

кипе изъ этого нравственный выводъ, постарайтесь еще болѣе похолодѣть, покрѣпче зашнуться въ формы, приличія, и обыкновенныя, благоразумныя, настоящія понятія о жизни. *Его примѣръ будь намъ наукой* не слишкомъ высоко залетишь на нашихъ восковыхъ крыльяхъ. Лучше дремать на берегу лужи, нежели тонуть, хотя-бы и въ Океанѣ.... — Леонидъ улыбнулся, и продолжалъ разсказъ.

—Не все, что высказалъ я вамъ, говорено было нами во время прогулки на Чичаговой дачѣ, въ этотъ незабвенный для меня вечеръ, послѣ котораго мы почти не разставались съ Антіохомъ. Каждый разъ привязывался я къ нему болѣе и болѣе; каждый разъ лучше узнавалъ я эту душу, пылкую, независимую, добрую, какъ у младенца, свѣтлую, какъ у добродѣтельнаго старца, пламенную, какъ мысль влюбленнаго юноши. Не знаю, что̀ полюбилъ Антіохъ во мнѣ. Можетъ быть, дѣтское самоотверженіе, съ какимъ вслушивался я въ голосъ его сердца, въ высокіе отзывы души его.

Тогда узналъ я, что̀ дѣлывалъ Антіохъ, запираясь у себя дома, и отказывая посѣтителямъ. Склонность къ мечтательности, воспитанная всею его жизнію, увлекала Антіоха въ міръ таинственныхъ знаній, этихъ неопредѣленныхъ догадокъ души человѣческой, которыхъ никогда не разгадаешь

Digitized by Google

она вполнѣ. Изслѣдованія тайнъ Природы и Человѣка заставляли его забывать время, когда онъ занимался ими. Изслѣдованія Магнетизма, Ѳеософія, Психологія, были любимыми его занятіями. Онъ терялся въ пѣнѣ мудрости, которая кружитъ голову вихрями таинственности и мистики. Знанія, извѣстныя намъ подъ названіями Кабалистики, Хиромантіи, Физіогномики, казались Аншіоху только грубою корою, подъ которою скрываются тайны глубокой мудрости.

Я не могъ раздѣлять съ нимъ любимыхъ его упражненій, однакожъ слушалъ и заслушивался, когда онъ, съ жаромъ, вдохновенно, говорилъ мнѣ о таинственной мудрости Востока, раскрывалъ мнѣ міръ, куда возлетаетъ на мгновеніе душа поэта и художника, и который грубо отзывается въ народныхъ повѣрьяхъ, суевѣріяхъ, преданіяхъ, легендахъ. Аншіохъ не зналъ предѣловъ въ этомъ мірѣ: Эккартсгаузенъ, Шведенборгъ, Шубартъ, Бемъ были самымъ любимымъ его чтеніемъ.

— Тайны Природы могутъ быть постижимы тогда только, когда мы смотримъ на нихъ просвѣтлѣннымъ зрѣніемъ души—говорилъ онъ.— Кто исчислитъ мѣру воли человѣка, совлеченной всѣхъ цѣпей вещественныхъ? Гдѣ мѣра и той божественной Вѣрѣ, которая можетъ дви-

Digitized by Google

гать горы съ ихъ мѣста, той дщери небесной Софіи, сестры Любви и Надежды? Природа гіероглифъ, и все вещественное есть символъ невещественнаго, все земное не земнаго, все вещественное духовнаго. Можемъ-ли пренебречь этотъ міръ, доступный духу человѣческому?

«Мечтатель!» говорилъ я иногда Аннѣхѣ, «ты погубишь себя! Мало тебѣ идеаловъ, которыхъ не находишь въ жизни — ты хочешь изъ нихъ создать цѣлый міръ, и въ этомъ мірѣ открывать тайны, которыя непостижимы человѣку!

— Но онѣ постижимы ему въ зрящемъ сосіяніи ума, во временной смерти тѣла — снѣ, и въ вещественномъ соединеніи съ Природою — Магнетизмѣ? Но, если я и грежу, если это и сонъ обольстительный, не лучше-ли сонъ этотъ бѣдной вашей существенности? Если сонъ приставляетъ крылья тѣлу — мечта подвязываетъ крылья душѣ, и тогда нѣтъ для нея ни времени, ни пространства. О, мой Леонидъ! Если дружбу мою столько разъ, со слезами, называлъ ты благословеніемъ неба, зачѣмъ не могу я изобразить тебѣ, что сказала-бы родная душа о моей любви, о любви выше ничтожныхъ условій земли и міра! Да, правда: эта любовь не для земли — ее угадала-бы *одна*, одна душа, созданная вмѣстѣ съ моею душею, и раздѣленная

Digitized by Google

послѣ того. Леонидъ! назови меня сумасшедшимъ, но Пиѳагоръ не ошибался: я вѣрю его жизни до рожденія—и въ этой жизни—вѣрю я—было существо, дышавшее одной душею со мной вмѣстѣ. Я встрѣчусь нѣкогда съ нимъ и здѣсь—встрѣча наша будетъ нашею смертію — пережить ее невозможно! Умремъ, моя мечта! умремъ — да и на что жить намъ, когда въ одно мгновеніе перваго взора мы истощимъ вѣка жизни?...

Не знаю: поняли-ль вы теперь странную, если угодно — уродливую душу Антіоха, которая открывалась только мнѣ одному, и никому болѣе. Для другихъ продолжалъ онъ быть прежнимъ, насмѣшливымъ, холоднымъ молодымъ человѣкомъ, не перемѣнялъ образа своей жизни, жилъ по старому, служилъ, какъ другіе...

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ какой-то шарлатанъ: называю его шакъ потому, что его не льзя было назвать ни артистомъ, ни ученымъ человѣкомъ. Онъ, правда, не объявлялъ о себѣ въ газетахъ, не вывѣшивалъ надъ своею кварширою огромной, размалеванной холстины днемъ, ни шемнаго фонаря съ свѣтлою надписью по вечерамъ, и называлъ себя Людовикомъ *фонъ*-Шреккенфельдомъ; однакожъ разослалъ при театральныхъ афишкахъ извѣстіе, для любите-

Digitized by Google

лей Изящныхъ Искуствъ, о *мнемо-физико-магическихъ вечерахъ*, какіе намѣренъ давать Петербургской публикѣ, и *льстилъ себя надеждою благосклоннаго посѣщенія*. Въ огромной залѣ давалъ онъ эти вечера. Цѣна за входъ назначена была десять рублей, и зала каждый разъ была полна. Въ самомъ дѣлѣ—было чего посмотрѣть. Удивительныя машины, непоняшные автоматы, блестящіе физическіе опыты, занимали прежде всего посѣтителей. Потомъ, приглашенные лучшіе артисты разыгрывали самыя фантастическія музыкальныя пьесы; иногда Фантасмагорія, Кинезотографія, Пиротехника, Китайскія тѣни, изумляли всѣхъ своею волшебною роскошью. Но молодыхъ посѣтителей болѣе всего привлекала къ Шреккенфельду дѣвушка, которую называлъ онъ своею дочерью.

Не знаю, какъ описать вамъ *Адельгейду*: она уподоблялась дикой симфоніи Беетховена, и дѣвамъ Валкиріямъ, о которыхъ пѣвали Скандинавскіе Скальды. Ростъ ея былъ средній, лицо удивительной бѣлизны, но не представляло ни стройной красоты Греческой, ни выразительной красоты Востока, ни пламеннаго очарованія красоты Итальянской; оно было задумчиво, прелестно, походило на лица Мадоннъ Альбрехта Дюрера. Чрезвычайно спройная, съ русыми, въ длинные локоны завитыми волосами, въ бѣ-

Digitized by Google

ломъ плашьѣ, Адельгейда казалась духомъ той Поэзіи, который вдохновлялъ Шиллера, когда онъ описывалъ свою Теклу, и Гёте, когда онъ изображалъ свою Миньону. Вечера Шреккенфельда отличались тѣмъ отъ обыкновенныхъ зрѣлищъ за плату, что хозяинъ и дочь его не собирали при входѣ билетовъ, и собраніе у нихъ походило на вечернее сборище гостей. Шреккенфельдъ и Адельгейда казались добрыми хозяевами, и пока артисты разыгрывали разныя музыкальныя пьесы, ливрейные слуги угощали посѣтителей безъ всякой платы, а онъ и она занимали гостей разговорами, самыми увлекательными, веселыми, разнообразными. Зашѣмъ, какъ будто нечаянно, хозяинъ начиналъ разсуждать о Природѣ, ея таинствахъ, и принимался за опыты. Но всѣ ждали нетерпѣливо того времени, когда Адельгейда являлась на сцену. Она обладала удивительными дарованіями въ Музыкѣ, говорила на нѣсколькихъ языкахъ, и, не смотря на ея всегдашнюю холодность и задумчивость, разговоръ Адельгейды былъ блестящъ, увлекателенъ. Замѣтно было, что она выходила на сцену неохотно. Обыкновенно начинала она игрою на фортепіано, а чаще на арфѣ. Задумчивость ея исчезала постепенно — игра переходила въ фантазію; звуки лились, какъ будто изъ ея души — голосъ ея соединялся съ звуками арфы. Тогда глаза ея начина-

Digitized by Google

ли сверкать огнемъ восторга. Она пѣла, декламировала, оставляла арфу, читала стихи Гёте, Шиллера, Бюргера, Клопштока. Раздавались звуки невидимой гармоники, скрытой отъ зрителей, и потрясали душу. Каждый думалъ иногда, что видитъ въ Адельгейдѣ какое-то воздушное существо, каждый ждалъ, что она разсѣется, исчезнетъ легкимъ туманомъ. Тогда только раздавались рукоплесканія зрителей, когда Адельгейда уходила со сцены, скрывалась отъ взоровъ, и къ звукамъ гармоники присоединялся шумный хоръ музыкантовъ. Адельгейда не являлась уже къ зрителямъ послѣ игры и декламаціи, и Шреккенфельдъ оканчивалъ вечера изумительными фокусами, или фантасмагоріею.

Слухи о вечерахъ Шреккенфельда, и особенно объ его Адельгейдѣ, привлекали къ нему молодежь. Каждый шелъ посмотрѣть на нее, какъ на кочевую комедіянтку, походную пѣвицу. Но каждаго изумлялъ взглядъ на нее и, особенно, разговоръ ея. Свобода обращенія Адельгейды съ молодыми людьми представляла разительную противоположность съ ея холодностью. Одинъ взоръ Адельгейды останавливалъ двусмысленный разговоръ, или дерзкое слово самаго безразсуднаго вѣтренника, а ея дарованія заставляли забывать, что она была дочь какого-

Digitized by Google

то шарлатана, и показывала опыты необыкновенныхъ дарованій своихъ за деньги.

Шреккенфельдъ скоро составилъ у себя особенные, частные вечера, давая публичные вечера только одинъ разъ въ недѣлю. Онъ занималъ богатую квартиру, и всякій, кто былъ порядочно одѣтъ, и знакомился съ нимъ на публичныхъ его вечерахъ, имѣлъ право придти къ нему на частный вечеръ, и привести съ собою знакомаго. Совершенная свобода была въ этихъ собраніяхъ, хотя видъ Адельгейды удерживалъ всѣхъ въ совершенной благопристойности. Шреккенфельдъ былъ неистощимъ въ занятіи гостей: пѣніе, музыка, опыты ученые, декламація и игра Адельгейды, занимали однихъ — большая карточная игра другихъ. Шреккенфельдъ держалъ огромный банкъ, выигрывалъ и проигрывалъ большія суммы, хотя самъ никогда не садился играть, и только повсюду надзиралъ своими зелеными, лягушечьими глазами. Онъ внушалъ всѣмъ какое-то невольное отвращеніе, такъ, какъ Адельгейда всѣхъ привлекала собою. Не льзя было не удивляться обширнымъ знаніямъ Шреккенфельда; прямомъ, онъ свободно говорилъ на пяти, или шести языкахъ; но всякое движеніе его было разочтено, продажно. Онъ казался всезнающимъ демономъ, а Адельгейда духомъ свѣта, котораго заклялъ, очаровалъ этотъ демонъ, и держитъ въ

Digitized by Google

цѣпяхъ. Внезапный восторгъ, одушевлявшій задумчивую Адельгейду при Музыкѣ и Поэзіи, можно было почесть мгновеніемъ, въ которое этотъ ангелъ свѣта вспоминаетъ о своемъ прежнемъ небѣ.

Посѣтивъ раза три Шреккенфельда, я, какъ и другіе, былъ очарованъ Адельгейдою. Но это не была любовь. Я смотрѣлъ на Адельгейду, какъ на волшебное привидѣніе какое-то, какъ на созданіе изъ звуковъ Музыки и словъ Поэзіи. Съ восторгомъ говорилъ я объ ней Антіоху. Онъ смѣялся, и отвѣчалъ мнѣ, что одинъ видъ шарлатана ему отвратителенъ, и, не смотря на то, что многіе шарлатаны обладаютъ тайнами знаній, неизвѣстными ученымъ, дарованіями, какими могли-бы гордиться художники, онъ всегда видитъ въ нихъ презрѣнныхъ торгашей божественными дарами, ремесленниковъ, унижающихъ величіе человѣка. «Признаюсь тебѣ, Леонидъ, что женщина, показывающая *за деньги* свои дарованія, есть для меня твореніе нестерпимое. Я могу равнодушно смотрѣть на паяца, на фокусника, но на пѣвицу — не могу, все равно, что на эквилибристку! Смѣйся, но я не пошелъ слушать Каталани въ ея концертѣ, и слышалъ ее въ частномъ домѣ — не пошелъ-бы въ концертъ ни Малибранъ, ни Паста! Одинъ видъ приставника, который отбираетъ у меня

Digitized by Google

билетъ при входѣ, поворачиваетъ мое сердце, и разрушаетъ для меня очарованіе. Иное дѣло въ Театрѣ, гдѣ все является мнѣ въ какомъ-то оптическомъ обманѣ.»..

Но я уговорилъ его идти къ Шреккенфельду. Антіохъ сѣлъ въ дальнемъ углу залы, холодно слушалъ музыку, невнимательно смотрѣлъ на опыты Шреккенфельда. Онъ видѣлъ и Адельгейду, но, казалось, не замѣчалъ ея. Въ ту минуту, когда Адельгейда сѣла за арфу, обратила взоры къ небесамъ, и начала тихими аккордами, движеніе Антіоха заставило меня взглянуть на него. Я увидѣлъ, что глаза его загорѣлись. Чудные звуки арфы слились съ голосомъ Адельгейды — Антіохъ едва могъ сидѣть на мѣстѣ. Неизъяснимая грусть, смѣшанная съ какою-то радостью, что-то непонятное для меня изображалось на лицѣ Антіоха. Надобно сказать, что въ этотъ роковой вечеръ и Адельгейда была очаровательна, неизобразима! Когда она оставила арфу, и начала декламировать, съ вдохновеннымъ взоромъ, съ горящими щеками, съ глазами, полными слезъ — я не посмѣлъ-бы влюбиться въ нее: такъ не-земна казаалсь мнѣ Адельгейда! Она читала чудное посвященіе Фауста, и эти столь извѣстныя слова:

Digitized by Google

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten!
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.
Versuch' ich wohl euch diessmal fest zu halten?
Fühl' ich mein Herz noch jenem Wahn geneigt (*)?

казались импровизаціею въ устахъ Адельгейды; казалось, что мы слышимъ ихъ въ первый разъ! Когда-же *звуки смычка, водимаго по сердцу человѣческому* (какъ сказалъ о гармоникѣ нашъ извѣстный поэтъ) раздались въ залѣ, и среди ихъ умолкающихъ, замирающихъ переливовъ, Адельгейда произнесла —

Und mich ergreift ein längst entwöhntes Sehnen
Nach jenem stillen ernsten Geisterreich.
Es schwebet nun in unbestimmten Tönen,
Mein lispelnd Lied, der Aeolsharfe gleich,
Ein Schauer fasst mich, Thräne folgt den Thränen,
Das strenge Herz es fühlt sich mild und weich;
Was ich besitze seh' ich wie in weiten,
Und was verschwand wird mir zu Wirklichkeiten (**)!

(*) Опять ты здѣсь, мой благодатный геній,
Воздушная подруга юныхъ дней!
Опять, съ толпой знакомыхъ привидѣній,
Тѣснишься ты, Мечта, къ душѣ моей!
Жуковскій.

(**) И снова въ томномъ сердцѣ возникаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,

Digitized by Google

слезы потекли изъ глазъ ея — Антіохъ закрылъ свои глаза платкомъ, и пока раздавались рукоплесканія, онъ поспѣшно ушелъ изъ собранія.

Дня три послѣ того не удалось мнѣ видѣться съ Антіохомъ. Я застылъ его смущеннаго, блѣднаго. Пропивъ обыкновенія, онъ не ходилъ въ нашъ Департаментъ, и дома ничего не дѣлалъ, расхаживалъ взадъ и впередъ, сложа руки.

— Ты боленъ, Антіохъ? спросилъ я.

«Нѣтъ, кажется, а впрочемъ, можетъ быть, и боленъ.» Онъ замолчалъ, продолжалъ ходить, и вдругъ остановился передо мною, когда я сѣлъ, и въ безпокойствѣ смотрѣлъ на него.

«Леонидъ!» — сказалъ онъ мнѣ. — «Какой злой духъ внушилъ тебѣ мысль увлечь меня къ Шреккенфельду, къ этому демону, волшебнику? Въ какомъ мірѣ жилъ я эти дни? Что я чувствовалъ? Что этозаговорило для меня во всей При-

---

Чуть слышимый, какъ Генія полетъ,
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ;
Погибшее опять одушевленнымъ. . .

Жуковскій.

Digitized by Google

родѣ? Что вложило душу и голосъ во всѣ бездушные предметы, и слило голоса всего въ одинъ звукъ, въ одно имя, которое безпрестанно рѣжетъ мнѣ слухъ мой, вползаетъ въ душу мою адскою змѣею, и сосетъ мое сердце?»

— Антіохъ! неужели Адельгейда произвела на тебя такое сильное впечатлѣніе?

Впечатлѣніе! Не *любовь*-ли скажешь ты? Неужели это любовь— *любовь*, этотъ палящій ядъ, который течетъ теперь по моимъ жиламъ, и въ каждой изъ нихъ бьется тысячью аневризмовъ? О, нѣтъ! это не любовь! Я не люблю, не уважаю Адельгейды — торговки своими дарованіями, дочери воплощеннаго демона! Я — презираю ее! Но это какое-то очарованіе, отъ котораго, какъ отъ взора гремучей змѣи, спирается мое дыханье, кружится моя голова — это какое-то непонятное чувство, похожее на усиліе, съ какимъ вспоминаемъ мы о чемъ-то быломъ, о чемъ-то знакомомъ, забытомъ нами. . . Леонидъ! я видалъ, я зналъ когда-то Адельгейду — да, я зналъ ее, зналъ. . . О, въ этомъ никто не разувѣритъ меня!.. Я зналъ ее *гдѣ-то*; она была тогда ангеломъ Божіимъ! И слѣды грусти на лицѣ ея, и этотъ взоръ, искавшій кого-то въ толпѣ, все сказываетъ, что она жила гдѣ-то въ странѣ той, гдѣ я видалъ ее, гдѣ и она знала меня. . . Но гдѣ,

Digitized by Google

гдѣ? Не на Альпахъ-ли раздавался ея голосъ, и закипѣлъ въ моемъ сердцѣ слезами памяти? Не на Лаго-ли Маджіоре онъ носился надо мною, и запалъ въ душу, съ памятью объ яхонтовомъ небѣ Ишаліи?»

Аншіохъ разсказалъ мнѣ, что третьяго дня, оставивъ собраніе Шреккенфельда, онъ бродилъ всю ночь, самъ не зная гдѣ. Слова, голосъ, музыка Адельгейды преслѣдовали его, терзали, заставляли его плакать, и только говоръ пробудившагося, зашевелившагося по улицамъ народа напомнилъ ему самого себя. Онъ заперся у себя дома, и на другой день, самъ не зная какъ, вечеромъ, желая подышать свободнымъ воздухомъ, рѣшась идти за городъ, или на взморье, онъ опять очутился у Шреккенфельда, сѣлъ въ углу, и смотрѣлъ на Адельгейду. «Думаю» — продолжалъ Аншіохъ «что я походилъ на всѣхъ другихъ, бывшихъ у прокляпаго шарлатана этого, потому, что никто не изумлялся, не дивился мнѣ. Помню, что кто-то даже рекомендовалъ меня Шреккенфельду. А если-бы знали люди, *что* тогда былъ я, *что* была тогда душа моя!..»

Адельгейда декламировала на сей разъ только пѣсню Теклы. Не стану читать вамъ Нѣмецкаго подлинника. Въ плѣнительныхъ сти-

Digitized by Google

хахъ Жуковскаго, можетъ быть вамъ, будетъ понятнѣе этотъ *Голосъ съ того свѣта*:

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла...
О другъ! я все земное совершила:
Я на землѣ *любила* и *жила*!
Нашла-ли ихъ? Сбылись-ли ожиданья?
Безъ страха вѣрь: обмана сердцу нѣтъ —
Сбылося все! Я въ сторонѣ свиданья,
И знаю *здѣсь*, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ!
Другъ! на *землѣ* великое не тщетно!
Будь твердъ, а *здѣсь* тебѣ не измѣнятъ!
О милый! *здѣсь* не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто — ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ!
Не унывай! Минувшее съ тобою!
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ.
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою —
Сверши одинъ начатое вдвоемъ!

Адельгейды не стало; но Антіохъ не двигался съ мѣста, сидѣлъ неподвижно, и тогда только опомнился, когда Шреккенфельдъ подошелъ къ нему, и что-то началъ ему говорить. Антіохъ увидѣлъ, что всѣ разошлись, зала опустѣла, и онъ былъ одинъ. Схвативъ шляпу свою, онъ поспѣшилъ за другими. Шреккенфельдъ провожалъ его самымъ учтивымъ образомъ, и просилъ посѣщать впредь, потому,

Digitized by Google

что онъ видитъ въ немъ особеннаго знатока и любителя Изящныхъ Искусствъ.

« Видъ его, какая-то злобная радость, какая-то демонская улыбка, были мнѣ такъ отвратительны, что я далъ себѣ слово никогда не бывать у него болѣе.

« Но, вообрази, что вчера я опять очутился у него; меня влекла какая-то не видимая, непостижимая сила. Адельгейда декламировала пѣсню Миньоны (*)... Но она была выше, лучше, чудеснѣе Миньоны. . .

Аншіохъ закрылъ лицо руками, и бросился въ кресла.

« Аншіохъ ! » сказалъ я — « ты любишь Адельгейду ! »

— Нѣтъ !

« Что-же это, если не любовь ? —

S'amor non è, che dunque è quel ch'io sento ?

спросилъ я его. Не знаю самъ, какъ пришелъ мнѣ тогда въ голову этотъ стихъ.

(*) Ты зналъ-ли край, гдѣ нѣгой дышитъ лѣсъ,
Златой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ,
И вѣперокъ край неба холодитъ,
И тихо миртъ, и гордо лавръ стоитъ ?
Туда, туда !

Жуковскій.

Digitized by Google

— Прочь съ твоимъ водянымъ Петраркою!— вскричалъ нетерпѣливо Аншіохъ — прочь съ стихами! я проклинаю ихъ: они сводятъ съ ума добрыхъ людей! Не ошъ нихъ-ли столько народа, который былъ-бы порядочнымъ народомъ, сдѣлалось никуда негодными повѣсами! И не глупость-ли заниматься дѣтскимъ подборомъ созвучныхъ словъ, нанизывать ихъ вмѣстѣ, на нитку одной идеи, и этой погремушкой дурачить потомъ другихъ, заставлять ихъ вѣрить, что будто въ этой игрѣ колокольчиковъ заключено что-то небесное, божественное! Дурацкую шапку, дурацкую шапку Гёте, Шиллеру, всѣмъ, всѣмъ поэтамъ, за то, что они заводятъ насъ въ глупыя положенія, разлучаютъ съ дѣломъ, съ настоящею жизнью, разстроиваютъ насъ нелѣпыми мечтами!..

Онъ замолчалъ, ходилъ большими шагами, и вдругъ спросилъ меня очень спокойно: «А согласись, что ты не слыхивалъ, кто-бы читалъ стихи лучше Адельгейды? Не показываетъ-ли это глубокое сочувствіе Поэзіи, это непостижимое сліяніе восторга Музыки и Стиховъ, души, нѣкогда бывшей великою, Ангеломъ, Пери — не знаю чѣмъ! И вотъ она человѣкъ, ничтожный, какъ другіе — дѣлаетъ книксъ за десять рублей, которые ты даешь ей, чтобы

Digitized by Google

она, и съ отцомъ своимъ, не издохла съ голоду! Ха, ха, ха!

Я молчалъ. И что могъ я сказать? Какой отводъ поставить противъ этой бури, разразившейся надъ пороховымъ арсеналомъ?

Und mich ergreift ein längst entwöhntes Sehnen
Nach jenem stillen ernsten Geisterreich —

произнесъ глухо Антіохъ. Видно было, что съ усиліемъ хотѣлъ онъ обновить на лицѣ своемъ обыкновенную, презрительную, насмѣшливую улыбку, но забылъ — какихъ мускуловъ движеніемъ производилась она. «Право, Леонидъ!» сказалъ онъ — «я не люблю Адельгейды; но только меня мучитъ мысль: гдѣ видалъ я ее? Гдѣ, гдѣ? Не помню, не знаю; но я ее видалъ, точно видалъ—и это время было самое счастливое въ моей жизни, блаженное время! Мнѣ кажется, что если-бы я могъ только его припомнить, то одного воспоминанія было-бы достаточно для счастія всей остальной моей жизни! Леонидъ! не говорилъ-ли, не сказывалъ-ли я тебѣ чего нибудь подобнаго, о какой нибудь дѣвушкѣ?

Я трепеталъ, и не могъ выговорить ни одного слова. Увы! я предчувствовалъ, я предвидѣлъ гибель, въ которую упалъ Антіохъ; я припоминалъ слова его: *Умремъ, моя мечта, умремъ, да и на что намъ жить?* Я соображалъ

Digitized by Google

его мечтательный характеръ, его мистическое направленіе; трепеталъ, что онъ попался теперь въ руки шарлатана, всѣми поступками доказывавшаго, что для него нѣтъ ни Бога, ни грѣха; въ руки бродящей пѣвицы, походной комедіянтки, которая самое кокетство, можетъ быть, почитаетъ однимъ изъ средствъ пропитанія. . .

Въ этотъ вечеръ явился я къ Шреккенфельду, предчувствуя, что Антіохъ будетъ тамъ; я желалъ разсмотрѣть все, поклявшись быть ангеломъ-хранителемъ моего друга. Шреккенфельдъ былъ ко мнѣ отмѣнно ласковъ. «Придетъ-ли сего дня вашъ почтенный пріятель, Г-нъ Антіохъ?» спросилъ онъ меня. «Мы приготовляемъ репетицію Бетховеновой симфоніи, а онъ, кажется, отличный знатокъ и любитель. Пойдемъ-те къ намъ — здѣсь намъ помѣшаютъ.» Въ залѣ сидѣло за карточными столами нѣсколько игроковъ.

Мы прошли черезъ нѣсколько комнатъ, и очутились въ круглой, внутренней комнатѣ. Тутъ нѣсколько человѣкъ разбирали партитуру, и готовили инструменты. Адельгейда держала въ рукахъ ноты, задрожала, услышавъ голосъ отца, и съ трепетомъ обернулась къ намъ; при взглядѣ на меня, глубокій вздохъ вылетѣлъ изъ ея груди, и, казалось, облегчилъ ее. Съ изумле-

Digitized by Google

ніемъ прочиталъ я въ глазахъ Адельгейды чувство: «Слава Богу! это не онъ!»

До сихъ поръ я видалъ ее только на сценѣ, въ видѣ пѣвицы, актрисы; теперь въ первый разъ увидѣлъ я ее по домашнему, въ простомъ, хотя и щегольскомъ капотѣ. Она показалась мнѣ такъ мила, въ движеніяхъ ея была такая простота, въ глазахъ ея свѣтилась такая чистая невинность, что мнѣ стало совѣстно самого себя, когда я вспомнилъ всѣ оскорбительныя подозрѣнія, какими обременялъ Адельгейду.

Все вокругъ меня показывало довольство. Серебряный чайный сервизъ стоялъ на столикѣ. Адельгейда подошла къ нему, и начала приготовлять чай. Вмѣсто разговорчивой, блестящей пѣвицы, я видѣлъ молчаливую, тихую дѣвушку, задумчивую, грустную. Шреккенфельдъ, усадивъ меня, началъ веселый разговоръ. Адельгейда молчала.

— Неужели, милое, чудное созданіе! — думалъ я, смотря на нее, пока говорилъ Шреккенфельдъ — неужели тебѣ суждено погубить моего друга, моего пламеннаго Антіоха? Между вами нѣтъ, и не можетъ быть никакихъ отношеній: ты *не для него*, и онъ *не для тебя*! Вижу, что ты сама чувствуешь униженное, презрительное свое состояніе — иначе, отъ

Digitized by Google

чего-же грусть твоя? Отъ чего это глубокое выраженіе печали на лицѣ твоемъ?

Тутъ явился слуга, и сказалъ что-то Шрекенфельду. Онъ поспѣшно вышелъ, и черезъ минуту мы снова услышали голосъ его: онъ возвращался — съ нимъ былъ Антіохъ!

Задумчивъ, мраченъ вошелъ Антіохъ. Презрѣніе, негодованіе изображались на лицѣ его, и онъ былъ ужасно блѣденъ. Взглядъ на Адельгейду не произвелъ въ немъ никакой радости. Я замѣтилъ только одно выраженіе, какъ будто Антіохъ, съ трудомъ, совершенно разсѣянный, что-то старался вспомнить. Еще внимательнѣе глядѣлъ я на Адельгейду: она задрожала, услышавъ голосъ, увидѣвъ самого Антіоха; щеки ея вспыхнули, но какъ будто отъ усиленной скорби, отъ негодованія; глаза ея поднялись къ небу, опустились въ землю, и украдкою отерла она слезу.

Началась репетиція симфоніи. Антіохъ, молча, сѣлъ въ сторонѣ; Шреккенфельдъ давалъ какіе-то знаки Адельгейдѣ; умоляющій взоръ Адельгейды обратился къ отцу, и въ глазахъ отца сверкнулъ иногда ужасающій гнѣвъ, злость. Поспѣшно вышла Адельгейда. Шреккенфельдъ мгновенно перемѣнилъ свою, удивительно подвижную физіогномію въ самую ласковую, сѣлъ подлѣ меня, и занялъ меня разговоромъ, какъ буд-

Digitized by Google

шо не обращая вовсе вниманія на Антіоха. Но мы замолчали, когда безумные звуки Беетховена начали развиваться въ неизобразимыхъ аккордахъ. Среди глубокой тишины всѣхъ, вдругъ услышалъ я позади себя восклицаніе Антіоха: *Это она*! Съ безпокойствомъ оборачиваюсь, и вижу, что Адельгейда сидитъ подлѣ Антіоха, и глядитъ на него, испуганная, съ изумленіемъ. Рука ея была въ рукѣ Антіоха. Радость, восторгъ, изумленіе, небесное чувство Поэзіи, изображались въ глазахъ его; жаркій румянецъ горѣлъ на его щекахъ. *Это она — я узналъ ее*! говорилъ Антіохъ, забывъ, что тутъ есть посторонніе свидѣтели, что тутъ отецъ Адельгейды. Она вырвала у него свою руку, отступила на два шага, и поспѣшно ушла изъ комнаты.

(Окончаніе въ слѣд. N°).

Digitized by Google

ДѢВИЦЫ-НЕВѢСТЫ (*).

Маленькій жеребенокъ сталъ добрымъ конемъ, годился въ ремонтъ, и вотъ бѣдняжку ведутъ на рынокъ, и кричатъ: «Не угодно-ли? Цѣна, вотъ столько-то. Посмотрите какія стройныя ноги, какая гладкая шерсть, какой крестецъ; голову держитъ прямо; грудь у него широкая; прыткъ не хуже оленя. Если угодно знать годы его, загляните въ зубы; если не вѣрите что онъ красиво ходитъ, посмотрите.»

Я слыхалъ людей умныхъ, которые жалуются, что не льзя сдѣлать того-же съ дѣвицами, что не льзя къ воротамъ прибить бумажки, съ надписью: «*Имѣется для замужства дѣвица*,

(*) Сочинитель этой смѣшной статейки, Французъ Ренье Детурбе, готовъ божиться, что онъ разсказываетъ не сказки. Можетъ быть землячки его, вѣтренницы француженки, точно таковы, какими описываетъ ихъ онъ. Прочитайте остряка Француза и скажите: неужели у насъ встрѣчается тоже на всякомъ шагу? *Прим. Перев.*

Digitized by Google

красивая, съ злато-красными волосами, семнадцати лѣтъ (по спискамъ), приготовленная и для кухни и для гостиной. Спросить у дворника.»

Жалобы этихъ людей не имѣютъ никакого основанія. Я не знаю ничего на свѣтѣ, что такъ ясно объявляло-бы о себѣ, какъ дѣвица-невѣста: въ этомъ не сравняются съ нею никакія вывѣски и аффишки, никакія крупныя и готическія, черныя и пишульныя буквы. Гдѣ искательный взглядъ замужней женщины говоритъ: Удивляйся мнѣ! тамъ ободрительная физіогномія дѣвицы кричитъ: Женись на мнѣ! Этотъ голосъ природы разнообразится тысячью различныхъ выраженій, смотря по тому, гдѣ и какъ встрѣчаете вы дѣвицу.

На балѣ, напримѣръ: пусть будетъ ей хотябы полныхъ двадцать девять лѣтъ, она вся въ бѣломъ; плеча ея закрыты такъ стыдливо; голова украшена однимъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ, какъ у пятнадцатилѣтней дѣвочки. Она будетъ *дѣлать глазки* дюжинѣ танцоровъ, изъ которыхъ каждый отдѣльно вообразитъ себя счастливымъ предметомъ внезапной страсти. Во время танцевъ, любовь ея взглядовъ будетъ дѣлиться между разными кандидатами въ мужья, или, поучтивѣе, между людьми, которые могутъ изъявить почтенныя намѣренія; но пока

Digitized by Google

другіе дѣлаютъ фигуры, все время ея посвященное должностному кавалеру: съ нимъ будетъ она добра, его будетъ слушать охотно, ему разскажетъ, сколько ночей она провела на балахъ, и сколько приглашеній зовутъ ее на балы еще. Букетъ цвѣтовъ, который держитъ она въ рукѣ, доставитъ столько разговоровъ, что ими наполнится все время отъ *la pastourelle* до *trénis*. Она и не подумаетъ отдѣлываться отъ вашихъ вопросовъ; она будетъ продолжительно и подробно отвѣчать, вызывая тѣмъ и вашу довѣренность: тогда выскажете вы, кто вы, и разговоръ замѣнитъ вашу карточку. А послѣ этого будетъ видно, можно-ли пожертвовать вамъ вечеромъ и презрѣть другихъ искателей; потому что если отъ васъ будутъ пропущены партіи, которыя могли-бы встрѣтиться на балѣ, это не хорошо. Больше всего старается она узнать ваше имя: мило оно, или обыкновенно? Хорошо или дурно звучитъ оно? Имя-ли это дворянина, или имя Прапорщика? Ваше лицо — Богъ съ нимъ! Оно не прильнетъ; а имя... понимаете. И если вы пошли на удочку, если вы заставили предполагать въ васъ все, чего можно требовать отъ лица отвѣтственнаго (потому что мужъ есть не иное что), то пара блистающихъ глазъ устремлена на васъ, преслѣдуетъ, не оставляетъ васъ ни на минуту. Весь этотъ вечеръ

Digitized by Google

можете пріятно занять страстью, а на другой день вспылать новою, если эта недовольно забавляла васъ. Но подождите окончанія: когда настанетъ время разъѣзжаться, когда папенька, дядюшка или братецъ встанутъ изъза экарте, когда маменька окутаетъ шалями и боа слабую шею своей дочки, повяжетъ ей около щекъ платочекъ en marmotte, наброситъ на плеча ея, еще влажныя, шелковое манто, посмотрите тогда, посмотрите: милое личико оборотилось къ вамъ, на васъ бросаютъ послѣдній взглядъ, къ вамъ относится это нѣжное farewell, l'adieu. Или вы женитесь на ней, или у васъ самое дурное сердце.

Въ обществѣ, дѣвица-невѣста никогда не вмѣшивается въ разговоры важные, и хотя она занята молодыми людьми больше нежели молодыми дѣвушками, она говоритъ только о тряпкахъ куклы, о пансіонскихъ подругахъ, съ которыми прыгала, скакала, играла à la dînette, много смѣется, говоритъ простодушно, и—особенно—старается найдти какого нибудь малюшку, какую нибудь собаченку, для того чтобы, передъ мужчинами, безпрестанно цѣловать это существо, говорить ему больше всѣхъ, и сдѣлать его помощникомъ своей роли.

За столомъ, она не ѣстъ ничего: развѣ съѣстъ крошку бѣлаго мяса дичины,

Digitized by Google

или какихъ нибудь обсахаренныхъ плодовъ. Вина не увидите въ ея стаканѣ: всегда вода, какъ будто для того чтобы сказать вамъ: «Видите-ли: я птичка, я барашекъ; я питаюсь только цвѣтами полей, и утоляю жажду только струей ручейковъ; только и живу поцѣлуями; кормить меня стоитъ недорого.» Вечеромъ, когда разъѣхались всѣ гости, этотъ барашекъ съѣдаетъ, вмѣсто ужина, два добрые ломтя баранины, столь страшной для нея во время обѣда.

На прогулкахъ, дѣвицы-невѣсты замѣтны для самаго недальновиднаго, замѣтны тѣмъ робкимъ видомъ, съ которымъ онѣ опираются на руку своихъ маменекъ, и прижимаются къ нимъ, точно какъ цыплята къ курицѣ. Эти хитрыя особы не носятъ перьевъ на шляпахъ: ни перьевъ, ни шалей, чтобы не испугать жениховъ, которые очень знаютъ, что въ Парижѣ не валяются на мостовыхъ страусовы перья и ткани Индѣйскія. Посмотрите, не говоритъ-ли вамъ этотъ робкій видъ: «Ко мнѣ, ко мнѣ; видишь какъ я скромна; я дѣвица; вотъ маменька моя, которую люблю всѣмъ сердцемъ и готова промѣнять на мужа. Хочешь-ли жениться на мнѣ? Рѣшайся скорѣе; или я займусь другими.

Если вы походите на жениха, если извѣстно, что вы въ числѣ жениховъ, и дѣвица забу-

Digitized by Google

дешь польщишь вамъ взглядомъ, но сопутница-маменька не забудетъ этого никогда. Она станетъ ласкать васъ лицомъ, любить глазами, какъ-бы говоря: «Прекрасный молодой человѣкъ!» И все это въ видѣ поясненія или перевода словъ: «для дочери моей, которая не смѣетъ говорить.» Есть одно, но только *одно* средство избѣгнуть ея преслѣдованій матери, у которой дочери невѣсты: это, быть безъ званія, безъ имени и безъ денегъ. Иначе, она будетъ преслѣдовать васъ, ловить, гонять до тѣхъ поръ, покуда вы не падете отъ усталости, или покуда другой, какой нибудь молодой холостякъ, не бросится черезъ дорогу, не заставитъ потерять слѣда вашего и гнаться за собой. Самое большое удовольствіе, самое, такъ сказать, благородное занятіе для матери, искать жениховъ. Она растягиваетъ свои сѣти вездѣ: въ концертѣ, за обѣдомъ, въ церкви, потому что для нея все равно. Съ безпокойствомъ ожидаетъ она мужчины, богатаго старичка, или молодаго влюбленнаго. Онъ является; она ни съ мѣста; она допускаетъ его подойдти, поближе, еще поближе, и какъ скоро видитъ, что лапа его завязла въ силкахъ, она кидается, опутываетъ, обвиваетъ его со всѣхъ сторонъ, схватываетъ его голову, сердце, чувства, честь; онъ бьется, кричитъ; его опутываютъ еще болѣе, связываютъ еще

Digitized by Google

крѣпче, завязываютъ глаза. Женись! Какая нужда что̀ сдѣлаетъ онъ послѣ, когда оглядится. Женись! Кошелекъ или жизнь!... Чтобы выдать за-мужъ свою дочь, женщина, впрочемъ самая добрая, готова отречься отъ Бога. Мать трехъ дочерей-невѣстъ, способна на все; а та, у которой четыре дочери — готова зарѣзать человѣка (*).

Иную дѣвушку выдаютъ за-мужъ, и поскорѣе, отъ того что малютка отличалась всегда особеннымъ да̀ромъ: двѣнадцати лѣтъ играла она съ сыномъ дворника, пятнадцати переглядывалась съ прикащикомъ ближней лавки, пятнадцати хотѣла, чтобы ее похитилъ какой нибудь бульварный зѣвака, или заѣзжій шарлатанъ, именующій себя Бразильцемъ и Кавалеромъ Шпоры.

Другую выдаютъ за-мужъ, потому что она груститъ: ей надобна кукла.

Третью, потому что она больна, и Медики, ни сколько не понимая болѣзни ея, сказали: пора-бы за мужъ.

(*) Все это говорится о Француженкахъ. *Примѣч. Перевод.*

Digitized by Google

Четвертую выдаютъ за-мужъ потому, что она хочетъ выѣзжать одна. Подрать ее за уши, конечно было-бы лучше, и я отъ сердца жалѣю о мужчинѣ, который женится на такомъ кавалерѣ.

Но большая часть, то есть толпа, *масса* дѣвушекъ выходитъ за-мужъ для того, чтобы нашить себѣ приданаго, накупить драгоцѣнныхъ вещей, имѣть лишнюю уборку на платье, и называться Madame.

Когда дѣвушка, Парижанка, испачкала чернымъ карандашемъ листъ эстампной бумаги, избила свое форшепіано, къ удовольствію Гг. Бака или Циммермана, маменька, или содержательница пансіона, везетъ ее въ театръ, въ эту школу вольностей, гдѣ одно смѣшное Почитается преступленіемъ, гдѣ соблазнительное прикрашено величіемъ несчастія, гдѣ заблужденія страстей извлекаютъ слезы, столько-же виновныя какъ сами заблужденія. Туда-то везутъ молодую дѣвушку, тамъ-то, въ рамахъ ложи, выставляютъ разгоряченную голову ея жаднымъ взглядамъ скотовъ, наполняющихъ циркъ. И вы жалуетесь, что она блекнетъ преждевременно, что она увядаетъ прежде захожденія солнца! Вглядитесь, и вы увидите что ея вниманіе напряжено, глаза блестятъ, когда нѣжная кисть Скриба разрисовываетъ эти сцены,

Digitized by Google

такъ искусно подгошовленныя и сплавленныя, что испорченность входитъ въ сердца, между тѣмъ какъ никто не укажетъ гдѣ, въ какихъ словахъ она; никто, самый строгій человѣкъ, не можетъ привязаться ни къ чему. И потому-то дѣвушка любитъ самый театръ, а не добродушную веселость нашихъ старинныхъ писателей. Двусмысленное словцо волнуетъ ложи и восхищаетъ партеръ; дѣвушка не понимаетъ его; такъ скажете вы, по крайней мѣрѣ глядя на ея безстрастный видъ; но я увѣряю васъ, что она поняла его очень хорошо и очень ясно. Да, я не знаю страннаго слова, которое не было-бы доступно понятію этихъ ангеловъ, воспитанныхъ въ пансіонахъ! Самыя дивныя фигуры, написанныя углемъ на стѣнахъ, самыя грубыя, мужицкія брани, и комплименты солдатскіе, которыми выражаетъ свои мысли поденьщикъ, все понимаютъ онѣ. Если-бы Генрихъ Монье написалъ при нихъ одну изъ тѣхъ каршинокъ, которыми иногда ужасаетъ онъ молодежь за завтраками, я увѣренъ, что онѣ расхвалили-бы его и сказали, какъ мы: «Славно, Монье! Точно такъ!» Но, ради Бога, отъ чего знаютъ онѣ это? Развѣ есть для этого курсы въ Парижскихъ пансіонахъ? Или это просто взаимное обученіе, гдѣ учителемъ инстинктъ и вѣчная привлекательность зла?

Digitized by Google

А браки?.. Послушайте. Молодые люди часто видятъ въ улыбкѣ дѣвицы-невѣсты улыбку Фортуны, то есть видятъ прекрасныхъ лошадей, ложу въ театрѣ, прелестныя ливреи, изъ свѣтло-голубаго сукна, облитыя золотомъ, усладительную столовую, гдѣ шумятъ друзья, брызжетъ Шампанское... На другой день брака открывается, что этого и не бывало, и что они сами пристыженные обманщики, обманутые въ скаредныхъ замыслахъ своихъ какимъ нибудь уродцомъ.

Я зналъ одного молодаго человѣка. Онъ не заслуживалъ наказанія за грѣхъ сребролюбія, но стоилъ его за глупость, грѣхъ гораздо больше опасный. На балконѣ дома, прямо противъ его оконъ, каждый вечеръ замѣчалъ онъ молодую дѣвушку, очень обыкновенную, но у которой голова, хотя неправильная, была украшена тучею волосовъ, русыхъ, пепловидныхъ, нѣжныхъ, шелковистыхъ, такъ что можно было сойдти съ ума отъ нихъ. Молодой пріятель мой то и сдѣлалъ. Только и говоритъ, только и мечтаетъ о русыхъ волосахъ, и проводитъ дни прикованный къ своему окну, ожидая, скоро-ли появится дѣва. Она появлялась довольно благосклонно, и ея маленькіе стеклянные глаза не казались враждебными къ удивленію молодаго человѣка. Однажды, онъ показалъ ее мнѣ,

Digitized by Google

говоря: «Можетъ быть есть лица, въ которыхъ больше правильной красоты; но посмотри на этотъ восхитительный окладъ вокругъ головы! Вообрази блаженство дотронуться до этихъ локоновъ, утонуть въ этихъ букляхъ!..» — Ты, видно, принадлежишь къ той высокой школѣ — отвѣчалъ я — которая видитъ въ жизни одну минуту, одну любовь, одну женщину. Женись! — «Ахъ, если-бы я могъ!» Но онъ былъ довольно богатъ, сынъ Полковника, жилъ въ такомъ-же этажѣ, какъ его милая, на той-же высотѣ, и я не видѣлъ, почему-бы онъ *не могъ*. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ принятъ въ домъ, и нашелъ эту дѣвушку тихою, простодушною какъ дитя; она представилась глазамъ его со всѣми украшеніями добродѣтели; а въ доказательство, что не нуждалась она и въ дарованіяхъ, въ гостиной увидѣлъ онъ арфу, гитару и форшепіано; въ столовой былъ и пюпитръ для нотъ. Счастливый человѣкъ! Онъ нашелъ дѣвушку совершенную. И за то, никогда моя кошка Паула не была такъ влюблена, какъ молодой пріятель мой, послѣ перваго посѣщенія. Въ другое разговорились свободнѣе, и дѣвушка разсуждала о романахъ, хвалила Карла Нодье, бранила вольности Поль де Кока, разбирала Терезу: это показывало уже не такое простодушіе, какъ казалось сначала. Но что за важность была для моего искателя эта лишняя ученость, это лег-

Digitized by Google

кое пятно, которое совершенно изглаживали пріятныя дарованія, *десять тысячъ ливровъ дохода*, ангельская кротость, и, всего болѣе, прелестные русые волосы, которые сводили его съ ума?

Однакожъ маленькая грусть запала въ его душу, когда цѣлый мѣсяцъ, безпрестанно повторяя просьбу сдѣлать его судьею дарованій дѣвицы-невѣсты, онъ увидѣлъ наконецъ, что пюпитръ въ столовой употреблялся только для выхлапыванья платья, форшепіано и арфа были просто мебелями, а дарованія дѣвицы ограничивались тѣмъ, что она пѣла Petit blanc, съ аккомпаньеманомъ гитары. Непріятно! Однако, отъ такой бездѣлицы могла-ли стрястись любовь юноши? Дѣвица обожала его, осыпала нѣжностями, и пламенными, страстными словами. Сверхъ того, открытое обхожденіе ихъ повредило-бы ей, если-бы онъ, честный человѣкъ, оставилъ ее послѣ этого. Дурачина не понималъ, что отказаться отъ самоубійства никогда не поздно, даже и въ ту минуту, когда пистолетъ заряженъ, рогъ открытъ и желѣзо уже касается зубовъ. Онъ имѣлъ глупость идти далѣе. За нѣсколько дней до свадьбы, со вздохами и слезами всего семейства было объявлено ему, что банкрутство, разумѣется небывалое, лишаетъ его двухъ сотъ тысячъ франковъ, обѣщанныхъ въ приданое. Онъ былъ такъ велико-

Digitized by Google

душенъ, что корысть не могла остановить его. «Я довольно богатъ для двухъ — сказалъ онъ самъ себѣ — я женюсь на ней.» И вотъ, въ день брака, утромъ, когда невѣсту наряжали для парадной поѣздки къ Меру и въ церковь, пріятель мой случайно вошелъ въ уборную: тамъ хлопоталъ парикмахеръ, и пріятель мой увидѣлъ, на спинкѣ кресель, длинную, точно какъ лошадиный хвостъ, косу, а на ручкахъ кресельныхъ, превосходные пуки русыхъ волосовъ, завитыхъ буклями: было отъ чего придти въ восторгъ! За то голова невѣсты его была едва прикрыта бѣдными волосенками, которые не закрывали висковъ и падали рѣдкими нитками къ плечамъ. Сердце его сжалось отъ изумленія; въ смертельной тоскѣ ушелъ онъ въ свою комнату, ожидая, чтобы русые парики были на мѣстѣ. Бѣдный простакъ мой видѣлъ, какъ по листочку облетала роза его счастія. Онъ плакалъ одинъ, и не смѣлъ никому, даже лучшимъ друзьямъ своимъ, объявить о смѣшной своей горести. Онъ старался утѣшить себя, ободрить, размышляя, что если у женщины, которую беретъ онъ въ замужство, нѣтъ ни дарованій, ни денегъ, ни волосовъ, то, по крайней мѣрѣ, она добра, тиха, терпѣлива, и эти счастливыя качества конечно дороже золота, которое можно промотать, и волосовъ, которые можно купить. Къ нему пришли съ докладомъ,

Digitized by Google

что все готово, и ожидаютъ только его. Не такъ-ли зовутъ осужденнаго на эшафодъ! Онъ прибѣжалъ, подалъ руку будущей женѣ своей, и не замѣтилъ, садясь въ карету, что наступилъ на предлинное покрывало ея, которое волочилось по землѣ. Кружево было разодрано... «Какая неловкость!» сказала дѣвица съ небольшимъ выраженіемъ яросги, которую она забыла скрыть въ эту минуту. Но мѣра была исполнена! Паціентъ не говоритъ ничего; карета катится; пріѣзжаютъ, выходятъ; чиновникъ прочитываетъ передъ ними VI главу Уложенія, *о бракѣ* и о взаимныхъ обязанностяхъ супруговъ. «Дѣвица Софія Ганріэтта Д***, хотите-ли вступить въ супружество съ Ипполитомъ Артюромъ де N***?»—Да! — говоритъ дѣвица слабымъ голосомъ, опустивъ глаза. «Ипполитъ Артюръ де N***, хотите-ли вступить въ супружество съ дѣвицею Софіею Ганріэттою Д***»— Нѣтъ!!!— ошвѣчаетъ громовымъ голосомъ взбѣшенный молодой человѣкъ. И онъ бросился вонъ.

Дѣвицы, читающія меня, такъ умны, что — увѣренъ въ томъ— онѣ поймутъ, какое нравоученіе можно вывесть изъ этого анекдота. Да-съ, тогда только можно не скрывать болѣе накладныхъ волосовъ, хлопчатой бумаги, и нравственныхъ недостатковъ своихъ, когда уже всѣ обряды кончены.

Digitized by Google

Вообще, бракъ дѣло очень забавное, фарсъ, которымъ долго тѣшилась наша хохотунья Франція. Прежде, всѣ театральныя пьесы оканчивались свадьбою; нынѣ лучше любятъ оканчивать ихъ похоронами: это почти одно и тоже; я, право, не вижу, почему говорятъ, что Драматическое Искусство въ упадкѣ.

Помните-ли вы La Petite ville, Пикара, это веселое изображеніе нравовъ, которое долго останется правдивымъ? Пикаръ показалъ намъ, какъ провинціяльное сердце умѣетъ отличать колостяка отъ женатаго, и съ какою заботливостью берутся за перваго, какія безполезныя хлопоты бываютъ съ другимъ. Эта сцена такъ забавна, что я почитаю ее не столько произведеніемъ Искусства, сколько истиннымъ происшествіемъ изъ жизни Автора, простымъ, немножко грубымъ анекдотомъ, который прельстилъ своимъ добродушіемъ веселаго актера, и который взялъ онъ изъ своихъ воспоминаній, чтобы заставить хохотать въ театрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, немного найдется молодыхъ людей, которые не могли-бы разсказать друзьямъ своимъ такой-же исторіи. По крайней мѣрѣ я разскажу одну.

Нѣсколько лѣтъ тому, я встрѣтилъ въ Тюльери своего знакомаго, Совѣтника Счетной Палаты. «Одинъ сослуживецъ мой даетъ сегодня

Digitized by Google

вечеромъ балъ — сказалъ онъ мнѣ. — Жена его просила меня привезти съ собой одного молодаго шанцора, но ему никакъ не льзя. Не хочешь-ли я представлю тебя на его мѣсто?» Въ двадцать лѣтъ не отказываются отъ бала: это случай убить время, наговорить пошлостей женщинамъ и выпить стаканъ пуншу; а этимъ трем удовольствіямъ я пожертвую самыми важными занятіями въ жизни. Вечеромъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ Совѣтникомъ, мы пріѣхали на праздникъ сослуживца его.

Уже скрыпки ревѣли и заглушали фортепіано и флажолетъ. Дамы, полуобнаженныя и осыпанныя цвѣтами, старались нравиться и казаться скромницами зажигая страсти. Блистающія радостью и счастьемъ, онѣ другъ передъ другомъ соперничали кокетствомъ и красотою. Мужчины, всѣ въ черномъ, нахмуренные, двигались взадъ и впередъ, безъ всякой пріятности, безъ малѣйшаго достоинства, и нелѣпы, горды какъ Индѣйскіе пѣтухи, прыгали. Всѣ задыхались, кашляли; не было ни мѣста, ни много хорошенькихъ лицъ; словомъ, балъ былъ въ совершенствѣ.

По обычаю, меня подвели къ хозяйкѣ дома' которой поклонился я не говоря ни слова, по обычаю. Однакожь я не отдѣлался этою обычною издержкою учтивости и ума. «Ахъ,» ска-

Digitized by Google

зала хозяйка моему рекомендателю: « вы очень милы, что привезли къ намъ вашего друга; онъ будетъ принятъ у насъ дружески. » И оборотившись ко мнѣ: « танцуете-ли вы галопъ? »— Не очень хорошо.—« Все равно: танцуйте его съ моею дочерью. » Меня подводитъ къ молодой дѣвицѣ. Вижу хорошенькую талію, черные прелестные глаза, прелестные черные волосы, и руки, бѣлыя, круглыя, полныя, обворожительныя! Я вѣрно влюбился-бы въ нее, потому что вы не можете представить себѣ, съ какою трогательною добротою сносила она мою неловкость въ танцованьѣ, какъ доказывала она мнѣ, что я легко обхватывалъ ея талію, что я крѣпко держалъ ее на зеркалѣ паркета, что я совсѣмъ не скакалъ неровными прискоками, похоже на старую упряжную лошадь, а скользилъ, леталъ какъ искусный катальщикъ на конькахъ. Я таялъ отъ любезностей, которыми награждала меня она, едва переводя дыханіе во время танцовальныхъ перемежекъ.

Когда я привелъ ее на прежнее мѣсто, и она благодарила меня съ улыбкою счастливицы, мать ея, меньше робкая, но не меньше благодарная, заставила меня сѣсть возлѣ себя, между собою и своею дочерью. Едва занялъ я мѣсто, какъ два лакея, по приказанію госпожи своей, уже стояли передо мною, предлагая сиропы; а если я не хотѣлъ сироповъ, то пуншу, пирожковъ,

Digitized by Google

а если не хотѣлъ пирожковъ, то копченаго мяса, мороженаго, или, если угодно, пломбіеру; сухарей съ ромомъ и ликеромъ. Покуда я управлялся съ копченымъ мясомъ и орошалъ горло пуншемъ, маменька и дочка говорили, заставляли меня смѣяться ошъ милыхъ замѣчаній своихъ; и смѣялись сами ошъ всего, что выходило изъ моего рта. Жаль, что больше входило въ ротъ мой, нежели выходило изъ него. Взявшись за четвертный стаканъ пуншу, я услышалъ, что мать сказала дочери: Il est charmant! (онъ милъ) Дѣвица ошвѣчала: Charmant! (милъ).

Право, подумалъ я, мнѣ кажется, что я первый прелестникъ во всемъ Парижѣ. Матери спорятъ обо мнѣ съ дочерьми. Не похитятъ-ли меня?

Въ эту минуту подошелъ ко мнѣ одинъ досадный танцоръ, знакомый мой, пожалъ мнѣ руку, и началъ разспрашивать меня, называя по имени. . . . Мать и дочь взглянули одна на другую съ изумленнымъ видомъ; настало молчаніе; смѣхъ прекратился, и на лицахъ ихъ выразилось странное замѣшательство. Вблизи проходилъ рекомендатель мой, и встревоженная маменька бросилась къ нему. Между ними завязался минутный разговоръ. Я думалъ, что надобно сказать нѣсколько словъ милой моей танцоркѣ; но она съ такимъ безпокойствомъ, такъ пристально глядѣла на свою мать, что

Digitized by Google

даже и не слыхала звуковъ моего голоса. Маменька возвратилась, сѣла, стараясь оборотиться ко мнѣ спиною, и у нихъ съ дочкою начался телеграфическій разговоръ. Я увидѣлъ, что ихъ лица, недавно веселыя и радостныя, какъ надежда, вдругъ сдѣлались мрачны, какъ лицо игрока, который проигралъ послѣднюю копѣйку и глядитъ на Сейну. Послѣ этого, я могъ пить и ѣсть, и говорить глупости, во мнѣ уже не замѣчали ума. Дѣвица вспомнила, что еще прежде нежели я вошелъ въ залу, она обѣщала другому кавалеру танцовать съ нимъ Французскую кадриль, которую сей часъ должны были мы начинать, а маменька просила меня, сдѣлать милость, уступить мѣсто мое одной знакомой дамѣ ея, которая входила въ комнату.

Я ослолбенѣлъ отъ этой внезапной перемѣны, сыскалъ моего пріятеля Совѣтника, и въ двухъ словахъ разсказалъ ему, что случилось. Когда безумный смѣхъ, который овладѣлъ этимъ жестокимъ человѣкомъ во время разсказа моего, позволилъ ему говорить, онъ сказалъ: «Я представилъ тебя вмѣсто одного молодаго человѣка, у котораго сто тысячъ ливровъ дохода, и на котораго госпожа С*** имѣетъ виды, для дочери своей. Я забылъ сказать этой предусмотрительной матери, что вмѣсто бога-

Digitized by Google

него наслѣдника, я осмѣлился привезти къ ней молодаго писателя.»

Оканчиваю этимъ анекдотомъ мое повѣствованіе, поверхностное, ворливое, невѣжливость холостяка, который старѣется и не знаетъ никакихъ обольщеній, кромѣ спокойствія и семейственнаго счастія.

Не покидая пера, прошу не обвинять меня, будто я видѣлъ только дурную сторону моего предмета, и въ занимательномъ классѣ дѣвушекъ-невѣстъ не замѣтилъ тѣхъ молодыхъ особъ, украшенныхъ дарованіями, но безпритязательныхъ, столько-же простодушныхъ, сколько прекрасныхъ, которыя для счастія въ жизни ищутъ только любви юнаго сердца, ищутъ человѣка однихъ лѣтъ съ ними, и усладятъ существованіе его своею кротостью, своими нѣжными заботами. Особенно очаровательна одна изъ нихъ: дѣвушка поэтическая; вотъ портретъ ея: талія высокая, круглая, гибкая какъ нѣжная трость; волосы черные, при которыхъ еще поразительнѣе снѣгобѣлая блѣдность; идеалъ прелести и романтической красы. Она весела, добра, важна, легкомысленна какъ умный другъ, и вѣрна какъ онъ; у нея сердце мужчины въ прекрасномъ тѣлѣ женщины; она чиста и любяща какъ родная сестра.

Изъ Le Livre de cent-et-un.

Digitized by Google

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Сочиненіе Александра Пушкина. СПб. 1831 г. in-8, 142 стр.

Имя А. С. Пушкина безпрерывно встрѣчалось читателямъ въ листкахъ Телеграфа, съ самаго начала сего изданія. Должно-ли этому удивляться? Нѣтъ! ибо, что замѣчательнѣе Пушкина представляла во все это время Русская Словесность? По сему, въ теченіе восьми лѣтъ, Телеграфъ наблюдалъ постоянно всѣ произведенія Пушкина, и представлялъ читателямъ извѣстія и сужденія о литтературномъ поприщѣ сего славнаго соотечественника. Еще не рѣшено было первенство Пушкина между современными Поэтами Русскими, когда Издатель Телеграфа, въ 1825 году, называлъ его *не вторымъ, а другимъ* послѣ Жуковскаго, и съ добродушнымъ восторгомъ юноши привѣтствовалъ въ томъ-же году появленіе его *Онѣгина*. Дико возопили тогда пронивъ похвалъ Пушкину—похвалъ *надеждѣ будущаго*. Теперь спрашиваемъ: не оправдываются-ли сіи надежды? Пушкинъ, рѣшительно, не признанъ-ли *первымъ* изъ современныхъ Русскихъ Поэтовъ? Въ теченіе восьми лѣтъ много отношеній перемѣнялось; но смѣемъ надѣяться, что никто изъ читателей, ни самъ Пушкинъ, не упрекнутъ Телеграфъ въ криводушіи, низкопоклон-

Digitized by Google

ничествѣ, или завистливой злобѣ къ лавровому вѣнку его, какъ поэта. Пристрастенъ могъ быть къ нему иногда Телеграфъ, или ошибаться въ направленіи его дарованія, и—смѣло негодовать. Но кто же, человѣкъ съ душею, не лишенною искры неба, не увлекался иногда пристрастіемъ къ прекрасному? Кто, дорожа рѣдкимъ явленіемъ его въ мірѣ, ничтожнымъ, холоднымъ, безчувственнымъ, не негодовалъ, если видѣлъ, что оно шускнетъ въ какихъ нибудь мелкихъ отношеніяхъ свѣта? Положимъ, что послѣднее мнѣніе было-бы ошибкою; но подобная ошибка простительна, если только не злонамѣренность, и не нечистая совѣсть бываютъ ея причиною. Послѣ всего этого, смѣемъ думать, что не боясь подозрѣнія ни въ пристрастіи, ни въ непріязни, Телеграфъ можетъ сказать свое мнѣніе о послѣднемъ большомъ твореніи Пушкина, составляющемъ вѣнецъ всего, что донынѣ создано было нашимъ поэтомъ въ теченіе полужизни его. Да! полъ-жизни человѣческой совершилось уже Пушкину (онъ родился въ 1799-мъ году)! Уже онъ не юноша: онъ мужъ, онъ человѣкъ, достигнувшій зрѣлости лѣтъ и дарованія; время *опытовъ* для него миновалось; время *созданій совершенныхъ*, которыя могутъ показать, чѣмъ запишетъ себя Пушкинъ въ Исторіи для потомства, для Человѣчества — это грозное время для него настало, и мчится быстро! Лови его, Поэтъ! лови; оно не ждетъ, и потомъ не воротится никогда... Любопытно теперь, съ послѣдней поэтической высоты, до которой достигъ Пушкинъ, разсматривать его

Digitized by Google

прежніе труды, и опредѣлишь будущій его полетъ.

Предполагая подробно разсмотрѣть *Бориса Годунова*, мы знаемъ, что подобная статья не можетъ имѣть цѣны Журнальной новости нынѣ, когда послѣ появленія Бориса Годунова прошло два года; но мы и не хотѣли придавать сей цѣны нашему разбору, появленіемъ онаго рановременнѣе. Намъ хотѣлось лучше и вѣрнѣе отдать отчетъ самимъ себѣ въ твореніи Пушкина. Намъ хотѣлось также сообразить и мнѣнія публики и критиковъ Русскихъ. Кажется: наговорились, написались довольно, и высказали всѣ мнѣнія? Мы переберемъ сіи мнѣнія; постараемся представить притомъ нѣсколько своихъ соображеній вообще о новѣйшей Драмѣ. Взглядъ на прежнія сочиненія Пушкина самъ по себѣ необходимъ, ибо безъ того выводъ изъ одного *Годунова* будетъ недостаточенъ для сужденія о Пушкинѣ.

Не по времени только появленія въ свѣтъ, но и по сущности, по духу, по взгляду на Поэзію, Пушкинъ есть совершенно *современный* намъ Поэтъ, сынъ Поэзіи XIX вѣка, начавшейся въ Европѣ въ послѣднія двадцать лѣтъ. Метрическая справка ничего не доказываетъ въ подобномъ случаѣ. Представимъ небольшой примѣръ: М. А. Дмитріевъ, не смотря на изданіе своихъ сочиненій въ 1831-мъ году, относится къ эпохѣ новѣйшаго Французскаго Классицизма, съ маленькою прибавкою Романтизма, чѣмъ отличались Милльвуа, Баур-Іорміаны и Делили. И теперь есть у насъ современники

Digitized by Google

Ломоносова, Сумарокова, Карамзина, даже Тредіяковскаго — не по лѣшамъ, но по духу, по сущности своихъ созданій, по своему образованію, направленію, даже по языку. По всѣмъ-же этимъ примѣтамъ, Пушкинъ оказывается современникомъ Европы нашего, XIX-го, вѣка.

Въ статьяхъ о Державинѣ и Жуковскомъ, мы старались изложить Исторію, Русской Литературы, и особенно Словесности. Выводомъ нашимъ изъ сихъ изложеній было то, что Жуковскій обозначилъ собою въ Россіи переходъ отъ новѣйшаго Классицизма къ Романтизму новѣйшему; что Жуковскій, поэтъ очаровательно мелодическій, далъ новыя формы нашему стиху, влилъ въ Поэзію Русскую одну изъ новыхъ идей Романтическихъ — безотчетную мечтательность Шиллера, и что, ухватившъ сію односторонную идею, Русскіе Литераторы бросились на Романтиковъ-Нѣмцевъ, какъ прежде крѣпко держались они за Классиковъ-Французовъ. Здѣсь *кончилъ* Жуковскій, и *началъ* Пушкинъ. Обратимся къ Европѣ, и постараемся кратко пояснить себѣ, что тамъ дѣлалось въ послѣднія 20, или 30 лѣтъ.

Главнѣйшія, отличительныя черты переворотовъ въ Европейскомъ литературномъ мірѣ во все сіе время, по нашему мнѣнію, суть слѣдующія:

1. Обобщеніе Нѣмецкой Философіи и Литературы въ Европѣ, и особенно во Франціи;

2. Движеніе въ Европу новой, самобытной Англійской Словесности;

Digitized by Google

3. Уничтоженіе Классическихъ теорій, и замѣна ихъ новыми, если угодно, *Романтическими* идеями;

4. Мысль о созданіи самобытныхъ, народныхъ литтерратуръ, почти повсюду, и объ отысканіи для того національныхъ элементовъ;

5. Общее направленіе къ Лиризму, Роману и Драмѣ, во всѣхъ Европейскихъ Словесностяхъ.

Такъ сильно, такъ глубоко было, объединенное отъ остальной Европы, особенное стремленіе Германіи, по всѣмъ отраслямъ человѣческаго мышленія и вѣдѣнія, такъ противоположно было оно всеобщему тогда въ остальной Европѣ Классическому направленію, и условнымъ формамъ прежняго образованія, литтерратурнаго и ученаго, что невозможно ему было наконецъ не обратить на себя вниманія всей Европы. Невозможно было и обществу новаго образованія Германіи не изумить всякаго, кто только узналъ его, хоть немного. Невозможно было наконецъ, сему новому стремленію не сразиться съ старымъ: эта ошибка значила побѣду Германіи, ибо юное, крѣпкое силами, всегда побѣдитъ дряхлое, изнуренное въ силахъ. Трудно сыскать предметъ въ области ума и вѣдѣнія, котораго не коснулась-бы Германская реформа, съ половины XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка.

Въ *Философіи* Реализмъ Локка, и Матеріялизмъ Энциклопедистовъ замѣнили разрушающій ихъ Трансценденталізмъ Канта, не ясный, но высокій Идеализмъ Фихте, и умиряющій, новоплатоническе-

Digitized by Google

скій Идентитетъ Шеллинга. Въ *Исторіи* — изслѣдованія Нибура возсоздали истинную лѣтопись Рима, и показали примѣръ истинной Критики и Филологіи Исторической; Гердеръ проявилъ совершенно новую идею Человѣчества, разсматривая оную, какъ основаніе, какъ развитіе идеи Всеобщей Исторіи; Савиньи ниспровергъ старое начало въ Исторіи Юриспруденціи, и провелъ живую идею Римскаго Права черезъ лабиринтъ вѣковъ; Крейцеръ отыскалъ основныя идеи вѣчныхъ символовъ въ Миѳологіи Востока, и раскрылъ элементы ихъ въ Миѳологіи Европейской. *Изученіе Древнихъ* перестало ограничиваться избитымъ пересказомъ однихъ и тѣхъ-же словъ, и авторитеты Схоластики уступили наконецъ мѣсто истинному изученію Классической Древности. Переставъ смотрѣть на Классическую Древность, какъ на *безусловное изящество*, переставъ видѣть въ ней неподражаемые exemplaria Græca, Германцы умѣли понять и передать надлежащимъ образомъ писанія Древнихъ, и въ тоже время понять необходимость *изученія всѣхъ другихъ литтературъ и народовъ*. Это пояснило имъ необходимость всеобщности для самобытности, и самобытности для всеобщности. Такимъ образомъ, когда Шлейермахеры, Фоссы, Гейне, изучали и передавали въ истинномъ свѣтѣ Классическую Древность, Тикъ, Гердеръ, Шлегель, Бенда, Шпрекфуссъ, и другіе, тоже дѣлали съ Испаніею, Италіею, Англіею; глубокія изученія были произведены надъ Сѣверомъ и Востокомъ, а самобытность необыкновенная проявлена въ созданіяхъ Германской Литтературы. Здѣсь число именъ

Digitized by Google

и созданій великихъ приводишъ въ невольное изумленіе; разнообразіе направленій духа Германскаго заставляетъ иногда даже сомнѣваться: неужели все это было испытано и перечувствовано въ столь короткое время? Не говоря уже о безсмертныхъ, вѣковыхъ именахъ Геше, Шиллера, Жанъ-Поля, какое множество именъ по всѣмъ частямъ Литтературы! Поэзія, Романъ, Исторія освѣщены именами Мюллнеровъ, Вернеровъ, Кернеровъ, Бюргеровъ, Тидге, Миллеровъ, Геереновъ, Гоффмановъ, и проч. и проч., такъ-же, какъ Философія блеститъ именами Аствовъ, Шубертовъ, Стеффенсовъ, Штуцмановъ, а Науки и точныя Знанія именами Вернеровъ, Гумбольдтовъ, Гуфеландовъ, Боде, Ольберсовъ, Фрауенгоферовъ, и проч. и проч.

Замѣтимъ здѣсь *три* слѣдующія обстоятельства, важныя для наблюдателя:

1. Въ то время, какъ началось движеніе умственнаго міра Германіи, послѣдовало и совершенное отдѣленіе его отъ міра дѣйствительнаго, практическаго. И всегда Германія была чужда практики общественной жизни, и всегда не она обобщала въ Европѣ всѣ вѣковыя идеи. Но здѣсь, какъ будто нарочно, послѣдовало дѣленіе самое рѣзкое, самое рѣшительное. Франція совершенно вдалась въ практику общественности; Германія совершенно объединила себя отъ сей практики: она была скалою умственнаго бытія Европы, о которую разбивались всѣ волны неслыханныхъ, политическихъ и общественныхъ, переворотовъ. Жители сей

Digitized by Google

скалы, какъ будто во все не знали, что дѣлается въ остальной Европѣ.

2. Необыкновенное умственное усиліе, въ теченіе полустолѣтія, должно было наконецъ истощить Германію, и, отразивши умственную дѣятельность свою на Европу, Германія должна была впасть въ усыпленіе. Если всеобщность способствовала къ проявленію идеи о частной самобытности, въ тоже время самобытность не могла явиться прежде, пока всеобщность не утомитъ духа, не доведетъ его до самаго величайшаго объема идеальности, гдѣ онъ долженъ погибнуть, совершенно отторгнутый отъ земли и дѣйствительности.

3. Смотря съ сей точки зрѣнія, не льзя не удивляться всеобщности, какою обладали Германцы, великости трудовъ, дѣлимости, многообъемлемости знанія ихъ. Все великое сего времени есть что-то *универсальное*, всеобъемлющее: возьмите *Шиллера*, пламеннаго, не-земнаго Лирическаго Поэта: онъ въ тоже время Трагикъ, Историкъ, Философъ, Романистъ. Разсмотрите самую Драму его: какое разнообразіе направленій въ *Разбойникахъ*, *Коварствѣ и любви*, *Орлеанской дѣвѣ*, *Мессинской невѣстѣ*, *Валленштейнѣ*, *Вильгельмѣ Телѣ!* И притомъ, онъ переводитъ *Федру* и *Макбета*! Это волны необозримаго моря, рѣемыя, колеблемыя всѣми возможными вѣтрами. Посмотрите на *Шлегеля*—Историка, Поэта, Критика, переводчика Шекспира и Кальдерона; на *Гердера*—проповѣдника, Философа, Поэта! Наконецъ, остановившись осо-

Digitized by Google

бенно на символѣ всего Германскаго образованія, *Гёте*, заключившемъ собою, даже и хронологически, періодъ Германской эпохи — Гёте всего лучше покажетъ вамъ идею Германіи: онъ *все* — Классицизмъ и Востокъ, Испанія и Англія, Трагедія и Естествознаніе, Романъ и Журналъ, Пѣсня и Критическая статья, Фаустъ и Вильгельмъ Мейстеръ, Вертеръ и Германъ и Доротея, переводчикъ Вольшерова Магаммеда и стихотвореній Саади — Гёте все заключилъ въ себѣ, все обнялъ, и все сказалъ.

Изъ сего міра высочайшей всеобщности, идеальности, *вселенности*, Германія впала въ совершенную частность, практику, народность. Геніи Германіи исчезли; Философія распалась на части; Поэзія запѣла старинную легенду; Музыка заиграла народную пѣсню; изысканія обратились въ древности отчизны. Гёте и *Уландъ*, Гоффманъ и *Шопенгауеръ*, Шеллингъ и *Гегель*, Шлегель и *Берне*, Шиллеръ и *Грилльпарцеръ*, Моцартъ и *Шпоръ* — неужели это одинъ и тотъ-же міръ, одна и та-же Германія? И это случилось въ то время, когда вся Европа, усмиривъ буйную жизнь горящей Франціи, отдыхала въ политической тишинѣ. Жадная новаго, умственнаго бытія, Франція устремилась на наслѣдіе засыпающей дѣятельности Германской, какъ самый расточительный наслѣдникъ.

Тогда, при сей великой субботѣ Германіи, и при началѣ возбужденной дѣятельности Франціи — Англія, двадцать лѣтъ чуждая Европѣ, двадцать

Digitized by Google

лѣнъ подверженная континентальной системѣ во всѣхъ отношеніяхъ, не въ одной торговлѣ и промышленности, явилась въ величіи поэтическаго обновленія, совершившагося уединенно, отдѣльно, среди всемірной войны Материка и вѣчныхъ волнъ Океана. Она явилась съ новыми созданіями Муровъ, Водсворшовъ, Сушеевъ, Краббовъ, Монгоммери, Борнсовъ, Колериджей, съ практическою Критикою своихъ *Обозрѣній*, съ своею Политическою Экономіею. Но всего громче сказались Европѣ два поэтическіе отзыва Британніи.

Одинъ — весь современность, лира и эпопея современная, вопль безнадежности, кровавая комета новой Поэзіи, пошрясающій электрическій ударъ. Читатели угадываютъ имя *Байрона.*

Другой — жилецъ Среднихъ Вѣковъ, полнота Прозы, Философія практики, обновитель жизни прошедшаго, гальваническая сила, отъ соединенія предметовъ, по видимому, холодныхъ, разнородныхъ — соединеніе Исторіи и Сказки въ Романѣ — *В. Скоттъ.*

И все это поверглось въ живую жизнь, въ обобщительную душу Французовъ. Мы не будемъ здѣсь входить въ изложеніе фактовъ того, что произошло чрезъ сіе во Франціи. Отчасти старались уже мы изъяснить современную Исторію Французской Литтературы, въ статьѣ о Романахъ В. Гюго, о Французскомъ театрѣ, и вообще въ

Digitized by Google

статьяхъ объ Иностранной современной Словесности, какія помѣщались въ Телеграфѣ разныхъ годовъ. Укажемъ еще здѣсь на статьи критическія, и теоретическія, какія были переводимы и почти безпрерывно помѣщаемы въ Телеграфѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Читатели видѣли даже мнѣнія самыхъ реформаторовъ Французскихъ — Гюго, Де-Виньи, Издателей *Глобуса*, *Французскаго Обозрѣнія*, и проч. и проч.

Мы обращаемся къ тремъ послѣднимъ выводамъ, выше сего нами означеннымъ, которые полагаемъ мы въ числѣ *главнѣйшихъ отличительныхъ чертъ переворота въ мірѣ современной намъ Европейской Литтературы.*

Первое, что представляется здѣсь, есть — *уничтоженіе Классическихъ теорій, и замѣна ихъ новыми идеями.* Въ этомъ согласятся самые упорные, даже *Русскіе* Классики. Читайте хоть Русскіе учебные курсы, хоть Русскія теоретическія сочиненія. Сочинители ихъ, сами того не замѣчая, подчиняются уже совершенно новому порядку идей. Сквозь Классицизмъ, сквозь вешхую кучу дряхлыхъ именъ, которыми загораживаютъ они входъ Романтизму, видимъ этотъ Романтизмъ самовластнымъ хозяиномъ въ Классическомъ домѣ. Ему еще неловко, неудобно, онъ еще не привыкъ къ новому своему жилью; но, погодите: есть старикъ, который все это уладитъ, и о которомъ Карлъ V-й говаривалъ: «Насъ двое — *я* и *время*.»

Digitized by Google

Второе, что слѣдуетъ изъ перваго: стремленіе осуществить *теорію* въ сообразной съ нею *практикѣ*. Практика сія требуетъ всеобщности познанія, не одного Классицизма, и потомъ возсозданія *національной, народной литтературы*, какъ единственнаго средства сдѣлаться самобытными. Не говоримъ о Германіи, гдѣ этимъ кончилось; объ Англіи, гдѣ этимъ началось; о Франціи, гдѣ это является въ неимовѣрной степени — посмотрите на двѣ крайнія стороны Европы: *Швецію* и *Италію*. Тамъ и здѣсь — Романъ и Романтизмъ; школа Классиковъ падаетъ, новыя идеи народности проявляются Тегнерами, Манцони, и многочисленными ихъ спутниками.

Но, отъ чего *третье* отличіе современности: *явное устремленіе, повсюду, къ Лиризму, Роману и Драмѣ*?

Не принимаемъ положенія В. Гюго, будто нашъ вѣкъ есть вѣкъ *Драматическій*, и поелику вѣкъ старости походитъ на младенчество, потому Лиризмъ, отличіе вѣка младенчества человѣческаго, долженъ отражаться на нашемъ вѣкѣ, старости Человѣчества; не соглашаемся и съ тѣми, кто думаетъ, будто Романъ есть *современная Эпопея*, и поелику Эпопея и Драма всегда преимуществовали и должны преимуществовать, ибо онѣ суть два высшіе отдѣла творчества человѣческаго, по коему самому преимуществуетъ въ нашемъ вѣкѣ (лишенномъ Эпопеи), подлѣ Драмы, Романъ. Все это кажется намъ односторонно и невѣрно. Мы думаемъ, что во всѣ вѣка и всегда, всѣ части

Digitized by Google

Поэзіи были равносильны, равно существовали, и должны равно существовать въ душѣ человѣка. Преимущественность того или другаго, въ то или другое время, суть частности, которыя мы принимаемъ за общность. Нашъ вѣкъ столько-же *Драматическій*, сколько *Эпическій* и *Лирическій*. Лиризмъ потому столь силенъ въ наше время, что мы начинаемъ новый періодъ, а въ началѣ новой жизни всегда духъ человѣка изливаешся въ лирическомъ пѣніи. «*У насъ нѣтъ Эпопеи*»—говорятъ намъ. Нѣтъ Эпопеи *Классической* — согласны; но есть *Эпопея своя*. Явись только теперь эпическій геній, и онъ проявитъ ее въ великомъ созданіи. И чѣмъ-же вы почитаете *Фауста* — неужели *Драмою?* А созданія Байрона: его *Глуръ*, *Осада Коринва*, *Манфредъ*, *Корсаръ*, *Лара* — (если и назовемъ *Чайльдъ-Гарольда* Элегіею, а *Донъ-Жуана* Сатирою)? Возмемъ меньшіе примѣры — *Валленрода* Мицкевичева, *Фритіофъ-Сагу* Тегнерову: или они Эпопея, или вовсе никогда не было Эпопеи. И что-же? Омирова Иліада была рапсодіями, отдѣльными балладами, какъ Оссіанъ есть сборъ балладъ Шотландскихъ, и какъ въ Испанскихъ Романсахъ являешся намъ Эпопея высокая. Мы согласны назвать Романъ *Эпопеею изящной прозы*, ибо въ *Прозѣ изящной* есть такія-же отдѣленія, какъ и въ *Поэзіи собственно*: Лирика—*Ораторство*, Драма—*Исторія*, Эпопеею будетъ *Романъ*. Если наша поэтическая Эпопея являешся въ смѣшеніи съ Драмою (какъ объяснилъ это весьма хорошо В. Гюго, указывая на Мильтона и Данте), естественно, что Эпопея прозы, Романъ, переходитъ въ прозаическую Дра-

Digitized by Google

му, Исторію: вотъ источникъ повсюднаго *Историческаго Романа*. Объясненіе сихъ смѣшеній не заключается-ли въ томъ, что мы, ушомленные раздѣльностью родовъ, ошвлеченностью Эпопеи и Романа отъ Драмы и Исторіи, слишкомъ дѣйствительныхъ и положительныхъ, стремимся соединить ихъ, тѣмъ болѣе, что раздѣльность сія ставила Эпопею и Романъ, одну на ходули Классицизма, другой на ходули аханья и пошлой любви, а Драму дѣлала, или ничтожною Мелодрамою, или надутою Трагедіею, оставляя Исторіи только сухой разсказъ и риторскія фразы?

Надобно впрочемъ согласиться, что современная намъ Литература, столь быстрое развитіе духа человѣческаго въ новыхъ формахъ, должна быть еще весьма неопредѣленною для насъ, теоретически и практически. Краткое изложеніе наше показываетъ, сколь сильный, неслыханный переворотъ произошелъ въ полвѣка, сколь разнообразенъ, разнороденъ былъ сей переворотъ, сколь многихъ вопросовъ рѣшеніе задалъ онъ грядущему Человѣчеству. Но главныя основанія уже и для насъ обозначены ясно.

Сей-то бурный, многообразный періодъ хлынулъ на нашу Русскую Литературу, послѣ Классицизма Французскаго; его-то начало представилъ собою въ Поэзіи нашей Жуковскій, и его-то *настоящимъ представителемъ въ Русской Поэзіи* явился Пушкинъ.

Въ Поэзіи Русской, именно, и не болѣе. Пушкинъ поэтъ; не менѣе того онъ поэтъ въ полномъ

Digitized by Google

значенiи сего слова, поэтъ, обладающiй дарованiемъ обширнымъ, душею глубоко раздражительною, восторженною, даромъ слова удивительнымъ.

Говоря о Державинѣ, мы указали на характеръ Пушкина. Осмѣлимся сказать здѣсь, что самая жизнь Пушкина можетъ подтвердить это, если обозрѣть ее философически. Но что могли мы говорить о Поэтѣ, уже почiющемъ сномъ вѣчности, того не можемъ говорить о Поэтѣ живущемъ, и, слѣдственно, должны ограничиться разсмотрѣнiемъ только его *Литтературной жизни*.

Мы находили въ Державинѣ совершенную противоположность Жуковскому: тоже найдемъ соображая съ Жуковскимъ Пушкина — это двѣ совершенно параллельныя линiи. Напротивъ, сколько найдемъ точекъ, на коихъ Державинъ и Пушкинъ сходятся совершенно!

Вспомните общiя различiя: одинъ родился въ 1743-мъ, другой въ 1799-мъ году; одинъ былъ въ вѣкъ Екатерины, въ послѣднюю треть XVIII-го столѣтiя; другой въ вѣкъ Александра и Николая, въ первую треть XIX-го столѣтiя, а между этими двумя треньями Исторiя положила бездну, величиною въ тысячу лѣтъ. Державинъ увлекся порывами честолюбiя; обстоятельства дали совсѣмъ другое направленiе жизни Пушкина; не забудьте, что о Державинѣ вы говорите, какъ о поэтѣ, кончившемъ совершенно свое поприщѣ; о Пушкинѣ, какъ о поэтѣ едва достигшемъ

Digitized by Google

зрѣлыхъ часовъ генія своего, шѣхъ лѣтъ однакожь, когда Державинъ едва столько начиналъ. Державинъ вошелъ на поприще Поэзіи малограмотный, съ Одами Ломоносова, теоріею Тредьяковскаго, Трагедіями Сумарокова, романами Прево, и черезъ казармы вступилъ въ свѣтъ и службу; Пушкинъ пришелъ ко времени самаго стремительнаго порыва въ Россію новыхъ идей литтерашурныхъ, когда голосъ Жуковскаго раздался уже среди холоднаго міра Классицизма и Карамзинизма, когда толпа молодыхъ дарованій была подвигнута симъ голосомъ къ новой дѣятельности души. Пушкинъ вступилъ въ свѣтъ, получивъ съ малолѣтсшва отличное, однакожь свѣтское образованіе, былъ отвергнушъ свѣтомъ, и почти до шридцати лѣтъ странствовалъ вдали отъ него, вдохновляемый своимъ геніемъ, порѣваемый, колеблемый всѣми бурями измѣненій міра внѣшняго, и страстей міра внутренняго.

Но шотъ и другой, Державинъ и Пушкинъ, *поэты вполнѣ*, съ одинаково-смѣлою, благородною, возвышенною душею, съ одинаково-пламеннымъ сердцемъ, одинаково превышающіе другихъ современниковъ своимъ геніемъ; у обоихъ Поэзія кажется врожденнымъ вдохновеніемъ: у Державина не убили ея ни нужды, ни казармы, у Пушкина (что хуже казармъ и нуждъ) — ни свѣтское образованіе, ни большой свѣтъ. Если Державинъ былъ полный представитель Русскаго духа своего времени, Пушкинъ донынѣ былъ полнымъ представителемъ Русскаго духа нашего времени. Успѣетъ-ли Пушкинъ явиться въ столь-же самобытномъ развитіи созданій, какъ

Digitized by Google

явился Державинъ? Узнаетъ-ли онъ лучше Державина свое высокое назначеніе? Пойдетъ-ли онъ далѣе того, на чемъ Державинъ остановился? Далеко-ли онъ означитъ своею самобытностію развитіе самобытной Русской Поэзіи? Вотъ вопросы, для насъ нерѣшимые. Еще двадцать лѣтъ полнаго бытія, періодъ самой зрѣлой силы можетъ имѣть Пушкинъ въ виду передъ собою. Чего не сдѣлаетъ онъ, и чего не льзя ожидать намъ отъ Пушкина, если только сила его поэтической воли будетъ умѣть отдать себѣ отчетъ....

Все, что донынѣ дѣлалъ Пушкинъ, оправдываетъ, какъ намъ кажется, наши блестящія на него надежды, и ту увѣренность, съ какою смотримъ мы на Пушкина, какъ на залогъ великаго въ будущемъ.

Только новая, односторонняя идея Поэзіи Жуковскаго, подкрѣпленная его подражателями и послѣдователями, пѣвунами съ его голоса, и нѣсколько дарованій отдѣльныхъ, замѣчательныхъ, были отличіемъ на поприщѣ Литтературы, холодной и безцвѣтной, когда явился Пушкинъ. Оцѣните-же дарованіе этого поэта, читая *Руслана и Людмилу*. Мысль объ Аріостовской Эпопеѣ въ Русскомъ духѣ, мысль создать поэму изъ Русскихъ преданій, самое исполненіе сей мысли стихами плѣнительными, когда поэту не было еще и двадцати лѣтъ — какое начало блестящее, прекрасное, исполненное упованій! Безспорно: въ *Русланѣ и Людмилѣ* нѣтъ и тѣни народности, и когда поэтомъ

Пушкинъ издалъ сію поэму съ новымъ *введеніемъ* (*), но введеніе это рѣшительно убило все, что находили Русскаго въ самой поэмѣ. Руссизмъ поэмы Пушкина была та несчастная, щеголевавшая народность, Флоріановскій манеръ, по которому Карамзинъ написалъ *Илью Муромца*, *Наталью Боярскую дочь* и *Марѳу Посадницу*, Нарѣжный *Славянскіе вечера*, а Жуковскій обрусилъ *Ленору*, *Двѣнадцать спящихъ Дѣвъ*, и сочинилъ свою *Марьину рощу*. Не хотите-ли понять превосходство прелестной поэмы Пушкина? Забудьте, что она изображаетъ *Русь*; прочитайте, что тогда писали другіе, и что писали критики тогдашніе именно о Русланѣ и Людмилѣ. Мы такъ уже удалились отъ 1820 года, когда вышла въ свѣтъ первая поэма Пушкина, такъ разрознились духомъ, направленіемъ, сущностью съ Поэзіею, Эстетикою и Критикою тогдашними, что намъ даже трудно теперь стать на тогдашнюю точку зрѣнія, которая можетъ показать весь блескъ дарованій Пушкина, относительно ко времени изданія *Руслана и Людмилы*.

(*) Въ Лукоморьи дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ,
И днемъ, и ночью котъ ученый
Тамъ ходитъ по цѣпи кругомъ.
Идетъ на право — пѣснь заводитъ;
На лѣво — сказку говоритъ,
и т. д.

Digitized by Google

Какъ много надобно было силы душевной, и самобытности дарованія, чтобы не увлечься тогдашнимъ Классическимъ громкословіемъ, и не замечтаться въ блѣдныхъ подражаніяхъ Жуковскому! Пушкинъ едва носитъ слѣды того и другаго, въ самыхъ первоначальныхъ своихъ созданіяхъ. Но тѣмъ сильнѣе уступилъ онъ потомъ вліянію болѣе могущаго, современнаго ему, Европейскаго генія, Байрона.

Байронъ возобладалъ совершенно поэтическою душею Пушкина, и это владычество на много времени лишило нашего поэта собственныхъ его вдохновеній. Какъ-бы кто ни былъ великъ, но всякій долженъ платить дань своему вѣку. Свѣтское, и съ тѣмъ вмѣстѣ Карамзинское образованіе въ дѣтствѣ, а потомъ подчиненіе Байрону въ юности — вотъ два ига, которыя отразились на всей Поэзіи Пушкина, на всѣхъ почти его созданіяхъ до нынѣ, а Карамзинизмъ повредилъ даже совершеннѣйшему изъ его созданій — *Борису Годунову*. Особливо прежде не дерзалъ Пушкинъ выходить изъ волшебнаго круга, очерченнаго современнымъ образованіемъ Россіи окрестъ его дарованія, и только въ послѣднее время успѣваетъ онъ вырываться изъ него, и осмѣливается расправлять самобытно свои орлиныя крылья, осмѣливается обнимать духомъ своимъ весь обширный переворотъ современной Европейской Литтературы — не въ одномъ Байроновскомъ направленіи сего переворота, какъ прежде односторонно обнималъ его Жуковскій въ идеѣ Шиллера, и подражаніи Нѣмецкой и Англійской балладѣ.

Digitized by Google

Кавказскій Плѣнникъ былъ рѣшительнымъ сколкомъ съ того лица, которое въ исполинскихъ чертахъ, грознымъ привидѣніемъ, пролетѣло въ Поэзіи Байрона. Разница та, что Байронова Поэзія была самобытна, и хотя односторонно, но обняла весь міръ современныхъ идей, изобразилась въ огромныхъ очеркахъ. Байронъ, создатель *Гяура* и *Абидосской невѣсты*, *Донъ-Жуана* и *Чайльдъ-Гарольда*, *Манфреда* и *Беппо*, *Христіана* и *Шильонскаго узника*, *Парги* и *Осады Коринѳа*, былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, тоже для начала XIX-го вѣка, что Омиръ для Греціи, Оссіанъ для Шотландіи, Гёте для Германіи, Данте для Италіи XIII-го столѣтія, Шекспиръ для Среднихъ вѣковъ. Пушкинъ явился, напротивъ, какъ подражатель пѣвца Британскаго, былъ юнъ, ограниченъ во всѣхъ отношеніяхъ, и особенно по образованію своему, и по общественному своему мѣсту.

Отъ того блѣденъ и ничтоженъ его *Кавказскій Плѣнникъ*, нерѣшительны его *Бахчисарайскій фонтанъ* и *Цыганы*, и легокъ *Евгеній Онѣгинъ*, Русскій снимокъ съ лица Донъ-Жуанова, такъ-же, какъ Кавказскій Плѣнникъ и Алеко были снимками съ Чайльдъ-Гарольдова лица. Все это было вдохновлено Пушкину Байрономъ, и пересказано съ Французскаго перевода прозою — литографическіе эстампы съ прекраснѣйшихъ произведеній живописи!

Гдѣ-же заслуги Пушкина? Гдѣ признаки сильныхъ его дарованій? Гдѣ слѣды его самобытности, и залоговъ будущаго?

Digitized by Google

Прежде всего, въ той, превышающей всѣхъ другихъ современныхъ поэтовъ Русскихъ степени, на которую сталъ Пушкинъ съ самаго появленія *Руслана и Людмилы*. Несправедливо было-бы мѣрять Пушкина мѣрою Гёте и Байрона. Мы старались показать ложность подобной мѣры въ отношеніи Державина. Сравните различіе образованія Германіи, Бришанніи и Россіи. Посмотрите: *гдѣ* живетъ Пушкинъ, и съ кѣмъ живетъ онъ? Такъже, какъ Жуковскаго, окружаетъ его толпа современниковъ, но — это дѣти передъ нимъ! Сличите съ нимъ Г-дъ Языкова, Баратынскаго, Хомякова, Князя Вяземскаго, Козлова, Подолинскаго, Ѳ. Н. Глинку (какъ поэта), Веневитинова, Муравьева, Дельвига: хотя дарованіямъ всѣхъ ихъ отдаемъ мы полное сознаніе, но никто изъ нихъ, безъ всякаго сравненія, не станетъ даже и близко Пушкина, ни идеями, ни полнотою выраженія ихъ, ни прелестью стиха, и — рѣшительно ничѣмъ!

Далѣе, введеніе новаго элемента, *Байронизма*, въ Русскую Поэзію, послѣ мечтательности Жуковскаго, долженствовало быть необходимо для души пылкой, свѣжей, и оно сильно споспѣшествовало конечному паденію Французскаго Классицизма въ Россіи: этимъ мы обязаны Пушкину. Для него, это былъ отрицательный шагъ, назадъ; для Русской Поэзіи шагъ положительный, впередъ.

Сообразите послѣ сего, какую заслугу оказалъ Пушкинъ выраженію нашей Поэзіи, нашему стиху. Стихъ Русскій гнулся въ рукахъ его, какъ мягкій воскъ въ рукахъ искуснаго ваятеля; онъ пѣлъ у

Digitized by Google

него на всѣ лады, какъ струна на скрыпкѣ Паганини. Нигдѣ не являешся стихъ Пушкина такимъ, мелодическимъ, какъ стихъ Жуковскаго, нигдѣ не достигаетъ онъ высокости стиховъ Державина; но за то въ немъ слышна гармонія, составленная изъ силы Державина, нѣжности Озерова, простоты Крылова, и музыкальности Жуковскаго. Вся Классическая чопорность съ него сбита совершенно. Если Пушкину не суждено влить въ него новой самобытной души, то, по крайней мѣрѣ, вся внѣшность его пересоздана уже вполнѣ и совершенно.

Наконецъ, не смотря на Байронизмъ, и чуждую идею, какими своими, богатыми подробностями, какими собственными, поэтическими частностями блестятъ и красуются творенія Пушкина! Разсмотрите ряды картинъ, описаній, переходовъ изъ чувства въ чувство, въ *Кавказскомъ плѣнникѣ*, *Бахчисарайскомъ фонтанѣ*, *Цыганахъ* и *Онѣгинѣ*. Замѣтьте и то, что съ каждымъ шагомъ Пушкинъ становился выше, самобытнѣе, разнообразнѣе, и что единство его генія постепенно прояснялось болѣе и болѣе. Въ *Кавказскомъ плѣнникѣ* онъ еще простая элегія; въ *Бахчисарайскомъ фонтанѣ* онъ становится уже поэтическою картиною; въ *Цыганахъ* видна уже мысль. Всего лучше замѣтите вы все это въ *Онѣгинѣ*, прочитавъ одну за другою, сряду, всѣ восемь главъ его. Поэтъ начинаетъ Онѣгина чудною исповѣдью души, какъ будто артистъ звучнымъ, сильнымъ аккордомъ. Но *первая глава* самой поэмы пестра, безъ тѣней,

Digitized by Google

насмѣшлива, почти лишена Поэзіи; *вторая* впадаешь въ мѣлкую саширу; но въ *третьей* — Татьяна есть уже идея поэтическая; *четвертая* облекаешь ее еще болѣе увлекательными чертами; *пятая*—сонъ Татьяны, довершаешь поэтическое очарованіе; въ *шестой* поэтъ снова впадаешь въ прежній тонъ насмѣшки, эпиграммы, и тоже слѣдуешь въ *седьмой*, но поединокъ Ленскаго съ Онѣгинымъ выкупаешь все, и — наблюдите разницу насмѣшливаго взгляда *первой* и *седьмой* главы: тамъ осшрякъ — здѣсь поэтъ; тамъ холодная эпиграмма — здѣсь уже голосъ обманушой души, оскорбленнаго сердца, выражаемый поэтически. Это еще болѣе отличаешь *восьмую* главу, и послѣднее изображеніе Татьяны показываешь вамъ, какъ измѣнился, какъ возмужалъ поэтъ семью годами, прошекшими отъ изданія первой главы *Онѣгина*!

Идея народности проявляется наконецъ Пушкинымъ въ *Полтавѣ*. Его *Русланъ*, *Кавказскій плѣнникъ*, *Алеко*, *Онѣгинъ*, были тѣни, которыхъ можете переносить куда угодно. *Мазепа*, *Когубей*, *Маріа*, *Петръ* — созданія Русскія, мѣстныя; еще не вездѣ видѣнъ вѣрный очеркъ, еще прежняя тѣнь Поэзіи Пушкина ложится и на сіи лица; еще невѣренъ и отчетъ въ главной идеѣ поэмы; но вы видите уже, какъ самобытность поэта, такъ и національность его созданій, и можете предугадывать, что̀ изъ него можетъ быть при дальнѣйшемъ порывѣ впередъ.

Не полонъ былъ-бы объемъ сочиненій Пушкина, и поперялись-бы для насъ примѣты его постепен-

Digitized by Google

но большей самобытности, и безпрерывно возрастающей мѣстности и національности его Поэзіи, если-бы мы, кромѣ поэмъ, не пересмотрѣли его мелкихъ стихотвореній. Не говоримъ о *Нулинѣ* — забавной шуткѣ, о *Братьяхъ разбойникахъ*, гдѣ отзывается Русь сквозь Байроновскую оболочку; но припомните себѣ три части *Стихотвореній Пушкина*. Здѣсь болѣе 200 пьесъ характеризируютъ поэтическое поприще его *съ* 1815-*го по* 1832-*й* годъ; здѣсь лѣтопись его поэтической жизни, и впечатлѣній, отвсюду вшѣснявшихся въ его душу, отъ мирной юности Царскосельскаго Лицея до новой Петербургской жизни, во все время странничества его на Кавказѣ, по степямъ Новороссійскимъ, въ долинахъ Арзерума, среди суеты столичной и въ глуши деревни.

Не будемъ говорить о пьесахъ ничтожныхъ, или подсказанныхъ разными случаями, ни о мелочахъ, недостойныхъ Пушкина, какъ-то: эпиграммахъ на людей, не стоившихъ даже щелчка, альбомномъ сорѣ, странныхъ дистихахъ въ *мнимо-древнемъ* родѣ, переводахъ, которые могъ-бы Пушкинъ отдать на драку другимъ, жаждущимъ движенія поэтической воды восторга, хоть-бы чужаго (впрочемъ, изъ *переводовъ* его не льзя не замѣтить нѣкоторыхъ, какъ-то: подражаній Библіи, и особливо *Отрывка изъ Вильсоновой Трагедіи*, т. III, стр. 62: они прекрасны). Мы увѣрены, что со временемъ самъ Пушкинъ выброситъ изъ собранія своихъ сочиненій многое, какъ-то: *Загадку* (т. III, 41), *Собраніе насѣкомыхъ* (стр. III, 203),

Digitized by Google

Дорожныя жалобы (ч. III, 34), *Посланіе къ Вельможѣ* (ч. III, 49) — все это недостойно его!

Обратите вниманіе на другое, на красоту пьесъ: Гробъ Анакреона, Амуръ и Гименей, Торжество Вакха, Мечтателю, Русалка, Домовому, Уединеніе, Прозерпина, Возрожденіе, Черная шаль, Нереида, Дочери Кара-Георгія, Война, Гробъ юноши, Къ Овидію, Ч—ву, Муза, Друзьямъ, Гречанкѣ, Подражанія Корану, Вакхическая пѣсня, 19-го Октября, Воспоминаніе, Предчувствіе, Кавказъ, Делибашъ, Отвѣтъ анониму, Бѣсы, Трудъ, Узникъ, Анчаръ — пьесъ, писанныхъ въ разное время, и столь разнообразныхъ. Но здѣсь еще не вполнѣ узнаете вы поэта; здѣсь онъ еще не выше Барашынскаго, Языкова, Хомякова. Взгляните на *отличительныя* созданія Пушкина. Такими почитаемъ мы пьесы: *Наполеонъ* (пис. 1821 г.), *Демонъ* (1823 г.), *Къ морю* (1824 г.), *Андрей Шенье*, *Отрывокъ изъ Фауста* (объ 1825 г.), *Ангелъ*, *Поэтъ* (объ 1827 г.), *Чернь* (1828 г.), *Моцартъ* и *Сальери* (1830 г.). Посмотрите, какъ благородно, величественно преклоняется поэтъ предъ тѣнями двухъ великановъ современныхъ — *Наполеона* и *Байрона*; какъ съ негодованіемъ смотритъ онъ на бездушную *чернь*, непонимающую высокаго изящества поэтическихъ думъ; какъ оправдываетъ онъ забвеніе *поэта*, въ чаду мірской суеты; какъ изображаетъ участь незабвенной жертвы Робеспьера! Въ *Демонѣ* — полная картина безумнаго ожесточенія души человѣческой, противъ всего возвышающаго ей высокое и прекрас-

Digitized by Google

ное; въ *Ангелѣ* — глубоко запавшее въ душу самого отверженнаго духа зерно неба, и полное презрѣніе ко всему не-небесному; наконецъ, въ *Отрывкѣ изъ Фауста* раскрыта темная сторона, тайна, которую съ ужасомъ прочитаешъ въ сердцѣ своемъ каждый человѣкъ; въ *Моцартѣ и Сальери* ярко схвачена таинственность созданій генія, приводящая въ отчаяніе обыкновенный умъ, простое дарованіе, всякое человѣческое искуство. Вотъ гдѣ обозначилъ себя Пушкинъ, вотъ гдѣ онъ становится выше современниковъ, вотъ наши залоги того, что можетъ онъ создать, если, сбросивъ оковы условій, приличій пошлыхъ и суеты, скрытый въ самого себя, захочетъ онъ дать полную свободу своему сильному генію!

Почти всѣ приведенныя нами пьесы такъ извѣстны Русскимъ читателямъ, что нѣтъ надобности выписывать ихъ: кто ихъ не читалъ, и даже не знаетъ на изусть? Но, можетъ быть, не всякій обращалъ на нихъ полное свое наблюденіе, не всякій понялъ, напримѣръ, что высокое благородство, съ какимъ Пушкинъ привѣтствовалъ тѣнь Наполеона. Еще до сихъ поръ на могилѣ великаго человѣка раздаются вопли близорукаго мщенія; мнимое усердіе къ Отечеству до сихъ поръ бросаетъ еще грязью въ незыблемый истуканъ безсмертнаго; до сихъ поръ, и въ стихахъ, и въ прозѣ, и въ Исторіи, и въ мнимо-патріотическихъ Романахъ, Наполеона представляютъ намъ какимъ-то Пугачевымъ, или много много, если Тамерланомъ и Аттилою. А Пушкинъ, въ самыя минуты Наполе-

Digitized by Google

оновой кончины, смѣло говорилъ ему, угадывая голосъ потомства и безсмертіе Наполеона:

Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила. . .
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ. . .
Да буденъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ!. .

Менѣе-ли прекрасенъ геній поэша нашего, когда онъ провожаетъ прощаніемъ могучій духъ Байрона, стоитъ въ думѣ на берегу моря, именуетъ Байрона пѣвцомъ морскихъ волнъ, вызываетъ море, символъ Байрона, взволноваться непогодою, и говоритъ ему —

Онъ былъ, о море! твой пѣвецъ,
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ!

Поэтъ задумчиво сливаетъ потомъ съ памятью Байрона память Наполеона, летитъ мыслью на

Digitized by Google

дикую скалу среди пустынь моря, къ одному предмету, могущему поразить душу, гробницѣ славы, гдѣ въ мрачный сонъ погрузились величавыя воспоминанія — гдѣ угасалъ, и почилъ среди мученій Наполеонъ. . . И міръ опустѣлъ въ глазахъ поэта, когда вслѣдъ за шѣмъ исчезаетъ другой властитель нашихъ думъ. . . .

. . . Куда-бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою-бы душу поразилъ,
Одна скала, гробница славы:
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы —
Тамъ угасалъ Наполеонъ!
Тамъ онъ почилъ среди мученій...
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ —
Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ...
Міръ опустѣлъ.....

Не будемъ разбирать *Андрея Шенье*, полной поэмы, гдѣ блескъ стиховъ, и живопись каршинъ равны грозному негодованію, потрясающему душу поэта. Но, разберите *Демона*. Вотъ пьеса, гдѣ нѣсколькими стихами выражено все, могущее увлечь юную душу — новость впечатлѣній бышія, взоръ дѣвъ, ночное пѣніе соловья, и шумъ мрачной дубравы, чувство свободы, славы, любви, и волненіе вдохновенныхъ искусствъ, осѣняющее внезап-

Digitized by Google

ною тоскою часы надеждъ и наслажденій. Какое искусство: прошивоносставишь всему этому тайныя посѣщенія злобнаго генія, печаль вспрѣчи съ нимъ, его *чудный* взглядъ, улыбку, язвительную рѣчь, вливающую хладный ядъ въ душу, его *неистощимую* клевету, которою *искушаетъ* онъ Провидѣніе, его презрѣнье вдохновенія, его названіе прекраснаго мечтою, его *невѣріе* въ любовь и свободу! Вспомните наконецъ заключительные стихи этой глубокой философіи поэтической:

. . . . Ничего во всей Природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ!

Не хотите-ли разгадать тайну этого генія злобы? Микель-Анджеловская картина передъ вами: *ненависть* ко всему небесному, *презрѣніе* ко всему земному — и какъ очаровательно выражена эта тайна различія неба и земли! Если вы не поняли ея — истолкованія не пояснятъ ея для васъ.

Отрывокъ изъ Фауста — Гёте могъ-бы вмѣстить въ свое безсмертное созданіе, и его не отличили-бы въ ряду картинъ, составляющихъ эту чудную эпопею пѣвца Германскаго. Въ *Моцартѣ и Салiери* такая-же ужасающая истина, какъ и въ Отрывкѣ изъ Фауста. Вспомните только сіи слова Салiери:

Гдѣ-жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній — не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ —
И озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго? О Моцартъ, Моцартъ!

Digitized by Google

И это отчаяніе, эту логику бѣшенства страсти, это ограниченное негодованіе дарованія, безсильнаго передъ геніемъ:

Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ-ли онъ тѣмъ Искуство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій Херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай-же — чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Подробный разборъ красотъ, и самыхъ выраженій, должно предоставить эстетическому чувству — довольно упомянуть о великомъ и прекрасномъ; не будемъ уподобляться старымъ Лагарпамъ, доказывать правилами Риторики изящество, прелесть стихотвореній, о которыхъ мы здѣсь говорили, не станемъ доказывать читателямъ каждаго слова, и подсказывать имъ: здѣсь восхищайтесь, здѣсь плачьте, здѣсь радуйтесь, здѣсь печальтесь — тѣмъ болѣе — если угодно вѣрное логическое доказательство — что это увлекло-бы насъ далеко за предѣлы нашей статьи.

Скажемъ о пьесахъ, совершенно другаго рода, другаго направленія. *Вступленіе* къ Руслану и Людмилѣ, и двѣ пьесы: *Женихъ* и *Утопленникъ*, дополняютъ то, что мы сказали выше сего о проявленіи въ *Полтавѣ* Пушкина самобытной

Digitized by Google

народности. Наташа, съ ея добродушными словами:

Злодѣй дѣвицу губитъ:
Ей правую руку рубитъ. . .
Она глядитъ ему въ лицо —
« А это съ чьей руки кольцо? »

И этотъ бѣдный мужикъ, который боится Земскаго Суда болѣе совѣсти — эта живая картина съ природы: мертвецъ, снова плывущій внизъ, за могилой и крестомъ, плывущій долго, и, какъ живой, качающійся между волнами рѣки, ночная буря, явленіе утопленника—все это также наше Русское, чисто народное, какъ народны картины Русскихъ сказокъ, изображенныя во Вступленіи къ Руслану и Людмиллѣ.

Читатели можетъ быть удивятся, что мы ничего не скажемъ здѣсь объ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій Пушкина: *Сказка о Царѣ Салтанѣ*. Имѣя на то свои причины, мы упомянемъ объ оном впослѣдствіи. По всему, по времени изданія, и по сущности, *Бориса Годунова* должно почесть *окончательнымъ* твореніемъ Пушкина: въ немъ соединены всѣ его достоинства, всѣ недостатки — весь Пушкинъ и вся его Поэзія, каковы онъ и она были донынѣ, и являются въ *нынѣшнемъ* своемъ состояніи. Сообразимъ-же, приступая къ *Борису Годунову*, предваритѣльно все, что мы говорили здѣсь о Пушкинѣ и его Поэзіи.

(До слѣд. книжки).

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Мѣсяцословъ на* 1833-*й годъ*. СПб. При Императорской Академіи наукъ. 303 стр. in-8.

При наступленіи каждаго новаго года, является у насъ прежде всѣхъ другихъ книгъ *Мѣсяцословъ*, вообще извѣстный подъ названіемъ *Календаря*. По старшинству появленія его, будемъ и говорить о немъ прежде всѣхъ другихъ книгъ. Дай Богъ, чтобы въ нынѣшнемъ году былъ онъ добрымъ предвѣстникомъ, и чтобы вслѣдъ за нимъ, не по примѣру годовъ прошедшихъ, потянулась длинная вереница книгъ дѣльныхъ, умныхъ, ученыхъ, пріятныхъ. Надобно признаться, что до сихъ поръ этого не бывало въ нашей Литтературѣ. Но не вѣчноже оставаться намъ съ дурными книгами, какъ съ дурными снами. И сны толкуютъ двояко: одни считаютъ хорошимъ предвѣстіемъ сны дурные, другіе сны добрые. Прежде мы были-бы рады пристать къ гадальщикамъ перваго разряда; но теперь надѣемся что дѣло обойдется и безъ этого.

Мѣсяцословъ на 1833 г. подкрѣпляетъ надежду нашу: *Мѣсяцословъ* явился нынѣ со многими пополненіями и улучшеніями. Явленіе шѣмъ болѣе пріятное, что неожиданное. Пополненіями называемъ мы новыя прибавки статистическихъ свѣдѣній, а улучшеніями удобнѣйшее расположеніе нѣкоторыхъ

Digitized by Google

статей, и очищеніе другихъ отъ излишнихъ, ненужныхъ подробностей. Съ признательностью видимъ стараніе Издателей *Мѣсяцослова*; оно показываетъ, что голосъ Критики не остался тщетнымъ, и что у насъ понимаютъ требованія современности.

Конечно, *Мѣсяцословъ* еще далекъ отъ возможнаго совершенства; но уже начало сдѣлано, и теперь, на пути къ усовершенствованію, не должно останавливаться. Отъ чистаго сердца желаемъ, чтобы *Мѣсяцословъ*, или Календарь, былъ ручною книгою людей, не имѣющихъ средствъ или досуга посвящать много времени чтенію. Заглядывая въ него почти каждый день, они могли-бы пріобрѣсти много свѣдѣній о Россіи, о чужестранныхъ Государствахъ, и о разныхъ другихъ предметахъ, кои знать и любопытно и полезно для всякаго. Мы видимъ изъ объявленій книгопродавцевъ, что Календаря выходитъ въ Россіи болѣе 20,000 экземпляровъ. При такомъ обширномъ кругѣ читателей, онъ могъ-бы сдѣлать много добра. Какъ не желать послѣ сего, чтобы онъ былъ подвергнутъ болѣе строгой критикѣ относительно выбора статей и содержанія каждой статьи. Замѣтимъ, напримѣръ, слѣдующее.

Мѣсяцословъ издается не для ученыхъ. Это справочная книга для читателей всякаго рода. Зачѣмъ-же въ немъ такъ много подробностей, любопытныхъ единственно для астрономовъ? Смѣемъ увѣрить, что та страница каждаго мѣсяца, гдѣ означены *долготы солнца, прямое восхожденіе, склоненіе солнца, и проч.*, совершенно излишня и остается у чи-

Digitized by Google

шателей безъ всякаго употребленія. Она важна для однихъ астрономовъ, которые также не станутъ искать сихъ свѣдѣній въ нашемъ Мѣсяцословѣ. Тоже надобно сказать о статьяхъ: *Явленія* и *Долгота планетъ*. Напротивъ, Таблицу широты и долготы мѣстъ Россійской Имперіи, надлежало-бы гораздо умножить; она очень неполна. Матеріяловъ для пополненія нашлось-бы много. Въ таблицахъ разныхъ статистическихъ предметовъ, желательно видѣть болѣе точности и свѣжести. Напримѣръ, странно читать, въ Календарѣ 1833 года, таблицу учебныхъ заведеній за 1826-й годъ, гдѣ показано такое раздѣленіе Округовъ учебныхъ, которое уже не существуетъ. Таблица типографій въ Россіи — невѣрна рѣшительно. Напримѣръ, совсѣмъ не 5 казенныхъ и 4 частныхъ типографій въ Москвѣ, а гораздо болѣе. Губернскихъ типографій не должно было ставить въ счетъ. За то пропущена хорошая Тифлисская типографія. — Хронологическое показаніе политическихъ событій, могло-бы быть статьею важною и любопытною. Для сего нужно было-бы только избирать событія поважнѣе, излагать ихъ въ нѣкоторой связи и стараться о точности показаній. Тогда статья сія сдѣлалась-бы дѣйствительно современною лѣтописью.

Нѣкоторыя изъ показанныхъ нами излишнихъ статей, и еще исключеніе нѣкоторыхъ таблицъ статистическихъ, также кажется издишнихъ, дали-бы мѣсто другимъ, любопытнѣйшимъ и полезнѣйшимъ свѣдѣніямъ. Для чего-бы, напримѣръ, въ книгѣ, которой главный предметъ народная поль-

Digitized by Google

за, не помѣщать свѣдѣній Географическихъ, Историческихъ, Космографическихъ, хозяйственныхъ, и прочихъ? Для чего не включить ежегодной лѣтописи важнѣйшихъ открытій въ наукахъ? Все это можно было-бы разнообразить, помѣщая каждый годъ свѣдѣнія новыя, какъ-бы дополнительныя къ предшествовавшимъ. Это было-бы конечно полезнѣе извѣстія о вскрытіи и замерзаніи Невы, повторяемаго каждый годъ. Не указываемъ ни на какіе образцы, ибо думаемъ, что Календарь *Русскій* не можетъ походить ни на Готскій, ни на Парижскій. У насъ свои потребности, свои обстоятельства, и свои читатели.

Благороднымъ стремленіемъ своимъ къ лучшему, Издатели *Мѣсяцослова* налагаютъ на каждаго благомыслящаго человѣка долгъ, желаютъ дальнѣйшихъ успѣховъ и усовершенствованій ихъ предпріятію. Мы исполнили сей долгъ.

— *Альціона на* 1833-*й годъ*. Издаваемая Бароном Розеномъ. СПб. Въ Т. Инспекторскаго Департ. Военнаго Министерства. 229 и 112 стр. in-16.

Альманахи Русскіе упадаютъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе. Въ нынѣшнемъ году, первенецъ ихъ, *Альціона*, отличается худобою необыкновенною. Это насъ радуетъ, не какъ чужая бѣда, а какъ явленіе отъ котораго мы ждемъ общей пользы. Пора отступить альманахамъ въ ихъ законныя границы. Это будетъ знакомъ, что Литтераторы наши обратятся къ чему нибудь полезнѣйшему. Случайный,

Digitized by Google

хотя и блестящій успѣхъ первыхъ альманаховъ, заставилъ у насъ многихъ покинуть широкіе пути литтературные, для того чтобы идти по узкой тропинкѣ, ведущей прямо въ болото посредственности, мѣлкости и ничтожности. Дѣятельность вредна или смѣшна, если нѣтъ для нея цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, для чего тратишь силы по пустякамъ? Для чего подражать бѣлкѣ въ безшолковой работѣ ея на колесѣ? Лучше бездѣйствовать, нежели толочь въ ступѣ воду. По крайней мѣрѣ силы ваши сохранятся для чего нибудь дѣльнаго... Однако, надобно указать на симптомы изнеможенія въ этой отрасли нашей Литтературы, и на первый случай разсмотрѣть *Альціону*.

Немного въ ней признаковъ жизни. Въ разсказѣ: *Импровизаторъ*, пульсъ сердца бьется довольно сильно; однакожъ и тутъ есть нѣчто несообразное съ истиною поэзіи. Представленъ человѣкъ, получившій способность *все знать, все видѣть, все понимать*. Это или полубогъ, или человѣкъ, такой-же какъ и всѣ. Если способность его разумѣнія выше человѣческой, то онъ не будетъ ужасаться того, что не ужасаетъ и насъ, обыкновенныхъ людей, ибо мы также знаемъ, что въ насъ красная кровь и не очень прелестные соки, что въ правѣ движется цѣлый міръ насѣкомыхъ, и что стихотворцы часто ломаютъ голову надъ рифмою. Право, это знаніе неогромное! Отъ чего-же приходилъ въ отчаяніе Кипріано? Выходитъ, что лишь чувства его утончились, а умъ остался прежній, или, можетъ быть, сталъ хуже прежняго. *Мнѣ ка-*

Digitized by Google

жется, онъ просто сумасшедшій, вашъ Кипріано! За всѣмъ тѣмъ, этотъ разсказъ достоинъ вниманія, и мы совѣтуемъ прочесть его. Но Издатель *Альціоны* мастеръ выкупать крупицу хорошаго, пудами негодныхъ припасовъ. Въ нынѣшнемъ году напечаталъ онъ двѣ собственныя свои сказочки. Онъ сердится, когда не хвалятъ его произведеній, и потому не станемъ говорить о нихъ ничего. Если у кого есть досугъ и терпѣніе, тотъ можетъ прочесть *Зеркало старушки* и *Хозяйскую дочку*. Замѣтимъ только, что скудость мыслей и бѣдность языка гораздо замѣтнѣе въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ, гдѣ размѣръ и гремушка-рифма заставляютъ иногда пропускать безъ вниманія несообразности сочиненія. Но въ прозѣ вы на чистой водѣ: нечѣмъ ни заслонишься, ни заглушить вниманія. Посему совѣтовали-бы мы Г-ну Издателю *Альціоны* оставить въ покоѣ Русскую прозу, и упражняться только въ сочиненіи стиховъ.—Повѣсть Г-на Сомова: *Матушка и сынокъ*, наполнена самымъ несноснымъ юморомъ и не скрѣплена никакою умственною связью. Въ ней нѣтъ ни начала, ни конца. Шутки и остроты этого Сочинителя уморительны!—Важнѣе всѣхъ въ прозѣ *Альціоны* статья Князя Вяземскаго: *О нашей старой Комедіи*, отрывокъ изъ Біографіи Фонъ-Визина. У сочинителя сей Біографіи нѣтъ никакой теоріи; но самые софизмы его занимательны, какъ все, что стекаетъ съ пера писателя умнаго. Князь Вяземскій смотритъ на Драму какъ на что-то механическое, желаетъ находить въ Комедіи изображеніе общественной жизни, и наконецъ выводитъ, что въ умѣ Русскомъ нѣтъ драматическаго свойст-

Digitized by Google

ва. Это все равно что сказать: «Русскій человѣкъ родится съ однимъ глазомъ, съ одною рукою, и съ одною ногою.» Авторъ забылъ главное, что Драма должна быть произведеніе поэтическое, если не въ подробностяхъ, то въ главной мысли, и что если умъ Русскій еще не отозвался въ Комедіи, не развился въ Драмѣ, то причиной этого тоже самое, отъ чего у насъ вообще нѣтъ развившія ни въ одной отрасли Словесности. Мы еще не достигли возраста зрѣлаго, и не смотря на искуственную нашу роль возмужалаго человѣка, остаемся пока дѣтьми. Пустыня у насъ не на одной грядѣ Комедіи, а во всемъ огородѣ, если не въ цвѣтникѣ Литтературы. Неужели за это Князь Вяземскій осудишъ Русскую землю къ вѣчному безплодію, и съ равною основательностью будешъ утверждать, что мы неспособны ни къ Трагедіи, ни къ роману, ни къ операѣ, ни къ ораторской рѣчи, ни къ изслѣдованіямъ глубокомысленнымъ? Молодое деревцо способно ко многому, и можетъ быть судьба готовитъ ему участь больше блистательную нежели многимъ старымъ, величественнымъ дубамъ и кедрамъ; но пока еще оно зеленѣетъ на корню, не льзя сказать, что нѣтъ въ немъ способности горѣть свѣтлымъ пламенемъ, превратиться въ повелительный жезлъ, или въ посохъ пастушій. Не спѣшите произносить приговоровъ Русскому уму, Русскимъ способностямъ.

Главный предметъ статьи Князя Вяземскаго (старая Комедія наша) разсмотрѣнъ довольно поверхностно и недовольно вѣрно. Впрочемъ, не мѣсто

Digitized by Google

здѣсь входишъ въ подробный разборъ отрывка изъ сочиненія, которое обѣщаютъ вскорѣ издать вполнѣ. Тогда будетъ случай сказать все, не оставляя слова впередъ. До шѣхъ поръ скажемъ, что мы нашли въ семъ отрывкѣ обыкновенные недостатки и достоинства прозаическихъ сочиненій Князя Вяземскаго: много ума и остроты въ подробностяхъ, и мало связи, мало обдуманности въ цѣломъ. Это блуждающіе огоньки, которые не освѣщаютъ и не грѣютъ, но иногда сбиваютъ съ пути.

Отдѣлъ *Стихотвореній* въ *Альціонѣ* весьма неразнообразенъ, и бѣденъ, можетъ быть, еще болѣе прозы. Въ немъ замѣтнѣе другихъ по объему, драматическое стихотвореніе: *Тартини*. Оно занимаетъ 54 страницы. Для альманаха—много, особенно когда эти страницы читаются не безъ скуки. Далѣе, съ особеннымъ усердіемъ работали: Князь Вяземскій и самъ Издатель. Н. И. Гнѣдичъ украсилъ листы *Альціоны* своимъ стихотвореніемъ: *Ласточка*. Остальное наполнено неусыпными трудами молодыхъ стихотворцевъ нашихъ, Гг. Пятилуннаго, Левшина, Якубовича, Шевырева, Деларю, и двухъ или трехъ безъименныхъ. Только! больше нѣтъ ничего—и *не надо*, прибавимъ мы! Тяжело читать стихи, отъ которыхъ не добьешься ни мысли, ни даже гармоническихъ звуковъ. Для образца приведемъ нѣчто. Вотъ стихи изъ *Порученія въ Ревель Н. М. Карамзину*:

Николай!
Слушай лай
Моря вой, будто пса
На цѣпи, подъ скалой,

Digitized by Google

Что ворчишь въ часъ ночной,
Какъ дразня небеса!

Николай!
Окликай

Старика за меня
И сѣдому хрычу,
Лысачу-усачу
Молви: добраго дня!

Опъ души,
Почеши
Мокрый усъ, то-то страсть!
И погладь и похоль,
Какъ заморщится *боль*,
Какъ запѣнится пасть.

Экой чортъ!
Съ борта въ бортъ

Какъ начнетъ онъ хлестать
Корабли на подхватъ,
Запопишь землю радъ,
Небеса заплевать!

Хороши порученія, хороши и стихи. Кто-бы, думали-вы, сочинилъ ихъ? Кн. Вяземскій!... Послушайте и Барона Розена:

Онъ кинжаломъ гостя *точитъ (?)*,
Грабитъ, въ шеремъ шопъ волочитъ,
Гдѣ съ беременной женой
Зрится дѣпокъ рѣзвый рой.
Ужаснулись мать и дѣти,
Завизжали: « Сколько ранъ! »
Онъ-же: — « Что вамъ раны эти?
Такъ-то всѣхъ-бы Хрістіанъ! »

Digitized by Google

У насъ въ Москвѣ такіе стихи печатаютъ въ Альманахахъ: *Феноменъ*, *Зарница*, и *Зимцерла*.

Кажется, нѣтъ надобности подтверждать, что *Альціона* дѣйствительно показываетъ паденіе Русскихъ альманаховъ. Послѣ того, что были альманахи въ 1823 и слѣдующихъ годахъ, послѣ десятилѣтней ихъ Исторіи, можемъ сказать объ Альманахѣ Барона Розена, словами одного изъ стихотворцевъ-сотрудниковъ его:

Пляшетъ онъ среди гробовъ,
И разгульныхъ пѣсенъ призной
Дразнитъ тѣнь своихъ отцовъ!

— Biarmia. Taschenbuch auf das Jahr 1833. Erster Jahrgang. (*Біарміа*, Альманахъ на 1833-й годъ). СПб. 1832. Въ т. III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. XIV и 379 стр. in-16.

Странная судьба книгъ Русскихъ: въ то время, когда наши альманахи упадаютъ, Нѣмецкіе возстаютъ у насъ!

Г. Брифъ, Издатель сего Альманаха, сдѣлалъ все возможное, чтобы книжка его соотвѣтствовала своему назначенію: представить легкое и занимательное чтеніе Нѣмецкой публикѣ, и быть, по красотѣ изданія, достойною соперницею альманаховъ Германскихъ. Издатель не вполнѣ достигъ своей цѣли, и сознается въ этомъ.

Digitized by Google

Содержаніе Альманаха составляютъ слѣдующія статьи: *Объясненіе заглавія и заглавнаго рисунка*, написанное Г-мъ Ольдекопомъ. Здѣсь дѣло идетъ о словѣ: *Біармія* и о *Колоннѣ Александра*, недавно поставленной въ Петербургѣ. — За тѣмъ слѣдуетъ не повѣсть, а цѣлый романъ Импровизатора Г-на Лангеншварца: *Смерть воина*. Жаль, что и писанное сочиненіе его отзывается импровизаціею: въ немъ нѣтъ полноты, при всей обширности разсказа, нѣтъ и окончанности въ отдѣлкѣ. Впрочемъ, нѣкоторые очерки Финляндіи хороши, какъ природа сей страны, дико-поэтической. — Гораздо болѣе понравились намъ *Картины Турціи*, Доктора Гейне. Это отрывки изъ большаго сочиненія, которое Авторъ намѣренъ издать подъ заглавіемъ: *Характеристика нынѣшней Турціи и обитателей оной*. Простота, ясность, и какая-то искренность: вотъ достоинства изложенія Автора. Мы увѣрены, что книга его доставитъ много удовольствія и пользы Нѣмецкой публикѣ. Въ *Біарміи* помѣщены его описанія Булгаріи, Балкана и Румеліи.—Въ концѣ Альманаха находится нѣсколько пріятныхъ стихотвореній.

Мы сказали, что Издатель не вполнѣ достигъ своей цѣли: это можно видѣть по исчисленію статей, которыя не совсѣмъ у мѣста въ Альманахѣ. Упомянемъ и о наружности книги. Заглавный листокъ, съ виньетомъ статуи Петра Великаго, сдѣланъ очень хорошо. Другія литографіи, помѣщенныя въ сей книжкѣ, не высоки достоинствомъ. Онѣ изображаютъ слѣдующіе предметы: 1-е, Колонна

Digitized by Google

Александра; 2-е, Видъ Киро, въ Финляндіи; 3-е, Финляндка, въ національномъ костюмѣ; 4-е, Видъ Адріанополя; 5-е, Видъ Селимовой мечети. Почтенный Издатель обѣщаетъ на будущій годъ придать своему Альманаху всю наружную красоту, которая не занимится соперничествомъ Германскихъ изданій сего рода. Нѣтъ надобности прибавлять, что еще болѣе позаботится онъ о содержаніи самой книги. Первый опытъ его довольно удаченъ; второй вѣрно будетъ очень хорошъ.

— Gesammtgebiet der deutschen Sprache. Erster Band. Deutsches Lesebuch für Anfänger. *(Полный Курсъ Нѣмецкаго языка.* Часть первая. *Нѣмецкая Хрестоматія, для первоначальнаго обученія,* изданная Фридрихомъ Кистеромъ, Коллежскимъ Совѣтникомъ и Лекторомъ Нѣмецкаго языка въ Московскомъ Университетѣ). М. 1833 г. Въ ш. Селивановскаго. XXXVI и 212 стр. in-12.

— Wörterverzeichniss. *(Словарь всѣхъ находящихся въ Хрестоматіи словъ).* М. 1833 г. Въ ш. Лазаревыхъ Института, 235 стр. in-12.

Г-нъ Кистеръ предпринялъ издать Курсъ Нѣмецкаго языка, и начинаетъ исполненіе сего предпріятія какъ не льзя лучше. Изъ Предисловія къ изданной нынѣ первой части сей книги, видимъ что все сочиненіе будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій: 1-й томъ, *Хрестоматія;* 2-й, *Исторія Нѣмецкой Литтературы;* 3-й, *Краткая Теорія Поэзіи, съ полнымъ собраніемъ примѣровъ;* 4-й, *Отрывки*

Digitized by Google

прозаическіе. Чтобы придать Курсу болѣе полноты, Издатель намѣренъ присовокупить къ оному еще два тома, въ коихъ будутъ заключаться, для переводовъ съ Русскаго на Нѣмецкій и Французскій языки, примѣры, расположенные по степени успѣховъ учащихся.

Хрестоматій издано у насъ много, но почти всѣ онѣ составлены безъ всякой цѣли. Г. Кишеръ, напротивъ, имѣлъ въ виду примѣненіе къ изученію Нѣмецкаго языка *методы Жакото*, и съ сею цѣлію составилъ свою Хрестоматію. У насъ почти неизвѣстна сія метода, которую не худо было-бы ввести для обученія языкамъ. Г-нъ Кишеръ объясняетъ ее очень кратко, однакожъ удовлетворительно. Выпишемъ нѣкоторыя изъ его сужденій.

« Не читавъ еще *Жакото*, я убѣжденъ былъ въ томъ, что repetitio est mater studiorum, и что выученныя молодыми людьми правила еще слишкомъ далеки отъ употребленія оныхъ въ различныхъ случаяхъ; что, не смотря на знаніе всѣхъ синтаксическихъ правилъ, учащіеся могутъ быть не въ состояніи безошибочно составить одно предложеніе, и на самый маловажный вопросъ дать правильный отвѣтъ. (Стр. X-я)

« Всякій благоразумный и опытный учитель долженъ вмѣнить себѣ въ обязанность, стараться объ усовершенствованіи методы преподаванія, принимать совѣты учащихъ, пріобрѣтшихъ опытность въ своемъ дѣлѣ, и слѣдовать ихъ наставленіямъ. Кажется, что *Жакото* заслуживаетъ сіе вниманіе. Его методу при изученіи языковъ я введъ

Digitized by Google

въ своемъ заведеніи, частію тамъ, гдѣ она употреблена быть можетъ, и какъ она согласна съ моею прежнею методою, но я и не встрѣтилъ затрудненій. Введеніе оной, вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли своей. Чтобы сдѣлать сію Хрестоматію удобнѣйшею, я подвелъ ее подъ новую методу и присоединилъ переводъ каждаго слова въ первыхъ тридцати пяти Басняхъ. Желающіе увѣриться въ пользѣ сей методы, благоволятъ удостоить мое заведеніе своимъ посѣщеніемъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, яснѣйшимъ доказательствомъ полезности методы Жакото, можетъ служить Пансіонъ Г-на Кистера. Я былъ тамъ на экзаменѣ, прошедшимъ лѣтомъ, и, вмѣстѣ со всѣми образованными посѣтителями, радовался необычайнымъ успѣхамъ воспитанниковъ Г-на Кистера по части языкознанія. Всѣ дѣти, учившіяся у Г-на Кистера по методѣ Жакото, Французскому и Нѣмецкому языкамъ, только два года, свободно говорятъ и пишутъ на сихъ языкахъ. Посѣтители развертывали передъ ними разныя мѣста изъ 12-ти томовъ *Исторіи Государства Россійскаго*, и назначали имъ переводить ихъ на Французскій и Нѣмецкій языки. Это исполнялось передъ глазами зрителей, и къ совершенному ихъ удовольствію. Вотъ что значитъ метода! Доказательства очевидны, неоспоримы, и посему желаніе Г-на Кистера дать средство къ употребленію методы Жакото, заслуживаетъ величайшую хвалу.

Г-нъ Кистеръ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ методѣ Жакото; но основаніе оной остается неизмѣнно. Онъ объясняетъ слова и смыслъ при вы-

Digitized by Google

учиванія наизусть какого нибудь сочиненія. Жакотто говоритъ, что это не нужно, что учащійся самъ узнаетъ это, отъ безпрестаннаго повторенія. Въ самомъ дѣлѣ, не такъ-ли выучиваемся мы своему родному языку? Кто объясняетъ слова трехъ-лѣтнему ребенку? Однакожь въ продолженіе времени онъ узнаетъ свой языкъ лучше нежели всякій другой, которому учится по самымъ великолѣпнымъ методамъ. Превосходство методы Жакотто заключается и въ томъ, что она требуетъ не учителей, а надзирателей. Человѣкъ, знающій основанія сей методы, можетъ учить, при пособіи книги, такому языку, даже такому знанію, котораго онъ самъ не знаетъ. Жакотто доказалъ это на дѣлѣ, и получилъ въ томъ свидѣтельство отъ Нидерландскаго Принца Фридриха.

Вообще надобно сказать, что метода Жакотто показываетъ новыя стороны въ ученіи. Предметъ, столь важный для Педагогіи, требуетъ изложенія подробнаго и полнаго, которое надѣюсь я издать со временемъ. Между тѣмъ рекомендую книгу Г-на Кистера, гдѣ въ Предисловіи объяснено приложеніе методы Жакотто къ изученію языковъ. Совѣтую также посѣтить учебное заведеніе почтеннаго Г-на Кистера, и собственными глазами удостовѣриться въ успѣхахъ учениковъ его. Опытъ доказательство самое убѣдительное, а онъ оправдываетъ и сказанное здѣсь, и методу Жакотто, и мысль Г-на Кистера: улучшить прекрасное заведеніе свое симъ новымъ усовершенствованіемъ.

К. П.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— Critiques et portraits littéraires, par C. A. Sainte-Beuve (*Разборы и портреты литтературные*, соч. К. А. Сентъ-Бёва). Парижъ, 1832 г., 1 т. in-8, 574 стр.

Имя *Сентъ-Бёва* напоминаетъ забавную мистификацію литтературную. Къ замѣчательнымъ чертамъ нашего времени принадлежитъ вообще литтературное псевдонимство и анонимство. Какъ прежде старались на всякой книженкѣ выставлять свое имя, и даже шишулы, такъ теперь вошло въ моду скрывать свои имена, или называться какимъ нибудь вымышленнымъ именемъ. Такая мода существовала нѣкогда въ Средніе времена; нынѣ возобновилась она въ величайшей силѣ. Съ легкой руки В. Скотта, перешелъ этотъ литтературный обычай во Францію, а въ Германіи вновь начался онъ еще прежде В. Скотта. Теперь на половину именъ не можете положиться: *Мишель Реймонъ*, *Якобъ Библіофилъ* — все это имена вымышленныя, подобно имени добраго Джедедіи Клейнбошема. Но никто не умѣлъ пошутить модным псевдонимствомъ такъ мило, какъ *Сентъ-Бёвъ*. Вышла книга, выданная неизвѣстно кѣмъ, подъ названіемъ: *Стихотворенія Іосифа Делорма*. Издатель разсказы-

Digitized by Google

валъ во Введеніи, что Іосифъ Делормъ былъ самое поэтическое и самое несчастное лицо, что жизнь и поэзія исперзали и убили его. За тѣмъ слѣдовали стихи Делорма, унылые, трогательные, прелестные. Публика была растрогана, читая исторію и стихи Делорма; дамы грустили, плакали, и не знали, что Іосифъ Делормъ спокойно сидитъ подлѣ нихъ, смѣется надъ ними, молодой, здоровый, и веселый въ свѣтскомъ обществѣ. Наконецъ, мало по малу, разгадали тайну, и съ изумленіемъ свѣдали, что Сентъ-Бёвъ, дотолѣ извѣстный, какъ остроумный прозаическій писатель, скрывалъ свое прекрасное поэтическое дарованіе, и что онъ былъ и создателемъ и издателемъ Іосифа Делорма.

Сентъ-Бёвъ считается однимъ изъ лучшихъ Французскихъ критиковъ нашего времени. Подъ именемъ *Разборовъ и портретовъ литературныхъ*, онъ издалъ теперь статьи свои, доселѣ разсѣянныя въ разныхъ Журналахъ и Газетахъ. Книга Сентъ-Бёва отмѣнно любопытна. Въ ней находится всего пятнадцать статей: *Буало, Г-жа Севинье, П. Корнель, Лафонтенъ, Расинъ, Ж. Б. Руссо, Лебрёнъ, Реньяръ и Шенье, Г. Фарси, В. Гюго, Дидеро, Аббатъ Прево, Оберманъ, Аббатъ Ламеннэ,* изображаются Сентъ-Бёвомъ. Къ этому присовокуплена еще сатирическо-литературная статья: *О литературныхъ вечерахъ.*

Кромѣ различія въ духѣ и направленіи своемъ, нынѣшняя Критика отличается и самою формою отъ прежней. Прежняя, приступая къ дѣлу, прежде всего изображала и выводила правила и законы, установленные для каждаго предмета. Потомъ

Digitized by Google

растягивала она разбираемый ею предметъ на эти рамы, а за тѣмъ обращалась къ работѣ мѣлочной, химически разлагая подробности. Теперь дѣло идетъ совсѣмъ иначе. Всего менѣе занимаются Критики подробностями; всего болѣе самымъ творцомъ, чтобы по изъясненію его духа, и условій его жизни, изъяснять и его творенія. Такъ въ Исторіи, напримѣръ, Критикъ изъяснитъ и опредѣлитъ, не условныя правила, но самый предметъ, и ему легко уже послѣ того показать достоинства и недостатки новаго сочиненія, легко узнать, что̀ прибавляетъ оно къ суммѣ знанія прежняго, что̀ представляетъ хорошо, и что̀ недостаточно и невѣрно. Критика нынѣшняя самолюбива, если хотите: она не хочетъ быть служанкою, обязанность которой находиться за туалетомъ, и указывать барышнѣ, гдѣ у нея приколотъ не такъ банпикъ, или цвѣточекъ; она, какъ любовникъ, смотритъ на конченный уборъ своей красавицы, хочетъ угадывать душу ея въ этомъ уборѣ, и рѣшаетъ только: прибавилъ-ли этотъ уборъ любви ему, и прелести ей? Но какая надобность тому, кто любитъ: убрана-ли его милая подруга по правиламъ моды, или по прихоти своей фантазіи? Для прежней Критики словъ и мѣлочей, упѣренной въ непреложности основаній Искуства, время, вѣкъ, страна, самъ творецъ, жизнь его и средства, духъ его, образъ его мышленій, ничего не значили. *Лузитане*, *Освобожденный Іерусалимъ*, *Потерянный рай*, *Генріада*, *Фарсалія*, судились, какъ *эпическія поэмы*, по общимъ, мнимо-Аристотелевскимъ правиламъ. И отъ того Мильтонъ и Камоэнсъ сдвигались въ понятіи Критики

Digitized by Google

ниже других, а о *Divina Comedia*, Неистовом Орландѣ, Магабхаратѣ, Критики не знали даже, что сказать: у нихъ не было аршина, которымъ можно-бъ было все это смѣряшь.

Самый образъ изложенія старинныхъ критикъ походилъ отъ того на просмотръ учителемъ ученическихъ тетрадокъ, и на ученыя, сухія диссертаціи. Нѣмецкая Критика, не смотря на измѣненія духа, до сихъ поръ сохранила вообще эту ученую и учебную форму. Критика Англійскихъ *Обозрѣній* приняла форму болѣе живую, болѣе движимую, и болѣе объемлющую. Ей послѣдовала новая Французская Критика, кромѣ нѣкоторыхъ Журналовъ, упорно держащихся старины. Новая Критика дѣлаетъ такъ, что *разборъ книги* самъ по себѣ становится твореніемъ художническимъ: это лекція, основашельная, умная, складная, занимашельная, а не утомишельная диссертація, не сухой переборъ словъ и мыслей, и не урокъ ученическій. Въ Телеграфѣ помѣщали мы много разборовъ и рецензій, взятыхъ изъ лучшихъ Англійскихъ и Французскихъ Журналовъ, такъ, что читашели Телеграфа могли хорошо ознакомишься съ сущностью и самою формою новѣйшей Критики. Напомнимъ теперь читашелямъ, Экишейновы статьи: о Гёте, Исторіи Крестовыхъ походовъ (Мишо), объ Англійскомъ Театрѣ до Шекспира, объ Арабской Поэзіи; разборы, взятые изъ Revue française: объ Исторіи завоеванія Гренады, (В. Ирвинга), объ Исторіи Петра Великаго (Сегюра), о Шекспировомъ Отелло, о Запискахъ Маршала Сенъ-Сира; разборы, взятые изъ *Глобуса*: объ Омировой Иліадѣ, о театральныхъ пьесахъ В.

Digitized by Google

Гюго, Арно, Дюмаса, о Веберовомъ Оберонѣ; разборы, взятые изъ Англійскихъ Обозрѣній: о Жанъ-Полѣ, о сочиненіяхъ Макіавеля, о Демонологіи В. Скотта и проч., что помѣщено въ разныхъ годахъ Телеграфа. Соображеніе всѣхъ такихъ статей съ старинными рецензіями можетъ показать различіе *стараго* и *новаго* критическаго воззрѣнія, на всѣ части человѣческихъ вѣдѣній.

Сентъ-Бёвъ принадлежитъ къ новой школѣ Критики. Онъ смотритъ обширнымъ взглядомъ, не на слова, но на духъ, и каждая изъ его статей есть характеристика не столько созданія, но и самого автора. Прочитавъ статьи его о Корнелѣ, Расинѣ, Буало, Лафонтенѣ, Севиньи, вы видите картины вѣка ихъ, и портреты ихъ самихъ. По личнымъ отношеніямъ, можетъ быть, слишкомъ увлекаемый пристрастіемъ въ статьяхъ о Шенье Гюго, Фарси, Обернанѣ и Ламенне, Сентъ-Бёвъ совершенно безпристрастенъ въ сужденіяхъ своихъ о Классикахъ. Даже иногда видна въ немъ излишняя, свѣтская уклончивость. Но въ тоже время любопытно видѣть изъ его примѣра, какъ теперь перемѣнилось во Франціи все литтературное направленіе. Не узнаете, не вѣрите, что это пишутъ потомки Лагарповъ, Баттё, Фреронова, Жоффруа! Основательность, безпристрастіе, умѣренность—доказательства правоты и увѣренности въ дѣлѣ своемъ, отличаютъ, какъ мы сказали, критики Сентъ-Бёва. Но желательно-бъ было видѣть въ нихъ нѣсколько, болѣе изложенія теорій. Авторъ, кажется, уже слишкомъ боится всякихъ теоретическихъ выво-

Digitized by Google

довъ — можетъ быть, напуганный тѣмъ, что предшественники его, старое поколѣніе Французской Литтературы, городили ихъ безъ всякой жалости, и отъ того практика тонула въ морѣ своевольныхъ правилъ и выводовъ. Это неоспоримая правда; но ошибка однихъ, доказываетъ-ли, что всѣ должны ошибаться? Во всемъ есть притомъ средина. Говоря о Корнелѣ и Расинѣ, говоря о томъ, что въ нихъ такъ, или не такъ, надобно-же предложить, если не *дидактически*, то *исторически* и *критически*, идеалъ истинной *Драмы*. Безъ этого все остается въ сужденіи вашемъ какая-то пустота и неполнота. Но гдѣ *истинная* Драма, и что такое *истинная* Драма? Вы не беретесь за рѣшеніе такихъ вопросовъ? И прекрасно: не выводите общихъ положительныхъ *правилъ*; положите правиломъ, что каждое явленіе литтературное создается изъ условій жизни творца его; но, въ дополненіе, сообразите-же различныя условія вѣковъ и общества. И тогда, явится теоретическое воззрѣніе на Корнеля, Расина, Шекспира; и ваши изученія сихъ великихъ людей будутъ полны, и будетъ замѣщено то, что у прежнихъ Критиковъ занимали выводы правилъ, произвольно общія для всѣхъ.

Намъ кажется, что переводъ книги Сентъ-Бёва былъ-бы полезенъ и для Русскихъ читателей. Любопытно и поучительно было-бы для нихъ новое воззрѣніе Французской Критики на людей, столь извѣстныхъ имъ. Имена: *Буало*, *Севинье*, *Корнеля*, *Лафонтена*, *Расина*, *Ж. Б. Руссо*, *Лебреня*, *Ренье*, *А. Шенье*, *Дидеро*, *Прево*, знакомы нашей публи-

Digitized by Google

кѣ, не менѣе именъ Ломоносова, Державина, Карамзина. Но до сихъ поръ къ этимъ именамъ, у многихъ, привязаны еще побрякушки старинныхъ предубѣжденій. Пусть-же увидятъ, *что* думаютъ и говорятъ о нихъ сами Французы въ наше время. Пусть увидятъ, напримѣръ, *Буало*, о которомъ у насъ до сихъ поръ повторяются многими условныя слова старыхъ Классиковъ: le poète du bon sens, le légis lateur de notre Parnasse; пусть увидятъ его изображеннымъ во всей его Парнасской щепетильности, во всемъ мѣлочничествѣ его вѣка, въ тоже время съ отдачею справедливости Буало въ томъ, въ чемъ должно отдать ее. Вотъ очеркъ характеристики Буало, представляемый Сентъ-Бёвомъ, послѣ описанія его жизни и сочиненій:

—Буало вовсе не поэтъ, если предоставить сіе названіе людямъ, могущественно одареннымъ воображеніемъ и душею. Его *Налой* показываетъ способность изобрѣтенія, и особенно знаніе живописной красоты подробностей, но—не болѣе. Буало, по нашему мнѣнію, обладалъ умомъ чуткимъ и тонкимъ, гладкимъ и язвительнымъ, былъ строгій наблюдатель вкуса, хорошій слагатель стиховъ, учено исправенъ, остроумно веселъ, оракулъ Двора и Словесности своего времени—былъ точно таковъ, что могъ нравиться въ одно время Патрю и Бюсси, Дагессо и Севинье, Арно и Ментенонъ, могъ заставить почитать себя молодыхъ придворныхъ, угодить старымъ, и заслужить уваженіе честныхъ и достойныхъ людей. *Поэтъ-авторъ*, умѣющій го-

Digitized by Google

ворить и жить, правдивый, раздражаемый всѣмъ ложнымъ, горячій заступникъ за правду, чувствомъ литтературной справедливости достигающій до какого-то моральнаго умиленія и свѣтлой теплоты, какъ видимъ это въ Посланіи его къ Расину — такова Буало. Расинъ представляетъ собою нѣжное волокитство Людовика XIV-го и Двора его; Буало, также вѣрно, выдержанную важность, благоразумную правоту и благопристойный порядокъ Дворянства того времени. Тогдашняя Литтература, и Піитика Буало, удивительно согласовались съ Религіею, Философіею, Политическою Экономіею, Стратегіею, и всѣми Искуствами своего времени: это одинаково смѣсь здраваго смысла и недостаточности, видовъ вѣрныхъ на время, но не рѣшительныхъ. Буало передѣлывалъ стихъ такъ-же, какъ Кольберъ передѣлывалъ Финансы, а Пюссоръ Уложеніе—съ идеями только о частяхъ. Расинъ писалъ къ нему изъ-подъ Намюра: «Право, наши траншеи что-то чудесное: онѣ обхватываютъ множество горъ и долинъ, съ безчисленнымъ количествомъ оборотовъ и изворотовъ, равняющимся числу улицъ Парижскихъ.» Буало отвѣчалъ ему изъ Отёйля, говоря о Сатирѣ на женщинъ, которою тогда занимался: «Это сочиненіе убиваетъ меня множествомъ переходовъ. Такіе переходы, по моему смыслу, самое трудньйшее дѣло въ Поэзіи! Буало сочинялъ стихи по Вобановски: его переходы стоятъ циркумвалаціонныхъ линій; но огромная война была еще тогда совсѣмъ неизвѣстна. Посланіе Буало на переходъ черезъ Рейнъ—совершенно картина въ родѣ Фанъ-Деръ-Мейлена. Буало называли Янсе-

Digitized by Google

нистомъ нашей Поэзіи: *Янсенистъ*—это слишкомъ, а *Галликанъ* будетъ вѣрно. Дѣйствительно: поэтическая теорія Буало часто походитъ на религіозную теорію Епископовъ 1682 года—умную въ приложеніи, но не выведенную изъ основаній. Особливо въ ссорѣ за Древнихъ и Новѣйшихъ, съ Перро, явенъ этотъ недостатокъ, принадлежность Логики одного здраваго смысла. Перро укоряетъ Омира за низкія слова, а *низкія слова*, по Лонгину и Буало, *суть позорные знаки, безчестящіе выраженіе*. Старательный защитникъ Омира, вмѣсто того, чтобы смѣло схватишь критику Перро, и изъ нея извлечь похвалу своему поэту, сказавъ, что Дворъ Агамемнона не былъ подверженъ такому этикету въ словахъ, какому подчинялся Дворъ Людовика, Буало, напротивъ, берется за Лонгина. Лонгинъ упрекаетъ въ низкихъ словахъ многихъ писателей, особливо Иродота; но объ Омирѣ онъ *ничего не говоритъ*: явное доказательство, что у Омира *нѣтъ ни одного низкаго слова*, и что всѣ его выраженія благородны! Но вотъ, въ небольшомъ разсужденіи, Діонисій Аликарнасскій, утверждая, что красота слога состоитъ главнѣйше въ расположеніи словъ, приводитъ мѣсто изъ Одиссеи, гдѣ собаки Эвмея не лаютъ, и шевелятъ хвостами, когда приходитъ къ нему Телемакъ. Риторъ утверждаетъ, что здѣсь не выборъ, но расположеніе словъ составляетъ прелесть, ибо большая часть словъ употреблена *низкихъ* и *негодныхъ*. Прочитавъ все это, Расинъ спѣшитъ сообщить Буало, оспоривавшему, такъ называемыя, низкія слова, коими Перро укорялъ Омира. «Я размы-

Digitized by Google

ответчаетъ ему Буало — «что, не говоря, будто «слово: *осель*, по-Гречески *весьма благородно*, вы «могли-бы удовольствоваться, сказавъ, что въ немъ «нѣтъ ничего низкаго, такъ, какъ въ словахъ: «*олень, конь, овца*, и проч. Но — *весьма благородно*, «кажется мнѣ, сказано вами слишкомъ сильно.» Вотъ на чемъ стояли въ теоріи и лишперашурной критикѣ наши великіе мужи! Однажды зашелъ споръ передъ Людовикомъ XIV-мъ о выраженіи: rebrousser chemin; Король не одобрялъ его, какъ низкое; всѣ придворные наперерывъ говорили тоже, и Расинъ первый. Одинъ Буало, слушаясь здраваго смысла, осмѣлился защищать осужденное выраженіе; но онъ защищалъ его, не столько потому, что оно само по себѣ чисто и хорошо, но потому болѣе, что его приняли въ чистый и благородный слогъ, съ тѣхъ поръ, какъ Вожела и Дабланкуръ его употребили.

Если отъ теоріи Буало, мы перейдемъ къ приложенію, какое дѣлаетъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, то надобно будетъ для сужденія о семъ остановиться на общей идеѣ, какую мы излагаемъ въ нашей статьѣ. Слогъ Буало благоразуменъ, выдержанъ, щеголеватъ, строгъ; но строгость его переходитъ иногда въ тяжелость, щегольство въ угомительность, благоразуміе въ пошлость. Буало одинъ изъ первыхъ, и болѣе всѣхъ другихъ, старался вводить въ стихосложеніе страсть къ перифразѣ, чему въ Делилѣ видѣли мы наконецъ верхъ смѣшнаго совершенства. Не жалкій-ли успѣхъ въ стихосложеніи, въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ Эмиль,

Digitized by Google

Дешанъ: дойдши до того, что составлять логогрифъ въ восемь Александрійскихъ стиховъ, чтобы выразить только перифразою *придорожникъ*, или *морковь?* «Помню,» пишетъ Буало къ Мокруа, «какъ Г-нъ Лафонтенъ говорилъ мнѣ неоднократно, «что во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ онъ наиболѣе уважаетъ два стиха, тѣ, коими хвалю я Короля за «учрежденіе фабрики Французскихъ кружевъ, въ «замѣну ими кружевъ Венеціянскихъ. Вотъ сіи два «стиха, находящіеся въ первомъ Посланіи моемъ «къ Его Величеству:

Et nos voisins frustrés de ces tributs serviles
Que payait à leur art le luxe de nos villes.

Кажется, что Лафонтенъ уже слишкомъ униженно предпочиталъ сіи стихи Буало всѣмъ другимъ. Послѣ этого, его собственные стихи, столь свободные, столь добродушно выражаемые, никуда не годились. «Повѣрите-ли вы,» пишетъ Буало въ томъ-же письмѣ, упоминая о своемъ десятомъ Посланіи — «что одно изъ мѣстъ, о которомъ всѣ, «кому читалъ я мое сочиненіе, кричатъ наиболѣе, «есть то именно мѣсто, гдѣ я ничего болѣе не «говорю, кромѣ того, что теперь, когда мнѣ пять-«десятъ семь лѣтъ, я не долженъ уже требовать «одобренія публики? Это сказалъ я въ четырехъ «стихахъ, которые хочу выписать вамъ здѣсь, что-«бы вы увѣдомили меня, одобряете-ли вы ихъ:

Mais aujourd'hui qu'enfin la vieillesse venue,
Sous mes faux cheveux blonds déjà toute chenue,

Digitized by Google

A jeté sur ma tête avec ses doigts pesans
Onze lustres complets surchargés de deux ans.

«Мнѣ и самому кажется, что я довольно сча-«стливо вставилъ *парикъ* въ сіи стихи.» Это напоминаетъ другую *смѣлость*, съ какою въ Одѣ на взятіе Намюра, Буало говоритъ о *бѣломъ плюмажѣ, который былъ на шляпѣ Королевской*, и о чемъ писалъ онъ къ Расину, что сочиняя новую торжественную Оду, *пускается на вещи весьма новыя*, (y hasarde des choses fort neuves, jusqu'à parler de la plume blanche que le roi a sur son chapeau).

Вообще въ сочиненіяхъ своихъ Буало слишкомъ много придавалъ цѣны мѣлочамъ. Теорія слога его, и даже теорія самого Расина, были почти не выше идей, какія преподавалъ современникамъ добрякъ Роллень. «Не слишкомъ обременили меня похвала-«ми за мой послѣдній Сонетъ» — писалъ Буало къ Броссету—«а между тѣмъ, М. Г., осмѣлюсь сказать «вамъ, что по моему сужденію это одно изъ тѣхъ «твореній, за которыя можно-бы похвалить меня, «и, кажется, я ничего не говорилъ прелестнѣе «этого стиха:

A ses jeux innocens enfant associé,

«а также

Rompit de ses beaux jours le fil trop délié,

«и наконецъ —

Fut le premier démon qui m'inspira des vers.

Digitized by Google

«Предоставляю судить объ этомъ вамъ.» — Безъ сомнѣнія, стихи хороши, но не такъ-же чудесны, какъ Буало, по видимому, объ нихъ думалъ. Въ одномъ изъ писемъ его къ Броссешу, находимъ, слѣдующія замѣчательныя строки: «Второе замѣчаніе «ваше относится къ одному изъ стиховъ въ моей «Піитикѣ:

De Styx et d'Achéron peindre les noirs torrens.

«Вы думаете, что лучше было-бы сказать:

Du Styx, de l'Achéron peindre les noirs torrens?

«Позвольте мнѣ отвѣчать, что въ семъ случаѣ «у васъ ухо немножко прозаическое, и что истин-«ный поэтъ никогда не упрекнулъ-бы меня въ «этомъ. Слова: *de Styx et d'Achéron*, гораздо луч-«ше выдержаны, нежели: *du Styx*, *de l'Achéron*. «Такъ: *sur les bords fameux de Seine et de Loire*, бу-«детъ гораздо благороднѣе въ стихѣ, нежели — *sur «les bords fameux de la Seine et de la Loire*. Но по-«добная прелесть есть тайна, которую Аполлонъ «открываетъ только истинно-посвященнымъ его «Искусству.» Замѣчаніе о стихѣ справедливо; но выраженія Буало черезъ чуръ сильны. Что-же это такое будетъ, великій Боже! если въ подобныхъ пустякахъ заключится *Поэзія* и *тайны* ея? У Буало робость благоразумія, столь явная, дѣлала то, что метафора его часто робѣетъ, не вяжется, рано останавливается и высыхаетъ, не являясь смѣло логическою, отдѣланною въ одинъ разъ и полною.»—

Digitized by Google

Сентъ-Бёвъ приводитъ послѣ сего нѣсколько доказательствъ изъ сочиненій Буало, и, еще разъ отдавая справедливость его остроумію, насмѣшливости, всему, что находимъ dans les bonnes pages de Boileau, видитъ въ немъ мелочнаго, искуснаго работника Поэзіи, а не поэта, еще менѣе образца, и еще менѣе учителя въ Поэзіи.

По этому отрывку, читатели могутъ судить о критикѣ Сентъ-Бёва, и, вѣроятно, согласятся съ нашимъ мнѣніемъ о его книгѣ. Представимъ суду ихъ еще нѣсколько любопытныхъ, примѣчательныхъ, а наиболѣе *характеристическихъ* выписокъ.

(*Въ слѣд. книжкахъ*).

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Почти всѣ Англійскіе живописцы вдохновлялись великими каршинами Шекспира, и облекали ихъ очарованіями своего Искусства. Можетъ быть ничто не дало имъ столько предметовъ для Живописи, какъ творенія Шекспировы. Между прочимъ Смиркъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ живописцевъ Англійскихъ, написалъ въ семи каршинахъ *Семь возрастовъ человѣка.* Онъ олицетворилъ ими знаменитый монологъ Джака, находящійся въ пьесѣ: *Какъ угодно.* Въ очеркѣ, приложенномъ къ сей книжкѣ, представляется первая изъ семи каршинъ, которой предметъ взятъ изъ первыхъ стиховъ Джакова монолога:

. . . . . «All the world's a stage,
And all the men and women merely players;
They have their exits and their entrances;
And one man in his time plays many parts,

Digitized by Google

His acts being seven ages. At first the infant
Mewling and puking in the nurse's arms ; »

(То есть: « Весь міръ есть театръ, и всѣ люди, мужчины и женщины, актеры. Они также входятъ на сцену и уходятъ съ нея. Во время жизни человѣкъ играетъ многія роли. Семь дѣйствій въ этой пьесѣ — семь возрастовъ. Въ первомъ, человѣкъ-дитя кричитъ и распускаетъ слюну, сидя подлѣ груди кормилицы...).

Шекспиръ великъ и неподражаемъ весь, во всей полнотѣ своей; но и у него есть безцѣнныя перла, которыя блестятъ среди всѣхъ сокровищъ этого непостижимаго богача. Къ числу ихъ безспорно принадлежитъ монологъ Джака, славный не менѣе монологовъ Лира, Гамлета, Граціано (въ *Венеціянскомъ купцѣ*), Віолы, и проч.

Мы помѣстимъ, одну за другою, всѣ семь каршинъ Смирка, упрочившія славу сего живописца. Читатели могутъ видѣть, вѣрно-ли постигъ и выразилъ онъ безсмертные стихи Шекспира. Замѣтимъ, что каршины сіи были написаны для знаменитой Бойделевой галлереи, и во время продажи оной принадлежали къ числу весьма немногихъ каршинъ, которыя были куплены тамъ за достойную цѣну. Знатоки хвалятъ въ нихъ точность рисунка, нѣжность тоновъ и тщательность отдѣлки. Мы скажемъ только то, что онѣ достойны своего об-

Digitized by Google

разца. Особенно нѣкоторыя изъ нихъ — превосходны. Читатели наши увидятъ это.

Первый возрастъ человѣка былъ выгравированъ для коллекціи Бойделя, В. Томкинсомъ.

— *Процессъ Виктора Гюго.* — Новая Драма Виктора Гюго: Le Roi s'amuse (*Король забавляется*), была представлена въ Парижѣ, 22-го Ноября, на Французскомъ Театрѣ. Успѣхъ ея былъ сомнителенъ. Почти безпрерывныя рукоплесканія заглушались, также почти безпрерывнымъ, свистомъ. Подозрѣвали, что свистки были куплены, и что нѣкоторые стихи пьесы, въ коихъ Министерство находило какіе-то намеки на современныя событія, были причиной всѣхъ нападеній партера. Но этого показалось еще недостаточно. На другой день перваго представленія, Французскій Театръ извѣстилъ Поэта, что пьеса его, по приказанію Правительства, снята съ Театра и не можетъ быть играна. Оскорбленный Поэтъ подалъ жалобу въ Коммерческій Судъ, и 19-го числа Декабря явился передъ Судей, обвинять Французскій Театръ и Министра Публичныхъ Работъ, по приказанію котораго запрещена Драма. Адвокатомъ В. Гюго былъ знаменитый оракоръ и глава Французской Оппозиціи, Одильонъ-Барро. Все это привлекло въ Коммерческій Судъ страшную толпу народа. Не только не достало мѣстъ въ залѣ, но и всѣ прилежащіе къ ней комнаты, корридоры и сѣни были

Digitized by Google

набиты народомъ. Въ продолженіе засѣданія были принуждены употребить военную силу, чтобы вывесть излишнихъ слушателей, и дать средство осталнымъ дышать. Одильонъ-Барро изложилъ дѣло съ обыкновеннымъ своимъ искуствомъ, и требовалъ, чтобы Французскій Театръ заплатилъ кліенту его 25,000 франковъ, за остановленіе пьесы и причиненный ошъ того убышокъ, или, если Театръ согласится вновь играть сію пьесу, то заплатилъ бы Автору, за причиненные уже убышки, такую сумму, какую назначитъ Судъ. — Адвокатъ Французскаго Театра объявилъ, что пьеса снята съ Театра не самовольно, а по приказу Министра, гдѣ сказано что она «*оскорбляетъ нравы.*» Одильонъ-Барро доказывалъ послѣ сего, что Министръ не имѣлъ никакого права запретить пьесу, и что Французскій Театръ не долженъ былъ исполнять приказа Министерскаго. Еще послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, началъ рѣчь свою В. Гюго. Онъ говорилъ блистательно, краснорѣчиво, достойно Автора Notre-Dame de Paris. Онъ защищалъ себя, не какъ писателя, но какъ гражданина, котораго права нарушены произволомъ Министра.

Виктору Гюго отвѣчалъ, также съ большимъ искуствомъ, Адвокатъ Министра, Графа Аргу, Ше-Дешанжъ. Зашѣмъ опять говорили Одильонъ-Барро и В. Гюго. Наконецъ Президентъ объявилъ, что Судъ произнесетъ приговоръ черезъ двѣ недѣли.

Digitized by Google

— *О новыхъ сочиненіяхъ Мицкевича.* — Польская газета, издаваемая въ Пешербургѣ (Tygodnik), извѣщала недавно, что Мицкевичъ написалъ двѣ новыя поэмы: *Іоаннъ Зиска* и *Легіонистъ*. Зиска, извѣстный предводитель Гусситовъ, служилъ сначала волонтеромъ въ войскахъ Меченосцевъ, былъ въ походахъ противъ Литвы и Польши, и находился въ кровавомъ сраженіи подъ Танненбергомъ, гдѣ Король Владиславъ Ягелло разбилъ на голову войска Ордена. Именно сей эпизодъ изъ жизни Зиски доставилъ Мицкевичу предметъ для поэмы. Дополненіемъ сего извѣстія можетъ служить, напечатанное въ Львовской Газетѣ, письмо одного изъ Мицкевичевыхъ друзей, который будучи самъ отличнымъ поэтомъ, говоритъ: «Передо мною полный сборникъ сочиненій Мицкевича, которыя составляютъ нѣсколько толстыхъ томовъ. Болѣе всѣхъ долженъ быть занимателенъ и важенъ томъ IV-й: онъ составитъ новую эпоху славы поэта. До сихъ поръ вы знали произведенія Мицкевича-юноши, теперь узнаете произведенія мужа — мужа, въ совершенной зрѣлости и могуществѣ генія.»

Извѣстно было, что въ Парижѣ печатается 4-й, а можетъ быть и 5-й томъ новыхъ стихотвореній Мицкевича, въ видѣ продолженія трехъ, напечатанныхъ прежде. Въ Львовѣ ожидали немедленнаго появленія оныхъ, и вскорѣ надѣялись получить новые томы.

Изъ сихъ разнородныхъ свѣдѣній можно видѣть, что извѣстный и любимый у насъ Поэтъ не без-

Digitized by Google

дѣйствовалъ въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ какъ онъ оставилъ Россію, и путешествовалъ подъ голубымъ небомъ Италіи, бесѣдовалъ съ преклоннымъ ко гробу патріархомъ поэтовъ, Гёте, и наблюдалъ свѣтъ и людей во Франціи и въ Германіи.

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 2) Моск. Телегр. 1833 г.

Пис. Смирнъ. Гр. Аѳанасьевъ.

Digitized by Google

№ II. ЯНВАРЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О РАЗВЕДЕНІИ

И

ВОСПИТАНІИ ЛѢСНЫХЪ ДЕРЕВЬЕВЪ.

Сочиненіе В. Скотта (*).

Часто сравнивали воспитаніе людей съ воспитаніемъ прозябаемыхъ. Фигуры, метафоры, употребляемыя въ разсказѣ о первомъ, заимствованы опчасти изъ втораго. Между ими есть еще и то сходство, что для обоихъ

(*) Въ то время, когда вниманіе Правительства нашего обращается на важный предметъ лѣсоводства, когда у насъ открываются училища, для образованія просвѣщенныхъ форштмейстеровъ, когда еще недавно учреждено особое Общество для наблюденій и опытовъ по сей части, конечно всякому будетъ любопытно прочесть плодъ наблюденій знаменитаго Шотландскаго Писателя, который былъ въ тоже время и внимательнымъ, умнымъ хозяиномъ. Довольно обшир-

Digitized by Google

изобрѣтены системы самыя противоположныя и противорѣчащія одна другой. Многія изъ сихъ системъ были не только безполезны, но даже и очень вредны. Равно заблуждались въ выборѣ средствъ для развитія идей юныхъ и растеній юныхъ. Къ счастію, всемогущая Природа была на стражѣ, и поправляла ошибки лѣсовода и наставника.

Не должно однако совершенно полагаться на нее. Садовникъ, лѣсоводъ, обязаны помогать дѣйствію природы, подвергая свою опытность вѣрной теоріи. Есть правила, безъ которыхъ никакъ не льзя получить большихъ успѣховъ, даже въ мѣстахъ самыхъ выгодныхъ, между тѣмъ какъ во многихъ случаяхъ тѣ-же правила могутъ пособить несовершенству климата и почвы. Но, это правила общія; въ примѣненіяхъ, надобно измѣнять ихъ, сообразно обстоятельствамъ. Рабское соблюденіе прак-

---

ныя помѣстья давали ему случай и средства заниматься хозяйственными опытами не въ маломъ видѣ, а дарованіе его умѣло представить сіи, по видимому, сухіе предметы, привлекательно, прелестно. Радуемся, что можемъ способствовать общему стремленію сполъ превосходною статьею, которую можно признать краткимъ выводомъ наблюденій по части лѣсоводства. *Изд.*

Digitized by Google

тическихъ подробностей будетъ скорѣе пагубно чѣмъ полезно; но къ сожалѣнію, нерѣдко случается, что установившели системъ наиболѣе опираются на сіи мѣлочныя наблюденія, а это ведетъ, во всѣхъ родахъ, къ эмпирическимъ ученіямъ, которыя особенно преобладаютъ въ лѣсоводствѣ. Отъ того явились страшныя, исключительныя защищенія нѣкоторыхъ родовъ деревьевъ, и эти безусловныя, противорѣчивыя теоріи способа пріуготовлять почву, времени года, въ которое должно садить растенія, и проч. Нѣкоторые лѣсоводы защищаютъ сіи противоположныя мнѣнія съ такимъ упорствомъ, и съ такою увѣренностью, какъ будто самъ Богъ открылъ ихъ первому человѣку и садовнику, а они получили ихъ отъ него по прямому преданію.

Мы не намѣрены разбирать здѣсь подробно сихъ различныхъ мнѣній и рѣшать преимущества одного передъ другимъ. Мы хотимъ только представить отчетъ опытности, пріобрѣтенной нами во время шестнадцатилѣтняго, постояннаго наблюденія надъ различными насажденіями, сдѣланными нами въ довольно большомъ размѣрѣ, въ земляхъ, коихъ величайшая часть была неудобною. Сверхъ того, мы присовокупимъ, къ собственнымъ нашимъ наблюденіямъ, замѣчательнѣйшія изъ наблюденій, по-

Digitized by Google

черпнутыхъ нами въ прекрасномъ сочиненіи, которое по сему предмету издалъ Г. Монтисъ (*). Вѣрно, никакой другой предметъ не можетъ быть для насъ важнѣе. Уже давно патріотизмъ Лорда Мельвилля прозвонилъ набатъ, при видѣ ужаснаго опустошенія и постепеннаго истребленія нашихъ огромныхъ лѣсовъ, когда при томъ Правительство съ спокойствіемъ усыпленія глядѣло на это печальное событіе.

Сей государственный мужъ писалъ въ 1810 году: «Исчислено, что, не включая Королевскихъ лѣсовъ, восемьдесятъ милльоновъ акровъ земли обработано весьма худо, и что изъ числа ихъ не менѣе двадцати милльоновъ акровъ земель совершенно неудобныхъ. Какая близорукая политика, если только это политика — обременять внѣшнюю торговлю доставленіемъ для нашихъ верфей потребнаго лѣсу, тогда какъ засадивъ только часть упомянутыхъ земель, и не уменьшая сбора хлѣба всѣхъ родовъ, мы легко могли-бы обойдтись безъ всякаго посторонняго пособія, и навсегда обезпечить доставленіе сего предмета, на которомъ осно-

(*) The Forester's Guide and profitable Planter. By Robert Monteath.

Digitized by Google

вываетея наша сила, слава и даже народная независимость.»

Ясно, что признавъ истины сіи, мы должны особенно во время мира стараться объ увеличеніи силъ народа, и приготовлять государство, новыми подкрѣпленіями, къ будущимъ войнамъ, если только хотимъ выдержать ихъ съ честію. Нѣтъ сомнѣнія, что безкорыстный патріотизмъ нашелъ-бы вознагражденіе за свои усилія, въ самой надеждѣ обезпечить новыя торжества нашему флоту, и въ удовольствіи украсить почву отечественную великолѣпнѣйшими произведеніями природы тамъ, гдѣ теперь видимъ неудобныя земли. Такимъ образомъ мы пріуготовили-бы, хотя медленно, однако вѣрно, перемѣны, коихъ не произведемъ иначе. Но не льзя скрыть отъ себя, что соображенія сіи покажутся недоспаточными для многихъ владѣльцевъ: имъ надобно говорить также о деньгахъ и барышахъ. Докажемъ-же и этимъ людямъ, что употребивъ незначительную издержку на каждый акръ земли, они увеличатъ свои доходы. Излагая только увеличеніе силъ отечественныхъ, или предлагая только новыя украшенія земли, мы конечно дали-бы имъ случай сказать намъ тоже, что говоритъ Гарпагонъ Фрозинѣ, когда она толкуетъ ему о прелестяхъ красавицы: » Такъ, такъ,

Digitized by Google

все это не худо; но ничего существеннаго-то нѣтъ въ этомъ счетѣ, а вѣдь мнѣ надобноже получить что нибудь.»

Предметъ нашъ естественно раздѣляется на двѣ главныя отрасли: насажденія для пользы и насажденія для удовольствія человѣка. Впрочемъ, это раздѣленіе не совсѣмъ точно, ибо не льзя разсматривать сего предмета съ одной стороны, не касаясь часто и другой. Не льзя сдѣлать большаго насажденія, не украсивъ тѣмъ земли; но и насажденія, для одного удовольствія произведенныя, вознаграждаютъ владѣльца очищаемыми отъ нихъ вѣтвями; однако сіи два рода насажденій, тѣмъ не менѣе, должны быть почитаемы двумя различными частями одного Искуства. Одной изъ нихъ мы уже посвятили особенную статью (*); теперь займемся другою, которая, во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо важнѣе.

(*) В. Скоттъ напечаталъ въ Quarterly Review нѣсколько статей о лѣсоводствѣ и садоводствѣ; одну изъ нихъ: *О пользѣ обработыванія безплодныхъ земель*, мы помѣстили въ Прибавленіяхъ къ Телеграфу 1829 года; другую помѣщаемъ теперь; третью, на которую ссылается онъ: *О живописныхъ садахъ*, надѣемся также напечатать въ нынѣшнемъ году. Она прелестна. *Изд.*

Digitized by Google

Самыя полезныя насажденія, которыя съ наименьшими издержками доставляютъ окончательно большую прибыль, суть насажденія, производимыя въ обширныхъ участкахъ земель неудобныхъ. Такимъ образомъ получаютъ огромные лѣса, не теряя почвы даже для одного колоса, и даже не уменьшая существенно прибылей отъ разведенія скота, ибо неоспоримо, что если можно завесть хорошій, значительный лѣсъ, и пасти скотъ на лугахъ менѣе обширныхъ, но болѣе плодныхъ, то владѣлецъ получитъ большую выгоду. При этомъ не будетъ никакого значительнаго ущерба для ледника, и еще менѣе для животныхъ, которыя безъ труда и съ меньшею опасностью найдутъ себѣ пищу обильную.

Весьма легко исполнить планъ, который мы предложимъ, если только онъ будетъ исполненъ въ большомъ размѣрѣ. Онъ столько-же полезенъ для бѣдныхъ, сколько для богатыхъ: первымъ доставитъ онъ занятіе здоровое и продолжительное, вторымъ дастъ цѣнности въ такихъ мѣстахъ, которыя не стоили почти ничего. Но изъ него извлекутъ пользу не одни владѣльцы земель и всѣ зависящіе отъ нихъ: планъ сей будетъ выгоденъ всѣмъ классамъ общества, особенно-же классамъ промышленнымъ и торговымъ, потому что онъ уменьшитъ без-

Digitized by Google

мѣрную цѣну строеваго лѣса, и впослѣдствіи сокрашитъ, весьма много, издержки на постройку судовъ и кораблей.

Возвышенныя мѣста въ области Валлисской, въ Графствахъ Дерби, Кумберландѣ, Норшомберландѣ, и другихъ, такъ-же какъ обширныя неудобныя земли и гористыя стороны, составляющія великую часть Шотландіи, имѣютъ одинакій видъ и одинакое свойство. Вездѣ усмотрите вы длинныя полосы кочкарника и нагихъ скалъ, которыя вздуваются индѣ холмами и горами, и пересѣкаются огромными озерами и рѣками, по большей части судоходными. Все показываетъ что природа назначила ихъ подъ лѣса; и въ самомъ дѣлѣ, прежде, безъ всякаго пособія человѣка, мѣста сіи были покрыты лѣсами. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Исторія, преданія и даже кустарники, пни старыхъ деревъ, которые еще находятся тамъ, и подземные лѣса, погрязшіе въ болотахъ. Конечно лѣса не покрывали мѣстъ самыхъ возвышенныхъ на горахъ, и самыхъ беззащитныхъ отъ жестокости вѣтра; но можно-ли не изумляться, видя что едва только склоны и долины сихъ горныхъ мѣстъ покрываются кустарникомъ, какъ уже деревья, пользуясь защитою всѣхъ враговъ и рытвинъ между горъ, съ удивительною быстротою возникаютъ и постепенно восходятъ до самыхъ возвышенныхъ

Digitized by Google

мѣстъ, гдѣ ни одинъ разсудительный лѣсоводъ никогда не посмѣлъ-бы ожидать ихъ?

Эти лѣса, по большей части, уже не существуютъ давно. Разныя причины способствовали ихъ истребленію. Обширные лѣса, занимавшіе поверхности довольно ровныя, уничтожились постепеннымъ дѣйствіемъ природы, которое ускорялось расширеніемъ болотъ. Деревья не приносили никакого дохода владѣльцу, потому что состояніе дорогъ, и вообще всей страны, не допускало перевозить деревъ огромныхъ и тяжелыхъ, какова-бы ни была цѣнность оныхъ. При такомъ порядкѣ дѣлъ, нѣкоторыя дерева засыхали и гибли. Зашѣмъ, буря опрокидывала ихъ, и они падали, часто въ топь ручей, подлѣ котораго возрастали и процвѣтали; и никто не заботился вынимать ихъ. Ручей, остановленный въ своемъ теченіи, наполнялъ стоячею водою окружную почву, и превращалъ въ болото землю, которую прежде осушало его теченіе. Корни другихъ деревъ на сей почвѣ, также колебались въ землѣ мягкой и грязной, которая вскорѣ поршила ихъ. Первый порывъ вѣтра легко низвергалъ сіи дерева, привязанныя къ почвѣ слабо, и они, своимъ паденіемъ, еще болѣе останавливали теченіе воды. Напослѣдокъ, самые пни ихъ исчезали подъ слоями тины, которая безпрерывно становилась глуб-

Digitized by Google

же и объемнѣе. Въ Графствахъ Инвернесскомъ и Росскомъ, даже и нынѣ можно наблюдать ходъ сего постепеннаго превращенія лѣса въ болото.

Но не единственно такимъ образомъ гибли лѣса: часто и рука человѣка была причиною ихъ истребленія. Со временъ Агриколы и Севера до Кромвеля, топоръ завоевателя много разъ ниспровергалъ сіи естественныя защиты, которыя останавливали воинскіе успѣхи. Такъ исчезли обширные лѣса на склонахъ высокихъ горъ, или на берегахъ быстрыхъ ручьевъ, гдѣ не льзя было имъ превратиться въ болота.

Но природа, съ обыкновенною своею гибкостью, вскорѣ вознаградила-бы потери, причиненныя насиліемъ человѣка, и вновь выраставшія деревья замѣнили-бы погибшія отъ топора, если-бы виновная безпечность не остановила усилій самой природы. Напримѣръ, лѣсъ Эттрикскій, обширное протяженіе земли въ двѣсти семьдесятъ квадратныхъ миль, почитавшійся Королевскимъ звѣринцемъ до царствованія Карла I-го, былъ весь покрытъ кустарникомъ, исключая мѣста слишкомъ возвышенныя, гдѣ не могутъ расти деревья. Около 1700 года, большая часть этого самороднаго лѣса еще сохранялась; но теперь, кромѣ перелѣсковъ Геркгидскаго и Элибенкскаго, и нѣсколькихъ

Digitized by Google

толпъ деревьевъ на берегахъ Ярроу, онъ исчезъ совершенно. Мы сами видѣли счетъ о проданныхъ въ семъ округѣ деревьяхъ, и онъ простирался до 6,000 фунтовъ стерлинговъ (150,000 рублей). Такая сумма покажется очень значительною, если сообразимъ, что въ это время страна была покрыта лѣсомъ, который требовался менѣе нежели нынѣ, и что перевозка была сопряжена съ большими затрудненіями и съ великими издержками. Вѣроятно, было срублено много деревъ, для выручки тогда столь огромной суммы. Въ тоже время, опекуны благороднаго владѣльца приказали огородить этотъ самородный лѣсъ, желая сберечь оный; но ихъ намѣреніе было исполняемо столь дурно, что черезъ семьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ, едвали во всемъ владѣніи оставалось изъ чего сдѣлать одинъ посохъ. Такое ужасное истребленіе не покажется непоняшнымъ, когда узнаютъ, что послѣ огромной порубки, о которой упомянули мы, пущено было въ лѣсъ стадо козъ; а этотъ родъ скота есть самый опасный истребитель деревъ.

Сверхъ всего, земледѣліе, *благородная наука защиты*, какъ сказалъ дядя Тоби, имѣетъ свои слабыя стороны. Кто занимается одною отраслью земледѣлія, тотъ естественно расположенъ къ предубѣжденію противъ другихъ от-

Digitized by Google

раслей, впрочемъ также полезныхъ. Напримѣръ, пахарь-земледѣлецъ радъ истреблять зелень вездѣ, гдѣ только найдетъ ее, хотя самое простое размышленіе должно было-бы заставить его сохранять ее для пастьбища. Пастухъ, напротивъ, глядѣлъ прежде на всѣ мѣста, занятыя деревьями, какъ на захваченныя изъ его владѣній, и чтобы вымстить на нихъ гнѣвъ свой, онъ старался всячески истребить деревья. Этимъ-то жалкимъ предразсудкамъ должно особенно приписать гибель обширныхъ сѣверныхъ лѣсовъ. Безпечность всѣхъ вообще владѣльцевъ, которые не заботились огораживать лѣса, и обыкновеніе, которое было по крайней мѣрѣ терпимо, если недозволено открыто— пускать стада и скотъ въ лѣса порубленные— вотъ дѣйствительныя, хотя и медленныя причины того состоянія, въ какомъ находятся нынѣ обширные округи: они обнажены совершенно, а прежде поэтическій писатель народа не называлъ ихъ иначе, какъ: *добрый зеленый лѣсъ* (the good green wood). Впрочемъ, неоспоримое свидѣтельство, что вспарину существовали сіи лѣса, должно служить поощреніемъ для владѣльцевъ, и побуждать ихъ ко всѣмъ возможнымъ усиліямъ создать вновь зрѣлище, которое прежде распространяло на всю страну какую-то дикую красу, исчезнувшую столь не-

Digitized by Google

счастливо отъ невѣжества, безпечности и предубѣжденія.

Разсмотримъ, какимъ образомъ можетъ быть достигнута цѣль сія, съ наименьшими издержками и съ наибольшею выгодою.

Прежде всего, для предпріятія сего рода надобно выбрать искуснаго лѣсовода, и дать ему такія средства, чтобы, всякій разъ, какъ только встрѣтится потребность, онъ могъ имѣть приличное число смышленыхъ и усердныхъ работниковъ. Если насажденіе должно производишься въ большомъ размѣрѣ, то нехудо чтобы они и жили тутъ-же, или по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Ихъ время будетъ съ пользою употреблено во все продолженіе года; они будутъ занимашься иногда огораживаніемъ, иногда разсадкою, иногда очисткою, и такъ далѣе, не теряя ни одной минуты.

За тѣмъ необходимо, чтобы лѣсоводъ имѣлъ одинъ или нѣсколько разсадниковъ, какъ можно ближе къ той почвѣ, которую хочетъ онъ засаживать. Разумѣется, что мы отнюдь не желаемъ вредить промышленности разсадчиковъ. Когда владѣлецъ хочетъ засадить деревьями одинъ или два акра, то мы почли-бы безразсудствомъ, если-бы онъ сталъ издерживаться и трудиться надъ воспитаніемъ растеній; но ко-

Digitized by Google

гда дѣйствіе производится въ большомъ размѣрѣ, тогда весьма важно, чтобы молодыя деревья могли находиться одно или два времени года въ домашнемъ разсадникѣ. Г-нъ Монтисъ желаетъ особенно, чтобы этотъ разсадникъ *второй руки*, какъ онъ называетъ его, былъ наполненъ молодыми деревьями, двухъ или трехъ лѣтъ, выбранными у записныхъ разсадчиковъ, замѣчая при томъ весьма справедливо, что такимъ образомъ лѣсоводъ избѣгнетъ дорогихъ и затруднительныхъ хлопотъ, выращать молоденькое растеніе изъ сѣмени, и не потеряетъ ни одной изъ выгодъ имѣть свой разсадникъ. Впрочемъ, надобно стараться, чтобы мѣсто, откуда взяты растенія, не было слишкомъ отдаленное, ибо не должно подражать тѣмъ владѣльцамъ, которые въ Гласговѣ берутъ растенія, и перевозятъ ихъ на Гебридскіе острова.

Разсадники второй руки представляютъ многія и различныя выгоды. Во-первыхъ, растенія не вдругъ изъ земель жирныхъ и хорошо защищенныхъ, въ какихъ обыкновенно воспитываютъ ихъ разсадчики, переносятся въ почву неплодородную и подверженную жестокости вѣтра, а постепенно привыкаютъ къ климату и землѣ того мѣста, гдѣ они должны остаться окончательно. Во-вторыхъ, значительно уменьшаются

Digitized by Google

столь вредные перерывы въ работахъ лѣсоводовъ. Извѣстно, что ничто столько не способствуетъ успѣхамъ работъ сего рода, какъ удобство скоро переселять растенія изъ разсадника на мѣсто. Но это не возможно, если разсадникъ не вблизости. Часто бываетъ, что, когда растенія перевозятъ черезъ нѣкоторое разстояніе, погода вдругъ перемѣняется; молодыя растенія могутъ, напримѣръ, подвергнуться холоду; тогда нѣтъ инаго средства, какъ спрятать ихъ въ какую нибудь яму, закрыть корни землею, и оставить въ этомъ положеніи на дни, и на цѣлыя недѣли, покуда температура не сдѣлается благопріятнѣе.

Другое, не менѣе важное обстоятельство, выборъ земель для насажденія. Здравый разсудокъ показываетъ, на какихъ земляхъ не должно быть оно производимо. Конечно ни одинъ разсудительный человѣкъ не будетъ садить деревьевъ въ хорошія, годныя для хлѣба земли, или въ тучныя поля, гдѣ можетъ расти хлѣбъ или пастись скотъ. Только желаніе украсить сельское жилище картинными окрестностями, можетъ извинить отступленіе отъ сего правила; но и тутъ, разсудительный владѣлецъ еще задумается, сообразивъ, что онъ уничтожаетъ хорошее пастьбище, тогда какъ могъ-бы садить деревья въ другомъ мѣстѣ, безъ

Digitized by Google

всякаго пожертвованія. Земля должна быть раздѣлена на лѣса и луга; вообще не трудно производить насажденіе такимъ образомъ, чтобы оно было выгодно и для скотоводства. При раздѣленіи, арендаторъ непремѣнно будетъ представлять вамъ свои замѣчанія и находить мнимыя затрудненія, потому что для него выгоднѣе всякое другое употребленіе земли: не надобно обращать никакого вниманія на эти робкіе и корыстные совѣты; смѣлою рукою должно раздѣлить почву на луга и лѣса. Мы сказали, что лѣсоводъ не будетъ садить деревьевъ въ лучшія свои земли; но также не будетъ онъ и беречь всѣхъ тѣхъ земель, которыя не рѣшительно дурны. Эти ничтожныя, робкія сбереженія всегда были причиной самыхъ пагубныхъ слѣдствій. Во-первыхъ, издержка на огорожу увеличится значительно, ибо мѣлочныя насажденія потребуютъ многихъ небольшихъ огорожь отдѣльныхъ, и заставятъ сдѣлать много обводовъ лишнихъ, чего не было-бы при дѣйствіяхъ болѣе обширныхъ и рѣшительныхъ. Во-вторыхъ, ничто не можетъ быть оскорбительнѣе этого для глазъ, и противнѣе всему, что льститъ и услаждаетъ своимъ видомъ! Намъ извѣстны два красивые холма, которые представляли глазамъ прелестную, роскошно волнистую линію; теперь, когда вершину ихъ покрыли правильнымъ кругомъ мрачныхъ елей, кажется, буд-

Digitized by Google

по на нихъ надѣли гадкій черный капоръ. Иныя насажденія, рѣзкими, странными углами, сдѣланными для того, чтобы не захватить травы луга, стали похожи на циркумвалаціонныя линіи или на зеленыя междулѣсья дяди Тоби. Другимъ даны формы еще болѣе фантастическія, нелѣпыя: нѣкоторыя походятъ на двукопѣечные круглые пирожки, на клубки нишокъ, и, сказать-ли? на нижнее платье, растянутое у вешошника! Во всѣхъ этихъ случаяхъ, деревья, отдѣльныя, лишенныя взаимнаго пособія, которое давали-бы ни одно другому будучи вмѣстѣ, представляли видъ мѣлкій, ничтожный, и худо говоря въ пользу разсудительности помѣщика, не дѣлали никакого удовольствія его глазамъ, и никакой пользы его кошельку.

Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ-бы владѣлецъ, одушевленный болѣе обширнымъ взглядомъ. Онъ зналъ-бы, что хотя деревья, произведенія самыя величественныя въ царствѣ прозябаемыхъ, одарены свойствомъ силы и могутъ возвышаться шамъ, гдѣ не растетъ рѣпа, однакожь они чувствительны къ попеченіямъ. Такимъ образомъ, выбирая мѣста для насажденія деревьями, онъ распространился-бы до тѣхъ точекъ, которыя можно почитать границами естественными. Индѣ онъ довелъ-бы свои насажденія до подошвы холмовъ, въ другомъ мѣстѣ остано-

Digitized by Google

вилъ-бы ихъ на верхнемъ краю ложбинъ, всегда стараясь придать имъ видъ самороднаго лѣса, чего не льзя сдѣлать иначе, какъ скрывъ границы и внушивъ идею о безпрерывномъ пространеніи. Правда, что дѣйствуя такимъ образомъ, можно потерять нѣсколько акровъ доброй земли для насѣльбищъ, но потеря сія щедро вознаградится выгодами произрастанія. Только въ мѣстахъ, хорошо защищенныхъ, деревья выростаютъ быстро. Растущія на хорошей землѣ, въ оконечности насажденій, заслоняютъ собою главную общность деревьевъ, занимающихъ мѣста не столь плодородныя. Худо покровительствуемыя долго томятся, если они предоставлены собственнымъ своимъ пособіямъ; ихъ росту препятствуетъ и жестокость вѣтра и бѣдность питающихъ соковъ; они могутъ только существовать, поддерживать жизнь, не болѣе, и успѣхи ихъ почти незамѣтны; но когда находятся они въ сосѣдствѣ деревъ, посаженныхъ въ земляхъ сильныхъ и плучныхъ, тогда, будто побуждаемыя добрымъ примѣромъ, они быстро возвышаются и крѣпятся.

Въ рисункѣ насажденій, владѣлецъ долженъ всего болѣе руководствоваться собственными формами земли, находящейся въ его распоряженіи. Нѣтъ спора, что волны линій, попеременно возвышающейся и понижающейся невысо-

Digitized by Google

кими холмами, представляютъ почву самую способную для насажденій. Но какъ можно избѣгайше ошибки, слишкомъ общей, чертишь границы насажденій по геометрическому плану, а не по виду мѣстъ. Не надобно терять изъ вида, что рисунокъ геодезиста показываетъ поверхность плоскую, которая даетъ самую несовершенную идею о неровностяхъ почвы.

Изучивъ мѣста, нетрудно будетъ составить себѣ нѣкоторыя общія правила, удовлетворительныя равно для всѣхъ. Напримѣръ, всякій согласится, что земли пахатныя должны быть въ углубленіяхъ, а лѣсъ на возвышенностяхъ; лѣсникъ, потому что на склоненіи холмовъ деревья лучше вырастаютъ; земледѣлецъ, потому что слѣдуя правилу общему, лучшія земли вспахиваются, а другія засаживаются деревьями, и еще потому, что лѣсъ на возвышеніяхъ защищаетъ обработанныя поля лучше нежели находясь вровень съ ними. Человѣкъ со вкусомъ пожелаетъ также, чтобы границы его насажденій слѣдовали по линіямъ природы, которыя всегда легки и волнообразны, важны и смѣлы, но никогда не сжаты и не одноформенны. Такимъ образомъ лѣсъ будетъ удаляться отъ васъ или приближаться къ вамъ, сообразно съ неровностями почвы, на которой онъ растетъ, и точно въ тѣхъ мѣстахъ ландшафта,

Digitized by Google

гдѣ возрастила-бы его сама природа. Этому распредѣленію будутъ противиться только-исключительные поклонники математической правильности, которые думаютъ, что заступъ и лопата должны безусловно повиноваться линейкѣ и циркулю; которые хотятъ, чтобы огорожи были вездѣ одинаковаго вида и объема; которые восхищаются только прямыми линіями и острыми углами; которые желали-бы размѣрить и расчертить свои лѣса и поля съ такою точностью на землѣ, какъ на листѣ бумаги. Милордъ Стеръ выдумалъ еще лучше: онъ расположилъ свои деревья баталіонами, въ линіяхъ и колоннахъ, чтобы посредствомъ ихъ объяснить себѣ движенія Деттингской битвы. Если-бы любители такихъ нелѣпостей поразмыслили одну минуту, они тотчасъ отучились-бы отъ нихъ, потому что увидѣли-бы невозможность достигнуть предполагаемой цѣли. Расположить деревья въ прямой линіи на поверхности неровной, не нивеллированной, такъ-же невозможно, какъ начертить точную діаграмму на листѣ смятой бумаги. Всѣ насажденія, произведенныя по этой системѣ, вмѣсто требуемыхъ отъ нихъ правильныхъ фигуръ, представляютъ линіи разорванныя, углы выдавшіеся, и сегменты, столько-же несогласные съ Эвклидомъ, сколько и съ природою. Справедливость требуетъ сказать, что этотъ образъ

Digitized by Google

насажденій болѣе и болѣе оставляется владѣльцами; даже арендаторы начинаютъ убѣждаться, что насажденія, расположенныя умно, такъ, что они защищаютъ поля и пастбища, служатъ къ увеличенію, а не къ уменьшенію дохода. Мнѣ извѣстны земли, наяшыя дороже четвертью прежней цѣны, послѣ того какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ оныхъ были сдѣланы насажденія.

Когда кончены всѣ эти предварительныя распоряженія, надобно заняться оградами. Успѣхъ насажденія зависитъ по большей части отъ того, какъ устроены ограды. Разсудительный арендаторъ конечно оцѣнитъ полезность деревъ, насажденныхъ владѣльцемъ; но не льзя ожидать, чтобы онъ сталъ заниматься сохраненіемъ оныхъ; да если-бы онъ и желалъ позаботиться о нихъ, то этого великодушнаго расположенія не льзя ожидать отъ его пастуховъ, которые съ непробуднымъ хладнокровіемъ будутъ смотрѣть на вторженіе ихъ стадъ въ лѣсъ, гдѣ въ одинъ день могутъ они произвести такія опустошенія на молодыхъ деревахъ, что это не вознаградится въ нѣсколько лѣтъ. Слѣдственно, каковъ-бы ни былъ объемъ насажденія, оно должно быть огорожено приличнымъ образомъ. Живыя огорожи (изъ растущихъ деревъ) конечно составляютъ самую

Digitized by Google

пріятную ограду; но не всегда можно устроить ихъ, особенно вокругъ насажденій обширныхъ. Въ худыхъ земляхъ, растенія иглистыя могутъ выходить лишь при большомъ присмотрѣ; но есть мѣста, гдѣ они не растутъ ни коимъ образомъ. Иные хвалятъ огорожи дроковыя; но онѣ и непрочны, и требуютъ большихъ попеченій. Съ сожалѣніемъ, но должно сказать, что изъ всѣхъ оградъ, самыя выгодныя и удобныя вообще, суть каменныя стѣны. Для этого рода оградъ, матеріялу множество вездѣ, и великое достоинство оныхъ въ томъ, что онѣ служатъ съ самаго дня ихъ построенія, и остаются на весьма долгое время, если хорошо сдѣланы. Не будемъ отрицать, что каменныя стѣны очень некрасивы, чрезвычайно непріятны для глазъ; но это неоспоримое неудобство уменьшается, если стѣну строятъ въ рытвинѣ, гдѣ она бываетъ видна только въ самомъ близкомъ разстояніи. Такимъ образомъ можно согласить и безопасность и красивость лѣса.

Другое пріуготовленіе, такъ-же необходимое какъ ограда, состоитъ въ томъ, что надобно осушить всѣ болотистыя части земли, гдѣ предполагается сдѣлать насажденіе. Вода есть стихія самая благотворная для растеній, когда она чиста; но вода стоячая, загнившая,

Digitized by Google

есть самый опасный врагъ ихъ. Съ небольшими исключеніями, никакое дерево не можетъ расти въ болотѣ. За то нѣтъ ни одной почвы, какъ-бы ни была она влажна и губкообразна, гдѣ-бы не могли расти деревья, если въ ней сдѣлаютъ стоки. Мы сами видѣли, что ели и другія смолистыя деревья достигаютъ величайшей вышины въ землѣ столь мягкой и влажной, что сначала едва могли утвердиться въ ней корни ихъ. Но жолобки должны быть, непремѣнно, время отъ времени очищаемы и починиваемы. Впрочемъ, эти попеченія съ каждымъ годомъ будутъ меньше затруднительны, потому что по мѣрѣ того, какъ возрастаютъ деревья, они вытягиваютъ большее количество излишней влажности. Какъ истребленіе самороднаго лѣса обыкновенно производитъ болото, такъ новый лѣсъ, побѣдивъ первыя препятствія, способствуетъ осушенію болотъ существующихъ.

Надобно также обращать большое вниманіе на распланировку дорогъ для пѣшеходовъ, верховыхъ и для экипажей. Когда насажденіе предполагается сдѣлать въ большомъ размѣрѣ, то онѣ должны имѣть въ ширину отъ семи до осьми футовъ. Это дѣйствіе соединено естественно съ осушеніемъ земли, потому что стоки для излишней воды послужатъ также и

Digitized by Google

къ осушенію дорогъ, если дороги расположены вдоль жолобковъ, что почти всегда можешь быть прилично. Дороги способствуютъ также къ осмотру лѣса и къ перевозкѣ сваленныхъ деревъ: когда понадобятся онѣ въ семъ послѣднемъ случаѣ, тогда только увидятъ всю необходимость оныхъ, и если до того времени еще не сдѣлали дорогъ, то убѣдятся, что уже ихъ можно сдѣлать не иначе, какъ съ большою потерею времени, и что расчертить ихъ уже не льзя съ такою точностью, какъ въ то время, когда еще деревья не выростали. Начертаніе и расположеніе этихъ пропинъ составляетъ одно изъ пріятнѣйшихъ занятій владѣльца, одареннаго вкусомъ. Хорошо приготовленныя заступомъ, онѣ черезъ годъ или два покроются мхами и нѣжными травками, которыя дадутъ имъ прелестный зеленоватый оттѣнокъ. Но кто не займется ими сначала, тотъ, по крайней мѣрѣ, долженъ оставить для нихъ мѣста. Эти прогалины въ лѣсахъ тоже, что лёгкія въ человѣческомъ тѣлѣ: посредствомъ ихъ, воздухъ обращается въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ, и отъ того ростъ деревьевъ бываетъ сильнѣе и быстрѣе.

Есть много средствъ ускорить быстроту роста: самое дѣйствительное, безспорно, состоитъ въ томъ, чтобы выкопать заступомъ

Digitized by Google

глубокія колеи; но издержка на эту рабошу столь велика, что ее можно производить только въ насажденіяхъ, дѣлаемыхъ *для удовольствія*. И другія средства, болѣе несовершенныя и болѣе дешевыя, были-бы все еще дороги, если-бы вздумали употреблять ихъ въ насажденіяхъ огромнаго размѣра. Впрочемъ, только въ первое время молодому дереву хорошо въ землѣ не очень плотной и доступной дѣйствію ашмосферы; но послѣ, жилки его корней углубляются на такое разстояніе, что ни заступъ, ни соха не могутъ достать до нихъ. Въ это время ростъ его бываетъ совсѣмъ не быстрѣе роста деревъ близъстоящихъ, которыя оставались безъ всякихъ попеченій.

Но, прежде всего этого, надобно заняться выборомъ деревьевъ для насажденія. Если хотятъ завести лѣсъ большой, то выборъ долженъ остановиться всего скорѣе на дубѣ и лиственицѣ.

Конечно не будутъ оспоривать предпочтенія, которое дѣлаемъ мы дубу: это естественное произведеніе нашего острова и вообще всей Западной Европы; оно съ равнымъ успѣхомъ растетъ въ ложбинахъ и на высотахъ. Оно достигаетъ необычайной силы въ землѣ шучной, и даже съ совершеннымъ успѣхомъ растетъ въ почвахъ посредственныхъ и пло-

Digitized by Google

хихъ; въ дубовомъ лѣсу можно производить весьма выгодныя порубки.

Но вѣрно не всѣмъ понравится нашъ выборъ лиственицы. Вордсворшъ осудилъ ее, за то что она предсшавляешъ видъ слишкомъ правильный и однообразный. Не споримъ, что когда лиственичныя деревья спояшъ небольшими семьями, то ихъ верхушки, досшигнувъ одинаковой вышины и равно склонившись по направленію господсшвующаго вѣтра, не производятъ удовлешворишельнаго впечашлѣнія. Но если почва, на которой возвышаются лиственицы, сполько обширна, что онѣ сосшавляютъ лѣсъ, то ихъ вершины, при неравенсшвѣ покрываемыхъ ими поверхносшей, образуютъ линіи волнисшыя, запечашлѣнныя величіемъ и прелесшью. Кто былъ въ Швейцаріи, гдѣ эши деревья даютъ шѣнь почши на всѣхъ высошахъ, куда только можешъ досшигнушь прозябеніе, тошъ могъ видѣшь, какъ много красы придаютъ они Альпійскимъ зрѣлищамъ. Они имѣютъ еще и шу выгоду, что весною предсшавляютъ взору самый нѣжный оттѣнокъ зелени и пробуждаютъ мысль о возраждающейся природѣ. Но если, не смотря на всѣ сіи преимущесшва, захошятъ исключишь лиственицу изъ насажденій, дѣлаемыхъ для удовольсшвія, то самые предубѣжденные любишели живописнаго не могушъ

Digitized by Google

ошвергать полезносши ея шамъ, гдѣ насажденіе предполагаетъ единственною цѣлью пользу. Упомянутый нами поэтъ, Вордсворшъ, сколько-же одаренный умомъ, сколько и воображеніемъ, самъ призналъ, какъ хороши эши деревья въ ландшафтахъ нѣсколько дикихъ, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь. Вошъ что говоришъ онъ:

«Особенно жалѣю, что люди, дѣлающіе насажденія для одной прибыли, и низвергающіе всѣ другія деревья для своей любимой лиственицы, избрали эши исполненныя прелести долины мѣстомъ своихъ расшишельныхъ фабрикъ, когда какъ въ земляхъ неудобныхъ и въ сосѣднихъ болошахъ, они могли-бы досшигнушь своей цѣли гораздо удобнѣе. Покрывая долины сіи лиственицами, они конечно ободряли себя надеждою на быспрый ихъ росшъ; но скоро выбѣгая въ земляхъ жирныхъ, эши деревья шамъ бываюшъ мягки, ошъ излишесшва пишашельныхъ соковъ, что весьма убавляешъ цѣнносшь ихъ; сверхъ шого, они подвергаюшся шамъ чрезвычайному уязвленію насѣкомыхъ. Въ Шошландіи, владѣльцы болѣе разсудишельные сберегаюшъ почвы благодашныя и хорошо защищенныя, для ясеней, дубовъ и другихъ подобныхъ деревъ, а лиственицу садяшъ въ земляхъ безплодныхъ, гдѣ расшешъ она медленнѣе, но даешъ дерево болѣе превосходнаго качесшва.»

Digitized by Google

Это безцѣнное дерево соединяетъ въ себѣ два, почти противоположныя качества: быстроту выращанія и крѣпость вещества. Въ первомъ изъ сихъ отношеній оно превосходитъ всѣ лѣсныя деревья, а въ другомъ равняется съ самимъ дубомъ.

Надобно сказать, что и обходятся съ этимъ деревомъ весьма нехорошо. Иные сваливаютъ его въ то время, когда оно наполнено соками, а отъ этого деревья большаго размѣра растрескиваются. Чтобы избѣгнуть такого неудобства, другіе снимаютъ съ дерева кору, передъ тѣмъ временемъ года, когда надобно свалить его. Вотъ, по сему предмету, практическія замѣчанія Г-на Монтиса:

«Въ 1815 и 1816 годахъ мнѣ препоручили сдѣлать расчистку въ двухъ насажденныхъ лѣсахъ. Деревья были тамъ вообще большія: многія имѣли не менѣе тридцати и сорока футовъ кубическихъ. Часть сихъ деревьевъ, въ обоихъ владѣніяхъ, должна была пойдти на потребленіе владѣльцамъ. Въ предшествовавшій годъ я свалилъ множество лиственицъ, и какъ тотчасъ послѣ этого сняли съ нихъ кору, и оставили ихъ на солнцѣ, то онѣ растрескались и стали негодны къ употребленію. Желая избѣгнуть этого, если можно, въ будущее время, я снялъ кору съ всѣхъ лиственицъ, когда онѣ

Digitized by Google

были еще на корню, и оставилъ ихъ такъ до осени. Это совершенно уничтожило губительное дѣйствіе солнца и сухости. Нѣкоторыя изъ деревьевъ, очищенныхъ такимъ образомъ, были срублены не раньше какъ черезъ два года; ихъ употребляли послѣ на деревянныя подѣлки, которыя оказались въ употребленіи превосходны, то есть не трескались и не коробились. Впослѣдствіи, я всегда употреблялъ это средство; употребляли его и многіе другіе, всегда съ одинакимъ успѣхомъ. Оставляя лиственицы на корню въ продолженіе двѣнадцати мѣсяцовъ, когда снята съ нихъ кора, черезъ это возбуждаютъ обращеніе сока во всѣхъ частяхъ дерева, такъ что бѣлковина его становится почти столько-же шверда, какъ и красная часть. Посему я убѣжденъ, что лиственичное дерево, приготовленное какъ изложено выше, будетъ прочно, не менѣе лиственицы, выраставшей обыкновеннымъ образомъ и срубленной на пятидесятомъ году.»

Любители всего живописнаго конечно закричатъ отъ ужаса, вообразивъ какое дурное впечатлѣніе произведутъ несчастныя деревья, обнаженныя такимъ образомъ, подлѣ счастливыхъ сосѣдей своихъ; но это неудобство существуетъ только для глазъ. Есть и другія, не меньше выгодныя средства приготовлять

Digitized by Google

лиственицу; мы упомянемъ, напримѣръ, о частомъ поливаньи, и слѣдственно о поддержаніи наружной влажности въ деревѣ, когда оно сохнетъ внутри. Мы видѣли, что это дерево употреблялось у столяровъ, и какъ въ полировкѣ, такъ и въ спаяхъ не уступало никакому другому, даже и красному дереву. Замѣтимъ еще и то, что по мѣрѣ увеличенія лиственицы въ объемѣ, кора ея теряетъ свою цѣнность, и что когда деревья лиственичныя могутъ давать строевой лѣсъ большаго размѣра, тогда надобно отказаться отъ желанія снимать кору; ихъ надобно уже валить зимою, какъ всѣ другія деревья. Когда лиственица вышиною въ обыкновенную жердь, то ее бросаютъ въ яму, очистивши, и прикрываютъ вѣтвями, для защиты отъ солнечныхъ лучей. Такимъ образомъ она высушивается постепенно, и по высушкѣ бываетъ тверда подобно желѣзу, и чрезвычайно способна ко всякому употребленію, какое только можно сдѣлать изъ деревъ такого объема. Если мы прибавимъ, что лиственица растетъ во всѣхъ почвахъ, умѣренно влажныхъ, кромѣ только тѣхъ, коихъ основаніемъ служитъ мягкій камень, что на вершинахъ горъ она возносится выше всѣхъ другихъ смолистыхъ деревьевъ, и что она поддерживается и красуется въ суровой температурѣ, то послѣ сего понятно будетъ,

Digitized by Google

почему совѣтуемъ мы давать ей преимущество въ насажденіяхъ большаго размѣра.

Теперь должны мы разсмотрѣть, въ какое время года и какимъ образомъ должно садить деревья. Начнемъ полнымъ одобреніемъ народной аксіомы: « Садите деревья во время Святаго Мартина, и велите имъ расти; садите деревья послѣ Срѣтенія, и просите ихъ расти. » Когда весенніе мѣсяцы бываютъ влажны, то деревья, посаженныя въ Срѣтеньевъ день, удадутся; но въ противномъ случаѣ, вѣроятно будете раскаиваться, что выбрали это время года. Наше мнѣніе въ семъ случаѣ совершенно согласно съ общимъ обычаемъ; но не совсѣмъ таково оно въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, которыя должны мы теперь разсмотрѣть.

(Окончаніе въ слѣд. N°).

Digitized by Google

ГЕРМАНСКІЕ

ИСПЫТАТЕЛИ ПРИРОДЫ.

(Окончаніе).

Изъ Копенгагена явилось шесть Профессоровъ, и во главѣ ихъ былъ знаменитый Эрстедъ, Профессоръ Политехническаго Института и Секретарь Копенгагенской Академіи Наукъ. Ему одолжены открытіемъ электро-магнетизма. Это открытіе отверзло неизмѣримое поприще Наукѣ, и обогатило ее въ краткій періодъ многими новыми истинами.

Эрстеду лѣтъ за 50; ростъ его ниже средняго; физіогномія открытая, выразительная; обращеніе пріятно и благородно. Онъ имѣетъ привычку, во время разговора подымать глаза. Его уважаютъ всѣ, не только за дарованія и за усердіе ко всему, что касается Науки, но и за привѣтливость въ обращеніи, за мягкій характеръ. Какъ писатель, онъ особенно извѣстенъ своими диссертаціями, чисто теоретическими и метафизическими; но увѣряютъ, что онъ отказался отъ многихъ изъ своихъ

Digitized by Google

мнѣній, съ тѣхъ поръ какъ «началъ самъ вопрошать природу.» Первые опыты его надъ электро-магнетизмомъ были сдѣланы не раньше зимы 1813 на 1819-й годъ, когда онъ открылъ дѣйствіе гальваническаго столба на магнитную стрѣлку. Въ небольшой Латинской диссертаціи, напечатанной въ Копенгагенѣ, въ 1820 году, изложены полученныя имъ слѣдствія. И тогда, и послѣ, онъ описалъ подробно свои открытія; напримѣръ въ статьѣ: *Термо-электричество*, сочиненной имъ для *Эдинбургской Энциклопедіи*.

Чужеземцамъ, посѣщающимъ его, онъ съ удовольствіемъ показываетъ снаряды, употребляемые имъ для опытовъ, и безъ малѣйшей скрытности объясняетъ, какъ пользуется онъ ими. Всего пріятнѣе, и можно сказать полезнѣе для человѣка, съ участіемъ занимающагося науками опытными, видѣть инструменты, употребляемые людьми, коихъ старанія увѣнчались успѣхомъ, и еще болѣе, разсматривать, какъ употребляютъ они ихъ. Въ устройствѣ снарядовъ есть такое множество мѣлкихъ подробностей, и такое множество измѣненій, сдѣланныхъ для того чтобы снаряды были дѣйствительнѣе и сокращали продолжительность опытовъ, что для занимающагося Опытною Физикою почти необходимо пріобрѣсти свѣдѣніе

Digitized by Google

обо всемъ этомъ собственномъ, личномъ наблюденіемъ.

Можно судить о цѣли трудовъ Эрстеда по тѣмъ словамъ, которыя сказалъ онъ одному изъ своихъ друзей: «Первая награда моя: честь; а богатство придетъ послѣ, если угодно ему.» Въ сочиненіяхъ его достойна вниманія точность, какую рѣдко находятъ у Нѣмецкихъ писателей. «Я такъ пишу»— сказалъ онъ—«какъ будто долженъ платить за каждую строчку; а многіе, напротивъ, пишутъ, какъ будто имъ должны платить за каждую строчку.» Однажды, когда представили ему диссертацію, гдѣ между хорошими описаніями были и мало любопытныя, онъ сказалъ сочинителю: «Если вы исключите изъ вашего труда на 100 флориновъ, то онъ тотчасъ будетъ стоить 1,000 флориновъ лишнихъ.»

Сопутникомъ Эрстеда былъ Цейзе, Профессоръ Химіи въ Университетѣ и въ Политехническомъ Институтѣ, человѣкъ весьма трудолюбивый, характера холоднаго, даже меланхолическаго. Онъ не только не старается быть въ обществѣ, но убѣгаетъ отъ него, и потому худо оцѣненъ иностранцами, которые любятъ ученыхъ сообщительныхъ. Онъ недавно издалъ сочиненіе о Химіи, принятое съ особеннымъ успѣхомъ, отчасти и потому, что

Digitized by Google

самое новое о томъ-же предметѣ было издано, на Датскомъ языкѣ, слишкомъ за придцать лѣтъ. Хотя въ Даніи, какъ и вездѣ, Химія принадлежитъ къ наукамъ самымъ народнымъ, однако ее изучаютъ немногіе, можетъ быть и отъ того, что нѣтъ хорошаго Профессора Химіи. Цейзе химикъ весьма ученый, но онъ не способенъ давать своимъ лекціямъ ту занимательность, которая привлекаетъ слушателей.

Съ этими двумя пріѣхалъ еще Горнеманъ, выгодно извѣстный ботаникамъ многими важными трудами. Онъ средняго роста, сѣдъ, и хотя приближается къ восьмидесяти годамъ жизни, однако еще весьма дѣятеленъ. Онъ всего болѣе трудился надъ сочиненіемъ: *Датская Флора* (Flora Danica), которое было начато въ 1746 году, въ царствованіе Фридриха V-го. Съ тѣхъ поръ, трудъ сей былъ ободряемъ и даже поддерживаемъ щедростію двухъ слѣдовавшихъ Государей. Первыя десять тетрадей онаго были изданы Эдеромъ (Oeder), который сдѣлалъ много путешествій и разысканій для сего сочиненія. Эдера замѣнилъ Миллеръ, въ 1771 году; но какъ онъ занимался Зоологіею, болѣе чѣмъ Ботаникою, то и успѣлъ издать только пять тетрадей. Съ 1783 года и до начала девятнадцатаго столѣтія, распоряженіе симъ трудомъ лежало на славномъ Мар-

Digitized by Google

шинѣ Валѣ, сочинителѣ книги: Enumeratio Plantarum, которая была принята публикою благосклонно. Его попеченіями прибавилось шесть новыхъ тетрадей къ пятнадцати первымъ. Наконецъ Профессоръ Горнеманъ, въ 1804 году, былъ назначенъ редакторомъ, и занимался такъ-же тщательно, какъ и его предшественники. Онъ издалъ двѣнадцать частей, составляющихъ четыре тома, изъ коихъ въ каждомъ заключается 180 рисунковъ, а во всѣхъ описано около 900 видовъ растеній. Когда окончится это сочиненіе? Сказать трудно. Датская Флора состоитъ почти изъ 5,000 видовъ, а упомянутое сочиненіе, начатое за семьдесятъ пять лѣтъ и продолжаемое почти съ постояннымъ усердіемъ, заключаетъ въ себѣ описаніе только 2,200. Слѣдственно, теперь окончано не болѣе двухъ пятыхъ всего труда.

Жители Гамбурга не могли постигнуть, зачѣмъ эти люди съѣзжаются въ ихъ городъ, изъ столь отдаленныхъ мѣстъ? Хотя о съѣздѣ ученыхъ было объявлено въ газетахъ за нѣсколько мѣсяцевъ, но объявленіе, гдѣ не говорилось ни о сахарѣ, ни о кофе, ни о биржевыхъ движеніяхъ, было совершенно забыто. Однакожъ, когда пришло назначенное время, когда заговорили о публичныхъ почестяхъ, какія отданы будутъ этимъ чужеземцамъ, когда

Digitized by Google

узнали что Stadthaus назначенъ для пріема ихъ, биржевая зала для ихъ большихъ собраній, а гостиная Аполлона для полуденнаго стола; когда узнали наконецъ, что начнутся празднества, съ хорошими обѣдами, балами, концертами, и вѣроятно частію на счетъ города, тогда всѣ стали заниматься только пріѣздомъ Естествоиспытателей, одни для того чтобы принять участіе въ объявленныхъ празднествахъ, а другіе чтобы оплакать издержки, по ихъ мнѣнію вовсе безполезныя. Однако все еще худо понимали, что значитъ Naturforscher, и за первыми пріѣзжими бѣгали толпою, потому что всякому было любопытно увидѣть, похожи-ли на обыкновенныхъ людей эти гости, которые пріѣхали изъ далекихъ странъ для того только, чтобы повидаться и поговорить.

Все, что можетъ быть достойно вниманія иностранца въ Гамбургѣ, все было доступно Естествоиспытателямъ, во время пребыванія ихъ тамъ. Правда, что въ городѣ, гдѣ всѣ исключительно заняты торговлею, не льзя встрѣтить публичныхъ коллекцій, замѣчательныхъ своимъ богатствомъ; но за то есть тамъ нѣкоторыя, принадлежащія людямъ частнымъ, истинно достойныя любопытства. Въ числѣ ихъ назовемъ богатую коллекцію мине-

Digitized by Google

раловъ, принадлежащую Россійскому Министру Г-ну Штруве, и какъ увѣряютъ, уже купленную Правительствомъ его. Кабинетъ сей стоилъ Г-ну Штруве двадцати пяти лѣтъ трудовъ и попеченій. Онъ особенно богатъ минералами Сибирскими и Норвежскими, и заключаетъ въ себѣ отъ 7 до 8 тысячъ образчиковъ, изъ коихъ многіе представляютъ кристаллизацію великолѣпную, прелестны видомъ и стоятъ дорогой цѣны.

Надобно также упомянуть о богатой и обширной энтомологической коллекціи Г. Вильгельма Винтема, которая объемлетъ всю Энтомологію, и по всѣмъ частямъ полнѣе многихъ славныхъ кабинетовъ. Трудно понять, какъ могъ Г-нъ Винтемъ, человѣкъ еще очень молодой, собрать коллекцію, которая во всѣхъ странахъ показалась-бы плодомъ цѣлой жизни, посвященной единственно сему предмету. Впрочемъ, сношенія Гамбурга съ цѣлымъ свѣтомъ, и усердіе Г-на Винтема служатъ въ семъ случаѣ объясненіемъ.

Отдѣленіе минералогическое собиралось у Русскаго Министра Г-на Штруве; Фармацевтическое и наукъ Химико-Физическихъ въ лабораторіи Доктора Шмейссера, Гамбургскаго Профессора Химіи. Докторъ Шмейссеръ очень старъ; онъ учился въ Эдинбургѣ и любитъ пе-

Digitized by Google

ресказывать свои воспоминанія. Надобно слышать, какъ говоритъ онъ о Химіи, современной юности его, и объ энтузіасмѣ, съ какимъ принимали всѣ новыя открытія, въ то время когда они быстро слѣдовали одно за другимъ. «Вскорѣ послѣ открытія известковаго фосфора — сказываетъ Шмейссеръ — бывши въ Лондонѣ, я показывалъ разложеніе его, посредствомъ опущенія въ воду, и внезапное горѣніе офосфореннаго водотворнаго газа, изъ этого происходящее. — Надобно, вскричалъ кто-то, прогнать всѣхъ этихъ Нѣмцевъ, а то наконецъ они зажгутъ Темзу!» Онъ съ удовольствіемъ разсказываетъ также, что когда былъ открытъ способъ приготовлять искуственный spermaceti (жиръ труповъ или adiposera), изъ полусогнившихъ мускуловъ, посредствомъ селитряной кислоты, то онъ сдѣлалъ изъ него нѣсколько свѣчь и послалъ ихъ къ Блуменбаху, сказавъ что онѣ приготовлены изъ ногъ человѣка, во всю жизнь не сдѣлавшаго ничего хорошаго. Блуменбахъ остроумно отвѣчалъ ему: Mortui lucent, qui in vita obscuri fuerunt (По смерти освѣщаютъ, бывшіе темными въ живыхъ).

16 Сентября, число пріѣхавшихъ чужеземцевъ было уже довольно велико; начались публичные обѣды. Для этого были назначены: большая

Digitized by Google

Аполлонова зала и нѣсколько прилежащихъ къ ней комнатъ. Наконецъ, 18 Сентября было первое общее собраніе въ биржевой залѣ; Предсѣдатель Бартельсъ открылъ его рѣчью, краткою, но ясною, искреннею, и что всего лучше, безъ всякаго педантизма. Докторъ Фрикс, Секретарь, читалъ послѣ сего Уставъ Общества, заключающійся въ двадцати параграфахъ. Представляемъ замѣчательнѣйшіе изъ нихъ:

§ 1-й. Въ собраніи Естествоиспытателей и Медиковъ Нѣмецкихъ, бывшемъ въ Лейпцигѣ, 18 Сентября 1822 года, основано общество, названное Обществомъ Естествоиспытателей и Медиковъ Нѣмецкихъ.

§ 2-й. Главный предметъ сего Общества состоитъ въ томъ, чтобы доставить занимающимся Естествознаніемъ и Медициною, въ Германіи, случай узнавать другъ друга и входить въ сношенія.

§ 3-й. Всякій, кто писалъ о Естествознаніи или Медицинѣ, можетъ быть принятъ членомъ; но сочиненная для полученія ученаго достоинства диссертація не даетъ сего права.

§ 9-й. Общество собирается ежегодно, 18 Сентября, и публично занимается совѣщаніями многіе дни.

Digitized by Google

§ 10-й. Для собранія нѣтъ мѣста опредѣленнаго; оно каждый годъ назначается для собранія слѣдующаго года.

§ 18-й. Общество не заводитъ никакихъ коллекцій, не имѣетъ никакой собственности; все, что будетъ представлено ему, берется назадъ самимъ владѣльцемъ.

По примѣру городскаго начальства, люди частные также хотѣли угощать знаменитыхъ чужеземцевъ. Братья Бутъ (Booths), два молодые Шотландца, владѣющіе обширнымъ Ботаническимъ садомъ и большими разсадниками въ Гольтбекѣ, на Дашской землѣ, въ пяти миляхъ отъ Гамбурга, пригласили всѣхъ Естествоиспытателей осмотрѣть ихъ сады и позавтракать à la fourchette. Г-нъ Боуръ (Bower), садоводъ съ необыкновенными дарованіями, также растворилъ Естествоиспытателямъ свои сады, занимающіе по берегамъ Эльбы одно изъ прелестнѣйшихъ и самыхъ романтическихъ мѣстоположеній.

Главные труды Общества производились въ отдѣленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, только въ такихъ-то особенныхъ собраніяхъ людей, занимающихся однимъ знаніемъ, могутъ быть поняты и обсужены труды важные. Но по числу отдѣленій, и по порядку собранія оныхъ, одному

Digitized by Google

члену трудно было присутствовать болѣе чѣмъ въ двухъ. Правда, что и не всѣ представляли равную занимательность. Но засѣданія отдѣленія Химическаго были каждый день отмѣнно любопытны, и всякій разъ новымъ образомъ. Кильскій Профессоръ Пфаффъ говорилъ тамъ чрезвычайно остроумную и веселую рѣчь, о приложеніи химическаго анализа къ растительнымъ веществамъ, ежедневно употребляемымъ. Въ другое засѣданіе онъ изъяснялъ частныя начала, найденныя въ кофе. Представивъ нѣсколько прелестныхъ кристалловъ кафеина, чисто бѣлаго, онъ совѣтовалъ медикамъ употреблять его, какъ легкое противулихорадочное средство. Онъ показывалъ также новую кофейную кислоту, которая въ кофе смѣшана съ известкою и съ магнезіею, и даетъ ему особенный, ароматный его запахъ.

Открытіе кафеина вообще приписываютъ Пеллетье; но истинный обрѣтатель его есть Рунге, молодой Профессоръ Химіи въ Бреславлѣ. Нѣсколько лѣтъ тому, какъ этотъ молодой человѣкъ издалъ сочиненіе, въ которомъ описалъ онъ многія новыя начала, найденныя въ растительныхъ веществахъ, и между прочимъ въ кофе; но сочиненіе его было написано такимъ страннымъ слогомъ, что на него почти не обратили вниманія. Сверхъ того, описанныя

Digitized by Google

имъ вещества были по большей части не въ чистомъ состояніи, и такимъ образомъ качества, которыя приписывалъ онъ имъ, не всегда отыскивались въ чистыхъ веществахъ, приготовленныхъ впослѣдствіи другими Химиками. Но все Рунге сдѣлалъ первые шаги на этомъ любопытномъ поприщѣ, и его имя не должно быть забвеннымъ въ Исторіи Науки. Рунге присутствовалъ въ Гамбургскомъ собраніи, на своей родинѣ, ибо онъ родился въ Гамбургѣ. Онъ представилъ въ Химическое отдѣленіе выводы своихъ продолжительныхъ и трудолюбивыхъ изысканій, о химическомъ свойствѣ различныхъ родовъ растеній, собранныхъ въ разные мѣсяцы года, и объ отражательной силѣ ихъ, пріобрѣтаемой посредствомъ металлическихъ солей, какъ-то мѣдной, оловянной, желѣзной, висмутовой, и свинцовой, силѣ, которую доказываетъ крѣпость цвѣтовъ, сообщаемыхъ ею бумажному полотну. Измѣненія, происходящія въ сокахъ растеній, съ первыхъ мѣсяцевъ весны и до конца осени, доказанныя измѣненіями ихъ красильнаго вещества, были для всѣхъ любопытны и удивительны.

Городъ Гамбургъ, подражая братьямъ Бушъ, пригласилъ Естествоиспытателей на изящный завтракъ, приготовленный на его счетъ въ Ботаническомъ Саду. На склонѣ миловиднаго

Digitized by Google

холма, находящагося передъ самымъ городомъ и окруженнаго со всѣхъ сторонъ теплицами, были раскинуты двѣ огромныя палатки, украшенныя цвѣточными гирляндами. Живая, даже нѣсколько шумная веселость господствовала на этомъ пиршествѣ, и Шампанское разгорячило многія головы, уже убѣленныя годами. Нѣмецкія народныя пѣсни были пѣты общимъ хоромъ; между прочимъ и сочиненная поэтомъ Арндтомъ: Was ist das deutsche Vaterland. Гамбургскій Ботаническій садъ, гдѣ былъ этотъ завтракъ, основанъ только въ 1821-мъ году, ученымъ Профессоромъ Лекманомъ, и уже теперь онъ принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ въ Германіи, благодаря просвѣщенной заботливости основателя, который принялъ на себя управленіе онымъ.

Читатели наши видѣли почти все, что происходитъ въ ежегодныхъ собраніяхъ Общества Германскихъ Испытателей Природы. Въ заключеніе сей статьи замѣтимъ, что если главный предметъ собраній есть сближеніе людей, съ равною любовью занимающихся науками, то съ этимъ соединены и другія, не менѣе важныя выгоды. Собранія сіи обращаютъ вниманіе публики на людей, занимающихся наукою, и на самую науку; они сближаютъ ее такимъ образомъ съ учеными людьми и съ предметомъ

Digitized by Google

ихъ занятій. Они возвышаютъ въ мнѣніи общественномъ науку, и съ нею людей, посвятившихъ себя успѣхамъ ея. Но, всего болѣе, они побуждаютъ различныя Правительства разсматривать и улучшать заведенія ученыя и привлекать къ себѣ людей, истинно способныхъ занять каѳедры въ Университетахъ. Всѣ сіи и многія другія выгоды Германія получила отъ собраній Общества Естествоиспытателей. Остается спросить: не могли-ли-бы и другія Государства пріобрѣсти такія-же выгоды отъ подобнаго учрежденія?

Изъ Англійскаго Журнала.

Digitized by Google

БЛАЖЕНСТВО БЕЗУМІЯ.

(Окончаніе).

Къ счастію, музыканты, занятые разбираньемъ трудныхъ нотъ, ничего не слыхали и не замѣшили. Антіохъ смотрѣлъ на дверь комнаты, куда удалилась Адельгейда, смотрѣлъ, какъ изступленный, какъ будто все сосредоточилось для него въ одинъ взглядъ, въ одинъ образъ— этотъ образъ, на одно мгновеніе, пролетѣлъ мимо его, и унесъ у него и жизнь и умъ, и всѣ идеи его, всѣ понятія, все прошедшее и будущее. Волненіе души его видно было въ неизобразимой борьбѣ физіогноміи, гдѣ радость смѣнялась печалью, восторгъ унынiемъ, увѣренность недоумѣніемъ. Всю исторію сердца человѣческаго прочиталъ-бы на лицѣ Антіоха тотъ, кто умѣлъ-бы схватить всѣ измѣнявшіеся быстро переходы страстей, обхватившихъ его навѣки пламеннымъ вихремъ... Человѣкъ и жизнь исчезли въ немъ: въ раскаленномъ взорѣ, какимъ преслѣдовалъ онъ удалившуюся Адельгейду, я видѣлъ взоръ больнаго горячкою,

Digitized by Google

въ ту непостижимую минуту, когда тихая минута кончины укрощаетъ тѣлесныя терзанія болѣзни, оставляя всю силу духа, возбужденнаго напянутыми нервами, и непримѣтно сливаетъ идею вѣчнаго покоя смерти съ полнотою дѣятельности, обхватившею тѣлесный и душевный міръ — жизнію.

Какое-то тихое, радостное спокойствіе, какое-то чувство наслажденія осталось наконецъ на лицѣ, и означилось во всѣхъ движеніяхъ Антіоха. Когда подошелъ къ нему я, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, и сказалъ: «Пойдемъ! Я подѣлюсь съ тобой тѣмъ, чего никто изъ людей не знаетъ, и что я узналъ теперь!» Когда приблизился къ нему Шреккенфельдъ, улыбка дѣтскаго лукавства мелькнула на устахъ Антіоха. «Позвольте намъ идти теперь, любезный Г-нъ Шреккенфельдъ,» сказалъ онъ. «Могу-ли надѣяться, что вы не запретите мнѣ иногда приходить, раздѣлять ваши семейственныя наслажденія.» Шреккенфельдъ улыбнулся адски, и, казалось, проницалъ въ душу Антіоха своими ядовитыми глазами. «Г-нъ Антіохъ!» отвѣчалъ онъ — «дверь моего дома никогда не будетъ затворена для любителя и знатока искусствъ, вамъ подобнаго; тѣмъ болѣе, если къ этому присовокупляется личное уваженіе къ его особѣ.» — Посѣтите и вы меня,

Digitized by Google

любезный Г-нъ Шреккенфельдъ. Буду вамъ сердечно радъ; вотъ мой адресъ! — Антіохъ подалъ ему карточку, и дружески пожалъ ему руку.

Мы вышли, и почти бѣжали по улицѣ. Иногда Антіохъ останавливался, складывалъ руки, и медленно произносилъ: *Адельгейда, Адельгейда!* какъ будто это имя надобно было ему вдыхать въ себя съ воздухомъ, чтобы поддержать свое бытіе. Я хотѣлъ начать разговоръ, но Антіохъ схватывалъ меня за руку, влекъ съ собою, и говорилъ: «Молчи, ради Бога, молчи!.. *Адельгейда, Адельгейда!*» — Мы пришли на квартиру его, и Антіохъ заперъ за собою двѣри.

Я думалъ, что онъ задушитъ меня въ своихъ объятіяхъ: такъ крѣпко обнялъ онъ меня. Онъ прыгалъ, какъ дитя, онъ смѣялся, хохоталъ, и слезы текли между тѣмъ по щекамъ его, горящимъ неестественнымъ жаромъ. «О Леонидъ! я нашелъ ее, нашелъ мою половину души! Загадка жизни моей, загадка жизни Человѣчества найдена мною» — воскликнулъ наконецъ Антіохъ. «И такъ, судьба испытывала, терзала, готовила меня, чтобы я разрѣшилъ наконецъ міру, сказалъ людямъ тайну ихъ бытія? Теперь я все понимаю: и тоску, и грусть мою, и мученія души! И какъ терзался я, при-

Digitized by Google

ближаясь къ разрѣшенію тайны высочайшаго блаженства, къ бытію цѣльною, полною душею! Мой взоръ проникаетъ теперь всю Природу: я понимаю, что дѣлая повсюду удѣломъ человѣка борьбу духа и вещества, величайшее блаженство наше — смерть, Судьба нарочно отдѣляетъ отъ насъ разными ничтожными призраками и привидѣніями — болѣзнью, страхомъ, недоумѣніемъ! И человѣкъ трепещетъ этихъ бумажныхъ духовъ Фрейшица, этой дикой музыки смертнаго сна, которой привыкло пугаться его воображеніе. Мы бродимъ по землѣ, ища роднаго душѣ и сердцу, бродимъ, не находимъ, падаемъ отъ усталости; тогда Судьба начинаетъ жалѣть объ насъ, укачиваетъ насъ въ вѣчной люлькѣ, въ гробѣ, и мы засыпаемъ навсегда, какъ дѣти, утомленныя бѣганьемъ, но передъ сномъ трепещущія всего— и шороха мыши, и стука въ окошко, пока все незабудется въ игривыхъ фантазіяхъ сна крѣпкаго! Замѣть, какъ искусно скрыта отъ насъ прежняя жизнь наша, наша *Ur-Leben*, а такъже и жизнь будущая. Если-бы мы знали прежнее наше бытіе — мы не могли-бы существовать здѣсь, на бѣдной нашей землѣ: мы неосталисьбы на ней, если-бы знали и понимали, что послѣдуетъ и за земною жизнью! Какой-же я выродокъ, за что я такъ уродливо счастливъ, что все это суждено мнѣ понять здѣсь? Ахъ,

Digitized by Google

Леонидъ! придумай мнѣ слова, составь мнѣ азбуку, которыми могъ-бы я высказать, написать людямъ все то, чему хотѣлъ-бы я научить ихъ, что хотѣлъ-бы разсказать имъ.' Я узналъ изъ этого языка только одно слово: *Адельгейда!* Понимаешь-ли ты это слово? Я произнесу его тебѣ тихо, медленно: *А-дель-гейда!* Слышишь-ли, чувствуешь-ли ты, что оно соединяетъ въ себѣ и звуки Музыки, и слова Поэзіи, и цвѣты Живописи, и формы Ваянія, и всѣ мечты души, и всѣ думы сердца? О такихъ словахъ думаетъ душа, ихъ ищетъ она, ихъ слышитъ и непонимаетъ она въ ревѣ морскихъ волнъ, въ грохотѣ грома, въ пѣніи соловья, въ пѣснях поэтовъ! У поэтовъ впрочемъ и трудно понять ихъ: вѣдь они безумцы, спроси объ этомъ философовъ, и они располкуютъ тебѣ, что поэты говорятъ безъ сознанія, и потому думаютъ украсить такія слова гремушками, мишурою словъ, рифмъ, всякаго вздора. А Природа выговариваетъ такія слова такъ ясно, громко, просто — виноватa-ли она, что мы глухи? Возьми мое слово: *Адельгейда*, произнеси его — какая симфонія сравнится съ нимъ? Напиши, вырѣжъ его — какое изваяніе осмѣлишься подлѣ него поставить? — Тутъ все — мысль, душа, жизнь, весь міръ.»..

Послѣ того Антіохъ опять начиналъ говорить: *Адельгейда, Адельгейда!* Наконецъ идея

Digitized by Google

его приняли какое-то опредѣленное, систематическое направленіе, и онъ стройно началъ разсказывать мнѣ, гдѣ и когда видалъ Адельгейду.

Какъ жаль что я не могу пересказать вамъ разсказа Антіохова! Помните-ли вы слова Байрона:

Her thoughts
Were combinations of disjointed things,
And forms impapable and unperceived
Of others' sight, familiar were to hers,
And this the world calls phrensy (*)...

Да, *свѣтъ называетъ это безумiемъ*! Но что *мудрость* наша? Игра въ жмурки: счастливъ, кто хоть за что нибудь, хоть за сумасшествіе схватился...

— Ты видѣлъ, что я признавалъ съ перваго взгляда въ Адельгейдѣ что-то знакомое, родное; что я старался вспомнить только: *гдѣ*

(*) Ея мысли были уравненіемъ несоединяемыхъ предметовъ, и образы, недоступные и незамѣтные зрѣнію другихъ, были знакомы ей—а люди называютъ это безумiемъ...

Digitized by Google

зналъ я Адельгейду? Когда нынѣ пришелъ я къ Шреккенфельду, когда онъ взялъ меня за руку, и повелъ въ свою комнату, мнѣ казалось, что смертельныя судороги гнули всѣ мои кости, и смерть была въ груди моей. Вы занялись Музыкою; я не замѣтилъ, какъ явилась, и когда сѣла подлѣ меня Адельгейда. Она сказала мнѣ только одно слово: назвала только меня поимени; она только поглядѣла на меня, и — забывши все, я схватилъ въ восторгѣ ея руку! Это слово, этотъ взглядъ, это прикосновеніе, пояснили мнѣ въ одно мгновеніе все, и я невольно воскликнулъ: *Это она!* Все прежнее обновилось въ душѣ моей, и сдѣлалось мнѣ совершенно ясно.

— Леонидъ! только одного боюсь я: этотъ Шреккенфельдъ, эта Адельгейда, не мечта-ли какая нибудь, созданная моимъ воображеніемъ? Ты гораздо хладнокровнѣе меня, хоть я и самъ себя очень хорошо понимаю и чувствую—скажи: точно-ли *она* и *онъ* существуютъ? Кажется, я не ошибаюсь: я видѣлъ, что она глядитъ, говоритъ; я чувствовалъ, взявъ ее за руку, что теплая кровь льется въ рукѣ Адельгейды: стало быть она не привидѣніе! И Шреккенфельдъ также говоритъ, ходитъ — онъ обѣщалъ быть у меня. . .

«Что говоришь ты, Антіохъ!» — То, что если онъ и она привидѣнія, оптическій обманъ....

Digitized by Google

Да, замѣшь, что я всегда вижу ихъ только вечеромъ — если это мечта, и я — *сумасшедшій!* — Онъ сильно ударилъ себя въ голову.

— О, мой Антіохъ! Къ несчастію — это не мечта. Шреккенфельдъ и Адельгейда существуютъ!

«Къ несчастію? Почему-жь: *къ несчастію*, если они *существуютъ*? Я только требую удостовѣренія твоего въ этомъ, а остальнаго ни ты, ни онъ, ни она не знаете. Шреккенфельдъ думаетъ, что *она* дочь его... ха, ха, ха! Какая дочь: это моя душа — *половина моей души*...

«Видишь-ли что: есть страна въ мірѣ, чудная страна — ее называютъ: *Италія*. Тамъ все великое, все прекрасное. Сколько изящныхъ созданій тамъ, что нѣтъ другаго равнаго количества въ цѣломъ мірѣ. Вообрази, что тамъ былъ человѣкъ, умѣвшій изобразить земными красками, цвѣтною нашею грязью, *преображеннаго Бога*; тамъ есть храмъ, куполъ котораго кажется небомъ — такъ великъ онъ — и этотъ куполъ виситъ надъ людьми цѣлые вѣка, ничѣмъ не поддержанный; тамъ есть такое изображеніе красоты въ мертвомъ мраморѣ, что передъ нимъ красота самой очаровательной дѣвы кажется безобразіемъ; тамъ есть города, утонувшіе

Digitized by Google

въ виноградникахъ, мирповыхъ, лавровыхъ, померанцевыхъ лѣсахъ; другіе построены на волнахъ моря; другіе на городахъ, зарытыхъ вѣками въ землю. Тамъ былъ народъ, нѣкогда обладавшій цѣлымъ міромъ: Сѣверъ, Западъ и Востокъ стремились къ нему туда, боролись тамъ съ нимъ — слѣды борьбы ихъ остались въ исполинскихъ развалинахъ, обломками которыхъ бросали они другъ въ друга, и эти обломки величиной съ наши города. Тамъ смерть и жизнь слиты вмѣстѣ, вмѣстѣ любовь и мука, слезы и пѣніе — горы горятъ, въ морѣ отражаются волшебные невидимые сады и замки Фей; на горячемъ пеплѣ огнедышащихъ горъ растетъ багряный виноградъ, зрѣетъ маслина; обломки столицы міра окружаютъ плетворныя болота.... тамъ родился Наполеонъ; оттуда шагнулъ онъ на тронъ полусвѣта; оттуда, надышавшись въ послѣдній разъ вдохновеннаго воздуха, пошелъ онъ еще испытать игру судебъ.... тамъ видѣлъ я Адельгейду! Помню эту хижину, въ цвѣтникѣ, на берегу моря — этотъ голубой, опаловый цвѣтъ вечерняго неба — эту пѣсню рыбака... Адельгейда стояла на дикой скалѣ; арфа была подлѣ нея; она пѣла — я слушалъ, не видалъ, какъ скрылась она, и на другой день напрасно искалъ я безвѣстной моей пѣвицы. Но она была тогда не то, что теперь, и въ ея образѣ я не узналъ тогда души моей...

Digitized by Google

«Можетъ быть, она и не замѣшала встрѣчи со мною, такъ какъ, можетъ быть, она забыла тотъ міръ, гдѣ прежде, до Италіи, мы жили нѣкогда съ нею, нераздѣльнымъ, однимъ бытіемъ. А! что̀ Италія передъ тѣмъ міромъ? Муравейникъ, на которомъ разцвѣла бѣдная незабудка! Этотъ міръ — немного описаній его найдешь ты у Шекспира, еще у Мильтона... еще у Тасса... еще у Фирдуси... Но все это такъ мало и недостаточно. На Востокѣ есть преданіе, что очарованные райскіе сады не скрылись съ земли, но только сдѣлались невидимы, переносятся съ мѣста на мѣсто, и на одно мгновеніе дѣлаются иногда видимыми человѣку. Есть минуты, когда въ нихъ можно войдти, подышать ихъ райскими ароматами, напиться жемчужной живой, воды ихъ, отвѣдать ихъ золотистаго винограда; но они тотчасъ исчезаютъ, переносятся за тысячи верстъ, и счастливецъ оснается или на голой, палящей степи, или на холодныхъ льдахъ Сѣвера. . . . Въ этой-то невидимой странѣ было существо, которое теперь бродитъ двойственно по землѣ, подъ именемъ *Антіоха* и *Адельгейды*, Шреккенфельдъ, мнимый отецъ половины меня, злой демонъ: онъ очаровалъ Адельгейду, и далъ ей отдѣльное бытіе. Мысль неба хранилась въ моей половинѣ души, но это былъ лучъ, упавшій въ бездну мрака. Адельгейда, закляпая

Digitized by Google

демономъ, ничего непоймешъ, пока я не скажу ей волшебнаго слова: *Люблю тебя, Адельгейда, половина души моей*! Когда она сознаешъ себя, и скажешъ мнѣ: *Люблю тебя, Антіохъ* — тогда очарованіе разрушится. Предчувствую, что Шрекенфельдъ понимаешъ опасность, что онъ употребишъ все волшебство свое..... Но я обману его, я украду у него самого себя. Мнѣ стоишъ только напомнишь Адельгейдѣ о давно минувшемъ мірѣ, о нездѣшнемъ бывшіи нашемъ... тогда... но, я не могу предвидѣть будущаго: вѣдь я человѣкъ, и потому не знаю, какъ свершится таинственный союзъ души моей. Останемся-ли мы въ мірѣ, или, говоря по человѣчески, умремъ — вѣдь мнѣ все равно... Но мнѣ надобно подумать, поступить осторожно.... перечитаю еще разъ Бема и Шведенборга. У нихъ это описано довольно подробно и хорошо. Между тѣмъ, самъ демонъ мой дастся въ хитрый обманъ мой. Я притворюсь ему другомъ, и потомъ...

Бродящіе глаза Антіоха устремились на Черкесскій кинжалъ, висѣвшій у него на стѣнѣ. Онъ содрогнулся, подумалъ. «О, нѣтъ! не то, совсѣмъ не то!» сказалъ онъ, сѣлъ за столикъ свой, и придвинулъ къ себѣ дѣловыя бумаги.

Digitized by Google

« Надобно поработать немного, Леонидъ—» промолвилъ онъ, улыбаясь — « завтра день доклада Директору. Прощай ! »

Я пробылъ еще нѣсколько времени у Антіоха. Онъ не говорилъ ничего болѣе объ Адельгейдѣ, спокойно занимался бумагами, подробно разсказывалъ мнѣ содержаніе ихъ, и то, что хочетъ писать.

Нѣсколько разъ щупалъ я себѣ голову, идя домой, гдѣ меня ожидали также дѣла. Слова друга моего были слова безумца; но ихъ стройность, порядокъ идей, и то, что онъ превосходно говорилъ мнѣ потомъ о своихъ обыкновенныхъ занятіяхъ, совершенно смѣшивали меня. « Что-же это такое ? » спрашивалъ я самъ себя. « Неужели въ самомъ дѣлѣ это закрывали жрецы Изиды непроницаемымъ покровомъ, и только безуміе есть истинное проявленіе мудрости, и откровеніе тайнъ бытія?

Утромъ встрѣтился я съ Антіохомъ въ нашемъ Департаментѣ. Кто не зналъ случившагося съ нимъ, тотъ не замѣтилъ-бы ничего. Только глаза его были ярче обыкновеннаго; но онъ говорилъ прекрасно, умно, былъ даже по прежнему колокъ и насмѣшливъ. Но кто-то нечаянно произнесъ имя Адельгейды — объ ней часто говаривали наши товарищи. Антіохъ

Digitized by Google

вздрогнулъ, какъ будто отъ электрическаго удара; онъ смолчалъ однакожъ, и улыбка оживила лицо его.

На другой день, утромъ, пришелъ я къ Аншіоху. Слуга его отворилъ мнѣ дверь. «Не велѣно никого пускать» — сказалъ онъ. — И меня? — «Объ васъ ничего не сказано.» — Пусти-же. — «Но у барина сидитъ какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ, и они занимаются чѣмъ-то.»

Аншіохъ услышалъ мой голосъ, вышелъ самъ, и ввелъ меня въ свой кабинетъ. Тамъ сидѣлъ у него — Шреккенфельдъ.

Другъ мой казался спокойнымъ, тихимъ, любезнымъ, ласковымъ; на столѣ разложены были разныя мистическія сочиненія, разставлены были разные физическіе инструменты. Давая мнѣ знаки глазами, чтобы я молчалъ, Аншіохъ просилъ Шреккенфельда продолжать. Шреккенфельдъ казался совершенно занятымъ предметомъ разговора, казался не замѣчавшимъ ни знаковъ Аншіоха, ни моего присутствія. Они говорили по-Итальянски. Худо разумѣя этотъ языкъ, я однакожъ понималъ, что рѣчь идетъ о томъ, что всегда увлекало моего друга. Таинственная Ѳеософія, семь Зефиротовъ, Соломоновъ храмъ, слiяніе душъ, высшее со-

Digitized by Google

зерцаніе Неба и Земли — вотъ, что изъяснялъ Шреккенфельдъ, по временамъ разсказывая о разныхъ любопытныхъ опытахъ и приложеніяхъ. Наконецъ, онъ дружески раскланялся, и ушелъ.

— Ну, все идетъ, какъ надобно! — сказалъ мнѣ тогда Антіохъ, съ радостною улыбкою.— Представь себѣ, что этотъ демонъ рѣшительно поддается мнѣ? Теперь надобно только поступать осторожнѣе. Помаленьку начну я изъяснять Адельгейдѣ скрытую отъ нея тайну до-бытія земнаго. Нечего дѣлать! Таковъ человѣкъ, падшій ангелъ, въ земной своей оболочкѣ, что ему надобно начинать говорить обыкновенными идеями. Яркій свѣтъ вдругъ можетъ ослѣпить человѣка. И на солнце глядятъ сквозь закопченное стекло; а что свѣтъ солнца нашего противъ того свѣта! Стану увлекать Адельгейду словами любви, стану говорить ей о дружбѣ, о не-земныхъ идеалахъ земнаго счастія, какъ будто счастье можетъ быть на этой землѣ! Мнѣ забавно, что я буду казаться влюбленнымъ, тихонько вздыхать, шептать: Милая Адельгейда! люблю тебя! Буду произносить эти слова, какъ произносятъ ихъ всѣ люди, не понимая волшебнаго ихъ смысла, не зная даже того голоса, какимъ надобно произносить ихъ. — *Люблю!* — говорить

Адельгейдѣ: *люблю*, когда я только ею и существую, и если-бы не было Адельгейды, такъ все равно, что одна половина меня ходила-бы по Петербургскимъ тротуарамъ. Вотъ забавный былъ-бы гуляка, Леонидъ! Вообрази себѣ половину туловища и головы, съ одной рукой, съ одной ногой, и этотъ уродъ прогуливается, смотритъ однимъ глазомъ, нюхаетъ табакъ, жметъ руку знакомымъ. А между тѣмъ, такіе душевные уроды ходятъ вокругъ насъ, живутъ, говорятъ, и никто не смѣется надъ ними. . .

Спрашиваю: что могъ я сдѣлать? Чѣмъ пособить моему другу? Я терялся въ размышленіяхъ. Лечить можно только то, на что извѣстны лекарства; но цѣлый міръ лекарей до сихъ поръ не умѣетъ лечить душевныхъ болѣзней. Бѣдные Медики заботятся только о тѣлѣ, и производятъ опыты только надъ трупами тѣлесными. Антіохъ былъ боленъ душею; но кто могъ когда нибудь разанатомировать трупъ души, и сказать, чѣмъ можно пособить въ той, или другой душевной болѣзни? Меня утѣшала еще нѣсколько мысль, что я не видѣлъ перемѣны ни въ здоровьѣ, ни въ дѣйствіяхъ Антіоха. Напротивъ, онъ разцвѣлъ, казалось, новымъ здоровьемъ, былъ веселъ, милъ, одѣвался щегольски. Но онъ рѣшительно не

Digitized by Google

сталъ ходить никуда, кромѣ Шреккенфельда. Тамъ, запершись съ этимъ шарлатаномъ, просиживалъ онъ цѣлые часы, или дома также запирался съ нимъ. Они казались друзьями совершенными. Я старался оправдывать друга моего передъ знакомыми, спрашивавшими меня, что сдѣлалось съ Антіохомъ. Но скоро всѣ замѣтили, что Антіохъ безпрестанно бываетъ у Шреккенфельда; начали говорить объ этомъ; клубокъ сплетней навертывался болѣе и болѣе, перекатываясь отъ одного къ другому, и сдѣлался наконецъ такимъ огромнымъ шаромъ, что задавилъ всякую осторожность. Какъ обрадовались тогда всѣ тѣ, кого уничтожалъ прежде Антіохъ своимъ превосходствомъ! Какими острыми бритвами явились язычки самыхъ милыхъ дѣвушекъ! Каждая изъ нихъ говорила о привязанности Антіоха къ бродягѣ, актрисѣ, пѣвицѣ, Богъ знаетъ къ чему, и въ словахъ каждой ясно видна была мысль: «Видите-ли: онъ презиралъ мною потому, что недостоинъ былъ моей любви, и хорошо понималъ это?»— А друзья, друзья? Какъ вѣрно сказалъ нашъ Поэтъ, что

. . . нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью повторенной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,

Digitized by Google

Ни эпиграммы площадной,
Которой-бы вашъ другъ, съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и зашѣй,
Не повшорилъ сшокрашъ ошибкой. . .

О, друзья платили за злословіе женщинъ и дѣвушекъ самою чистою монетою: и ло.кое словцо мимоходомъ, и двусмысленная улыбка при имени Антіоха, и полный разсказъ съ прибавкою злобныхъ догадокъ, и оппрашительное сожалѣніе объ Антіохѣ, какъ о человѣкѣ весьма умномъ и любезномъ — все было истощено, и всего казалось еще мало за прежнее! Мужчины рады были мспишь ему даже и за то одно, что, по всѣмъ слухамъ, Антіохъ успѣлъ, въ чемъ не успѣвали другіе — успѣлъ очаровашь красавицу, и обмануть бдишельность отца ея.

Бѣдная Адельгейда! что объ ней говорили.... не спану повшорять вамъ! Все, что только можно сказашь о самой развращной кокеткѣ, было сказано. . .

Между шѣмъ, я былъ свидѣшелемъ обхожденія этой странной дѣвушки съ Антіохомъ. Онъ сдѣлался у отца ея домашнимъ человѣкомъ, часто обѣдалъ, просиживалъ вечера у Шрекенфельда, не скрывалъ любви, потому, что

Digitized by Google

нарочно не хотѣлъ скрывать ея, слѣдуя постоянно своему плану. Какъ самая хитрая кокетка, онъ изучалъ, казалось, каждое свое движеніе, каждое слово, каждый взоръ свой. Весь умъ, вся сила души Антіоха были устремлены къ тому, чтобы высказать, дать выразумѣть Адельгейдѣ самую пламенную страсть. Самъ Антіохъ думалъ, что онъ нарочно изучаетъ всѣ возможныя тайны искуства любить. Онъ точно изучалъ даже всѣ свои движенія, когда разставался съ Адельгейдою, обдумывалъ, что, и какъ ему говорить; но — видя Адельгейду онъ забывалъ все это, и вся душа его переливалась въ его слова, взоры, движенія — начиналъ-ли онъ говорить Адельгейдѣ о страданіяхъ отверженной любви; исчислялъ-ли безсонныя ночи; описывалъ-ли жгучесть слезъ, проливаемыхъ безнадежною любовью въ минуты всеобщаго спокойствія; изображалъ-ли страшные сны, терзающіе насъ за думы любви; говорилъ-ли о нестерпимомъ чувствѣ ревности, ко всему, что приближается къ предмету страсти нашей, ко всему — даже къ вѣтерку, который вьется въ ея локонѣ; описывалъ-ли, напротивъ, блаженство взаимной страсти, одушевленіе всего въ глазахъ любимаго и любящаго человѣка; сказывалъ-ли о высотѣ, на которую возноситъ человѣка любовь, уничтожающая всѣ препятствія состояній, званій, лѣтъ,

Digitized by Google

времени, всѣ земныя отношенія — все это было пламенемъ, громомъ и молніею, Шекспировымъ Сонетомъ, пѣснею Испанской дѣвы! Адельгейда слушала, молчала, говорила мало, потупляла глаза, или неподвижно устремляла ихъ на Аншіоха, дышала тяжело, тяжко — *бурно*, какъ говоришъ Пушкинъ. Рука ея трепетала въ рукѣ Аншіоховой. Иногда она казалась вся переселившеюся въ его рѣчи, жила только слухомъ. Иногда казалась безчувственною, непонимающею, или нарочно перебивала его рѣчи, нарочно заводила самый обыкновенный разговоръ, и старалась увлечь, удержать при этомъ разговорѣ Аншіоха, какъ будто боясь его словъ о любви, о поэзіи. Среди самаго жаркаго разговора, она вдругъ уходила, и когда являлась послѣ того, глаза ея были красны отъ слезъ. Шреккенфельдъ, по видимому, ничего не замѣчалъ, былъ всегда веселъ, любезенъ. Между тѣмъ, постепенно, многое перемѣнилось въ его общественныхъ отношеніяхъ.

Аншіохъ, вскорѣ послѣ сближенія своего съ нимъ, сталъ говорить, какъ опвратительна для него дѣвушка, показывающая дарованія свои въ публикѣ; какъ тяжело сердцу человѣка, который *полюбилъ-бы* такую дѣвушку, видѣть, что она дѣлитъ безцѣнныя наслажденія сердца

Digitized by Google

и души съ бездушною толпою. Шреккенфельдъ сначала заспорилъ, говорилъ, что человѣкъ, который скрываетъ данныя ему отъ Бога дарованія, не передаетъ ихъ въ полнотѣ людямъ, лишаетъ людей высокихъ наслажденій Изящными Искуствами, похожъ на недостойнаго скупца. «Въ одномъ человѣкѣ должно сосредоточить весь міръ» — говорилъ Антіохъ. — Эгоизмъ непростительный! возражалъ Шреккенфельдъ. Но вскорѣ онъ согласился, и Адельгейда перестала играть на арфѣ, пѣть и декламировать передъ публикою. Она даже не являлась на публичныхъ вечерахъ Шреккенфельда, и оставалась въ своей комнатѣ, гдѣ нерѣдко въ это время были съ нею Аншіохъ, я, двое, трое знакомыхъ, или старая, угрюмая женщина, называвшаяся ея теткою. Адельгейда пѣла, играла для насъ однихъ: но ея игра и пѣніе были тогда бездушны, холодны, и изрѣдка только одушевлялись прежнимъ восторгомъ. Она потеряла душу — можно-бъ было сказать, смотря на нее теперь, и знавши ее прежде. Впрочемъ Адельгейда и не могла по прежнему пѣть и декламировать даже потому, что въ здоровьѣ ея произошла видимая перемѣна: грудь ея стала слаба, дыханіе тяжело. Съ тѣхъ поръ, какъ Адельгейда перестала показываться, вечера Шреккенфельда потеряли свою прелесть; вообще стали менѣе ходить къ нему и пото-

Digitized by Google

му, что клевета неутомимо чернила самого Шреккенфельда, и все, что его окружало, что онъ дѣлалъ. На частные вечера являлись по прежнему, но здѣсь оказалась перемѣна. Множество шалуновъ стало собираться къ Шреккенфельду; карточная игра усилилась. Часто происходили сцены буйныя, и только хладнокровіе, необыкновенный умъ и ловкость хозяина могли удерживать дальнѣйшую огласку и непріятныя послѣдствія.

— М. Г. — сказалъ мнѣ однажды Директоръ нашего Департаменша, когда я пришелъ къ нему съ бумагами — вы человѣкъ молодой, и хорошая *репутація* должна быть для васъ драгоцѣнна. Бывши другомъ вашего почтеннаго родителя, я долгомъ почитаю предостеречь васъ, и замѣтить вамъ, что до меня дошли весьма непріятные для васъ слухи. —

Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Мнѣ сказывали, что вы пристрастились къ карточной игрѣ, и посѣщаете общества, недѣлающія чести вашему имени.

Негодованіе взволновало мою кровь.

— Я замѣчаю также, что вы не по прежнему прилежны, и слишкомъ увлекаетесь знакомствомъ человѣка, который можетъ вамъ повредить — Г-на Антіоха.

Его знакомство могло безчестить меня!!

Digitized by Google

— Г-нъ Антіохъ человѣкъ богатый — хладнокровно продолжалъ мой Директоръ — онъ можетъ *неглижировать* службою и своими поступками, хотя и ему, если вы другъ его, должны-бы вы посовѣтовать быть осторожнѣе.

Директоръ хорошо зналъ характеръ Антіоха: одинъ взглядъ заставилъ-бы его немедленно подать въ отставку, а у Директора была дочь, перезрѣлая Агнеса, лѣтъ двадцати семи; онъ былъ пришомъ по уши въ долгахъ, и двѣ тысячи душъ Антіоха были такою для него рекомендаціею, что милости сыпались на него, и заставляли товарищей завистничать.

Я хотѣлъ оправдываться, хотѣлъ говорить смѣло, но покраснѣлъ и смѣшался, когда Директоръ упомянулъ имя *Шреккенфельда* и *Адельгейды*.

— Говорятъ, что вы бываете у этого шарлатана, и что Г-нъ Антіохъ находится даже въ связи съ его развратною дочерью. Кто не шалилъ смолода? И даже, кто не *перебѣсится*, того добродѣтель ненадежна; но всему, сударь, есть мѣра. Знайте, что этотъ человѣкъ, этотъ бродяга Шреккенфельдъ, становится подозрительнымъ, и Полиція уже присматриваетъ за нимъ, и за тѣми, кто къ нему

Digitized by Google

ходишь. Говорятъ, что онъ обыгрываетъ навѣрную, а, можетъ быть, что нибудь и хуже — осперегишесь. . .

Намъ помѣшали продолжать разговоръ. Съ отчаяніемъ увидѣлъ я, куда бѣдственная судьба завлекла Антіоха. Могъ-ли я теперь оставить его? Какъ могъ я раскрыть ему глаза? Какъ разувѣрить *порядочныхъ* людей, что самая гнусная клевета очерняла Адельгейду? Какъ можно было растолковать имъ состояніе души Антіоха? Въ тоже время, я не могъ скрыть отъ самого себя, что слухи объ отвратительномъ Шреккенфельдѣ могли быть, хотя отчасти, правдивы, и что этотъ человѣкъ былъ способенъ на всякое злое дѣло. Я не зналъ тогда, что бѣдствіе было уже близко отъ моего несчастнаго друга — ближе, нежели я воображалъ. . .

Въ число людей избранныхъ, друзей своего дома, Шреккенфельдъ допустилъ одного дерзкаго молодаго Офицера, богача, и шалуна отъявленнаго. Антіохъ, я, нѣсколько аристократовъ, этотъ офицеръ, и двое друзей его, обѣдали у Шреккенфельда. За столомъ лилось Шампанское. Офицеръ пилъ много; Антіохъ не пилъ почти ничего: онъ сидѣлъ подлѣ Адельгейды, и разговаривалъ тихо, съ особеннымъ жаромъ, среди общаго, шумнаго раз-

Digitized by Google

говора, Адельгейда слушала его, вздыхала, блѣднѣла, краснѣла — въ первый разъ Антіохъ говорилъ ей тогда о своей безумной идеѣ бывшія прежде жизни. . . Видно было, что уединенный разговоръ ихъ, и замѣшное волненіе Адельгейды приводили Офицера въ большую досаду. Еще за столомъ онъ позволилъ себѣ нѣсколько дерзостей на счетъ Адельгейды. Послѣ обѣда, онъ предложилъ банкъ, бросилъ кучу денегъ товарищу, и самъ старался сѣсть подлѣ Адельгейды. Холодность ея совершенно взбѣсила его — онъ позволилъ себѣ нѣсколько такихъ словъ, отъ которыхъ Адельгейда съ ужасомъ вскочила, и ошбѣжала ошъ него. Шреккенфельдъ принужденъ былъ вступиться. Наглецъ сдѣлался грубъ. Шреккенфельдъ самъ разгорячился и забылъ себя. «Бродяга, шарлатанъ!» вскричалъ офицеръ — «я прибью тебя, и, въ доказательство какъ мало уважаю я тобою — Адельгейда должна поцѣловать меня сей часъ, или ты получишь пощечину. . .» Онъ бросился къ Адельгейдѣ — она помертвѣла, и лишилась чувствъ. . .

— Прочь!—вскричалъ Антіохъ, молчавшій до сихъ поръ, и не принимавшій никакого участія въ ссорѣ. Сильною рукою отшолкнулъ онъ дерзкаго. Въ неистовствѣ бросился на него Офицеръ. «Понимаешь-ли ты, подъячій, что

Digitized by Google

должно тебѣ дѣлать?» вскричалъ онъ. — Не знаю понимаешь-ли ты, пьяный буянъ, что ты дѣлаешь — отвѣчалъ горячо Антіохъ. «Пистолетъ или шпагу? Выбирай немедленно» — кричалъ офицеръ. Мы хотѣли утишить ссору, но все было тщетно. Соперники не слушали, не хотѣли ни на минуту откладывать, и, съ отчаяніемъ въ душѣ, я долженъ былъ сопровождать моего друга за городъ. Дорогою Антіохъ не говорилъ со мною ни слова, и тогда только, какъ стали заряжать пистолеты, онъ обнялъ меня, и сказалъ: «Теперь я понимаю еще болѣе загадку жизни: Адельгейда умретъ, и смерть соединитъ меня съ нею. Прости, радуйся счастью друга твоего!» Весело сталъ онъ на барьеръ; еще разъ пожалъ мнѣ руку... Состояніе мое было неизъяснимо... раздался выстрѣлъ — пистолетъ выпалъ изъ руки Антіоха — я бросился къ нему. «Странно! Ничего,» сказалъ онъ мнѣ — «я раненъ только!» Соперникъ его лежалъ на землѣ: пуля изломала у него ребро; у Антіоха пуля только скользнула по плечу.

Уже вечеромъ возвратились мы въ Петербургъ. Антіохъ казался глубоко задумчивымъ, и опять ничего не говорилъ со мною. Я не имѣлъ силъ сказать ни одного слова. Антіохъ велѣлъ ѣхать прямо къ Шреккенфельду. Я хо-

Digitized by Google

шѣлъ возражать — «Жизнь и смерть моя соединились въ этой минутѣ!» воскликнулъ Аншіохъ—«или не препятствуй мнѣ, или оставь меня Леонидъ! оставь навсегда!»— Ни за что въ мірѣ! вскричалъ я.

Шреккенфельда не было дома. Не было никого и гостей — комнаты были пусты, темны. «Я хочу видѣть дѣвицу Шреккенфельдъ!» сказалъ Аншіохъ слугѣ, оттолкнулъ его, и пошелъ прямо къ ней. Она сидѣла въ круглой комнатѣ, на диванѣ, блѣдная, едва живая. Старуха тетка была подлѣ нея. Едва отворилась дверь, едва вошелъ Аншіохъ — *Мой Антіохъ*! вскричала Адельгейда, и бросилась въ его объятія.

Да, величайшая радость походитъ на сумасшествіе. Два несчастныя существа эти сжали другъ друга въ объятіяхъ, и продолжительный поцѣлуй, въ которомъ отозвались всѣ ихъ чувства, вся жизнь, запечатлѣлъ роковой союзъ ихъ. . . Аншіохъ сѣлъ на диванъ, Адельгейда подлѣ него, голова ея склонилась на плечо Аншіоха, глаза ея устремлены были на его глаза, рука ея обвилась вокругъ его шеи. . . Онъ началъ говорить — Адельгейда также говорила ему, задыхаясь, спѣша, какъ будто стараясь поскорѣе высказать все, и боясь, что послѣ того потеряетъ навсегда даръ слова. . . Я

Digitized by Google

сидѣлъ въ сторонѣ, смотрѣлъ на нихъ, и — я не охотникъ плакать, но — слезы невольно капали изъ глазъ моихъ. . . .

Не думайте, чтобы они объясняли другъ другу свои чувства — нѣтъ! это были безпорядочныя, опрывистыя слова, память прошедшаго, блаженство настоящаго, мечта будущаго, пламень сердца, жаръ души, тихій поцѣлуй, тяжкій вздохъ — мысль въ образахъ поэтическихъ, слово въ фантастическихъ идеяхъ, гармоническіе звуки неба, жизнь земная въ высокихъ идеалахъ! Что говаривалъ мнѣ прежде Антіохъ о своихъ безумныхъ мечтахъ, казалось льдомъ передъ тѣмъ, что онъ говорилъ теперь Адельгейдѣ. . . Адельгейда была очаровательна въ неестественномъ состояніи души своей; Антіохъ одушевлялся чѣмъ-то не-земнымъ. . .

Растворилась дверь, и вошелъ Шреккенфельдъ. Съ пронзительнымъ воплемъ бросилась Адельгейда отъ Антіоха, и лицо ея, горѣвшее огнемъ любви и восторга, поблѣднѣло, какъ будто она увидѣла передъ собою демона адскаго.... глаза ея сдѣлались дики. . .

Шреккенфельдъ казался смущеннымъ, разстроеннымъ. Антіохъ глядѣлъ на него неподвижными глазами; не вставая съ своего мѣста.

Digitized by Google

— М. Г. — сказалъ Шреккенфельдъ — кажется, дальнѣйшія объясненія не нужны. Честь моей дочери погибла, и несчастная исторія обезславитъ ее, погубитъ меня, если вы не сдѣлаете того, къ чему долгъ обязываетъ каждаго благороднаго человѣка.

«Что говоришь ты, воплощенный демонъ?» — воскликнулъ Антіохъ, быстро вскакивая съ дивана. — «Что сказалъ ты?»

— Адельгейду никто не могъ поцѣловать, кромѣ ея жениха. Вы вошли въ домъ мой подъ видомъ друга; я позволилъ вамъ вступить въ домашній кругъ мой — вы поступили безчестно, вы употребили во зло мою довѣренность, вы — обольстили дочь мою!

Антіохъ затрепеталъ. «Мерзавецъ!» вскричалъ онъ — «Злой духъ, Демонъ тьмы! выбирай лучше слова свои! Или ты думаешь, что я не могу уже этою рукою навести пистолета на твою голову, и разбить гадкую форму, подъ которою обладаешь ты половиною души моей!

— Вы должны жениться на моей дочери, М. Г., или — вы безчестный обольститель!

«Женишься,» сказалъ тихо Антіохъ, водя пальцомъ по лбу своему — «жениться! Когда она самъ я? Какая досада: я совсѣмъ не по-

Digitized by Google

нимаю теперь этого слова — какое бишь его значеніе! Heirathen, se marier... Но вѣдь не льзя женишься на родной сестрѣ, не только на собственной душѣ своей?... А, злой духъ! Ты смѣешься надо мною!

Шреккенфельдъ изумился словамъ Аншіоха. «Говорите яснѣе, М. Г.,» сказалъ онъ. «Я отдаю вамъ руку моей Адельгейды, или вы будете имѣть дѣло съ раздраженнымъ отцомъ: я природный Дворянинъ Нѣмецкій!

— Адельгейда будетъ *моя?* Ты отдашь ее мнѣ? — поспѣшно спросилъ Аншіохъ.

Шреккенфельдъ горестно улыбнулся. «Разумѣется, если она будетъ вашею женою, то она будетъ вашею, и я отдамъ ее вамъ — и что мнѣ теперь въ ней — спасеніе ея зависитъ отъ васъ — я погубилъ ее и себя...

«Ты выдумываешь какія-то условія — я ихъ не понимаю — но это послѣдній обманъ твой. Если съ твоего согласія она будетъ моею, тогда власть твоя уничтожится: руку Адельгейды! скорѣе ко мнѣ, Адельгейда, моя Адельгейда...

Шреккенфельдъ хотѣлъ взять Адельгейду за руку, и подвести къ Аншіоху. Но съ смертельнымъ ужасомъ отступила Адельгейда.

Digitized by Google

«Позорный обманъ!» вскричала она! — «Никогда!» Она упала на колѣна передъ Антіохомъ. «Прости меня, мой Антіохъ, прости, ради Бога прости! Я недостойна тебя, великодушный, благородный человѣкъ, существо неземное! Этотъ старикъ увлекалъ тебя — я принуждена была участвовать въ его обманѣ. Онъ хотѣлъ купить твое богатство мною, хотѣлъ завлечь тебя, велѣлъ мнѣ притвориться въ тебя влюбленною... Душа моя противилась этому — сколько плакала я, сколько разъ хотѣла, открыть тебѣ весь умыселъ... Но ты самъ сдѣлался моимъ ангеломъ-хранителемъ — ты растолковалъ мнѣ тайну бытія моего — ты сказалъ мнѣ, что я тебѣ родная, что я половина души — я твоя, твоя, Антіохъ! Никто, ничто не разлучитъ насъ. Если это называется любовью, я люблю тебя, Антіохъ, люблю, какъ никогда не любили, никогда не будутъ любить на землѣ! Прости, что я не понимала этого прежде и повиновалась этому человѣку.».. Адельгейда дико засмѣялась: «Онъ увѣрилъ меня, что онъ отецъ мой!»

Изумленіе заставило всѣхъ насъ безмолвствовать. Но послѣднія слова Адельгейды взбѣсили Шреккенфельда. «Дочь недостойная!» вскричалъ онъ.

Digitized by Google

Съ воплемъ бросилась Адельгейда въ объятія Антіоха. «Спаси, спаси меня, мой Антіохъ! Я думала, что этотъ демонъ отецъ мой, и повиновалась ему! Зачѣмъ не сказалъ ты мнѣ прежде тайны моего бытія!»

— Моя Адельгейда!

«Твоя, твоя, не правда-ли? На вѣкъ твоя? А не дочь его, этого демона? Развѣ ты не знаешь, что если ты назовешь меня твоею, то я никогда уже не разлучусь съ тобой; мы переселимся туда, гдѣ нѣтъ людей, гдѣ нѣтъ ни Адельгейдъ, ни Антіоховъ, ни Шреккенфельдовъ — гдѣ *я* и *ты* одно, гдѣ дышатъ любовью, гдѣ жизнь есть одна радость, гдѣ нѣтъ ни земли, ни неба — мой Антіохъ! Dahin, dahin (туда, туда)!

Она лишилась чувствъ, крѣпко обхвативши руками Антіоха. Спѣшили помочь ей, но тщетно: сильный обморокъ продолжался. Въ отчаяніи бѣгалъ тогда по комнатѣ Шреккенфельдъ. Антіохъ сидѣлъ подлѣ дивана, на который положили безчувственную Адельгейду; онъ не говорилъ ни слова, держалъ ея руку, ждалъ, казалось, когда откроетъ она глаза, но ждалъ тихо, спокойно, не оказывая ни малѣйшаго знака ужаса — только холодный потъ выступалъ на лицѣ его.

Digitized by Google

Явился лекарь, за которымъ посылалъ Шреккенфельдъ, и объявилъ, что у Адельгейды сильная горячка. Она открыла глаза, съ ужасомъ поднялась, и вскричала: «Гдѣ Антіохъ? Неужели онъ ушелъ!»

— Онъ здѣсь, Адельгейда! — отвѣчалъ ей Антіохъ. Радость блеснула въ глазахъ Адельгейды. «Не уходи, не уходи отъ меня, мой Антіохъ, жизнь, душа моя — больше нежели жизнь — жизнь проходитъ, любовь остается... Глаза ея устремились тогда на Шреккенфельда. «Ахъ! и онъ здѣсь, здѣсь! Ради Бога, спаси меня, Антіохъ!» закричала она, и снова лишилась чувствъ. Лекарь совѣтовалъ Шреккенфельду удалиться. Въ отчаяніи вышелъ онъ въ другую комнату. Я послѣдовалъ за нимъ. Мнѣ жалко стало этого несчастнаго человѣка: онъ не былъ уже коварнымъ, отвратительнымъ шарлатаномъ — онъ былъ отецъ, онъ плакалъ!

Что сказать вамъ? Я видѣлъ раздирающее душу зрѣлище: я видѣлъ разрушеніе Адельгейды, прекраснаго, юнаго, цвѣтущаго созданія! Подлѣ смертнаго одра ея сидѣлъ мой другъ — въ явномъ помѣшательствѣ, о которомъ я не могъ болѣе сомнѣваться. Три дня и три ночи сидѣлъ онъ, почти не отходя отъ Адельгейды, забываясь сномъ на минуту.

Digitized by Google

Я терялъ милыхъ мнѣ людей, видалъ страшно умирающихъ — Да, всегда —

. . . . . страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка. . . .

Но никогда не видалъ, и не увижу я ничего подобнаго, столь терзательнаго, мучительнаго! Смертельная, злая горячка нисколько не безобразила Адельгейды: щеки ея пылали, глаза горѣли, распущенные волосы ея вились локонами по плечамъ и груди; но съ втораго дня лекарь объявилъ, что смерть ея неизбѣжна. Она не отпускала отъ себя Антіоха, и если онъ уходилъ на минуту, она начинала жаловаться, плакать, какъ дитя, и Антіохъ былъ безпрерывно подлѣ нея. Въ первыя сутки Адельгейда безпрестанно говорила съ нимъ о его безумныхъ мечтахъ, о своей смерти, какъ о своемъ вѣчномъ союзѣ съ половиною души своей, улыбалась, смѣялась, въ бреду мечтались ей прелестные сады, гдѣ вѣшерокъ навѣваетъ любовь, гдѣ слезы радости освѣжаютъ землю, гдѣ думы счастія спѣютъ въ гроздахъ, гдѣ поцѣлуи летаютъ пѣвистыми пташками. . . Иногда она снова начинала просить прощенія, что участвовала въ обманахъ отца своего — тогда раскрывала она всю прекрасную, ангель-

Digitized by Google

скую свою душу, и слезами смывала съ нея легкую пѣнь вины своей. . .

Шреккенфельдъ сидѣлъ въ другой комнатѣ, слышалъ все, не смѣлъ появиться передъ дочерью, и терзался муками совѣсти и раскаянія. Онъ самъ разсказалъ мнѣ все. Исторію его, дополненную разными свѣдѣніями, отъ другихъ собранными, я объясню вамъ коротко.

Онъ былъ сынъ Нѣмецкаго Дворянина, и получилъ порядочное состояніе. Страсть къ ученью отвлекла его отъ всѣхъ другихъ занятій, а безразсудная мысль о Философскомъ камнѣ превратила все его состояніе въ газъ и дымъ. Ловкій, оборотливый, онъ вошелъ тогда въ лучшія Нѣмецкія общества, былъ участникомъ всѣхъ Тугендбундовъ, и принужденъ былъ бѣжать въ Италію. Тамъ женился онъ и родилась его Адельгейда. Связи его по лучшимъ обществамъ доставляли ему средства жить, но карточная игра разорила его. Крайность заставила его сдѣлаться каршежнымъ обманщикомъ, а ссора съ однимъ сильнымъ Итальянскимъ вельможею заставила бѣжать изъ Италіи. Онъ рѣшился сдѣлаться фокусникомъ, и проѣхалъ Европу, показывая опыты Фантасмагоріи, Химіи, Физики. Пользуясь необыкновенными дарованіями дочери, которую любилъ страстно, онъ заставлялъ играть и пѣть свою Адельгей-

Digitized by Google

ду передъ публикою; но связи и долги отвсюду гнали его. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ началъ свои обыкновенныя представленія, замѣшилъ Антіоха, и угадалъ страсть его къ Адельгейдѣ. Мысль, что дочь его можетъ сдѣлаться женою богатаго Русскаго Дворянина, заставила Шреккснфельда употребить для сего всю хитрость, весь умъ свой. Онъ особенно воспользовался мистическимъ расположеніемъ Антіохова характера, и заставлялъ Адельгейду оказывать вниманіе, не понимая, что благородная душа Адельгейды ужасалась притворства; что Адельгейда любила уже Антіоха страстно, но чувствовала, какъ низко, недостойно ея завлекать Антіоха въ сѣти. Она пренебрегала своимъ униженнымъ званіемъ, и отчаяніе болѣе всего вдохновляло ее, когда она должна была выходить передъ публику. Тѣмъ выше становился въ глазахъ ея Антіохъ, великодушный, полусумасшедшій отъ любви къ ней, благородный. Ей хотѣлось показать ему все несходство положеній ихъ — она страшилась мысли быть его женою, думая, что унизитъ, обезславитъ собою Антіоха. Въ этомъ отношеніи, въ сознаніи высокой души своей и низкаго званія, несчастнаго положенія отца своего и себя самой, Адельгейда точно была свѣтлый ангелъ, очарованный демономъ, которому не можетъ онъ противиться. Видя дер-

Digitized by Google

зость, вольное обхожденіе мужчинъ, приходившихъ къ ея отцу, положеніе котораго становилось болѣе и болѣе затруднительно—она трепетала ежеминутно, и какимъ ангеломъ-спасителемъ показался ей Антіохъ, когда онъ такъ смѣло заступился за нее! Когда она опомнилась, узнала, что Антіохъ поѣхалъ драться съ наглецомъ, оскорбившимъ ее, тогда узнала она всю мѣру любви своей къ нему. «Я не переживу его! Боже! спаси Антіоха, и возьми жизнь мою!» говорила она, стоя на колѣняхъ, и молясь со слезами. Антіохъ явился — радость ея при видѣ Антіоха перешла въ совершенное безуміе... Жить послѣ сего было невозможно...

На другія сутки Адельгейда говорила мало, но безпрестанно глядѣла на Антіоха, держала руку его, радостно улыбалась, шептала ему: «Dahin! Dahin! Скоро исполнится все, что говорилъ ты мнѣ.... Вѣдь ты меня простилъ? Вѣдь ты *мой* Антіохъ?»

Kurz ist der Schmerz und ewig ist die Freude (*)!

(*) Минутна скорбь — блаженство безконечно!

Переводъ *Жуковскаго*.

Digitized by Google

Это были послѣднія слова: Адельгейда казалась послѣ сего забывшеюся. Утромъ, на четверный день, Шреккенфельдъ привлачился къ ея постели, и, стоя на колѣняхъ, обливался слезами. Адельгейда вдругъ открыла глаза—обратила взоръ на отца своего, улыбнулась—взглянула на Антіоха, хотѣла приподняться, хотѣла протянуть къ нему руку — не могла—отъ Антіоха подняла она глаза свои къ небу, и закрыла ихъ навсегда....

Состояніе Антіоха во все это время можно было назвать безчувствіемъ. Когда, отлучаясь на короткое время изъ жилища Шреккенфельда, я возвращался въ него — постоянно находилъ я Антіоха неподвижнаго близъ постели Адельгейды; когда раздѣляя съ нимъ ночь, засыпалъ я безпокойнымъ сномъ, и потомъ просыпался — при слабомъ мерцаніи лампы, я видѣлъ Антіоха, неподвижно облокотившагося на изголовье Адельгейды, считавшаго каждое ея дыханіе. Казалось, что для него ничто болѣе не существовало, и онъ самъ не чувствовалъ ни себя, ни другихъ. Когда подходилъ я къ нему, желая уговорить его успокоиться, онъ пожималъ мою руку, давалъ мнѣ знакъ молчать, и снова обращался къ Адельгейдѣ. Никто, кромѣ его, не подавалъ ей ни питья, ни лекарства: ни отъ кого болѣе не брала она ихъ. Понималъ-ли Ан-

Digitized by Google

шіохъ ужасъ своего положенія? Не думаю: онъ не показывалъ ни малѣйшаго знака чувства, и говорилъ мало, даже и съ самою Адельгейдою, какъ будто боясь пропустить какое нибудь слово ея, какъ будто наслушиваясь ея рѣчей, наглядываясь на нее. По мѣрѣ того однакожъ, какъ Адельгейда ослабѣвала, Аншіохъ болѣе и болѣе начиналъ понимать себя, складывалъ руки, судорожно сжималъ ихъ, обращалъ взоры къ небу, и потомъ ко мнѣ, какъ будто спрашивая меня: «Что это такое, другъ мой?»

Адельгейды уже не было, а онъ все еще держалъ руку ея. «Отъ чего такъ озябла она? Посмотрите: рука ея холодна, какъ ледъ! Она вся поблѣднѣла!» сказалъ наконецъ Аншіохъ, и въ испугѣ вскочилъ съ своего мѣста. «Леонидъ! посмотри, что съ нею сдѣлалось? Посмотри!» говорилъ онъ, толкая меня къ Адельгейдѣ. Я обнялъ его со слезами. Аншіохъ не плакалъ, хотя глаза его были красные и опухшіе. «Она не можетъ умереть—» говорилъ онъ— «потому что я еще живъ. Что-же это такое? Какой это странный переломъ болѣзни? Эти Доктора ничего не понимаютъ въ психологическихъ явленіяхъ!» Онъ схватилъ себя за волосы, и вырвалъ клокъ ихъ, не чувствуя, что дѣлаетъ. Въ безсиліи склонился онъ ко мнѣ, глаза его закрылись — онъ былъ безчувственъ

Digitized by Google

и неподвиженъ. Признаюсь — я желалъ ему смерти... Но смерть надолго забыла Антіоха.

Безчувственнаго перенесли мы его въ карету, и на рукахъ вынесли изъ кареты въ его квартиру. Докторъ, призванный мною, сказалъ, что это не обморокъ, что Антіохъ спитъ — не помню, какъ-то по-Лашини назвалъ онъ этотъ сонъ. Только это не былъ сонъ смерти. Ровно черезъ сутки, Антіохъ проснулся, бодро всталъ, надѣлъ свой всегдашній шлафрокъ, казался задумчивымъ, глубоко размышляющимъ, поглядѣлъ на меня, но не оказалъ ни печали, ни радости, никакого признака жизни. Болѣе часа ходилъ онъ по комнатѣ, когда пришелъ Докторъ, и хотѣлъ посмотрѣть его пульсъ. Молча Антіохъ подалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Я сталъ говорить съ нимъ. Онъ смотрѣлъ на меня, не сказалъ ничего, и опять началъ ходить. Потомъ сѣлъ онъ за свой столикъ, вынулъ десть бумаги, взялъ перо, приготовился писать, остановился, долго думалъ, бросилъ перо, взялъ карандашъ, теръ лобъ свой съ нетерпѣніемъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ. «Завтра!» сказалъ наконецъ Антіохъ задумчиво, бережно спряталъ бумагу, легъ на диванъ свой, и скоро заснулъ.

Пришедши на другой день, я засталъ Антіоха уже вставшимъ. Онъ опять сидѣлъ за своимъ

Digitized by Google

столикомъ, держалъ перо, думалъ, не отвѣчалъ на мои слова. Лекарь, приставленный къ нему, сказывалъ мнѣ, что всю ночь Антіохъ проспалъ какимъ-то безчувственнымъ сномъ.

Цѣлый день просидѣлъ онъ опять за своимъ столикомъ, и иногда только прохаживался по комнатѣ, думая, молча, потомъ опять садился и думалъ. Видно было, что онъ слышитъ слова и видитъ людей, потому, что когда мы стали просить его принять лекарство, онъ съ досадою и поспѣшно выпилъ его. Когда я говорилъ ему о прежней дружбѣ нашей, онъ поглядѣлъ на меня, но не сказалъ ни слова, какъ будто человѣкъ ничего непонимающій.

Такъ прошла цѣлая недѣля, и въ Антіохѣ не было никакой перемѣны. Онъ вставалъ по утру, не обращая ни на что вниманія, спѣшилъ сѣсть за столикъ свой, и цѣлый день просиживалъ за нимъ, держа, то перо, то карандашъ, задумывался, думалъ, печально прохаживаясь иногда по комнатѣ, и вечеромъ ложился спать, съ глубокимъ вздохомъ произнося: «Ну, завтра!» Болѣе не слыхали мы отъ него ни слова.

Докторa, которымъ разсказалъ я всю исторію Антіоха, рѣшили, что онъ въ сумасшествіи особеннаго рода; что лечить его не льзя

Digitized by Google

обыкновеннымъ образомъ; что обыкновенное леченіе сумасшедшихъ можетъ только привести его въ яростное безуміе, и что можно надѣяться исцѣленія его со временемъ. Сонъ Антіоха всегда походилъ на безчувствіе смерти; его не льзя было разбудить; ѣлъ и пилъ онъ весьма мало, и то когда принуждали его. Я нанялъ для него квартиру на дачѣ, въ прелестномъ мѣстоположеніи, и ночью, во время сна, мы перевезли туда Антіоха. Онъ проснулся поутру, изумился казалось, обглядѣлся кругомъ, но увидѣвъ свой столикъ, бумагу, перо и карандашъ, поспѣшно сѣлъ къ столику, и просидѣлъ цѣлый день, задумавшись, какъ будто стараясь что-то вспомнить. Вечеромъ, онъ легъ по обыкновенію спать, и проснувшись на другой день, опять просидѣлъ его за своимъ столикомъ. Идти ни куда не хотѣлъ онъ; иногда съ безчувствіемъ взглядывалъ въ окно, и тотчасъ отворачивался. Однажды, веселое общество гуляющихъ проходило подъ окномъ его — онъ поглядѣлъ, и отворотился къ своему столику.

Мы испытывали лечить его музыкою. Когда раздались звуки арфы, Антіохъ бросилъ перо, сталъ слушать, но черезъ минуту, съ негодованіемъ покачалъ головою, опять взялъ перо, и не оказывалъ болѣе никакого вниманія.

Digitized by Google

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Мнѣ надобно было ѣхать изъ Петербурга; я препоручилъ Антіоха честному старику, который согласился жить съ нимъ, и Доктору, который хотѣлъ навѣщать его каждый день.

Поѣздка моя была довольно продолжительна: Отправленный по казенной надобности, я не могъ имѣть постоянной переписки. Меня увѣдомляли по временамъ, что Антіохъ остается въ прежнемъ положеніи, но — не все сказывали мнѣ.

Во время отлучки моей, пріѣхали въ Петербургъ родственники Антіоха, и взяли въ управленіе все имѣніе его. Безчеловѣчные перевезли Антіоха въ Домъ ума лишенныхъ. Честный старикъ, приставленный мною, умолилъ ихъ взять для него особую комнату, и перевезъ туда его столикъ, бумагу, перо и карандашъ. Антіохъ проснулся на другой день въ домѣ сумасшедшихъ, и не обращая ни на что вниманія, сѣлъ думать за свой столикъ.

Великій Боже! я увидѣлъ Антіоха, и ужаснулся. Онъ вовсе не узналъ меня, взглянулъ на меня, когда я пришелъ, и снова принялся думать. Онъ былъ худъ; кожа присохла къ костямъ его; длинная борода выросла у него въ это время, и голова его была почти сѣдая.

Digitized by Google

Только глаза, все еще блиставшіе, хотя желтые, показывали тѣнь прежняго Антіоха. Прежній, прекрасный шлафрокъ его, висѣвшій лоскутьями, былъ надѣтъ на него.

Я не хотѣлъ переводить Антіоха никуда: не все-ли для него было равно, въ домѣ-ли сумасшедшихъ былъ-бы онъ, или у меня, потому, что уже ничто не могло ни занять, ни развлечь его, а нескромное любопытство людей могло быть для него тягостнѣе въ моей кварширѣ. На лѣто хотѣлъ я опять нанять дачу, и туда взять съ собою Антіоха. Доктора давно отказались лечить его.

Ровно черезъ годъ послѣ смерти Адельгейды, въ одно прекрасное утро, когда солнце ярко освѣтило комнату Антіоха, онъ проснулся, поспѣшно сѣлъ за свой столикъ, и вдругъ радостно закричалъ: *Это она, это она!* Приставникъ бросился къ нему. Указывая на слово, написанное на бумагѣ, Антіохъ съ восторгомъ говорилъ ему: «Видишь-ли, видишь-ли? Это она, это душа моя — я вспомнилъ, вспомнилъ таинственное слово, которымъ могу призвать ее къ себѣ... Мнѣ кажется, я долго думалъ объ этомъ словѣ! Неужели ты его не знаешь! Теперь къ ней, къ ней!» — Приставникъ обрадовался, услыша въ первый разъ Ан-

Digitized by Google

тіоха говорящаго. Онъ думалъ, что Антіохъ излечился. Антіохъ долго, съ наслажденіемъ смотрѣлъ на написанное имъ слово, горячо поцѣловалъ его, хотѣлъ встать, и вдругъ свалился опять на стулъ свой, голова его склонилась на бумагу, перо выпало изъ рукъ его. . .

Я прибѣжалъ опрометью, когда меня извѣстили, и засталъ Антіоха еще въ этомъ положеніи. Но онъ былъ уже холоденъ. На бумагѣ написано было его рукою: *Адельгейда.*

Леонидъ кончилъ свой разсказъ. Мы всѣ молчали. Читатели припомнятъ, что въ числѣ слушателей были двѣ дѣвушки, одна веселая, съ черными глазами, другая задумчивая, съ голубыми. Веселая встала, и пошла прочь, сказавъ: «Онъ все выдумалъ: такъ не любятъ, и что за радость такъ любить?»

Леонидъ не отвѣчалъ ей ни слова; но когда мы, мужчины, составили кружокъ, и стали разсуждать всякой по своему, Леонидъ придвинулся къ другой дѣвушкѣ. Она плакала, за-

Digitized by Google

крывая глаза платкомъ. Леонидъ взялъ ея руку, и поцѣловалъ украдкою, не говоря ни слова.

— Вы не выдумали? — сказала она, вдругъ взглянувъ на Леонида.

«И не думалъ —» отвѣчалъ Леонидъ. — Неуже-ли и вы скажете: *такъ не любятъ?*

— О нѣтъ! Вѣрю, чувствую, что такъ можно любить, но . . . Леонидъ?

«Если иначе не смѣешь любить, скажите, милый другъ: не блаженство-ли безуміе Аншіоха и смерть Адельгейды?

Я не вслушался въ отвѣтъ, и не знаю, что отвѣчали Леониду.

Н. П.

Digitized by Google

ПРОГУЛКА

ПО БЕРЕГАМЪ РЕЙНА.

Сочиненіе Ф. Купера (*).

Сначала я попрошу у васъ немножко терпѣнія, а потомъ ворочусь немедленно, для вашей-же выгоды.

Шекспиръ.

На перекоръ давнишней привычкѣ, мы провели все лѣто въ стѣнахъ большаго города; но когда настала минута свободы, мы, съ радостью, съ какою пташки вылетаютъ изъ клѣтки, послали за почтовыми лошадьми. Насъ было четверо въ легкой дорожной колескѣ, и уже сильныя Нормандскія лошади весело мчали насъ къ своей родной области. На нѣкоторое время оставили мы Парижъ, царь городовъ новыхъ, Парижъ съ его смятеніемъ и порядкомъ, его

(*) Эта статья служитъ введеніемъ къ послѣднему его роману: The Heidenmauer. *Прим. Перев.*

Digitized by Google

дворцами и тѣсными улицами, его изяществомъ и запачканностью, его обитателями, вѣчно движущимися, и политиками-сиднями, его теоріями, несогласными съ практикою, его богатствомъ и бѣдностью, его веселостью и грустью, его капиталистами и патріотами, его молодыми либералами и старыми ультрами, его тремя званіями и равенствомъ, его уклончивостью языка и силою дѣйствій, его народнымъ Правительствомъ и народомъ неуправимымъ, его штыками и нравственною силою, его ученостью и невѣжествомъ, его удовольствіями и революціями, его отступающимъ сопротивленіемъ и останавливающимся движеніемъ, его модными торговками, его философами, его оперными танцовщицами, его поэтами, скрыпачами, банкирами и поварами. Уже давно были позади насъ его заставы, а намъ было еще не легко оставить Парижъ безъ сожалѣнія!... Парижъ, Парижъ! Всякій иностранецъ критикуетъ его и, всякій спѣшитъ въ него; нравоучители ужасаются его и подражаютъ ему; онъ заставляетъ покачиваться головы стариковъ и биться сердца молодыхъ людей. Парижъ, средоточіе прекраснаго, и вмѣстѣ многаго, о чемъ не льзя сказать.

Ночью мы покоились на сельскихъ подушкахъ, далеко отъ столицы Франціи. Въ слѣдующій день повѣялъ на насъ морской вѣтерокъ. Про-

Digitized by Google

ѣхавъ Артіуа и Французскую Фландрію, утромъ четвертаго дня перешагнули мы въ новое Королевство, Бельгію, и въ историческіе, почтенные города: Дуэ, Турне и Атъ. На каждомъ шагу встрѣчали мы тоже знамя, которое развѣвается на Тюльерійскомъ павильонѣ, и видѣли Французскихъ солдатъ, съ ихъ самоувѣренною физіогноміею и свободною походкою. Они были посланы поддержать колеблющійся тронъ Саксенъ-Кобургскаго Дома, и казались намъ такъ-же довольными, какъ въ праздныхъ своихъ прогулкахъ по набережной Орсе.

Въ Брюсселѣ еще были ясно видны слѣды, съ какою жестокостью сражались Голландцы. Сорокъ шесть ядеръ вгрызлось въ стѣны одного дома, который былъ совсѣмъ невеликъ, и девяносто три пули осталось въ одной изъ колоннъ этого дома! Въ нашихъ комнатахъ видѣлись ужасные слѣды сраженія. Зеркала были перебиты, стѣны изъязвлены картечью, кровавные столбики пронизаны пулями, мебели исковерканы. Деревья парка были обезображены въ тысячѣ мѣстъ, и маленькій Купидонъ, котораго за три года оставили мы смѣющимся надъ главною рѣшеткою сада, былъ обломанъ и унылъ, а товарищъ его улетѣлъ на крыльяхъ пушечнаго ядра. Среди этихъ ужасающихъ слѣдовъ, мы по счастію не видѣли крови чело-

Digitized by Google

вѣческой, и узнали отъ привѣтливаго Швейцара, который начальствовалъ въ гостинницѣ, что погреба его, всегда славные, были еще больше посѣщаемы во время осады.

Дорога наша лежала черезъ Лувенъ (Лейвенъ) Тирлемонъ, Литтихъ, Ахенъ, и Юлихъ, до Рейна. Первый изъ этихъ городовъ былъ, на предшествовавшей недѣлѣ, свидѣтелемъ битвы между непріязненными арміями. Голландцевъ обвиняли въ страшныхъ неистовствахъ, и мы хотѣли удостовѣриться, справедливо-ли это обвиненіе. Многія изъ доказательствъ исчезли, слѣдственно мы не могли видѣть ихъ и не знаемъ, сколько ихъ было, а по тому, что̀ оставалось, не льзя было согласиться съ обвинителями. Каждый день, каждый часъ въ жизни удостовѣряетъ меня, какъ прихотливо и вздорно безсмертіе, пріобрѣтаемое отъ газетъ!

Несправедливо было-бы не поговорить о прелестныхъ ландшафтахъ прежняго Литтихскаго Епископства. Эта страна представляетъ почти все, что необходимо для образованія самыхъ пріятныхъ сельскихъ видовъ. Передъ вами отдѣльныя, безчисленныя фермы, стада на лугахъ, ограды изъ растущихъ деревъ, волнообразныя поля, и зелень, подобная изумруду. По счастливой случайности мѣстоположенія,

Digitized by Google

дорога на много миль идетъ вдоль возвышенной поверхности, съ которой путешественникъ свободно наслаждается красотами земли.

Въ Ахенѣ мы купались въ цѣлительныхъ водахъ, посѣщали достопамятности, и осматривали мѣста, гдѣ короновалось столько Монарховъ, болѣе или менѣе славныхъ; посидѣли на тронѣ Карла Великаго и пустились снова въ путь.

Рейнъ былъ мой старый знакомецъ. За нѣсколько лѣтъ я топталъ его песокъ, въ Кавикѣ, и разсматривалъ періодическій приливъ его въ Сѣверное море, производящійся посредствомъ шлюзовъ, сдѣланныхъ въ слишкомъ крашкое царствованіе добраго Короля Людовика. Въ тоже лѣто я перешелъ его на оледенѣломъ ребрѣ Сенъ-Гошарда, гдѣ онъ катится шумнымъ ручейкомъ. Мы ѣхали обозрѣть красоты его въ мѣстахъ самыхъ великолѣпныхъ, чтобы, сколько позволитъ народное пристрастіе, сравнить ихъ съ признанными красотами Гудзоновой рѣки.

Осмотрѣвъ Кельнъ, съ его изящною, но не довершенною соборною церковью, гдѣ на неконченныхъ въ продолженіе пяти сотъ лѣтъ башняхъ сидитъ журавль, его воспоминаніями о Рубенсѣ и царственной покровительницѣ его, мы путешествовали по берегу рѣки, довольно

Digitized by Google

медленно, такъ что могли разсмотрѣть все, и однакожь довольно скоро, такъ что могли избѣгнуть тоски пресыщенія. Мы встрѣчали Прусскихъ солдатъ, пріученныхъ искуственными сраженіями къ важнымъ обязанностямъ ихъ званія. Уланы галопировали отрядами въ долинахъ; ведеты мелькали повсюду; заряженные пистолеты сверкали у каждой жерди съ соломеннымъ кругомъ; курьеры понуждали шпорами коней своихъ и скакали изъ конца въ конецъ; все какъ будто готово было къ большой и грозной битвѣ. Но въ Европѣ такъ приглядѣлись къ этимъ лагернымъ сценамъ, что онѣ едва обращаютъ на себя вниманіе. Мы искали другихъ зрѣлищъ, гдѣ природа развиваетъ себя въ минуты счастливыя.

Мы видѣли десятки разрушенныхъ замковъ, почернѣлыя крѣпости, аббатства, изъ коихъ иныя брошены, другія еще обитаемы; видѣли города, деревни, семь горъ, скалы и виноградники. На каждомъ шагу чувствовали мы, какъ глубоко соединены Поэзія Природы и Поэзія Искуства на этихъ возвышеніяхъ, съ развалившимися башнями и съ тою занимательностію, какую придаетъ имъ нравственное чувство. Тамъ видите вы островъ: ничего нѣтъ въ немъ чрезвычайнаго, но стѣны монастыря Среднихъ Временъ покрываютъ поверхность

Digitized by Google

его своими развалинами. Здѣсь голая скала, лишенная своего величія и тѣхъ красокъ, какія далъ-бы ей климатъ болѣе нѣжный; но Феодальное Баронство еще колеблется на ея вершинѣ. Вотъ мѣсто, гдѣ Цезарь переводилъ чрезъ рѣку свои легіоны, а тамъ Наполеонъ перебросилъ корпусъ войскъ на непріятельскій берегъ. Этотъ памятникъ воздвигнутъ Гошу, а съ этой террасы великій Густавъ-Адольфъ пускалъ въ бой свои баталіоны. Наше отечество (Сѣверная Америка) еще такъ юно, что въ немъ не можетъ быть много историческихъ мѣстъ, да и тѣ, которыя есть, еще не имѣютъ неопредѣлимаго ощущенка эпохъ отдаленныхъ.

Мы были полны чувствъ, которыя можетъ породить видъ рѣки, неисчислимо богатой воспоминаніями; въ такомъ-то расположеніи продолжали мы свой путь по южному берегу этой великой артеріи средоточной Европы. Мы дивились пустынѣ Рейнфельса, изумлялись дивному великолѣпію развалинъ церкви Баккары, изумлялись и тому страшному обрыву, на которомъ еще и теперь живетъ, надежно и смѣло какъ орелъ, одинъ Прусскій Принцъ. Завидѣвъ Маинцъ, вечеромъ другаго дня, мы разсуждали и сравнивали безпристрастно, по крайней мѣрѣ по нашему мнѣнію, все видѣнное, съ тѣми

Digitized by Google

сценами, о которыхъ воспоминаніе было для насъ живо и плѣнительно.

Съ дѣтства моего зналъ я Гудзонову рѣку— этотъ великій переѣздъ для всѣхъ путешествующихъ изъ внутреннихъ областей къ морю — и необходимость съ ранней поры заставила меня увидѣть ея извилины, мысы, острова, города и деревни. Я внимательно обозрѣлъ даже самыя скрытыя разливы ея, и было время, что не оставалось ни одного мѣстоположенія на берегахъ ея, ни одной хижины, которыхъ не посѣтилъ-бы я. Слѣдственно, я могъ противопоставить живое воспоминаніе стариннаго впечатлѣнія, силѣ предметовъ еще видимыхъ.

По моему мнѣнію, Рейнъ, гдѣ чаще нежели по Гудзоновой рѣкѣ встрѣтите всѣ роды видовъ на опредѣленномъ числѣ миль, Рейнъ не имѣетъ ни великолѣпія, ни разнообразія, ни благородной красоты и обширности рѣки Американской. Сія послѣдняя, на томъ протяженіи, гдѣ по общему сознанію она соединяетъ прелестнѣйшіе виды Рейна, есть въ одно и тоже время рѣка широкая и узкая. У нея свои заливы, свои протоки, сжатые лугами, свои тѣснины, кипящія пѣною. Самыя широкія мѣста ея похожи на озера Италіи. Преимуществомъ Европейской соперницы ея можно назвать то,

Digitized by Google

что всѣ эти чудесныя красоты воспоминаются при ней слабо. Десять градусовъ нисшихъ въ широтѣ даютъ оттѣнкамъ болѣе роскоши, переливамъ свѣта и тѣни болѣе блеска, измѣненіямъ атмосферы болѣе живости, и отъ того-то красоты нашего западнаго климата кажутся болѣе свѣтозарными. Относительно острововъ, преимущество опять принадлежитъ Гудзоновой рѣкѣ. Острова Рейнскіе многочисленнѣе; острова нашей рѣки обширнѣе, лучше помѣщены и вообще величественнѣе.

Продолжая сравненіе сихъ славныхъ рѣкъ до посторонннихъ принадлежностей, коими одолжены онѣ Искусству, можно запрудниться въ выводѣ слѣдствія. Зданія древнихъ городовъ и деревень Европы, когда вы видите ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, кажутся нарочно столпленными, чтобы произвести впечатлѣніе, хотя безопасность была главною цѣлью при постройкѣ ихъ; напротивъ въ Америкѣ надобно *войдти* въ опрятныя, просторныя, веселыя деревни, чтобы оцѣнить ихъ вполнѣ. Въ старомъ полушаріи, громада кровель, башни церквей, неправильные фасады стѣнъ и часто замокъ, возвышающійся надъ ними позади, даютъ городу видъ огромнаго древняго памятника, посвященнаго одному предмету. Можетъ быть въ Рейнскихъ деревушкахъ менѣе живо-

Digitized by Google

ниснаго, чѣмъ въ деревняхъ Ишаліи и Франціи, потому что Нѣмцы болѣе сосѣдей своихъ щадятъ почву; однако онѣ все еще разительнѣе улыбающихся, счастливыхъ деревенекъ, которыми осыпаны берега рѣки Гудзоновой. Къ этому преимуществу надобно еще прибавить безчисленныя развалины и толпу воспоминаній. Но здѣсь и конецъ превосходства пособниковъ Рейна; здѣсь начинаютъ превосходствовать пособники счастливой его соперницы. Можетъ быть нѣтъ въ цѣломъ мірѣ ничего равнаго берегамъ Гудзоновой рѣки, относительно жилищъ новыхъ, городовъ и даже увеселительныхъ домовъ, исключая домы Европейскихъ Государей и богачей. Правда, что на берегахъ Бренты, и въ другихъ благословенныхъ мѣстахъ, найдутся зданія болѣе прекрасныя и благородныя, но я не знаю ни одной рѣки, гдѣ было-бы столько плѣнительнаго, очаровательнаго для взора. Касательно движенія— а это предметъ важный — Гудзонова рѣка можетъ быть не имѣетъ соперницы изъ всѣхъ рѣкъ, называемыхъ живописными. По числу кораблей, разнообразію ихъ оснастки, красотѣ формъ, быстротѣ и ловкости ихъ оборотовъ, этотъ торговый каналъ занимаетъ мѣсто первоклассной рѣки міра. Реи кораблей съ высокими мачтами колеблются среди скалъ и безчисленныхъ косогоровъ, между тѣмъ какъ шлюп-

Digitized by Google

ки, гоэлетты, красивые пароходы, яхты, пироги и лодки тысячами скользятъ по волнамъ. Не должно забыть еще одного краснорѣчиваго доказательства. Живопись и гравировка, изображая берега Рейна, сообщаютъ обыкновенныя свои преимущества такимъ предметамъ, которые въ натурѣ не представляютъ ничего разительнаго: онѣ смягчаютъ ихъ и часто придаютъ имъ необыкновенную красоту; напротивъ всѣ попытки представить виды Гудзоновой рѣки, оставались всегда гораздо ниже подлинника.

Природа щедро надѣлила всѣ страны прекрасными видами, и глупо было-бы, идя путемъ жизни, не наслаждаться ея дарами по тому, что въ той или другой странѣ міра есть воображаемое превосходство. Такъ и мы оставили Рейнъ съ сожалѣніемъ, ибо чѣмъ далѣе подвигаешься по берегамъ его, тѣмъ болѣе сознаешься, что трудно найдти прибрежія болѣе очаровательныя.

Въ Майнцѣ переправились мы на другой берегъ рѣки, и проѣхавъ Герцогства Нассауское и Дармштадтское вступили въ Баденское, въ Гейдельбергъ. Тамъ посидѣли мы на Бочкѣ, осмотрѣли замокъ и погуляли въ аллеяхъ прекрасныхъ садовъ. Отсюда мы пустились въ Мангеймъ, не разъ оглянувшись къ столицѣ

Digitized by Google

Франціи. Нездоровье одного изъ нашихъ сопутниковъ заставило насъ остановиться въ Мангеймѣ на нѣсколько часовъ. Въ этомъ городѣ не о чемъ помыслишь; можно однакожь заключишь, что правильность и симметрія, придавая большимъ городамъ великолѣпіе, дѣлаютъ ничтожными города маленькіе.

Въ ясный осенній день, слѣдуя лѣвымъ берегомъ Рейна, ворошились мы на Парижскую дорогу. Желаніе больнаго показалось намъ крѣпостью силъ его, и мы опять надѣялись проникнуть въ горы, окружающія Пфальцъ съ югозападной стороны, и еще до ночи быть въ Кайзерлаутернѣ, на дорогѣ великаго Наполеона. Главная цѣль наша была достигнута, и мы, какъ и всякой, чьи предположенія исполнились, всего болѣе желали быть дома. Нѣсколько станцій убѣдили насъ однакожь, что покой еще нуженъ инвалиду нашему. Это убѣжденіе, какъ я думалъ тогда, по несчастію пришло поздно, ибо мы уже проѣхали равнину Пфальцскую и приближались къ цѣпи горъ, упомянутыхъ мною и составляющихъ отрасль Вогезскихъ, извѣстную между туземцами подъ названіемъ *Гаартъ*. Наши планы разстроивались, потому что давняя опытность научила насъ не довѣрять гостинницамъ этой отдѣльной части Баварскаго Королевства. Я горько жа-

Digitized by Google

лѣлъ о нашей поспѣшности, когда вдали, надъ виноградниками, блеснула башня Дуэркгеймской церкви, ибо у подошвы горъ почва становится нѣсколько волнообразною, а виноградники увеличиваются. Приближаясь къ деревнѣ, мы немного обѣщали себѣ отъ нея; но почтальонъ увѣрялъ насъ, что гостинница тамошняя достойна Короля, а вино... почтальонъ не могъ лучше похвалить его, какъ шибко хлопнувъ бичемъ: это самое краснорѣчивое выраженіе удовольствія у Нѣмца его класса. Мы еще спорили, ѣхать-ли впередъ или остановиться, и были въ страшной нерѣшительности до того мгновенія, когда остановились передъ вывѣскою *Быка*. Дородный хозяинъ вышелъ къ намъ на встрѣчу. Что мы будемъ имѣть хорошій столъ; въ этомъ увѣряло насъ огромное расширеніе его особы, которая не худо изображалась и на вывѣскѣ а искренній характеръ его гостепріимства удалялъ всякое воспоминаніе о Четверти часа Рабеле.

Если путешественникъ пріобрѣтаетъ въ странствіяхъ своихъ познаніе сердца человѣческаго, то въ замѣну онъ лишается многаго изъ той симпатіи къ человѣческому роду, которая украшаетъ жизнь. Безпрерывныя сношенія съ людьми, привыкшими видѣть всякій день новыя ли-

Digitized by Google

ца, и предлагающими услуги только тѣмъ, кого не встрѣтятъ они уже никогда, слѣдственно съ людьми, свободными отъ всякой отвѣтственности и связи, закрѣпляемыхъ сближеніемъ болѣе прочнымъ, такія сношенія показываютъ врожденный эгоизмъ человѣка съ самой непривлекательной стороны. Ловкость можетъ принять на себя услужливый видъ, закрывающій намѣреніе трактирщика на кошелекъ чужеземца, но это намѣреніе тѣмъ не менѣе находится въ природѣ вещей. Страсть къ прибытку, на ряду со всѣми страстями, увеличивается отъ частыхъ случаевъ; слѣдственно мы должны открывать въ трактирщикахъ, живущихъ на большихъ дорогахъ, болѣе хищности нежели въ тѣхъ, которыхъ желанія меньше возбуждаются случаями.

Честная физіогномія нашего Дуэркгеймскаго хозяина, его независимый видъ и свободные пріемы доказывали, что онъ выше корыстолюбивыхъ, обычныхъ разсчетовъ большей части людей его ремесла, которые живучи въ мѣстахъ мало посѣщаемыхъ, вознаграждаютъ себя за это, утверждая, что для нихъ каждая почтовая карета есть добыча, посылаемая Богомъ. У него былъ садъ, и онъ пригласилъ насъ войдти въ него, покуда перемѣняютъ ло-

Digitized by Google

шадей; это уже показывало, что онъ желалъ быть только привѣтливымъ, и мало забопился, пробудемъ-ли мы у него одинъ часъ или цѣлую недѣлю. Къ тому-же, его обхожденіе было учтиво, свободно, обязательно; оно живо напомнило намъ отечество наше и вдругъ родило въ насъ довѣрчивость, которой нравственная сила бываетъ неисчислима. Не смотря на то, что мы были слишкомъ опытны и не могли слѣпо ввѣриться народному характеру, однакожь намъ понравилась также его добродушная, Нѣмецкая наружность; но еще болѣе восхитили насъ опрятность и приличіе во всемъ, безъ примѣси того щепетильнаго хвастовства, которое уменьшаетъ сіи преимущества у людей болѣе хитростныхъ. Домъ его не былъ караванъ-сарай, гдѣ куряшъ табакъ и пьютъ пиво, какъ въ большей части гостинницъ этой части Европы; въ саду были отдѣльные павильоны, гдѣ утомленные путешественники въ полномъ смыслѣ могли отдохнуть. Всѣ эти соображенія рѣшили насъ остановиться, и мы не замедлили сказать о нашемъ рѣшеніи честному хозяину. Это извѣстіе было принято съ отличною вѣжливостью, и я, какъ безсмертный Фальстафъ, началъ провидѣть надежду — успокоиться въ гостинницѣ и не быть оплутованнымъ.

Digitized by Google

Коляску нашу тотчасъ поставили въ сарай, а вещи перенесли въ комнаты. До обѣда оставалось еще нѣсколько часовъ. Мы часто имѣли случай замѣтить, что въ Германіи обѣдъ никогда не бываетъ не во время. Къ намъ обратились съ вопросами, кажется внушенными благосклонностью, а не желаніемъ прибыли: въ которомъ часу садимся мы за столъ? Потомъ, какъ будто желая перемѣнить разговоръ, я началъ разспрашивать нашего хозяина.

(Окончаніе въ слѣдующемъ N°.)

Digitized by Google

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Сочиненіе А. С. Пушкина. СПб. 1831 г.

(Продолженіе).

Безъ опредѣленія предмета ничто не будетъ опредѣленно. Что̀ дѣлать съ бѣднымъ умомъ человѣческимъ, если онъ безъ отчета Логикѣ шагу порядочно сдѣлать не можетъ, даже разсматривая произведенія поэтическаго восторга! Постараемся, по крайней мѣрѣ, хотя о томъ, чтобы опредѣленія наши не походили на опредѣленія одного извѣстнаго Словаря, гдѣ находите иногда дефиниціи Поэзіи и Любви, почти такого содержанія: Поэзія — *способность выражаться мѣрною рѣчью, или стихами, и созвучіями, или рифмами, въ украшенныхъ картинами, описаніями, а также и другими вставочными мѣстами, сочиненіяхъ, коихъ обыкновенная рѣчь не допускаетъ;* Любовь, *стремленіе душевное, соединенное съ тѣлеснымъ вожделѣніемъ, заставляющее находить въ одной женщинѣ всѣ совершенства Природы и Человѣка, желать соединиться съ нею законнымъ бракомъ, и производить послѣ себя потомство, или воспроизводить себя въ дѣтяхъ.* Боясь, что слова наши почтутъ несправедливою шуткою, скажемъ, что немного лучше были многія Русскія критическія статьи о Пушкинѣ; доказательства сего, отчасти, представимъ мы далѣе.

Digitized by Google

Спрашиваемъ: какой поэтъ Пушкинъ *преимущественно?* Точно-ли онъ выражаетъ собою Европейскую литтературную *современность*, главныя черты коей означили мы въ началѣ нашей статьи? Наконецъ, какъ понимаетъ онъ приложеніе новыхъ идей къ *самобытной Русской Поэзіи?*

Главное сходство Пушкина съ Державинымъ: онъ поэтъ *лирическій*. Въ наше время не должно ждать отъ него Одъ торжественныхъ; и самую Оду иначе теперь понимаютъ. Державинъ писалъ уже *не Оды*-собственно; но лиризмъ Пушкина видѣнъ во всѣхъ его поэмахъ, и въ самомъ размѣрѣ, какой онъ всего чаще выбиралъ для своихъ созданій. Если Лиризмъ сливается въ нашъ вѣкъ съ Эпопеею и съ Драмою, этотъ современный намъ характеръ Поэзіи есть характеръ Поэзіи Пушкина. Но Лирическая поэзія—мгновенный пылъ, огонь, вихрь, низшая степень поэтическихъ твореній, ибо она не столь всеобъемлюща, не столь продолжительна, не столь глубока, какъ чистая Эпопея и полная Драма. Байронъ, безспорно, ниже Данте и Шекспира. Чѣмъ? Онъ собственно лирикъ, а Данте эпикъ, Шекспиръ драматикъ. Байронъ молнія—Шекспиръ солнце.

Смѣшаннымъ направленіемъ Лиризма, Пушкинъ носитъ уже на себѣ типъ современности. Разсматривая подробно его творенія, окончательно увѣряемся, что Пушкину не чуждо было и есть все, что волновало, двигало, тревожило нашъ разнообразный вѣкъ. Всего болѣе онъ подчинялся могуществу Байрона, но и другія силы Романтизма ярко отражались на немъ: Баллада Испанская, Нѣмецкая,

Digitized by Google

Поэзія Восточная и Библейская, Эпопея и Драма Романтическая, разнообразіе Юга и Сѣвера, вдохновляли его Лиризмъ, стремящійся къ Эпопеѣ и Драмѣ. Все это, выражая характеръ современности, составляя характеръ Пушкина, должно было наслѣдокъ привести его къ Драмѣ и Роману; но Романъ, какъ прозаическое отдѣленіе, не могъ соотвѣтствовать наклонности дарованія Пушкина, и — опытъ его въ Романѣ былъ вовсе неудаченъ: мы разумѣемъ здѣсь *Повѣсти* въ прозѣ, изданныя Пушкинымъ, подъ именемъ *Бѣлкина*. Другой опытъ романа, видѣнный нами въ одномъ изъ альманаховъ, брошенъ былъ поэтомъ неконченный: онъ лучше снисходительныхъ друзей своихъ и поклонниковъ умѣетъ оцѣнять самого себя. И такъ, подобно современности, не удовлетворяемый однимъ Лиризмомъ, и сильно устремившійся къ Эпопеѣ, потомъ къ Драмѣ, Пушкинъ послѣ нѣсколькихъ поэмъ рѣшается создать Драму.—Но, какая-же Драма займетъ нашего поэта? *Классическая* невозможна; объ ней и говорить нечего. Обратится-ли онъ къ мѣлкой дроби драматической, *мѣщанской трагедіи?* Или захочетъ создать Драму эпическую, южнаго происхожденія, которая ожилкяла мистеріи Кальдерона, и отозвалась въ нѣкоторыхъ твореніяхъ Шиллера *(Орлеанской дѣвѣ, Мессинской невѣстѣ)*, въ *Фаустѣ* Гётевомъ, въ фантастическихъ созданіяхъ Мюллнера и мистическихъ твореніяхъ Вернера, ту Драму, гдѣ тайны Судьбы выставляются наружу, на сцену, въ дѣйствіе? Или наконецъ, осуществивъ онъ для отечества Драму сѣверную, коей высокій типъ представляетъ Шекспиръ, и которую

Digitized by Google

столь справедливо уподобляютъ статуѣ Лаокоона, гдѣ сила Судьбы выражается только змѣями—страстями человѣческими, и борьбою воли человѣка противъ сихъ змѣй, какъ тайныхъ опредѣленій Судьбы—жизнью человѣческою? И въ сей Драмѣ изобразитъ-ли онъ кипѣніе страстей и рѣшенія судьбы въ движимости событій, какъ дѣлаютъ это новые Французы; или осуществитъ ихъ въ представленіи огромныхъ характеровъ, каковы Макбеты, Ошелло, Лиры, Гамлеты Шекспировы; или, наконецъ, только возсоздастъ вѣрно прошекшія событія въ *Историческихъ* драмахъ, подобныхъ драматической хроникѣ Шекспировыхъ Генриховъ и Ричардовъ? И въ семъ отдѣленіи Драмы, будетъ-ли онъ только связывать рамою Драмы событія дѣйствительныя, какъ видимъ это въ новыхъ Французскихъ *историческихъ сценахъ*; или будетъ облекать отдѣльнымъ единствомъ полныя части событій, какъ дѣлалъ Шекспиръ, сохраняя притомъ истину Исторіи; или, наконецъ, удаляясь отъ Исторіи, представитъ ихъ въ обманчивомъ свѣтѣ идеаловъ, каковы Гётевъ *Эгмонтъ* или Шиллеровы *Донъ Карлосъ* и *Валленштейнъ*?—И гдѣ возметъ онъ краски: въ изобрѣтеніяхъ-ли своихъ, или въ Исторіи, и если въ Исторіи, то въ отечественной-ли?

Желая рѣшить всѣ сіи вопросы, находимъ, что Пушкинъ рѣшился создать *Драму* сѣверную, *Историческую*; что образцомъ его была *Шекспирова* Историческая Драма. Онъ хотѣлъ проявить притомъ самобытное, національное, и взялъ предметъ изъ отечественной Исторіи. Разборъ Драмы Пушкина покажетъ, какъ понимаетъ онъ теорію Дра-

Digitized by Google

мы, и вѣрно-ли дѣлаетъ приложенія новыхъ идей для самобытности Русской Драмы.

Предварительно нѣсколько словъ о новѣйшей Драмѣ. Утвердивъ мнѣніе, что Драма и въ нашъ вѣкъ необходимо должна существовать, какъ существовала она во всѣ другіе, спрашиваютъ: какая должна быть наша Драма?

Намъ кажется, что это вопросъ совершенно безполезный. Отвѣтъ на него заключается въ сущности Драмы вообще, въ направленіи дарованій писателя, и въ предметѣ, какой избираетъ онъ для своей драмы. Что намъ за дѣло, увлекается-ли онъ въ мысль о Судьбѣ Древнихъ, въ фатализмъ Германцевъ, въ духовность мистерій? — Вѣренъ-ли онъ выбранному идеалу созданія? Выполняетъ-ли онъ изящно свою идею въ развитіи частей? Вотъ вопросы, заключающіе въ себѣ рѣшеніе Критики. Грильпарцеръ потому ничтоженъ, что онъ ложно смотритъ на сущность Драмы; Мюллнеръ потому хорошъ, что вѣрно выполняетъ свою основную, хотя и односторонную идею. Орлеанская Дѣва, Шиллера, тѣмъ недостаточна, что неумѣстная любовь и ничтожныя подробности вредятъ величію сей изящной мистеріи, а Вернеровъ *Лютеръ* прекраснъ, при всѣхъ частныхъ недостаткахъ, если мы станемъ смотрѣть на него, какъ не на Историческую, но на *мистическую* Драму. Шекспирова Драма хороша тѣмъ, что она полна, огромна, соразмѣрна сама себѣ, вѣрна, отчетлива, глубока.

Но Шекспирова Драма не годится для насъ—го-

Digitized by Google

воряшъ теоретики.—Мы, новѣйшіе, должны прибавить къ ней все, чего не зналъ Шекспиръ, и что послѣ него узнало Человѣчество. Но измѣнится-ли отъ этого сущность Драмы? Если Человѣчество разочаровалось кое-въ чемъ, если оно пояснило для себя кое-что, Поэзія не измѣнилась въ своихъ основаніяхъ, Человѣкъ остался одинъ и тотъ-же, только онъ ходитъ иначе, говоритъ иначе, смотритъ иначе. Это дѣло формъ. И развѣ о подробностяхъ кто нибудь споритъ? Передъ вами всѣ онѣ, всѣ роды, всѣ формы, всѣ выраженія, и свобода дается вамъ совершенная! Творите, какъ Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ, Вернеръ; изобрѣтайте свое направленіе, особенное, самобытное — мы ни въ чемъ не споримъ!

Надобно согласиться, что новая Драма еще не произвела ничего вѣковаго, великаго (исключаемъ изъ сего немногіе опыты Германской Драмы вѣка Гётева). Безспорно, что еще и нѣкогда ей было произвести, ибо она еще слишкомъ нова. Но главныя затрудненія едва-ли не состоятъ въ томъ, что 1-е, мы слишкомъ много умничаемъ, не можемъ отстать отъ авторитетовъ, и не столько творимъ, сколько *сочиняемъ*, съ излишнею упорностію глядя на Поэзію; 2-е, что мы увлекаемся крайностями, и впадаемъ въ односторонность.

Для примѣра перваго, возьмите Гётева *Эгмонта* и Шиллеровы историческія пьесы. Мало было Гёте изобразить Эгмонта, какъ онъ былъ, въ величественной простотѣ Исторіи: онъ дѣлаетъ его молодымъ человѣкомъ, героемъ, приставляетъ мечта-

Digitized by Google

шельную Клару, видѣнія славы и свободы, и онъ много все становится у него на ходули. Такъ идеальность Макса и Германскій либерализмъ Донъ-Карлоса повредили симъ прекраснымъ созданіямъ Шиллера. Напрошивъ, какъ простъ, какъ хорошъ Шиллеръ въ *Вильгельмѣ Телѣ* — это истинная жизнь, это живая Исторія!

Для примѣра другаго, могутъ послужить новые Французы. Желаніе: слишкомъ строго отдавать отчетъ мѣстности, и приводить все въ философскую перспективу — вотъ недостатокъ Девиньи. Перспектива у него вѣрна, и мѣлочи, можетъ быть, отчетливы; но простоты жизни нѣтъ, и въ огромномъ, правильномъ домѣ его живетъ система, а не человѣкъ.—Стараніе идти на перекоръ старому, личныя отношенія, систематическая мысль смѣшивать смѣшное и высокое, излишній лиризмъ, желаніе странныхъ противоположностей — вотъ недостатки Драмы Гюго.

Совсѣмъ не такъ, кажется, дѣлалъ простякъ Шекспиръ. Онъ невѣжда и геній. Системъ и Піитикъ онъ не знаетъ. Ему попадается курьёзная, старинная: *Исторія, о томъ, съ какимъ искусствомъ Амлетъ, бывшій въ послѣдствіи Королемъ Датскимъ, отмстилъ смерть отца своего Горвендилла, убитаго Фенгономъ, его дядею, и о другихъ случаяхъ его жизни.* Орлинымъ взоромъ проникаетъ онъ въ сущность идеи, скрытой въ этой сказкѣ; поэтическія подробности предстаѣляются ему сами собою; все освѣтилось глубиною его мысли; шутъ есть все — уродливости генія, великое и малое

Digitized by Google

страстей, безобразное и прекрасное. Но и мышь Гамлетова, и пѣсня Офеліи, и разговоръ могильщиковъ, и монологъ Гамлета — это создано, не сочинено: все это заключалось въ нелѣпой сказкѣ Беллефореста — геній Шекспира только выростилъ вѣковые дубы изъ этихъ ничтожныхъ сѣменъ. Онъ поливалъ ихъ волшебною водою своей Поэзіи, онъ зарилъ ихъ молніями великой думы своей. Что ему за дѣло до системы и Философіи? Его система въ душѣ, его Философія въ сердцѣ, его тайна въ великой идеѣ, которую угадалъ его геній. Онъ писалъ, можетъ быть, на какомъ нибудь обрубкѣ, за кулисами; онъ не справлялся съ психологическимъ трактатомъ о душѣ человѣка. Мы не таковы: намъ надобна конторка краснаго дерева, удобный Вольтеръ, гдѣ могли-бы мы сидѣть и размышлять. Если мы пишемъ Скандинавское событіе, мы справимся прежде у Маллета, что онъ пишетъ; поищемъ поэтическихъ красотъ въ Снорро-Стурлезонѣ, прочтемъ Гёте, Шиллера—постараемся блеснуть умомъ. Наша личность не дастъ намъ покоя, пока не опредѣлитъ предваритѣльно каршинъ, противоположностей, яркихъ мыслей, *интереса* Драмы.

Всего страннѣе такое напряженіе въ *Исторической Драмѣ*. Тутъ вовсе не должно быть пышки нашему воображенію. Вы читаете Исторію: глубокая идея, составляющая собою узелъ цѣлаго ряда событій, поражаетъ васъ — вы отгадали эту основную, тайную идею, *мысль* этого узла. Если вы вѣрно отгадали ее, то подробности, мѣстности, характеръ вѣка, характеры лицъ, даже языкъ ихъ,

Digitized by Google

сами собою разовьются передъ вами; вы погрѣшите, можетъ быть, Археологически, Хронологически, но отнюдь не эстетически. Надѣлайте намъ такихъ ошибокъ, какихъ надѣлалъ Шекспиръ въ своихъ Трагедіяхъ, взятыхъ изъ Римской Исторіи, какія вставилъ онъ въ 1-ю часть своего *Генриха IV-го* — мы не скажемъ вамъ ни слова: вы проникли основную идею по своему; полно и вѣрно развили эту идею; идея ваша глубока и многообъемлюща; объ остальномъ мы не спрашиваемъ, ибо всѣ подробности, когда онѣ будутъ вѣрны основной идеѣ, будутъ непремѣнно истинны.

Положимъ, напротивъ, что вы взяли мѣлкую идею, или, что вы не поняли тайной мысли Судьбы въ великихъ событіяхъ. Тогда, изучайте, какъ вамъ угодно, мѣстныя подробности; настаивайте противоположныхъ, разительныхъ сценъ; будьте расточительны на лица, какъ самый отчаянный Романтикъ; придѣлайте множество вводныхъ, частныхъ мѣстъ; блистайте отдѣльными красотами частей — все явится у васъ невѣрно, неудовлетворительно, ложно.

Мысль: создать *Драму Историческую* показываетъ удивительно смѣлый геній Пушкина, ибо онъ не рѣшился на созданіе Драмы, основаніемъ которой была-бы мысль, имъ самимъ изобрѣтенная. Болѣе свободный въ развитіи собственной своей идеи, онъ болѣе взялъ-бы на отчетъ свой, когда при томъ надобно-бъ было ему создавать и характеры, и подробности. Кромѣ того, онъ хотѣлъ явить не только самобытное, но и *національное*,

Digitized by Google

извлечь для сего элементы изъ своего роднаго, *отечественнаго*, а создавая свое собственное, вымышленное, онъ могъ удалиться отъ національнаго. Какой нибудь *Фаустъ*, *Донъ-Жуанъ*, *Моцартъ* (если точно, какъ говорятъ, Пушкинъ имѣлъ въ виду сіи сюжеты для Драмы) увлекли-бы его въ сферу чуждую, и не могли-бы положить основанія Романтической Драмы въ Россіи.

Выборъ предмета Драмы есть также доказательство проницательнаго генія Пушкина. Мало найдемъ предметовъ, столь поэтическихъ, характеровъ, столь увлекательныхъ, событій, столь разительныхъ, каковы жизнь Бориса Годунова, характеръ его, странная судьба его самого и его семейства. Сообразите притомъ, что на памяти Годунова положено самое счастливое для Поэзіи обстоятельство: неточность, нерѣшительность опредѣленія Историческаго — вотъ сокровище, для дарованія смѣлаго, сильнаго! Прибавьте: яркость, дерзость, такъ сказать, съ какою Судьба совершала свои опредѣленія въ жизни Годунова.

Дѣйствительно: въ юности рабъ Грознаго Царя; въ зрѣлости лѣтъ любимецъ и сильный вельможа слабаго сына его, послѣдней отрасли Рюрика; потомъ первый Царь Русскій по избранію, смѣлый, сильный, могущій властитель, достойный начать собою новое царственное поколѣніе, и вдругъ — низвергаемый, губимый Судьбою, въ полгода съ высоты трона бѣдственно низшедшій въ могилу — и отъ кого? какъ? Отъ бродяги, дерзскаго разстриги, отъ ничтожной толпы его сообщниковъ! И ка-

Digitized by Google

кое-же могущество рубишъ Бориса въ этомъ врагѣ? Имя невиннаго отрока, погибшаго за 14 лѣтъ, подъ мечемъ гнуснаго убійцы! Всего непонятнѣе, что безпристрастная Исторія не рѣшается еще назвать Бориса *виновникомъ* этого злодѣйства, не смѣетъ положительно очернить памяти великаго человѣка прокляпымъ названіемъ цареубійцы. Сколько шутъ поэзіи, и что созданное воображеніемъ посмѣемъ мы поставить рядомъ съ Исторіею Бориса! Какія богатыя краски приномъ: Россія, съ своею *царелюбивою*, *православною* Москвою; Польша, съ своими рыцарскими, наѣздническими нравами, съ своимъ суевѣрнымъ Королемъ; и подлѣ нея Казаки — буйная, полудикая толпа, слѣдующая за хоругвями дерзкаго искателя престола и приключеній; наконецъ, тайная судьба Промысла, рѣшающаго участь двухъ великихъ царствъ, и жертва непостижимыхъ рѣшеній его въ участи семейства Борисова.... Повторимъ мысль не-новую: никогда фантазія никакого поэта не превзойдетъ поэзіи жизни дѣйствительной. И если когда нибудь это можетъ быть справедливо, то, конечно, въ судьбѣ Бориса Годунова.

Теперь — цѣль и выборъ прекрасны. Какъ приступитъ нашъ Поэтъ къ возсозданію жизни минувшаго, къ проявленію великой мысли, запавшей въ его воображеніе? Передъ нимъ лежитъ чистое поле Романтизма, и ничто не стѣсняетъ его. Оцѣнитъ-ли онъ вполнѣ свою идею? Гдѣ поставитъ онъ предѣлы объему своей Драмы? Какъ создастъ онъ цѣлое изъ безпрерывнаго ряда событій, и на какія точки обопретъ онъ *единство* своей Драмы?

Digitized by Google

Прочтите листокъ, слѣдующій послѣ заглавнаго листка драмы Пушкина: *Драгоцѣнной для Россіянъ памяти Н. М. Карамзина сей трудъ, геніемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ Александръ Пушкинъ.*»

И такъ: еще разъ суждено было Пушкину заплатить дань своему воспитанію, образованію своихъ юныхъ лѣтъ, предразсудкамъ, авторитетамъ стараго времени! Еще разъ Классицизмъ, породившій Исторію Карамзина, долженъ былъ восторжествовать надъ сильнымъ представителемъ Романтизма и Европейской современности XIX-го вѣка въ Россіи! Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ *Карамзинскаго* Годунова: этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина. Ему не пособятъ уже, ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ. Мы увидимъ въ его Драмѣ только борьбу сильнаго генія, блѣдный отпечатокъ великой идеи, и подробности должны быть непремѣнно ложны и сбивчивы, или безцвѣтны. Не пособитъ и широкая рама Романтизма. Ошибки новѣйшихъ Драматиковъ отразятся на Пушкинѣ: онъ самъ на себя надѣлъ цѣпи.

Одну изъ неудачныхъ частей *Исторіи государства Россійскаго* составляетъ у Карамзина описаніе царствованій Іоанна Грознаго, Ѳеодора, Бориса, Лжедимитрія и Шуйскаго. Не говоримъ объ изложеніи: оно краснорѣчиво; не говоримъ о подробностяхъ: онѣ могутъ быть, болѣе или менѣе, вѣрны. Но Карамзинъ безчеловѣчно ошибся въ ос-

Digitized by Google

новныхъ началахъ событій цѣлаго столѣтія, и до такой степени былъ изысканъ въ расположеніи ихъ подробностей, что истина совершенно потухла подъ оптическимъ зеркаломъ его разсказа, и, вмѣсто настоящихъ характеровъ и дѣйствій, у него явились какіе-то призраки.

Прежде всего, Карамзинъ не понялъ (или *не хотѣлъ понять* — и тѣмъ хуже!) совершеннаго измѣненія въ духѣ народа, и въ отношеніяхъ Русской Удѣльности, какія начались съ Василія Темнаго и кончились Іоанномъ Грознымъ. Василій Темный наложилъ роковую руку на голову гидры Удѣловъ, въ борьбѣ съ Шемякою; Іоаннъ III-й сжалъ крѣпкою рукою разрозненныя части государственнаго тѣла Россіи; смерть внука Шемякина, и присоединеніе Рязани къ Москвѣ Василіемъ, довершили Исторію Удѣловъ. Князья сдѣлались послѣ того вельможами, властители боярами, Великій Князь Царемъ; политическая борьба, съ полей междоусобія, перешла въ палаты Царскія. Какъ сильна, какъ дѣятельна долженствовала быть сія новая жизнь! Она и была такова. Посмотрите на партіи Глинскихъ, Телепневыхъ, Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Курбскихъ; вслушайтесь въ буйство партій при смертномъ одрѣ Іоанна, уже побѣдителя Казани, уже 7 лѣтъ самовластителя Россіи, мужа въ полной силѣ возраста, супруга добродѣтельной Анастасіи, и вы узнаете, что сдѣлало сильнаго, умнаго, хотя и возмущаемаго страстями, Іоанна *Грознымъ*. Онъ ужасенъ возсталъ съ своего смертнаго одра, и также свирѣпо

Digitized by Google

началъ шерзать Аристократію, какъ немилосердо дѣдъ и прадѣдъ его шерзали Удѣльную систему. Но гибель Новгорода, *шесть эпохъ* казней, и двадцать пять лѣтъ желѣзнаго правленія Іоаннова, убило-ль все это Аристократію Дворскую? Нѣтъ! въ лицѣ Курбскаго, она смѣялась безсильной ярости Іоанна; въ лицѣ Скуратовыхъ, повторствуя страстямъ владыки, какъ прежде, въ лицѣ Адашева, владѣя добрыми его свойствами, она унижалась, раболѣпствовала, и — владѣла царствомъ, тягостѣла надъ народомъ. Не смѣла она поднять взоровъ своихъ на Царскій тронъ, когда умеръ Грозный, когда 14-ть лѣтъ рукою слабаго Ѳеодора правилъ честолюбивый, отважный членъ сей Аристократіи, Борисъ Годуновъ. Она позволяла ему богатѣть, славиться, властвовать; но и сама, какъ шуча молніями, богатѣла связями, силою, смутами. Борисъ перехитрилъ всѣхъ — онъ попралъ ногами Аристократію, онъ сѣлъ на престолъ Царскій; но съ сего часа онъ обрекъ себя на погибель. Что онъ станетъ дѣлать: свирѣпствовать, какъ Іоаннъ? Унижаться, какъ подъ унижался Шуйскій? Онъ думаетъ сначала привязать къ себѣ мудростью, кротостью, силою — тщетно! Вокругъ него кипятъ волненія, глухія, тревожныя — и Борисъ принимаетъ жалкую систему *полумѣръ* (demi-mesures), самую вредную для прочной власти. Тогда настаетъ минута перелома. — Кто дѣйствователь? Дерзкій смѣльчакъ, назвавшійся убіеннымъ сыномъ Грознаго. Это имя могло-ли быть страшнымъ Годунову? Нѣтъ! обвиненіе Годунова въ смерти блаженнаго отрока было шакъ

Digitized by Google

неопредѣленно, и народъ никогда не посмѣлъ-бы судить совѣсти счастливаго Царя своего. Но Полша видѣла политическое средство кинуть пламя раздора въ Россію. Имѣя свои разсчеты, она подкрѣпляла Самозванца. Побѣды заставили-бы ее умолкнуть; Духовенство — обстоятельство важное — было притомъ на сторонѣ Борисовой. Чего-же трепеталъ онъ? Что̀ заставило его робѣть, не оставлять Москвы, не являться самому къ народу и войску, при извѣстной своей отважности, и не принимать смѣло внѣшней бури на грудь свою? Аристократія: ее трепеталъ Борисъ, не дерзая въ это время рѣшиться ни на грозныя, ни на милостивыя мѣры; Аристократія заставляла его бояться тѣни, обманывала его, измѣняла ему, возмущала умы, отвлекала отъ Бориса сердца народа. Борисъ ясно видѣлъ, чувствовалъ это, и — не перенесъ: кровь хлынула у него̀ изъ внутренности тѣла, среди великолѣпія Двора, когда онъ взиралъ на униженіе передъ собою тѣхъ, отъ кого долженъ былъ погибнуть онъ самъ, и семейство его. Тогда началось и обнаружилось необузданное своеволіе Аристократіи: въ немъ погибли жена, сынъ Бориса, потòмъ погибъ Самозванецъ, наконецъ погибъ и Шуйскій; оно оставило въ Россіи память *Семибоярщины*, предавало Россію Польшѣ, препятствовало побѣдѣ вѣры и народа, въ лицѣ Минина и Пожарскаго, и въ самомъ избраніи Михаила Романова, среди кликовъ восторга и радости, посѣяло для себя средства для новыхъ дѣйствій. Но мы всѣ орудія въ рукѣ Провидѣнія, и все послужило потòмъ ко благу и счастію Россіи.

Digitized by Google

Такъ должно смотрѣть на политическую завязку жизни Бориса, и рядъ погдашнихъ событій государственныхъ. Но что-же видѣлъ Карамзинъ? Во все не обозначивъ измѣненія системы Удѣловъ въ Дворскую Аристократію, онъ описываетъ событія, какъ началъ описывать ихъ съ самого Рурика, исчисляетъ погодно происшествія, побраниваетъ, гдѣ видитъ худо, похваливаетъ, гдѣ кажется ему хорошо — и только! Но ему надобны средства для Искусства, и — вотъ Грозный является у него театральнымъ ширакомъ, Полоніемъ Сумарокова; самыя нелѣпыя клеветы лѣтописей повторяются, чтобы въ Борисѣ непремѣнно представить убійцу Димитрія Царевича, какъ прежде повторялось все что клеветалъ на Іоанна Курбскій; цѣпь противорѣчій и ошибокъ составляетъ у него описаніе всѣхъ событій. Для чего это? Для того, чтобы составить разительную картину: мщеніе Божіе за кровь невинную. И вотъ всѣ яркія краски истощены, чтобы явить Бориса сначала сильнымъ, могущимъ, мудрымъ, въ I-й главѣ XI-го тома *Исторіи госуд. Россійскаго.* И словно театральный громъ, вдругъ разражается надъ цареубійцею II-я глава того-же тома! Будто такъ бываетъ въ жизни, и будто такъ было и при Борисѣ? Нѣтъ, совсѣмъ не такъ! Риторика, фразы, и сущая пустота и несообразность, открываются при самомъ легкомъ взглядѣ Критики на все, что писалъ Карамзинъ о событіяхъ въ Россіи съ 1533-го до 1612-го года. . . .

Какъ могъ Пушкинъ не понять поэзіи той идеи, что Исторія *не смѣетъ утвердительно назвать Бо-*

Digitized by Google

риса цареубійцею? Что недостовѣрно для Исторіи, то достовѣрно для Поэзіи. И что могъ извлечь Пушкинъ, изобразя въ драмѣ своей тяжкую судьбу человѣка, который не имѣетъ ни силъ, ни средствъ свергнуть съ себя обвиненіе, передъ людьми и передъ потомствомъ! Клевета безвѣстная, глухо повторяемая народомъ, плѣтъ въ душахъ аристократовъ, когда имя *Самозванца* отдается изрѣдка въ слухѣ Бориса (онъ зналъ объ этомъ за пять лѣтъ до явнаго похода Лжедимитрія). Надъ головою его умножаются бѣдствія; аристократія дѣйствуетъ — легкій слухъ превращается въ явный говоръ — Борисъ губитъ Романовыхъ, преслѣдуетъ Шуйскихъ — политика Польши обращается на Россію — и что казалось мечтою, дѣлается всесокрушающею дѣйствительностью. Какое великое развитіе тайнъ судьбы, какое обширное раздолье для раскрытія характеровъ, для изображенія Россіи, Польши, Бориса, Самозванца, Аристократіи, народа!

Все это утратилъ Пушкинъ, взявъ идею Карамзина. Остроумно замѣтилъ Критикъ *Европейца*, что содержаніе драмы Пушкина составляетъ очищеніе преступленія, наложеннаго на совѣсть Бориса убійствомъ царственнаго отрока. Слѣдовательно, вся драма Пушкина есть только исполненіе приговора, уже подписаннаго Судьбою? Критикъ *Европейца* обращаетъ это въ особенную похвалу Пушкину. Мы поговоримъ далѣе, можно-ли было на сей идеѣ основать Трагедію. Теперь посмотримъ, какъ развилъ Карамзинскую идею Пушкинъ.

Digitized by Google

Замѣтьте сначала, въ какую нерѣшительность поставила она нашего поэта. Онъ создаетъ *драму* — всѣ видятъ это, и самъ онъ знаетъ; но онъ не смѣетъ назвать ее драмою, и говоритъ просто: *Борисъ Годуновъ*. Это похоже на дѣтскую игру — ребенокъ закрываетъ лицо руками, и думаетъ, что онъ спрятался. Пушкинъ и не дѣлитъ драмы своей на дѣйствія: двадцать два сплошныя явленія заключаютъ въ себѣ событія съ Февраля 1598-го до Іюня 1605-го года, въ теченіе семи слишкомъ лѣтъ, начинаясь избраніемъ Бориса на царство, оканчиваясь смертію сына Борисова, и провозглашеніемъ Царя Димитрія: новая странность; но въ сторону мелочи — будемъ смотрѣть на что нибудь поважнѣе.

Драма начинается разговоромъ Бояръ Шуйскаго и Воротынскаго. Шуйскій открываетъ своему собесѣднику, что Борисъ былъ убійцею Димитрія Царевича, и подсмѣивается надъ упорствомъ Бориса принять вѣнецъ Царскій.—Объявленіе на Красной Площади: еще разъ собрашься народу, и снова идши уговаривать Бориса. — Въ третьей сценѣ является Борисъ, уже принявшій престолъ, и клянется право править Россіею.

Промежутокъ — *пять лѣтъ*. — Вводная сцена: Инокъ лѣтописецъ, и Отрепьевъ, служка его, будущій Самозванецъ, еще робкій, еще не дерзающій на умыселъ, бесѣдуютъ въ кельѣ Чудова монастыря. Сны, вѣщающіе грядущее, тревожатъ юнаго служку. Инокъ подробно разсказываетъ ему повѣсть о убіеніи Царевича, которой Отрепьевъ *не*

Digitized by Google

знать до тѣхъ поръ! Инокъ смѣло называетъ Годунова убійцею.

Остатокъ драмы, отъ сего мѣста, заключаетъ въ себѣ времени два года. Весь сей остатокъ дѣлится на *четыре* части. Двѣ заключительныя сцены составляютъ особенный эпилогъ. Не произвольно выдумываемъ мы сіе раздѣленіе драмы Пушкина: оно является само собою.

Отд. I. *Умыселъ и бѣгство Самозванца.* Сцена Патріарха, которому доносятъ о бѣгствѣ Отрепьева, уже дерзко называвшаго себя Царевичемъ Димитріемъ, спасеннымъ отъ умысловъ Годунова. Патріархъ не рѣшается однакожь тревожить Царя извѣстіемъ объ этомъ дѣлѣ. — Сцена во Дворцѣ: Борисъ печалится, груститъ и высказываетъ самъ себѣ упреки своей совѣсти за убіеніе невиннаго Царевича. — Дѣйствіе переносится на Литовскую границу, гдѣ хитрою уловкою Самозванецъ спасается отъ царскихъ приставовъ. Слѣдовательно — Борисъ *уже знаетъ объ немъ*, уже беретъ сильныя предосторожности.

Отд. II. *Слухи объ успѣхахъ Самозванца и страхъ Бориса.* Пиръ въ домѣ Шуйскаго. Хозяинъ, оставшись наединѣ съ Пушкинымъ, искреннимъ другомъ своимъ, разговариваетъ о слухахъ изъ Польши: тамъ уже принимаютъ, чествуютъ Самозванца. Бояре страшатся смятеній, и высказываютъ другъ другу взаимныя жалобы на правленіе Бориса.— Сцена во Дворцѣ: Борисъ хочетъ насладиться бесѣдою съ сыномъ и дочерью; но является главный

Digitized by Google

шпіонъ его, Семенъ Годуновъ, съ докладомъ о пирѣ у Шуйскаго, и гонцѣ, пріѣхавшемъ изъ Польши къ Пушкину. Шуйскій предвидѣлъ это — онъ самъ пришелъ донести обо всемъ. Борисъ ужасается (неужели онъ не зналъ всей мѣры опасности?), и требуетъ удостовѣренія отъ Шуйскаго о томъ, точно-ли Царевичъ былъ убитъ въ Угличѣ? Шуйскій начинаетъ разсказывать ему всѣ подробности; но разсказъ этотъ приводитъ въ трепетъ Бориса. Онъ видитъ, что на него идетъ точно Самозванецъ, и велитъ только усилить предосторожности.

Отд. III. *Дѣйствія Самозванца въ Польшѣ и походъ.* Іезуитъ и Самозванецъ оканчиваютъ какой-то разговоръ; приходъ Русскихъ изгнанниковъ, измѣнниковъ, Казаковъ, Поляковъ, готовыхъ идти съ Самозванцемъ; Самозванецъ принимаетъ ихъ; какой-то поэтъ подноситъ ему стихи. — Вводная сцена на балѣ у Мнишека: Марина обольщаетъ собою Самозванца, и назначаетъ ему свиданіе ночью, въ саду.—Большая вводная сцена сего свиданія: желая узнать его-ли самого, или только *имя* Царевича любитъ въ немъ Марина, Самозванецъ открываетъ ей свою тайну. Нерѣшительное слѣдствіе сего объясненія. Сцена перехода черезъ границу Русскую Самозванца и его сообщниковъ.

Отд. IV. *Успѣхи Самозванца и гибель Бориса. Дѣйствіе въ Москвѣ и разныхъ мѣстахъ Россіи.* — Совѣтъ Бориса; онъ отправляетъ противъ Самозванца войско. Патріархъ совѣтуетъ принести въ Москву тѣло убіеннаго Царевича, и тѣмъ уличить Самозванца. Но это снова смутило совѣсть Бори-

Digitized by Google

ка. — Битва подъ Новгородомъ Сѣверскимъ.—Сцена Юродиваго, который *еще разъ* напоминаетъ Борису о смерти Царевича. — Двѣ различныя сцены похода Самозванца въ Россіи: предстaвленіе плѣнника предъ Самозванца, и ночлегъ въ лѣсу, послѣ разбитія Самозванца, гдѣ онъ показываетъ свое удивительное хладнокровіе. — Разговоръ Басманова съ Борисомъ, изъявляющимъ ему полную довѣренность. Борисъ идетъ послѣ сего принять на ауді-энціи гостей Нѣмецкихъ; Басмановъ остается одинъ; слышно смятеніе — Бориса выносятъ умирающаго: онъ велитъ оставить себя наединѣ съ сыномъ, и даетъ ему послѣднія наставленія. — Дѣйствіе въ ставкѣ Басманова: присланные отъ Самозванца уговариваютъ его измѣнить юному Ѳеодору; Басмановъ колеблется. . .

Эпилогъ. Гонцы Самозванца являются въ Москвѣ, на Лобномъ мѣстѣ, уговариваютъ и возмущаютъ народъ. Толпы буйствуютъ, стремятся низвергнуть Ѳеодора. — Послѣдняя сцена: Ѳеодоръ, сестра и мать его, въ заключеніи; Бояре идутъ къ нимъ; слышны шумъ и вопль; Бояре выходятъ, и объявляютъ народу, что Ѳеодоръ и мать его отравили себя ядомъ.

Если разсматривать сцены, каждую отдѣльно, то большая часть изъ нихъ прекрасны — нѣкоторыя особливо отдѣланы полно, мастерски. Таковы: Инокъ Пименъ и Самозванецъ; монахи на Литовской границѣ; Рѣчь Патріарха въ совѣтѣ; Марина и Самозванецъ ночью въ саду; битва подъ Новгородомъ Сѣверскимъ; Юродивый, и обѣ сцены

Digitized by Google

эпилога. За то другія слабы, ничтожны; таковы: самая первая; также сцена, гдѣ Борисъ избирается на царство; та, гдѣ онъ потомъ груститъ; сюда-же отнесемъ пиръ у Шуйскаго, и приходъ Шуйскаго къ Борису послѣ того; всего неестественнѣе сцена кончины Борисовой. Но такой отдѣльный разборъ сценъ будетъ всегда неопредѣлителенъ, и ни къ чему не поведетъ. Притомъ, что одному нравится, то не нравится другому. Для примѣра, скажемъ, что мы видали многихъ, которые въ восторгѣ отъ сцены Курбскаго при переходѣ черезъ границу; намъ кажется, напротивъ, что это слишкомъ напянуто, изысканно, и не въ духѣ времени. Другіе осуждаютъ сцену сраженія, гдѣ Маржеретъ и Розенъ говорятъ по-Французски и по-Нѣмецки; намъ кажется, что ничего не можетъ быть выразительнѣе и естественнѣе этой сцены. Не будемъ входить и въ мелкую критику выраженій. Все это, разборъ явленій и словъ, должно слѣдовать за разборомъ основной идеи и развитія оной, и когда сіи двѣ части неудовлетворительны то, красота подробностей плохая помога поэту; при удовлетворительности ихъ мы готовы простить всѣ частныя ошибки и погрѣшности.

Не общее-ли мнѣніе всѣхъ есть то, что когда вы прочитаете Драму Пушкина, у васъ остается въ памяти множество чего-то хорошаго, прекраснаго, но несвязнаго, въ отрывкахъ, такъ, что ни въ чемъ не можете вы дать себѣ полнаго отчета? Вотъ голосъ простаго чувства всякаго читателя. Входя критически въ подробности, сооб-

Digitized by Google

ражая цѣлое и части, идею и исполненіе, Исторію и Драму, вы увѣритесь, что все это совершенно справедливо, и происходитъ:

1-е. Отъ бѣдности идеи, которая не позволила поэту развить, ни характеровъ, ни подробностей, когда Драма только и живетъ ими.

2-е. Отъ несправедливаго понятія объ Исторической, или вообще Романтической Драмѣ. Судя по драмѣ Пушкина, все отличіе ея отъ Классической Драмы состоитъ въ безсвязной несправедливости явленій, и прыжкахъ отъ одного предмета къ другому. Но это невѣрно: Романтическая Драма имѣетъ свои строгія правила, и свой порядокъ дѣйствій, который, какъ замѣчаетъ Девиньи, можетъ быть, еще тяжеле Классическаго. Мнимая легкость Романтизма есть свобода, данная съ условіемъ — выкупить ее большею опытливостью.

Мы уже говорили о томъ, какъ много потерялъ Пушкинъ, оставивъ самую поэтическую сторону жизни Годунова — неопредѣленность обвиненія въ смерти Царевича. Забывъ при этомъ истинную причину его паденія и успѣховъ Самозванца — буйную Русскую Аристократію, забывъ и политическія отношенія Польши къ Россіи — онъ, естественно, долженъ былъ потеряться въ планѣ и развитіи его. Если съ перваго явленія намъ сказали тайну Бориса, что̀ сдѣлалась вся драма Пушкина? Le dernier jour d'un condamné *(Послѣдній день приговореннаго къ смерти)*! Вмѣсто того, чтобы изъ жребія Годунова извлечь ужасную борьбу Чело-

Digitized by Google

вѣка съ Судьбою, мы видимъ только приготовленія его къ казни, и слышимъ только стонъ умирающаго преступника.

И въ этомъ размѣрѣ поэтъ могъ-бы творить обширно, свободно, могущественно, если-бы раздвинулъ предѣлы, далъ болѣе жизни и мѣры дѣйствію. Положимъ, что Пушкинъ создалъ-бы *двѣ* драмы. *Одну*, гдѣ показалъ-бы намъ ненасытнаго честолюбца, его стремленіе къ трону, его злодѣйство, цареубійство, ужасъ симъ произведенный, тѣнь Царя въ лицѣ слабаго Ѳеодора, рядомъ съ нимъ добродѣтельную сестру Бориса, и, кончивъ восшествіемъ на престолъ Бориса, въ *другой* драмѣ изобразилъ-бы намъ честолюбца достигшимъ престола, славнымъ, могущимъ, почти шестемъ Королевскаго сына, гоѳовымъ благотворитъ, быть великодушнымъ при удачѣ и въ счастіи. Вдругъ перстъ Судебъ кладетъ на него печать проклятія. Въ то время, когда Природа затворяетъ нѣдра изобилію земли, когда казны Царской недостаетъ на окупленіе бѣдствій народа, нарѣченный зять злодѣя умираетъ. Тутъ страсти людскія кипятъ — въ народѣ разбоями и буйствомъ, въ боярствѣ смутою и интригою. И среди ихъ проникаетъ слухъ о Димитріи — уже давно тревожившій душу цареубійцы. Онъ трепещетъ, губитъ тайно близкихъ враговъ, не смѣя однакожь рѣшиться на грозное мщеніе. Имя *Димитрія* перелетаетъ въ Польшу; честолюбіе вельможъ, политика Польскаго Короля, несутъ эту бурю въ Россію. Она падаетъ на голову Бориса, и передъ ней исчезаютъ

Digitized by Google

послѣдняя любовь народа, смиренное лукавство Бояръ, счастіе и умъ Годунова — гибель и измѣна на полѣ бишвъ, гибель и измѣна въ чершогахъ его, и — шогда шолько страшное сознаніе излешаешъ изъ собсшвенныхъ усшъ его — признаніе цареубій-сшва! Намъ кажешся, чшо выразивъ шакимъ обра-зомъ въ обширной драмѣ мысль свою, поэшъ явил-ся-бы самобышнымъ создашелемъ, и изумилъ-бы насъ шѣмъ величіемъ, какое изумляешъ въ самомъ несовершенномъ объемѣ подобной мысли, въ *Мес-синской невѣсшѣ*, Шиллера, или *Очищенiи* (Die Schuld) Мюллнера.

Но, чшо видимъ въ Драмѣ Пушкина? Борисъ, лицо намъ незнакомое, съ робкою совѣсшью, съ унылою грусшью, съ шерзаніемъ души, являешся вдругъ, мимоходомъ, на минушу, принявъ вѣнецъ, и пяшь лѣшъ послѣ шого пролешѣло безъ дѣйсшвія! Другая сцена: Борисъ грусшишъ, какъ неопышный юноша, какъ будшо въ 20 лѣшъ правленія, при Ѳеодорѣ и лично, онъ не зналъ ни вѣнца, ни бо-яръ, ни народа! Онъ приходишъ пошомъ еще разъ полюбоваться на дѣшей, чшо-шо разыгрываешся въ немъ, но едва успѣлъ ему Шуйскій напомнишь о Царевичѣ, Борисъ бѣжишъ со сцены. Опяшь являешся онъ, мудрымъ Царемъ, въ думѣ своей — не-осшорожный Пашріархъ напоминаешъ о смерши Ца-ревича, и Борисъ *поmѣшъ*, и шошчасъ удаляешся. Вдругъ видимъ мы его выходящаго изъ Собора, гдѣ прокляли Самозванца: Юродивый ему на всшрѣчу, съ прежнимъ, извѣсшнымъ упрекомъ, и Борисъ не радъ ничему. Но вошъ *послѣдняя* сцена: шолько

Digitized by Google

что разговорился Борисъ о своихъ великихъ намѣреніяхъ, какъ спѣшитъ за кулисы, и оттуда выносятъ его проговоритъ 65 стиховъ политическаго завѣщанія сыну. Это-ли Борисъ *Историческій?* И вообще таковъ-ли долженъ быть страшный преступникъ, въ которомъ заключается сущность цѣлой Драмы?

Характеръ Самозванца едва-ли вѣрнѣе и естественнѣе Борисова; но, по крайней мѣрѣ, въ немъ есть жизнь, по крайней мѣрѣ онъ удалъ, буренъ, порывистъ. Мечтатель въ сценѣ съ Пименомъ, онъ ловко отдѣлывается въ корчмѣ, щегольски отличается у Вишневецкаго и Мнишеха, страстенъ у фонтана, и точный искатель приключеній въ трехъ сценахъ: переходѣ черезъ границу, допросѣ плѣнника, ночлегѣ послѣ разбитія. Совсѣмъ *не таковъ* былъ Самозванецъ Историческій, сколько можемъ мы представить его себѣ; но и созданный Пушкинымъ, вслѣдствіе мысли его, какъ исполнитель кары за преступленіе Бориса, онъ — можетъ почесться сноснымъ.

При ошибкѣ въ двухъ главныхъ характерахъ, гдѣ-же Польша, гдѣ Боярство Русское, гдѣ народъ, гдѣ подробности событій? Все это скрыто за кулисами. Только Шуйскій безпрерывно вертится около Бориса, стережетъ Москву, проговаривается Воротынскому, отпирается отъ этого, пируетъ, неосторожно заговаривается съ Пушкинымъ, доноситъ на него, пугаетъ Бориса, поправляетъ неосторожность Патріарха, берется уговаривать народъ. Такую-же роль играетъ у Самозванца неиз-

Digitized by Google

бѣжный Пушкинъ (который, по Исторіи, только присланъ былъ въ Москву послѣ смерти Бориса, съ письмами Самозванца къ народу). И Шуйскій и Пушкинъ наконецъ исчезаютъ; другіе во все время только безмолвствуютъ въ совѣтѣ, на пиру, или сказавъ по нѣсколько словъ, мелькаютъ мимо. Мстиславскіе, Романовы, Салтыковы, и прочіе, впослѣдствіи столь важныя лица, по своему вліянію, не ошибнены никакими красками. Самый Басмановъ только въ одной сценѣ кажется не тѣнью, а живымъ человѣкомъ. Польшу, Іезуитовъ, Пановъ, шляхту Польскую, важное участіе всего этого въ дѣлѣ Самозванца, находимъ только въ двухъ небольшихъ, мимолетныхъ явленіяхъ, не представляющихъ собою никакого характеристическаго отличія мѣста и времени. Марина отцвѣчена сильно, но безъ пользы, и мы гостовы спросить: что слѣдуетъ изъ яркаго ея очерка?

Будучи столь неудовлетворителенъ въ отношеніи *Исторической* правды, Борисъ Годуновъ долженствуетъ быть также не удовлетворителенъ и въ *Драматическомъ* изяществѣ, ибо, уклоняясь отъ Исторіи, поэтъ не замѣнилъ сего уклоненія ничѣмъ фантазическимъ. Нѣтъ единства ни въ дѣйствіи, ни въ развитіи частей, ни въ проявленіи характеровъ; нѣтъ жизни въ подробностяхъ; все совершается за глазами зрителя и читателей; едва дѣйствіе хочетъ развернуться, едва дѣйствующіе знакомятся съ нами, какъ все опять исчезаетъ, и мы не знаемъ ни дѣйствія, ни лицъ, пока они не придутъ вновь и не разскажутъ намъ, что сдѣлалось, пока они скрывались отъ насъ за кулисами.

Digitized by Google

Изъяснишь здѣсь, что Романшическая Драма основывается на строгомъ единствѣ дѣйствія, не только даетъ обширныя средства развить подробности и характеры въ дѣйствіи, но и требуетъ непремѣнно сего развитія; что она имѣетъ свои вѣрные, неразрушимые законы, было-бы излишне: неужели думаютъ, что допуская въ дѣйствіе даже цѣлую жизнь человѣка отъ рожденія до смерти его, она сдѣлается черезъ то безпорядочнымъ смѣшеніемъ различныхъ явленій? Напротивъ: она гибнетъ безъ единства; она составляетъ изъ цѣлой жизни, и изъ толпы дѣйствователей нѣчто *единое цѣлое.* Въ ней нѣтъ только *Классическихъ единствъ* и условій, которыя безобразили-бы истину и жизнь; она только составляетъ противоположность Классической Драмѣ, тѣмъ, что Классическая говоритъ—Романшическая живетъ, Классическая разсказываетъ—Романшическая дѣйствуетъ; та выставляетъ образчики и прячется—эта разстилаетъ все вполнѣ, и сама является на сценѣ. Не думаемъ, чтобы Пушкинъ хотѣлъ нанизать только *Историческихъ сценъ;* въ семъ случаѣ, его сочиненіе, сжатое, краткое, еще менѣе выдерживаетъ судъ Критики: нѣтъ! онъ хотѣлъ создать *драму*, и въ этомъ отношеніи должно смотрѣть на его Бориса Годунова.

Вмѣсто всякихъ объясненій Романшической Драмы, и изложеній теоретическихъ, мы рѣшаемся представить здѣсь практическій примѣръ ея, взятый изъ Шекспира. Его драма: *Король Ричардъ II-й* (King Richard II) имѣетъ нѣкоторое сходство въ положеніи дѣйствующихъ лицъ съ сочиненіемъ Пушкина. Такъ-же какъ Годуновъ, сильный Ричардъ

Digitized by Google

самовластно управляешъ Англіею; бѣдный изгнанникъ возстаешъ противъ него, и въ нѣсколько мѣсяцевъ Ричардъ былъ низвергнутъ и умерщвленъ, а противникъ его началъ царствовать подъ именемъ Генриха IV-го.

Въ порядкѣ событій, Шекспиръ слѣдовалъ совершенно Исторіи: прочтите Юма, Лингарда; событія сіи чрезвычайно просты: изумляетесь, не зная драмы Шекспира, и спрашиваете—можно-ли извлечь изъ нихъ что либо драматическое? Но геній поэта умѣлъ изобразить сіи событія въ очаровательныхъ драматическихъ картинахъ, умѣлъ найдти въ нихъ и единство, и характеры, и подробности.

Ричардъ II-й вступилъ на престолъ въ 1377-мъ году, будучи одиннадцати лѣтъ. Англіею управляли дяди Ричарда во время его несовершеннолѣтія, ограничивали власть его, даже оскорбляли лично его самого. Событія были довольно бурны, пока самъ Ричардъ не вступилъ въ управленіе, въ 1389 году. Народъ любилъ юнаго Короля; все казалось тихо и благополучно; но вскорѣ характеръ Ричарда измѣнился: онъ обременилъ народъ, покусился на права его, жестоко мстилъ врагамъ своимъ, безчеловѣчно умертвилъ старика дядю своего, Герцога Глостерскаго. Сынъ другаго его дяди Герцога Ланкастерскаго, Генрихъ Болингброкъ, былъ обвиненъ въ порицаніи Короля. Онъ утверждалъ, что это злобная клевета, и вызывалъ обвинителя своего, Герцога Норфолькскаго, на *Божій судъ*. Когда оба соперника, равно опасные Королю, сошлись для поединка, Король объявилъ имъ обоимъ изгна-

Digitized by Google

ніе. Отецъ Болингброка скончался отъ горести; Король захватилъ все его наслѣдственное имѣніе. Онъ отправился потомъ укрощать ушесненную имъ Ирландію, и въ это время Болингброкъ явился въ Англіи, будто-бы за требованіемъ своего наслѣдства. Отвсюду стеклись его сообщники; народъ присталъ къ нему; Правитель Англіи въ отсутствіе Ричарда, Герцогъ Іоркскій, третій дядя Короля, принужденъ былъ уступить. Ричардъ, съ притворною почестью принятый Болингброкомъ, по возвращеніи своемъ изъ Ирландіи, былъ объявленъ плѣнникомъ, и когда побѣдитель и плѣнный Король прибыли вмѣстѣ въ Лондонъ, сила Болингброка заставила Парламентъ возобновить дѣло о убійствѣ Герцога Глостерскаго, обвинить, низвергнуть Ричарда, и отдать корону Болингброку. Тутъ открылся заговоръ Герцога Авмерльскаго, сына Герцога Іоркскаго, въ пользу Ричарда — казнь была участью заговорщиковъ (кромѣ Герцога Авмерльскаго); Ричардъ, возбуждавшій опасеніе, былъ измѣнически умерщвленъ въ темницѣ.

Что сдѣлалъ поэтъ? Онъ взялъ для своей драмы только два послѣдніе года жизни Ричарда. Вотъ очеркъ его творенія:

Дѣйствіе I. Торжественное обвиненіе между Болингброкомъ и Норфолькомъ, и опредѣленіе поединка. — Сцена между отцомъ Болингброка и Герцогинею Глостерскою. — Поединокъ, во всемъ его величіи; но едва начатъ онъ, Король прекращаетъ его, и объявляетъ изгнаніе соперникамъ; тщетно молитъ его о пощадѣ отецъ Болингброка. Трога-

Digitized by Google

шельное прощанье родныхъ. — Ричардъ готовится въ Ирландію; онъ торжествуетъ, слыша о тяжкой болѣзни Герцога Ланкастерскаго.

Дѣйствіе II. Смертный одръ Герцога Ланкастерскаго. Герцогъ Іоркскій, Король и Королева являются къ нему; дерзкія насмѣшки Ричарда. Смерть и отнятіе имѣнія Герцога Ланкастерскаго. Король отправляется въ Ирландію.—Сцена вельможъ, передающихся Болингброку, при первомъ слухѣ о появленіи его въ Англіи. Горесть Королевы. Герцогъ Іоркскій идетъ на Болингброка. — Свиданіе и сцена между нимъ, Болингброкомъ и Лордами измѣнниками. Безсиліе его прошивиться Болингброку.—Салисбури, начальникъ Ричардовыхъ войскъ, видитъ, какъ всѣ они разбѣгаются отъ него.

Дѣйствіе III. Сцена между Болингброкомъ и захваченными имъ вельможами Ричарда. — Ричардъ и Герцогъ Аммерльскій являются въ Англіи. — Войско Болингброка окружаетъ крѣпость Флинтъ, гдѣ скрылся Ричардъ, увидѣвъ, что всѣ войска его разбѣжались. Переговоры съ нимъ, и необходимость Короля уступить сопернику. — Сцена Королевы, при извѣстіи объ этомъ.

Дѣйствіе IV. Парламентъ. Судъ надъ убійцами Герцога Глостерскаго. Герцогъ Іоркскій приноситъ отрѣченіе Ричарда; споры; явленіе самого Ричарда, его отрѣченіе личное. — Смятеніе, жалость, имъ возбужденныя. Генрихъ принимаетъ корону.

Дѣйствіе V. Прощаніе Ричарда, при разлукѣ съ

Digitized by Google

Королевою.—Сцена между Герцогомъ и Герцогинею Іоркскими: отецъ открываетъ умыселъ сына прошивъ Генриха. Раскаяніе, слабость виновнаго. Отецъ спѣшитъ обвинить его, мать просишь за него. — Явленіе ихъ передъ Королемъ. — Злые прислужники, изъясняющіе слова Короля о Ричардѣ: Have I no friend will rid me of this living fear (неужели нѣтъ у меня друга, который избавилъ-бы меня отъ этого живаго страха)? — Они бѣгутъ въ темницу Ричарда.—Сцена въ темницѣ, и убіеніе Ричарда.—Торжествующій Генрихъ. Къ нему приносятъ гробъ Ричарда. Негодованіе Генриха, и упреки его убійцамъ.

Не знаете, чему болѣе удивляться въ этомъ превосходномъ созданіи: искусству-ли, съ какимъ извлечено единство дѣйствія Драмы; связи-ли подробностей, величественно, богато раскрытыхъ поэтомъ; вѣрности-ли, съ какою слѣдовалъ поэтъ Исторіи (*), или простотѣ его созданія, и глубокому познанію характеровъ, угаданныхъ поэтомъ въ сухой лѣтописи? Нѣсколько словъ о *характерахъ*: они долженствовали быть точно таковы, какъ изобразилъ ихъ Шекспиръ: легкомысленный, гордый, жестокій по прихоти, не по душѣ, потомъ упавшій духомъ Ричардъ; хладнокровный, величественный

(*) Только одно отступленіе сдѣлалъ Шекспиръ: представилъ Королеву, супругу Ричарда; но его первая супруга уже умерла въ это время,, и онъ былъ только обрученъ съ малолѣтною Изабеллою, Французскою Принцессою, но свадьба отложена была до ея совершенолѣтія.

Digitized by Google

въ самомъ преступленіи, увлеченный успѣхомъ, смѣсь добра и зла, Болингброкъ; слабый, вѣрный обязанности, полагающій добродѣтель въ исполненіи словъ Властителя, Герцогъ Іоркскій, не отступающій отъ Ричарда, пока вѣнецъ былъ на головѣ его, потомъ столь-же преданный Генриху; Герцогъ Авмерльскій, пылкій, добрый, но ничтожный; Герцогиня Іоркская — истинная женщина и мать; Королева — трогательная жертва бѣдствій; Норфолькъ, Норшумберландъ, Салисбури, Архіепископъ Канщербурійскій, Экстонъ — каждый съ своимъ рѣзкимъ щипомъ, всѣ оттѣненные ярко, сильно, живые, движимые. Историкъ можетъ изучать Шекспирову драму, чтобы послѣ того лучше понимать Юма и лѣтописцевъ Англійскихъ! Какія разительныя положенія, какіе неожиданные переходы страстей и отношеній, какое искусство внушить состраданіе, поселить ужасъ, увлечь читателя и зрителя въ положеніе дѣйствующаго лица.... По общему суду критиковъ, это еще *не лучшая* изъ Историческихъ Драмъ Шекспира.

Впрочемъ, мы не для того выставляемъ здѣсь Шекспира, чтобы по его генію осудить нашего поэта: уродливый мужикъ этотъ, въ продолженіе 20 годовъ, написалъ 40 пьесъ, и въ теченіе многихъ лѣтъ ежегодно выставлялъ по драмѣ, а эти драмы были—*Ромео и Юлія*, *Гамлетъ*, *Ричардъ II-й*, и т. п., съ прибавкою еще каждое лѣто по одной Комедіи. Но мы говоримъ о Шекспировомъ Ричардѣ для поясненія словъ нашихъ, что *Борисъ Годуновъ* не вы-

Digitized by Google

держиваетъ суда Критики, разсматриваемый, какъ Драматическое созданіе, и примѣръ Шекспира надобенъ былъ намъ для опредѣленія, что̀ и какъ извлекаетъ изъ чего нибудь подобнаго великій Драматическій геній.

Для большаго поясненія, мы уважемъ здѣсь еще на швореніе, мало извѣстное Русскимъ читателямъ. Въ бумагахъ Шиллера, послѣ смерти его, найденъ былъ полный планъ трагедіи: *Димитрій Самозванецъ*, и нѣсколько сценъ, уже написанныхъ. Намъ кажется, весьма любопытно сличить здѣсь: какую идею, и какъ образовалъ изъ Исторіи Бориса и Самозванца Шиллеръ, безъ сомнѣнія, самый Драматическій геній новой Поэзіи.

Завязку его драмы составляетъ *Самозванецъ-собственно*. Шиллеръ преображаетъ многое по своему; но — повѣрятъ-ли? Въ его драмѣ найдемъ мы болѣе даже Исторической правды, нежели въ драмѣ Пушкина. Отъ чего? Поэтъ угадалъ основную идею событій; подробности его поэтически полны, стройны, разительны, великолѣпны, и частныя невѣрности исчезаютъ для насъ въ истинѣ Поэзіи. Конечно, не должно искать мѣстности, національности въ Шиллеровомъ сочиненіи; но судите объ немъ, какъ о поэтическомъ созданіи, и оно невольно изумитъ васъ. Вотъ очеркъ сего сочиненія:

Дѣйствіе I. Сеймъ въ Краковѣ. Самозванецъ проситъ защиты Короля и Рѣчи Посполитой, какъ сынъ Іоанна, у котораго отнялъ престолъ хищникъ, покушавшійся на самую жизнь его въ младенчествѣ. Но Провидѣніе спасло Димитрія, и онъ вѣритъ, что Іоаннъ былъ отецъ его. Сомнѣніе

Digitized by Google

Сейма; раздоръ партій; Сапѣга, другъ Бориса, разрушаетъ сеймъ своимъ *veto*. Но Король позволяетъ принять участіе въ предпріятіи Димитрія Мнишеку и другимъ. Честолюбивая Марина составляетъ душу сообщниковъ Димитрія. Она жаждетъ престола, какъ другіе жаждутъ славы, корысти, приключеній.

Дѣйствіе II. Отдаленный монастырь, гдѣ скрывается отъ свѣта монахиня Марѳа, бывшая супруга Грознаго, мать истиннаго Димитрія. Бѣдный рыбакъ приноситъ въ обитель вѣсти о появленіи Димитрія въ Польшѣ. Изумленіе, радость, ужасъ Марѳы: она готова сомнѣваться въ смерти своего сына; она готова назвать сыномъ чуждаго человѣка, если видитъ въ немъ мстителя своему злодѣю. Является Архіерей, присланный отъ Бориса, чтобы потребовать отъ нея обличенія Самозванца; Марѳа отказывается, и изъ глуши обители поражаетъ ужасомъ гордаго Царя на престолѣ. — Сцена перехода Самозванца черезъ границу Россіи: передъ нимъ разстилаются раздольныя Русскія страны; радость войска, грустъ Димитрія, при мысли, что война опустошитъ сіи прекрасныя области. Возмущеніе въ деревнѣ, гдѣ жители присягаютъ къ Димитрію.

Къ сожалѣнію, здѣсь оканчиваются неполныя сцены II-го дѣйствія. Остальное Шиллеръ успѣлъ только изложить краткими замѣтками. Вотъ какъ хотѣлъ онъ продолжать и окончить свою драму.

Станъ Димитрія. Онъ разбитъ; но Борисъ не смѣетъ двинуться на него послѣ побѣды, видя дурное расположеніе войскъ своихъ. Димитрій готовъ

Digitized by Google

предаться отчаянію; Казаки его бунтуютъ. Станъ Бориса. Удаленіе Бориса въ Москву (куда бросился онъ искать подкрѣпленія войску и ушушшать измѣну) производитъ безпорядки въ его лагерѣ. Салтыковъ измѣняетъ. — Борисъ деспотствуетъ въ Москвѣ. Не смотря на вѣрность многихъ Бояръ, онъ страшится общаго бунта. Сцена между имъ и Архіереемъ (какая? неизвѣстно). Отвсюду приходятъ пагубныя вѣсти; Бояре бѣгутъ къ Димитрію, города сдаются, народъ бунтуетъ, войско почти все переходитъ къ Самозванцу.

Сцена между Борисомъ и Ксеніею. «Какъ отецъ (выписываемъ здѣсь вполнѣ собственныя слова Шиллера), Борисъ долженъ возбуждать состраданіе; въ разговорѣ съ дочерью онъ отпкрываетъ ей всю свою душу. Онъ восшелъ на престолъ престунными средствами, но бывши Царемъ, онъ исполнялъ свои великія обязанности: онъ отецъ своего народа, и думаетъ только о благѣ его. Если онъ недовѣрчивъ, строгъ, даже свирѣпъ, то это только для личной своей безопасности. Своимъ умомъ онъ столько-же превышаетъ все его окружающее, сколько и своимъ саномъ. Продолжительное наслажденіе величіемъ, привычка повелѣвать, самовластіе его правленія, такъ увеличили его честолюбіе, что безъ трона онъ не дорожитъ жизнію, не можетъ существовать. Онъ не обольщаетъ себя слѣдствіемъ настоящихъ событій, но хочетъ остаться Царемъ до послѣдней минуты, и не унижается, ибо онъ рѣшился умереть. Онъ суевѣрно вѣритъ предчувствіямъ, и что прежде показалось-бы ему незначительно, то представляется теперь значительнымъ

Digitized by Google

и важнымъ. Какое нибудь частное событіе почтетъ онъ голосомъ Судьбы, и оно рѣшитъ жребій его. За нѣсколько времени передъ смертью, характеръ его перемѣняется. Спокойно слушаетъ онъ самыя несчастныя вѣсти, стыдится гнѣва, какой оказывалъ прежде, распрашиваетъ у вѣстниковъ всѣ подробности, и награждаетъ ихъ. Когда видитъ онъ событіе, по мнѣнію его, предвѣщающее ему окончательное рѣшеніе судьбы его, онъ удаляется молча, хладнокровно, рѣшительно. На минуту является онъ еще въ платьѣ монаха; отправляетъ дочь свою въ монастырь, думая, что сыну его, невинному дитяти, нечего опасаться. Онъ принимаетъ ядъ, и скрывается въ свои уединенные чертоги, умеретъ тихо и одиноко.«—

Эти слова Шиллеровы не показываютъ-ли, какъ глубоко, какъ поэтически понималъ и хотѣлъ онъ изобразить Бориса, не смотря на свои ошибки Историческія? Если-бы Шиллеръ зналъ еще поэзію истинныхъ событій, какую прелесть и силу получила-бы его драма!

Романовъ является съ войскомъ. Онъ любитъ Ксенію, и хочетъ остаться вѣрнымъ потомству Бориса. Онъ спѣшитъ къ войскамъ, собраннымъ противъ Димитрія. Бояре и народъ бунтуютъ въ Москвѣ; Ксенія и Ѳеодоръ въ оковахъ; послы отправлены къ Димитрію.

Измѣны и притворное великодушіе довершаютъ торжество Димитрія. Онъ посылаетъ за инокинею Маѳою: тутъ является неизвѣстный человѣкъ — убійца истиннаго Царевича, и открываетъ ему, что онъ Самозванецъ. Ужасъ, изумленіе, отчаяніе

Digitized by Google

Димитрія. Въ бѣшенствѣ, онъ убиваетъ страшнаго своего обличителя. Борьба его съ самимъ собою; рѣшеніе—продолжать прежнюю ролю; но спокойствіе, счастіе его исчезли: не стало прежняго Димитрія, самоувѣреннаго, сильнаго, пламеннаго. Свиданіе съ Маріею: съ ужасомъ видитъ она въ немъ—отвратительнаго Самозванца! Молчаніе и приворство; мрачное, зловѣщее что-то въ самыхъ торжествахъ, какими знаменуется вступленіе Димитрія въ Москву.

Романовъ въ темницѣ. Ксенія успѣваетъ скрыться у Маріы; Димитрій видитъ ее, и влюбляется въ нее. Онъ уже Царь; но его помощники чужеземцы; совѣсть терзаетъ его; буйство Поляковъ оскорбляетъ народъ; нарушеніе Димитріемъ обычаевъ производитъ ненависть. Димитрій хотѣлъ-бы отказаться отъ Марины, но это невозможно.—Димитрій видитъ бездну, на которой стоитъ тронъ его. Марина въ Москвѣ. Приворство и коварство взаимное. Ксенія отравлена ядомъ, по повелѣнію Марины. Печаль, отчаяніе Димитрія; но великолѣпная свадьба уже готова. Едва отступивъ отъ брачнаго алтаря, Марина унижаетъ Димитрія своимъ презрѣніемъ, объявляя ему, что ей давно извѣстно было его самозванство, и что не самъ онъ, не любовь его, но только престолъ Московскій обольщали ее. Шуйскій предводительствуетъ между тѣмъ заговоромъ; бунтъ въ Москвѣ; смерть Димитрія (мы не упоминаемъ здѣсь объ эпизодѣ Романова, и Лодоиски и Казиміра, вставочныхъ лицъ).

Разсматривая этотъ планъ Шиллера, неокончен-

Digitized by Google

ный, необрабошанный, едва наброшенный, согласимся, чшо какъ поэшъ Драмашическій, Шиллеръ хошѣлъ создашь нѣчшо великое, превосходное; чшо онъ глубоко проникалъ въ возможносшь сшрасшей; чшо онъ умѣлъ дашь дѣяшельную жизнь своему созданію. Его Димишрій Самозванецъ сшалъ-бы выше Бориса Годунова, созданнаго нашимъ поэшомъ...

Но, осшавимъ всѣ сравненія, и обрашимся къ рѣшишельному выводу о сочиненіи Пушкина. Мы сказали, чшо *Бориса Годунова* должно почесшь окончашельнымъ швореніемъ Пушкина, до *нынѣшняго времени*; чшо въ немъ соединены всѣ его досшоинсшва, всѣ недосшашки, весь Пушкинъ, и вся его Поэзія, каковы онъ и она *были донынѣ*, и являюшся въ нынѣшнемъ своемъ сосшояніи. Когда вышелъ *Борисъ Годуновъ*, мы замѣшили, чшо онъ есшь новый шагъ нашего поэша впередъ; чшо Пушкинъ, разсмашриваемый, *какъ Русскій лишшераторъ*, являешся въ немъ съ новымъ блескомъ; но *какъ Европейскій писашель*, какъ современный Драмашисшъ XIX-го вѣка, онъ далеко не досшигаешъ совершенсшва, коего могъ-бы досшигнушь. Мы разсмошрѣли шеперь подробно Бориса Годунова и указали на нѣкошорыя основанія и образцы Романшической Драмы — осшаешся повѣришь справедливосшь прежнихъ нашихъ выводовъ симъ разсмошрѣніемъ и указаніемъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Русскія Повѣсти и Разсказы.* 5 частей. СПб. 1832. Въ т. Н. Греча. 263, 273, 268, 278, 271 стр. in-8. (*).

Произведеніе изящное не должно быть судимо по одной наружности: надобно проникнуть въ глубину его, постигнуть какое мѣсто занимаетъ оно въ Искусствѣ, и потомъ уже обозрѣть подробности, доступныя самому поверхностному взгляду. Послѣдуемъ сему правилу и не вдругъ займемся указаніемъ на каждое изъ отдѣльныхъ сочиненій, заключающихся въ пяти томахъ *Русскихъ Повѣстей и Разсказовъ*. Предоставляемъ другимъ Журналистамъ написать о нихъ *рапорты*, къ какимъ пріучили насъ ихъ извѣстія о Театрѣ.

(*) Продается въ Конторѣ Московскаго Телеграфа и во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по 20 рубл. асс., съ пересылкою 23 рубл. асс. за экземпляръ.

Digitized by Google

Романъ самородный и повѣсть требуютъ большой зрѣлости въ Литтературѣ. Кромѣ воображенія, для нихъ необходимъ еще языкъ, повинующійся всѣмъ переливамъ души, всѣмъ волненіямъ сердца и всѣмъ утонченностямъ въ общежитіи старыхъ и новыхъ народовъ. Вотъ отъ чего у насъ долго не было этого рода сочиненій. Не грѣхъ сказать, что романа еще нѣтъ и до сихъ поръ. Но повѣсть уже есть: она передъ вами, она въ разсматриваемой нами книгѣ. Авторъ *Русскихъ Повѣстей и Разсказовъ* можетъ быть названъ создателемъ повѣсти на Русскомъ языкѣ. Что было у насъ до него въ этомъ родѣ? Блѣдные или надутые разсказы, не Русскіе по языку, не Европейскіе по вымыслу, ничтожные по созданію. Русская повѣсть считалась у насъ почти неестественнымъ произведеніемъ, почти какъ повѣсть Китайская, гдѣ ищутъ не поэтическаго созданія, а нелѣпыхъ чертъ, напоминающихъ Китайскую азбуку, бездну премудрости, Китайскую живопись безтѣнную, и Китайскую стѣну, которая физически отдѣлила насъ отъ обитателей крайняго Востока столько-же рѣзко, сколько нравственно отдѣлены мы отъ нихъ нравами, обычаями и умоначертаніемъ. Въ такомъ-то состояніи была Русская повѣсть, когда въ 1823 году явились первыя повѣсти Автора *Аммалатъ-Бека*. Многіе почли ихъ тогда насиліемъ Русскаго языка и какою-то мечтою неосуществимою. Надобно сказать, что это были первые шаги, еще робкіе, но уже предвѣщавшіе все, что осуществлено впослѣдствіи Авторомъ *Русскихъ Повѣстей и Разсказовъ*. Особенно разительною казалась

Digitized by Google

новость языка, вѣрнаго и покорнаго слуги Автора. Дальнѣйшіе подвиги его на этомъ поприщѣ оковали все вниманіе читателей, а послѣдніе, напримѣръ *Лейтенантъ Бѣлозоръ* и *Аммалатъ-Бекъ*, довершили побѣду и даютъ ему мѣсто среди первостепенныхъ Европейскихъ писателей.

Для людей, которые любятъ затрудняться въ словахъ, скажемъ, что подъ названіемъ Европейскихъ писателей мы разумѣемъ тѣхъ творцовъ въ Литературахъ зрѣлыхъ, которые довели Искусство до высшей степени: въ повѣстяхъ, это Жанъ Поль, Гоффманъ, Вашингтонъ Ирвингъ, Цшокке, отчасти Шиллеръ, Гёте, В. Скоттъ, которые хотя не были повѣствователями или сказочниками собственно, однако возрастили нѣсколько прелестныхъ цвѣтковъ въ очарованномъ саду сказочной фантазіи. Признавъ Русскаго соперника ихъ не только первымъ, но и единственнымъ писателемъ повѣстей на Русскомъ языкѣ, мы должны разсмотрѣть: какое мѣсто занимаетъ онъ въ этомъ родѣ среди писателей первостепенныхъ? Выиграло-ли что нибудь Искусство отъ того, что въ Россіи явилось нѣсколько томовъ его повѣстей? Посмотримъ.

Не даромъ прозвали нашъ вѣкъ прозаическимъ. Въ самомъ дѣлѣ проза собственное наше достояніе, наше добро и зло, нашъ отличительный характеръ. Проза и въ жизни, и въ Словесности, преимуществуетъ у насъ!... Счастливые Греки! Подъ лазуревымъ небомъ своимъ, среди благоухающихъ померанцевыхъ и лимонныхъ садовъ своихъ,

Digitized by Google

они распѣвали и напѣвали все и обо всемъ. Даже отецъ Исторіи чуть-ли не пѣлъ у нихъ свои добродушные разсказы. А полумиѳологическій Омиръ? А Трагики? А Идиллисты? Они какъ будто стращились заковать свои мысли, свою фантазію въ оковы прозы. Но когда желѣзные Римляне оледенили жизнь суровымъ геройствомъ, когда на развалинахъ великолѣпія Римскаго явились мы, восточные варвары, тогда самый языкъ огрубѣлъ, окаменѣлъ, перестать выливаться музыкальными звуками. Тогда начала господствовать проза. Но по крайней мѣрѣ у нихъ, у варваровъ, были свои Барды, свои Скальды, превратившіеся въ Минстрелей, въ Трубадуровъ, въ Баяновъ. Если Греки разгуливали въ садахъ своихъ, то варвары рыскали по всей землѣ; имъ было нѣкогда запираться въ кабинеты и нанизывать мысли на прозаическую проволоку даже въ произведеніяхъ фантазіи. Это милое усовершенствованіе принадлежитъ намъ. Мы умѣли довести самую фантазію до того, что она чаще одѣвается у насъ въ прозаическое, а не въ стихотворное платье. Еще есть вѣрные преданіямъ люди, есть и нѣкоторые роды сочиненій, неразлучные со стихомъ; но вообще наше стихотворство похоже на промотавшагося наслѣдника богатыхъ прародителей. Всего чаще оно неумѣстно, смѣшно, жалко! Наша поэзія вся въ мысляхъ; наша фантазія сбивается на Философію, а Философъ развѣ для шутки станетъ облекать мысли свои стихомъ. Но не даромъ-же прожилъ человѣкъ столько вѣковъ, послѣ паденія стихотворства. Онъ много испыталъ, много перечувствовалъ, во многомъ, если не во всемъ,

Digitized by Google

опередилъ своихъ предковъ. Неужели-же въ немъ погибла эта божественная искра, именуемая Поэзіею? Нѣтъ, она живетъ и красуется въ новомъ великолѣпіи, въ новыхъ формахъ, и одною изъ сихъ необходимыхъ формъ сдѣлались романъ и повѣсть. Греки, Римляне и жители Среднихъ Вѣковъ не знали этого рода сочиненій. Не говорите мнѣ ни о *Харитонѣ*, въ которомъ Гейне думалъ видѣть романъ, ни о Лонгусовомъ *Дафнисѣ и Хлоѣ*, ни о Луціевомъ *Ослѣ*! Что это за романы? Первый романъ былъ насмѣшка надъ рыцарскими сказками: безсмертный *Донъ-Кихотъ*. Далѣе просимъ читателя самого провести умственную нить, отъ этого перваго романа, черезъ Британію, Францію и наконецъ Германію, гдѣ установилась философическая форма романа и повѣсти. Новый родъ, данный міру В. Скоттомъ, у всѣхъ не только въ памяти, но и передъ глазами. И замѣтьте какъ это порожденіе новыхъ вѣковъ и народовъ вытѣснило эпическіе разсказы, и даже идиллію. Они чахли, угасали, хладѣли, и въ наши дни, когда любятъ давать себѣ отчетъ во всемъ, нѣтъ ни эпической поэмы, ни идилліи. Въ наше время называютъ поэмами поэтическое философствованіе, привязанное къ какому нибудь разсказу: таковы поэмы Байрона и Мицкевича. Но между тѣмъ этотъ родъ сочиненій не умеръ: онъ переродился въ романъ и повѣсть. Романъ въ наше время есть произведеніе поэтическое. Мы указали на постепенное перерожденіе его изъ эпопеи Древнихъ, у которыхъ онъ не могъ существовать потому-же, почему у насъ нѣтъ эпопеи: для него не было формъ. Событія міра засла-

Digitized by Google

или насъ дойдши до этой формы, а нѣсколько геніяльныхъ шворцовъ показали изящные образцы романа. Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что романъ долженъ исключительно изображать характеры, или жизнь человѣческую, или какую нибудь интригу. Кто можетъ очертить границы поэзіи? Гёте взялъ предметомъ своей фантазіи влюбленнаго студента, В. Гюго соборную церковь, В. Скоттъ какое нибудь событіе историческое, и каждый изъ нихъ великъ въ своемъ родѣ, ибо каждый представилъ предметъ свой поэтически. Такъ Рафаэль и Доминикино, въ начертаніи одного лица умѣли выразить поэзію божественную. Душа поэта есть тотъ великій жертвенникъ, на которомъ слова и образы облекаются радужными цвѣтами фантазіи и летятъ въ небо.

Съ сей точки зрѣнія, мы увидимъ все достоинство *Русскихъ Повѣстей и Разсказовъ*. Говоря только о повѣстяхъ сей книги, кто не скажетъ, что это произведенія истинной поэзіи? Кто Рускій не сознается, съ неизбѣжною гордостью соотечественника, что нашъ Авторъ смѣло становится въ ряду Европейскихъ писателей? Въ самомъ дѣлѣ, если изъ наименованныхъ нами писателей Жанъ Поль отличается неизмѣримостью фантазіи своей, Гоффманъ дивнымъ выраженіемъ чудеснаго въ самыхъ простыхъ разсказахъ, Вашингтонъ Ирвингъ поэтическимъ юморомъ своимъ, Цшокке умѣньемъ обрисовать прелестно какую угодно картину, то ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ такою живостью воображенія, которое разцвѣчая каждый предметъ

Digitized by Google

поэтическими красками, дѣлаетъ его видимымъ для васъ, ощутительнымъ, такъ сказать роднымъ, ибо вы сами могли-бы представить его себѣ не иначе, какъ представляетъ его вамъ поэтъ. Созданія его показываютъ также необыкновенную творческую силу. Можно сказать рѣшительно, что изъ живущихъ нынѣ повѣствователей, ни одинъ не сравняется съ нимъ въ силѣ творчества. Бальзакъ хорошъ только своимъ разсказомъ, Жюль Жаненъ дикостью фантазіи своей, В. Ирвингъ своими описаніями, Альфредъ де Виньи художническою отдѣлкою каждой части и, можно сказать, каждаго слова. Изъ Нѣмцевъ, только одинъ Цшокке милый, очаровательный разскащикъ; но онъ не высокій создатель. И такъ — вотъ мѣсто нашего писателя. Онъ равняется въ повѣстяхъ своихъ съ лучшими писателями всѣхъ временъ, и превосходитъ всѣхъ повѣствователей и сказочниковъ современныхъ. Онъ оказалъ Искуству услугу незабвенную тѣмъ, что нашелъ въ отечествѣ своемъ образы и языкъ для рода повѣствовательнаго. Развѣ малъ подвигъ: открыть новый міръ для Искуства? А онъ открылъ его. Не будемъ отвѣчать тѣмъ людямъ, которые скажутъ, что повѣсти нашего Автора не Русскіе собственно, то есть, что въ нихъ не видимъ мы Руси древней и старинной. Эти люди могутъ вспомнить, что для поэта нѣтъ ни Руси, ни Рима, ни Германіи: онъ избираетъ тотъ предметъ, который пробудилъ его фантазію. Будь онъ изященъ, *поэтиченъ* въ новой Руси или въ старой — для Искуства все равно. Ни В. Скоттъ, ни Гоффманъ, ни Гёте не были въ романахъ своихъ исключительными патріотами. На-

Digitized by Google

добно умѣть быть творцомъ со своими средствами, то есть со своимъ языкомъ, своимъ временемъ и міромъ. Только этого требуетъ Искусство. Оно даетъ вамъ языкъ, фантазію и цѣлый міръ: твори-те! Но оно не говоритъ вамъ: изображайте Русь! Нѣтъ, только твориге какъ Русскій, а не какъ Французъ и Нѣмецъ, у которыхъ есть свои средства. Не такъ-ли и Ваятель бываетъ иначе поэтомъ нежели Живописецъ, Живописецъ иначе нежели Музыкантъ? Но всѣ они бываютъ поэтами, и каждый изъ нихъ по своему.

Въ подтвержденіе всего сказаннаго, надобно было-бы разсмотрѣть отдѣльно каждую повѣсть, заключающуюся въ 5-ти томахъ, означенныхъ въ заглавіи сей статьи. Но предѣлы краткаго извѣстія нашего давно кончились. Читатели могутъ вознаградить это вспомнивъ объ *Аммалатъ-Бекѣ*, занимающемъ цѣлый томъ, и о другихъ повѣстяхъ и разсказахъ Марлинскаго. Впрочемъ, не однѣ новыя, недавно написанныя повѣсти Автора напечатаны въ этомъ собраніи. Тутъ находятся: *Испытаніе*, наполненное очаровательными картинами свѣтскаго, военнаго и городскаго быта; *Замокъ Эйзенъ*, чудный по разсказу памятникъ рыцарства и суевѣрія; *Ночь на кораблѣ*, которую можно сравнить съ поэмою Байрона; *Наѣзды*, повѣсть, которую уподобили-бы мы очеркамъ Альбрехта Дюрера; *Лейтенантъ Бѣлозоръ*, неподражаемое сближеніе величественныхъ картинъ природы, жаркой любви, добрыхъ, оригинальныхъ Голландцевъ и заносчивыхъ Французовъ; *Замокъ Нейгаузенъ*, *Ревельскій Турниръ*, *Романъ въ*

Digitized by Google

семи письмахъ, вѣрно памятные читателямъ; *Страшное гаданье*, по нашему мнѣнію лучшее изъ всего, что написалъ Авторъ! Тутъ и живая, народная Русь, и огненная любовь, и характеры неподражаемо оригинальные, особенно характеръ шаинственнаго полу-демона, и наконецъ очарованіе, сила картинъ, и какая-то глубокая грусть, проницающая всю повѣсть, все, все это больше нежели можемъ мы выразить. Въ этой повѣсти и слогъ Автора есть вѣнецъ его. Марлинскій, безспорно, первый прозаикъ нашъ; но въ *Страшномъ гаданьѣ*, и еще въ *Письмѣ къ Доктору Эрману* (также напечатанномъ здѣсь), онъ показалъ всю силу и прелесть слова своего, и все богатство современнаго Русскаго языка. Это совершенство!

Кромѣ означенныхъ нами повѣстей его, тутъ же помѣщены и нѣкоторыя другія статьи: *Разсказы о Сибири*, *Сибирскіе нравы*, *Шахъ Гуссейнъ*, *Часы и зеркало*, *Военный Антикварій*, *Замокъ Вендень*, и проч.

Радуемся за читателей Русскихъ. Сколько наслажденія, сколько пищи для души, ума, сердца, найдутъ они въ этихъ пяти томахъ!

Digitized by Google

— *Путешествія и новѣйшія наблюденія въ Китаѣ, Манилѣ и Индо-Китайскомъ Архипелагѣ*, бывшаго Россійскаго Генеральнаго Консула на Филиппинскихъ островахъ, Коллежскаго Совѣтника Петра Добеля. Составилъ и съ Англійскаго перевелъ, съ Высочайшаго соизволенія, А. Дж. Въ двухъ частяхъ. СПб. 1833. Въ т. Н. Греча. XXXVI, 237 и 272 стр. in-8.

Авторъ сей книги принадлежитъ къ числу тѣхъ почтенныхъ людей, которые посвящаютъ жизнь свою предпріятіямъ торговымъ, и для нихъ отдаленнымъ, затруднительнымъ путешествіямъ, но не упускаютъ изъ виду и того, что можетъ быть любопытно для человѣка просвѣщеннаго. Г-нъ Добель, урожденецъ Ирландскій, воспитывался въ Соединенныхъ Штатахъ, и былъ тамъ въ военной службѣ. Но вскорѣ страсть къ путешествіямъ заставила его посѣтить многія точки земнаго шара. Желая вступить въ Россійскую службу, онъ рѣшился, прежде всего, завести дѣла въ Россіи. Въ 1812-мъ году, на двухъ судахъ, привезъ онъ въ Камчатку разныхъ товаровъ на 1,200,000 рублей. Но къ несчастію, ему не позволили продать ихъ безъ разрѣшенія высшаго Правительства, и покуда было получено разрѣшеніе, «большая часть груза пришла въ негодность отъ недостатка хорошихъ магазиновъ, отъ жестокости морозовъ и отъ жадности крысъ, коихъ въ Камчаткѣ водится безчисленное множество. — Остатокъ важной собственности Г-на Добеля едва могъ быть проданъ за 35,000 рублей, изъ которыхъ еще должно было

Digitized by Google

вычесть разныя издержки.» (стр. XIX-я). Въ 1817 году Г-нъ Добель былъ принятъ въ Россійскую службу, съ чиномъ Надворнаго Совѣтника и съ назначеніемъ Консуломъ на Филиппинскихъ осторовахъ. Пріѣхавши опять въ Камчатку, черезъ Сибирь, онъ снарядилъ собственный свой бригъ, и претерпѣвъ на морѣ удивительныя бѣдствія, наконецъ прибылъ въ Манилу. Но здоровье Г. Добеля такъ разстроилось, что онъ принужденъ былъ отправиться въ Макао, дабы тамъ Британскій хирургъ сдѣлалъ ему операцію. Между тѣмъ въ Маниллѣ открылась холера, а за нею послѣдовалъ ужасный бунтъ, описанный въ книгѣ Г-на Добеля. Исполняя волю Императора Александра, онъ закупилъ грузъ муки и соли, и отправился изъ Макао въ Камчатку, въ Маѣ 1821 года. Плаваніе было для него не очень благопріятно, но еще неблагопріятнѣе извѣстіе, объявленное ему въ Камчаткѣ, что торговля съ иностранными государствами тамъ воспрещена. Такимъ образомъ, Г-нъ Добель опять потерялъ не менѣе 180,000 рублей. Изложивъ подробно всѣ сіи происшествія изъ жизни Автора, Г-нъ Переводчикъ прибавляетъ: «Мало есть при-
«мѣровъ такихъ несчастій, постигающихъ людей,
«кои ищутъ не своихъ выгодъ, а общей пользы.
«Злополучный Авторъ нашъ, совершивъ опасный,
«безпокойный и трудный морской путь, отъ не-
«предвидимыхъ и совершенно независящихъ отъ
«него обстоятельствъ лишился всего, и даже
«права требовать отъ кого либо вознагражденія
«за потерю прежняго своего, независимаго состоя-
«нія. Къ довершенію несчастія, по прибытіи въ

Digitized by Google

« С. Петербургъ, въ 1828-мъ году, узналъ онъ, « что все имѣніе особы, получавшей за него, для « храненія, во время его бытности Консуломъ въ « Маниллѣ, годовое его содержаніе, поднало запре- « щенію по казенному иску, и онъ лишился и сего « послѣдняго пособія. Предоставляю самимъ чита- « телямъ судить о горестномъ положеніи достопо- « чтеннаго Автора!... (стр. XXXIV).»

Во время своихъ путешествій, Г. Добель не оставлялъ безъ замѣчанія видѣннаго имъ. Изъ воспоминаній и записокъ своихъ онъ составилъ любопытную книгу, изданную въ Лондонѣ въ концѣ 1830 года, въ двухъ томахъ: въ первомъ описаны странствованія Автора по Сибири, а большая часть втораго посвящена описанію нравовъ и обычаевъ Китайскихъ въ Каштонѣ и прибрежныхъ областяхъ. Русскій Переводчикъ поступилъ благоразумно, выпустивъ все касающееся до Сибири, и замѣнивъ сіе извѣстіями о Маниллѣ, Индо-Китайскомъ Архипелагѣ и Сандвичевыхъ островахъ, выбранными изъ рукописнаго Дневника Сочинителя. Такимъ образомъ книга сія имѣетъ рѣдкое достоинство, представляя свѣдѣнія о земляхъ, весьма мало извѣстныхъ. Съ нѣкотораго времени у насъ издано нѣсколько любопытныхъ и важныхъ книгъ о Китаѣ, но всѣ онѣ касаются Пекина и Сѣверной части сей необъятной Имперіи; о Южной-же части писано и вездѣ очень мало. Кромѣ драгоцѣнной книги Реффлеса, изъ которой мы помѣстили извлеченіе въ Телеграфѣ 1832 года, почти нѣтъ ничего удовлетворительнаго о Каштонѣ и Индо-Китайскомъ Архипелагѣ. Послѣ сего, удивительны-ли похвалы

Digitized by Google

Англійскихъ и Французскихъ Журналистовъ книгѣ Г. Добеля? Мы съ своей стороны причисляемъ книгу сію къ самымъ любопытнымъ по части земленознанія, и особенно благодаримъ за нее Русскаго Переводчика, который исполнилъ свое дѣло какъ не льзя лучше, и обогатилъ трудъ Г-на Добеля многими важными поясненіями и замѣчаніями.

— *Сто четыре Священныя исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, выбранныя изъ Священнаго Писанія*, для употребленія при воспитаніи юношества, *И. Гибнеромъ*. Съ присовокупленіемъ нравоученій и благочестивыхъ размышленій. Въ двухъ частяхъ. Изданіе, соглашенное съ Св. Писаніемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополненное и во многомъ исправленное, какъ въ самыхъ Священныхъ повѣствахъ, такъ и въ вопросахъ, нравоученіяхъ и благочестивыхъ размышленіяхъ, Петромъ Яновскимъ. СПб. Въ т. Гинце. 1832. 152 и 104 стр. in-8.

Книга сія пользуется столь лестною извѣстностію, что мы не имѣемъ надобности прибавлять что либо въ похвалу ея. На Нѣмецкомъ языкѣ она была издана множество разъ, и до сихъ поръ остается необходимою при воспитаніи. На Русскомъ языкѣ, новое изданіе оной отличается чистотою, исправностью и хорошею печатью.

Digitized by Google

— *Ариѳметическіе листки, постепенно расположенные отъ легчайшаго къ труднѣйшему, содержащіе въ себѣ 2523 задачи, съ рѣшеніями оныхъ и съ краткимъ руководствомъ къ исчисленію;* составленные Петромъ Гурьевымъ, Учителемъ при Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ въ Гатчинѣ. СПб. 1832. Въ т. Академіи Наукъ. 345 страницъ, напечат. вдоль, съ одной стороны.

— *Ключъ къ Ариѳметическимъ Листкамъ,* составленный Петромъ Гурьевымъ. Въ той-же типп. 74 стр. in-8. Съ присовокупленіемъ таблицъ.

Въ первой изъ сихъ книгъ заключаются Ариѳметическія задачи, во второй рѣшенія оныхъ. Сочинитель напечаталъ задачи такимъ образомъ, что онѣ могутъ быть наклеены на картонъ, и послѣ сего, учитель, объяснивъ какое либо правило, можетъ раздавать каждому ученику особую задачу, соображаясь со способностями его. Думаемъ, что сей способъ, особенно въ тѣхъ школахъ, гдѣ учениковъ большое число, долженъ быть полезенъ и удобенъ ко многимъ примѣненіямъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Во второй каршинѣ своей, Смиркъ долженъ былъ выразишь стихи Шекспира:

And then, the whining school-boy, wit his satchell
And shining morning face, creeping like snail
Unwillingly to school:

(то есшь: «Пошомъ, плачущій школьникъ, съ комшомкой на рукѣ, лицомъ подобенъ свѣжему ушру, онъ не скорѣе черепахи, лѣниво ползешъ въ школу. . .»)

Во всей каршинѣ одна фигура: мальчикъ, небрежно идешъ черезъ пріяшную долину, и все въ немъ напоминаешъ, какъ скучно маленькому шалуну подвигашься впередъ. На лицѣ его еще видны слѣды недавней веселосши: и какъ досадно, что для шешрадей и книгъ онъ долженъ покинушь игры, можешъ бышь осшавишь шалливыхъ шоварищей, и явишься къ учишелю. Онъ былъ-бы гошовъ бросишься за первой бабочкой, но уже онъ чувсшвуешъ долгъ человѣка: онъ какъ-бы хочешъ оглянушься, и посмошрѣшь, не глядишъ-ли вслѣдъ ему добрая маменька. Погоди, милое дишя! скоро явишся

Digitized by Google

къ тебѣ мучители-страсти, и тогда со вздохомъ будешь ты вспоминать о своихъ дѣтскихъ играхъ, прогулкахъ въ школу и попеченіяхъ матери. Покуда, играй и веселись! Онъ это и дѣлаетъ: онъ такъ безпеченъ, такъ готовъ веселишься — жизнь кажется ему игрушкою.

Картина сія не изъ лучшихъ въ семи, однакожъ она пробудила въ насъ все высказанное здѣсь. Трудно живописцу представить человѣка безъ страстей, но Смиркъ счастливо побѣдилъ сію трудность.

— *Исчисленіе Русскихъ Журналовъ.* — Мы отвыкли писать о Русскихъ Журналахъ; да и что писать о нихъ? Пѣть провожальную пѣснь умирающему, или вспоминать объ умершемъ! . . Изъ малаго числа Журналовъ Русскихъ, покрѣпче другихъ старики, а Журналы юные никакъ не могутъ даже *обогрѣть мѣста*, по Русской поговоркѣ! Въ прошедшемъ году мы отдѣлили было особую статью Русскимъ Журналамъ, но были принуждены оставить ее, потому что не хотѣли ссориться со всѣми Русскими Журналистами. Хвалить было нечего, а за осужденіе, разумѣется, никто не скажетъ: спасибо. Въ нынѣшнемъ году мы намѣрены замѣчать только самыя *разительныя* почему либо статьи. Но прежде всего надобно посмотрѣть: о чемъ будемъ мы говорить? Много-ли Русскихъ Журналовъ?

Исключаемъ Журналы и газеты, издаваемые отъ Правительства и разныхъ казенныхъ мѣстъ: они

Digitized by Google

не принадлежашъ къ Литтературѣ, и слѣдственно не могутъ входишь въ разсмотрѣніе наше. Что производишъ *собственно-литтературная потребность* Россіи?

Въ Москвѣ:

1. *Дамскій Журналъ*, старшій изъ Московскихъ Журналовъ по лѣтамъ жизни своей, выходящій всегда въ срокъ, и улучшившійся, съ нѣкотораго времени, шѣмъ, что онъ сообразенъ своему назначенію и заглавію.

2. *Телескопъ*, нераздѣлимый ошъ *Молвы*. Мнѣніе наше объ эшихъ Журналахъ должно бышь извѣсшно нашимъ чишашелямъ.

3. *Московскій Телеграфъ*. . . . . Онъ не можешъ бышь судьею самого себя, и шолько приноситъ нелицемѣрную благодарность публикѣ, постоянно удосшоивающей его своимъ вниманіемъ.

Въ С.Петербургѣ.

1. *Литтературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*. Ихъ издаешъ *Гнъ Воейковъ*.

2. *Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ*. Журналъ сей сдѣлался въ послѣдніе годы менѣе прежняго занимашеленъ. Нынѣшній годъ обѣщаешъ онъ воскреснушь.

3. *Сѣверная Пчела*. Лисшокъ, необходимый для Русскаго чишашеля, *ржаной хлѣбъ на столѣ*, какъ называюшъ его нѣкоторые подписчики. Точность и

Digitized by Google

исправность (то есть изданіе въ срокъ) сей газеты достойны всякой хвалы.

4. *Дѣтскій Журналъ*, издаваемый Гг. книгопродавцами Белизаромъ и Комп. Мы еще не видали его.

5. *Сѣверный Муравей* — Журналъ Земледѣлія, Механики, фабрикъ. Онъ выходитъ изъ области Литтературы.

Въ Ревелѣ:

1. *Радуга.*

Въ Одессѣ:

1. *Одесскій Вѣстникъ*, заслужившій довѣренность публики хорошею редакціею. Это газета, любимая жителями южнаго края Россіи, и необходимая для нихъ.

2. *Литтературные Листки*, Прибавленіе къ Одесскому Вѣстнику. Мы получили первый нумеръ сего Журнала, и думаемъ, что онъ перещеголяетъ нѣкоторые изъ столичныхъ Журналовъ.

Въ Казани:

1. *Заволжскій Муравей.* Мы не видали сего Журнала и потому не можемъ судить о немъ.

Въ Петербургѣ издается еще газета: *Купецъ*; но преязычное содержаніе ея показываетъ, что она имѣетъ въ виду не Русскую публику, или только *между прочимъ* Русскую публику. Посему не причисляемъ ее къ Журналамъ Русскимъ.

Можетъ быть, еще будутъ продолжаться: *Сѣверная Минерва* и *Воспоминанія*, два Петербург-

Digitized by Google

скіе Журнала. Но едва-ли. Впрочемъ, немного богатства литературнаго прибудетъ отъ нихъ.

И такъ, всего на все издается: *въ Москвѣ* 3 Журнала, *въ С.Петербургѣ*, собственно 3 (ибо Дѣтскій и Технологическій Журналы не принадлежатъ къ Литературѣ), *въ Ревелѣ* 1, *въ Одессѣ* 2, *въ Казани* 1.

ИТОГО 10 Журналовъ на всю Россію.

Десять Журналовъ, хорошихъ и посредственныхъ, и плохихъ... Но можно-ли тутъ дѣлать какія нибудь раздѣленія? Признайтеся, это превосходно показываетъ, каково занимаются у насъ Литературою, и какую значительность имѣетъ у насъ Журналистика!

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 3 Моск. Телегр. 1833.

Пис. Смирнъ. Гр. Аѳанасьевъ.

Digitized by Google

№ III. ФЕВРАЛЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О РАЗВЕДЕНІИ

И

ВОСПИТАНІИ ЛѢСНЫХЪ ДЕРЕВЬЕВЪ.

(Окончаніе).

Весьма многіе, и можно сказать почти всѣ вообще, садятъ деревья, которыя пойдутъ въ срубку при расчисткѣ лѣса, въ одно время съ тѣми деревьями, которыя должны остаться въ почвѣ. Но въ такомъ случаѣ, деревья, назначенныя для защиты другихъ, и почти всегда избираемыя изъ смолистыхъ, бываютъ обыкновенно слишкомъ молоды, и не выполняютъ своего назначенія. Покуда они не переросли тѣхъ, которымъ должны служить защитою, сіи послѣднія терпятъ всѣ невыгоды ранней борьбы съ перемѣнами температуры: фибры, по коимъ восходятъ въ нихъ соки, грубѣютъ; кора становится толстою и покрывается мхомъ. Въ

Digitized by Google

первые два года, дерево, истощаемое голодомъ, потому что органы питанія худо исправляютъ у него свою обязанность, живетъ, но не растетъ, и часто даже преждевременная смерть оканчиваетъ томительное его существованіе. Посему, когда такого рода насажденіе просуществовало три года, тогда лѣсоводы опытные осматриваютъ его, и срубаютъ, на дюймъ отъ земли, всѣ деревья хилыя, которыхъ число бываетъ девять изъ десяти. Пища, собираемая корнями, начинаетъ тогда питать новые, здоровые и сильные отпрыски, выходящіе изъ главной отрасли. Уменьшенныя такимъ образомъ, сіи растенія заимствуютъ отъ молодыхъ деревьевъ, уже достигшихъ двухъ или трехъ футовъ, защиту необходимую для нихъ, и все насажденіе процвѣтаетъ. Конечно, есть существенныя выгоды въ этомъ способѣ; но онъ дорогъ, потому что для такой, почти общей порубки, надобно много работниковъ. Дабы избѣгнуть этого, мы прежде садимъ *защитительныя* деревья, оставляя мѣсто для другихъ, которыя садимъ черезъ три года послѣ сего. Эти, съ самаго начала имѣя защиту, необходимую для нихъ, съ самаго начала и растутъ хорошо. Такимъ образомъ, вмѣсто девяти, можно срубать одно дерево изъ десяти. И какъ-бы ни желалъ владѣлецъ наслаждаться пригошовляемою имъ тѣнью,

Digitized by Google

онъ сдѣлаетъ лучше, если примешъ нашъ способъ, потому что хотя онъ и кажется медлителенъ, но существенно въ немъ заключается самое вѣрное средство достигнуть цѣли скоро.

Многіе лѣсоводы совѣтуютъ пригошовлять весною для деревьевъ ямки, дабы нижній слой почвы былъ открытъ атмосферическимъ дѣятелямъ до самаго того времени, когда надобно будетъ садить. Не думаемъ оспоривать выгодъ сей методы; но для нея потребна работа двойная, и за это мы отвергаемъ ее, какъ слишкомъ цѣнную. Сверхъ того, она имѣетъ и свои неудобства въ тѣхъ странахъ, гдѣ идетъ много дождей, и особенно въ обнаженныхъ сторонахъ, на сѣверѣ нашего острова, гдѣ желаемъ мы прекратить естественное безплодіе почвы большими лѣсами. Если тамъ оставить ямки до Ноября или Декабря, то онѣ наполнятся водою, которая, застоявшись и превратившись въ грязь, будетъ очень вредна растеніямъ, садимымъ въ ямки. Слѣдственно, такимъ способомъ можно болѣе потерять, нежели выиграть.

Нашъ способъ садить состоитъ въ слѣдующемъ: работникъ вынимаетъ глыбу дерну, дюймовъ девяти или одного фута въ окружности, и кладетъ ее въ сторону; потомъ, тщательно выкапываетъ заступомъ ямку. Пособникъ его,

Digitized by Google

дишя, или какая нибудь женщина, становитъ растеніе въ землю, располагая корни по естественнымъ ихъ направленіямъ, и остерегаясь помять ихъ или свернуть на сторону, потому что если такія небрежности и не истребляютъ молодаго дерева совершенно, то по крайней мѣрѣ весьма замедляютъ возрастаніе его. Послѣ этого, онъ съ такою-же осторожностью складываетъ вырытую землю опять въ ямку, и придавивъ ее, какъ обыкновенно, разрѣзываетъ заступомъ глыбу дерну на двѣ части: одну изъ нихъ кладетъ онъ съ одной стороны деревца, другую съ другой, такимъ образомъ, чтобы онѣ соединились у ствола, соприкасаясь тѣми мѣстами, по которымъ прошелъ заступъ. Надобно также наблюдать, чтобы та сторона, гдѣ дернъ, была оборочена къ землѣ. Въ этомъ двойная выгода: покрышка не даетъ сухости вредить слишкомъ рано молодому растенію; а когда дернъ оборочень внизъ, то длинныя травы или корни уже не могутъ расти вблизи.

Мимоходомъ замѣтимъ, что всего болѣе можетъ вредить насажденію небрежность работниковъ. Многія насажденія дѣлаются на подрядъ, и это, разумѣется, порождаетъ самую пагубную поспѣшность; но если владѣлецъ употребляетъ и собственныхъ своихъ работниковъ, только безъ хорошаго присмотра за ними, то

Digitized by Google

они обыкновенно работаютъ на-спѣхъ, а совсѣмъ нескоро. Прошивъ этой, самой главной опасности, надобно взять величайшую предосторожность, ибо если хорошо посаженное дерево можетъ всходить во всѣхъ, даже самыхъ неблагодарныхъ почвахъ, то напрошивъ деревья, съ измятыми или худо закрытыми корнями, гибнутъ въ лучшей и хорошо защищенной землѣ.

Мы уже сказали, что для лѣсовъ должно садить всего болѣе лиственицы и дубы, потому что изъ нихъ скорѣе выручаются деньги и въ тоже время составляются прочныя цѣнности. Но этого правила не должно принимать въ смыслѣ слишкомъ строгомъ: оно подвержено многимъ исключеніямъ. Означимъ нѣкоторыя.

Во всѣхъ большихъ участкахъ, назначаемыхъ подъ насажденія, есть мѣста возвышенныя. Если они хорошо закрыты, то отъ нихъ можно получить важныя выгоды, ибо они защищаютъ деревья отъ господствующихъ вѣтровъ. На такихъ возвышенныхъ мѣстахъ, не худо присоединять къ лиственицѣ Шотландскія ели, которыя растутъ медленнѣе и во многомъ хуже лиственицы, но сохраняя во всю зиму листья и сопротивляясь жестокости бурь, лучше защищаютъ деревья. Не нужно досказывать,

Digitized by Google

что эта примѣсь не должна составлять особыхъ, рѣзкихъ отдѣловъ въ лѣсахъ; напротивъ, пусть она гармонически соединяется съ другими деревьями. Такимъ образомъ въ насажденіи вашемъ будетъ тотъ ученый безпорядокъ, которымъ отличаются всѣ произведенія природы.

На земляхъ обширныхъ, лѣсоводъ можетъ встрѣтить мѣста слишкомъ сырыя для дуба и лиственицы, хотя первый и можетъ выдерживать значительную степень влажности. Въ такомъ случаѣ надобно садить ивы, тополи, ольхи, и другія деревья, для которыхъ благопріятна земля сыраго свойства. Серебристая пихта выноситъ также весьма большую сырость, и по своей силѣ, по своему росту, служитъ великолѣпнымъ украшеніемъ лѣсовъ. Въ земляхъ очень сырыхъ, и даже болотистыхъ, это дерево достигаетъ размѣровъ исполинскихъ; лѣсъ изъ него превосходенъ. Такія выгоды должны-бъ были заставить садить его болѣе.

Еще не оставляя сей части нашего предмета, замѣтимъ, что владѣлецъ, не лишенный вкуса и чувства, безъ труда откроетъ въ земляхъ обширныхъ мѣста, гдѣ температура тиха и поверхность благопріятна, гдѣ, словомъ, счастливо соединены

Digitized by Google

Sheltered places, bosoms, nooks and bays (*).

Не уклоняясь отъ нашихъ экономическихъ правилъ, онъ по своему выбору можетъ превратить ихъ въ хлѣбныя поля, въ пастьбища, или, еще лучше, изобрѣсти тамъ новое разнообразіе въ деревьяхъ, кромѣ описаннаго нами. Нашедши эти скрытые оазисы пустыни, онъ по невольному побужденію захочетъ воспользоваться ими, и придастъ посредствомъ ихъ разнообразіе своему лѣсному владѣнію, руководствуясь тѣми вдохновеніями, которыя внушатъ ему счастливыя случайности долинъ и перелѣсковъ. Это одно изъ самыхъ усладительныхъ занятій для человѣка, провождающаго жизнь среди сельскаго уединенія. Лѣсоводъ можетъ усилить тѣни самыхъ уединенныхъ и мрачныхъ мѣстъ, насадивши въ нихъ писовъ; онъ можетъ также, избравъ листья самые нѣжные, увеличить веселость перелѣсковъ. Но не станемъ поддаваться общему расположенію всѣхъ, пишущихъ объ этомъ предметѣ, при которомъ даже другъ нашъ Монцисъ, подобно другимъ, не упускаетъ случая поговорить отъ души. Вспомнимъ замѣчаніе Лорда Байрона Томасу Муру: «Останo-

(*) Уединенныя мѣста, убѣжища, пустыни.

Digitized by Google

вись, Томъ! Слишкомъ поэтиченъ спановишься ты!» и будемъ говорить простымъ языкомъ агронома.

Можемъ однако сказать такимъ прозаическимъ лѣсоводамъ какъ мы, что на зло всѣмъ усиліямъ ихъ, въ то время когда они будутъ стремишься къ своей цѣли, природа сама осуществишъ мысли шѣхъ, въ умѣ которыхъ есть нѣчто поэтическое, живописное. На земляхъ обширныхъ непремѣнно опыщутся такія мѣста, гдѣ самородный лѣсъ, на перекоръ всѣмъ соединеннымъ причинамъ къ его истребленію, сохранился, хотя и подъ скромною формою деревьевъ отдѣльныхъ, каржавыхъ, или молодыхъ, затрудненныхъ кустарникомъ и шерніемъ, и дающихъ только слабые отпрыски, едва замѣтные посреди множества травъ, и безпрестанно обгрызаемые скотомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ только ограда стала защитою такихъ остатковъ самороднаго лѣса, они быстро возвышаются и усердно оказываютъ услуги лѣсоводу. Услуги сіи бываютъ иногда таковы, что нозаботившись надлежащимъ образомъ о старомъ лѣсѣ, можно и не садить тамъ новыхъ растеній. Случается и то, что малые отпрыски, незамѣтные при началѣ насажденія, дѣлаются молодыми деревьями и образуютъ наконецъ лиственную сѣнь, гдѣ заводятъ свои

Digitized by Google

гнѣзда дикія птицы. Бываетъ также, что это естественное произрастаніе дѣлается и пособіемъ и затрудненіемъ, и что если съ нимъ не обходятся надлежащимъ образомъ, то оно затрудняетъ произрастаніе искуственное. Самородно произрастаютъ обыкновенно слѣдующія деревья: дубъ, орѣшникъ, ясень, терновникъ, и проч., въ мѣстахъ сухихъ, и ольха, ива, въ мѣстахъ сырыхъ. Засаживая двѣсти или триста акровъ, лѣсоводъ можетъ надѣяться на это произвольное участіе природы. Самородныя деревья украшаютъ трудъ Искуства и даютъ ему дикій, свободный характеръ природы. По прежнимъ методамъ, совѣтовали истреблять самородныя произведенія почвы, и даже иногда для того, чтобы способствовать возрастанію менѣе драгоцѣнныхъ посаженныхъ растеній. Такъ при одномъ, извѣстномъ намъ насажденіи, два раза пытались искоренить молодые самородные дубы, изъ благопріятства къ Канадскимъ елямъ; но дубы, на зло этимъ жалкимъ усиліямъ, побѣдили новыхъ поселенцевъ и нынѣ составляютъ намъ главную часть лѣса.

Теперь надобно изслѣдовать, въ какомъ разстояніи должно садить молодыя деревья одно отъ другаго. Мнѣнія объ этомъ чрезвычайно различны, и каждое изъ нихъ можетъ быть поддерживаемо: все зависитъ отъ примѣненія, ибо

Digitized by Google

можетъ быть и выгодно и невыгодно садить деревья часто, или на большомъ разстояніи отъ одного до другаго, смотря потому, какое назначеніе даютъ имъ.

Замѣтимъ однакожъ, что вообще размѣщаютъ деревья слишкомъ близко одно отъ другаго. Всѣми наблюдаемое правило повелѣваетъ садить ихъ на разстояніи шести или семи футовъ. Это весьма увеличиваетъ издержки, и не вознаграждаетъ оныхъ. Когда деревья сближены такимъ образомъ, то необходимо подрубать часть ихъ, тогда какъ они еще не стоятъ ничего; но они снова пускаютъ отпрыски и снова могутъ вредить тѣмъ, которыя не срублены, если только лѣсоводъ не употребитъ слишкомъ убыточнаго средства вырывать ихъ съ корнемъ. Напротивъ, посаженныя на разстояніи десяти или двѣнадцати футовъ, деревья достигаютъ цѣлаго фута въ діаметрѣ, и ни одного изъ нихъ ненужно будетъ срубать. Такимъ образомъ владѣлецъ не узнаетъ огорченія: быть принужденнымъ истреблять ихъ въ самое время силы и красы. Но это правило, подобно всѣмъ правиламъ общимъ, должно быть измѣняемо, сообразно обстоятельствамъ. Такъ напримѣръ, при насажденіи деревьевъ подлѣ сельскаго жилища, не худо размѣщать ихъ на разстояніи семи или восьми футовъ. Черезъ

Digitized by Google

десять или двѣнадцать лѣтъ, владѣлецъ увидитъ, какія деревья надобно сохранить. Остальныя онъ переселитъ на зеленыя равнины, которыя украсятся черезъ это, или на ближнія пастбища. Если при такой пересадкѣ будетъ принято въ разсужденіе качество почвы, и выгадана защита для деревьевъ, то нѣтъ сомнѣнія, что они выростутъ и не лишатся ни одного изъ десяти. Даже надобно будетъ къ концу года подрубить тѣ, которыя окажутся слабыми, и вѣроятно, что въ слѣдующій годъ они дадутъ прелестные отростки. Естественныя красоты ландшафта украсятся такимъ образомъ съ самыми малыми издержками. Но—вотъ опять мы удаляемся отъ главнаго предмета нашей статьи! Такъ тѣсно соединены въ этихъ усладительныхъ занятіяхъ удовольствіе и польза!

Касательно числа деревьевъ защитительныхъ, вопросъ долженъ быть также рѣшаемъ различно, смотря по обстоятельствамъ. Если надѣетесь немедленно извлекать выгоду изъ расчистки, то разумѣется надобно слѣдовать старинному правилу: «Садите тѣснѣй и вырубайте раньше.» Въ такомъ случаѣ, деревья защитительныя должны быть садимы вообще на разстояніи трехъ съ половиною футовъ, оставляя не много болѣе промежутка въ мѣстахъ,

Digitized by Google

гдѣ потребна защита, и немного менѣе тамъ, гдѣ есть защита естественная.

Если насажденіе возрастаетъ успѣшно, то защищительныя деревья должны быть расчищаемы, и вырученныя изъ нихъ деньги вознаграждаютъ сію издержку. Кора, напримѣръ, продается по четыре или по пяти фунтовъ стерлинговъ за бочку. Маленькія жерди, отъ полудюймовыхъ до трехъ вершковъ въ діаметрѣ, также легко могутъ быть проданы. Онѣ идутъ на разныя потребности и продаются по шиллингу за дюжину. Болѣе толстыя лиственицы могутъ быть употребляемы на постройку палисадовъ, воротъ въ огорожахъ, и проч. Это дерево чрезвычайно хорошо для такихъ поспроекъ, потому что оно крѣпко. Вырученная изъ первой расчистки сумма увеличится нѣсколько продажею Шотландскихъ елей, которыя однакожь въ это время годятся только для топки печей въ ближайшихъ деревняхъ.

При всемъ этомъ, не должно скрывать отъ себя, что первая выручка сія, на прикрытіе издержекъ, возможна только въ мѣстахъ населенныхъ и богатыхъ, а въ горахъ верхней Шотландіи есть много пустыхъ земель, гдѣ желательно было-бы видѣть лѣса, но гдѣ выручка невозможна. Тамъ нѣтъ требованій, нѣтъ вблизости рынковъ, и отъ того нѣтъ никакой

Digitized by Google

цѣны для многихъ предметовъ, дорого цѣнимыхъ въ мѣстахъ больше благопріятныхъ, гдѣ можно продать все, до послѣдней палки и самой тонкой вѣтви. Слѣдственно, если въ семъ послѣднемъ случаѣ деревья будутъ садимы такъже тѣсно какъ въ первомъ, то непремѣннымъ слѣдствіемъ будетъ одно изъ двухъ: или расчистка будетъ произведена на обширномъ пространствѣ земли, съ большими издержками, которыя не окупятся выручкою; или совсѣмъ не будутъ дѣлать расчистки, что весьма вредно для насажденія, потому что деревья не могутъ расти, когда не вырубаютъ части ихъ и не даютъ имъ достаточно воздуха и мѣста. Это непріятное обстоятельство бываетъ отклонено, если при самомъ началѣ садятъ молодыя деревья на такомъ разстояніи, что производить расчистку понадобится гораздо позднѣе, когда они будутъ стоить большей цѣны. Опытъ показалъ, что особенно лиственицы выростаютъ очень хорошо въ мѣстахъ мало благопріятныхъ, даже на разстояніи десяти или двѣнадцати футовъ одна отъ другой, при чемъ расчистку ихъ можно производить лѣтъ черезъ десять или двѣнадцать. Деревья тогда будутъ имѣть отъ шести дюймовъ до одного фута въ діаметрѣ, и въ случаѣ если-бы нѣкуда было помѣстить полученныхъ расчисткою, то можно будетъ употребить ихъ на внутреннія огорожи

Digitized by Google

въ самомъ лѣсу, ибо часто случается, что находятъ полезнымъ отдѣлить для пастьбища нѣкоторую часть земли. Это съ большимъ успѣхомъ сдѣлалъ Лордъ Атоль: онъ покрылъ рядъ безплодныхъ горъ прекраснымъ лѣсомъ, и занялъ многочисленными стадами обширныя пастьбища, долго остававшіяся совершенно безъ пользы.

Въ лиственицѣ есть особенное, безцѣнное качество, открытое въ первый разъ патріотическимъ инстинктомъ благороднаго Лорда, наименованнаго нами: оно очень можетъ успокоить опасенія людей, которые думаютъ, что обширность новыхъ насажденій расплодитъ наконецъ строевой лѣсъ до того, что онъ уже не будетъ вознаграждать владѣльца за издержки, употребленныя для возращенія онаго, и въ тоже время захватитъ слишкомъ много пастьбищъ. Опытъ доказалъ, что лиственица, роняя каждый годъ свою зелень, удивительно способствуетъ возращенію самаго питательнаго, лучшаго дерну, истребляя въ тоже время дикія травы и всѣ грубыя произрастенія. Легко понять, отъ чего происходитъ это двойное дѣйствіе. Лучшіе роды травъ, напримѣръ трилистникъ, находятся во множествѣ на самыхъ дурныхъ земляхъ, но они незамѣтны для глазъ, покуда не оживитъ ихъ какое нибудь хорошее

Digitized by Google

удобреніе. Удостовѣрившись въ этомъ явленіи, которое легко доказать, всякій поймет, какимъ образомъ лиственицы, разсыпая вокругъ себя свои иглы, заставляютъ прилистникъ выходитъ вмѣсто дурныхъ травъ, и превращаютъ мало по малу въ порядочныя пастьбища тѣ земли, которыя прежде съ трудомъ возрастили-бы нѣсколько дикихъ кустарниковъ. Можемъ удостовѣрить, что отъ этого удобренія, тысячи акровъ земли, стоившей едва одинъ или два шиллинга, нынѣ стоятъ отъ восьми до десяти шиллинговъ.

Кто захочетъ воспользоваться этимъ драгоцѣннымъ свойствомъ лиственицы, тотъ весьма сократитъ издержки насажденія, потому что ему уже не нужно будетъ садить дубовъ. Въ округахъ, которые мы наблюдали сами, насажденіе стоитъ среднею цѣною шиллинговъ двадцать (около 25 рублей) за акръ. Къ этому надобно прибавить десятилѣтній доходъ съ земли, что, полагая съ акра по шиллингу, составитъ десять шиллинговъ. Такимъ образомъ издержка на каждый акръ будетъ стоить тридцать шиллинговъ. Еще должно присовокупить проценты съ капитала и расходъ на огорожу. Но здѣсь и конецъ издержкамъ въ первыя десять лѣтъ, ибо деревья будутъ разсажены такимъ

Digitized by Google

образомъ, что до истеченія десяти лѣтъ не нужно будетъ производить расчистки. Весною одиннадцатаго года понадобится сдѣлать общій осмотръ лѣса, и вѣроятно вырубить треть деревьевъ. Развѣ обстоятельства будутъ слишкомъ неблагопріятны, и тогда только лѣсъ и кора четырехъ сотъ деревьевъ не вознаградятъ издержекъ на порубку, на огорожи, и процентовъ съ капитала. Но это не все: черезъ десять лѣтъ можно ввести скотъ въ насажденные лѣса, потому что онъ мало вредитъ лиственицамъ; а черезъ два года еще владѣлецъ можетъ получить на каждомъ акрѣ по восьми сотъ деревьевъ, которыя будутъ стоить двѣсти фунтовъ стерлинговъ; если-же подождать еще, то со временемъ они будутъ стоить сотенъ и даже тысячь ливровъ. Деревья не только не вредятъ скоту, но и могутъ быть очень полезны ему, потому что лѣтомъ будутъ давать ему тѣнь, зимою тепло, и во всѣ времена года защиту отъ бурь. Ясно, что едва-ли можно изобрѣсти предпріятіе, болѣе выгодное во всѣхъ отношеніяхъ.

Однакожь, какъ ни значительны выгоды Аполевой методы, мы не желали-бы, чтобъ она заставила забыть дубы, лучшее дерево нашихъ странъ; не думаемъ чтобы и въ помѣстьяхъ

Digitized by Google

благороднаго Герцога оно было изгнано изъ лѣсовъ совершенно. Ясно, что величайшія выгоды можно извлечь изъ соединенія обѣихъ системъ, то есть, что надобно имѣть насажденія исключительно для лѣсу, гдѣ будутъ смѣшаны дубы и лиственицы, и другія, гдѣ будутъ однѣ лиственицы, и куда черезъ десять или двѣнадцать лѣтъ будутъ пускать скотъ. Земли также украсятся и дадутъ еще болѣе дохода, если соединятъ сію двойную систему насажденій съ системою лѣсосѣкъ, о которой остается намъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Способъ, какимъ образомъ должно обрабошывать sylva cædua, или лѣсосѣки, назначенныя пасть подъ топоромъ, былъ чрезвычайно усовершенствованъ открытіемъ Г-на Монтиса, или по крайней мѣрѣ тѣмъ средствомъ, которое онъ первый совѣтовалъ употреблять. Мы означимъ это въ немногихъ словахъ.

Лѣсосѣки, то есть деревья, назначаемыя къ срубкѣ черезъ двадцать лѣтъ возраста, чрезвычайно важны, станутъ-ли ихъ заводить присадками, или сѣменами. Если при этомъ обходятся съ лѣсомъ надлежащимъ образомъ, то онѣ даютъ самый вѣрный доходъ въ большихъ владѣніяхъ. Лѣсосѣки можно заводить въ самыхъ дурныхъ мѣстахъ, какъ-бы ни были они завалены каменьями и скалами. Мы видѣли ихъ

Digitized by Google

на почвахъ, до такой степени лишенныхъ хорошей земли, что, казалось, корни деревьевъ могутъ питаться тамъ лишь дождевою водой, которая сочится въ расщелинахъ скалъ. Касательно защиты, Г-нъ Монтисъ говоритъ, что въ Шотландіи есть лѣсосѣки на горахъ, возвышающихся футовъ на пять сотъ и даже на тысячу отъ поверхности моря, и что по качеству, лѣсъ тамъ не хуже растущаго въ долинахъ, хотя онъ подвергнутъ дѣйствію всѣхъ возможныхъ непогодъ и вѣтра.

Желая дать понятіе о доходѣ, какой могутъ давать насажденія сего рода, мы приведемъ въ примѣръ исчисленіе, недавно сдѣланное однимъ владѣльцемъ, наслѣдовавшимъ обширныя земли въ гористыхъ сторонахъ нашего острова. При исчисленіи своемъ онъ предполагалъ, что каждый годъ будетъ избираемо для лѣсосѣкъ сто акровъ земли неудобной, слѣдовательно приносящей очень мало, или совсѣмъ не приносящей дохода. Такимъ образомъ не предполагается никакого пожертвованія доходомъ, или по крайней мѣрѣ пожертвованіе самое малое. Издержки для насажденія и огорожъ, даже при нѣкоторой щедрости, никакъ не превзойдутъ четырехъ сотъ фунтовъ стерлинговъ (10,000 рублей). Для уравненія издержекъ на осмотръ, должно полагать доходъ отъ расчистки лѣса,

Digitized by Google

и если при томъ защитительныя деревья суть лиственицы, то его слишкомъ достаточно. Предположите, что такое пространство земли будетъ насаждаемо ежегодно, въ продолженіе двадцати лѣтъ. Къ концу сего срока, на первой сотнѣ акровъ можно будетъ рубить лѣсъ. Онъ доставитъ по крайней мѣрѣ четыре бочки коры съ каждаго акра. Полагая бочку по 10 фунтовъ стерлинговъ (250 рубл.), что совсѣмъ немного, можно получить четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ (100,000 рубл.) на четыреста фунтовъ (10,000 рубл.), издержанныхъ вначалѣ. Прочія лѣсосѣки будутъ также вырубаемы одна за другою, и потомъ опять начнется тоже, съ первой. Такимъ образомъ, черезъ двадцать лѣтъ, употребленная сумма будетъ давать ежегодно около ста процентовъ. Прибавимъ, что совсѣмъ не необходимо производить это въ такомъ обширномъ размѣрѣ, дабы получить одинакое слѣдствіе.

Конечно, лѣсосѣки не могутъ равняться величіемъ съ огромными лѣсами; но онѣ имѣютъ свои преимущества. Огромный лѣсъ можетъ быть срубленъ въ небольшое число часовъ, и потребны вѣка, чтобы возвратить ему первобытное величіе; часто онъ остается истребленнымъ навсегда. Владѣльцу какъ будто стыдно замѣнить кустарниками исполиновъ расти-

Digitized by Google

шельнаго царства, падшихъ подъ его топоромъ, и онъ отказывается начать предпріятіе, которое кажется безконечнымъ. Лѣсосѣки, напрошивъ, пользуются нѣкоторымъ безсмертіемъ, хотя оно и пріобрѣтается почти какъ безсмертіе Нурагады въ Арабскихъ Сказкахъ. Условіе существованія ихъ покупается доходами и сборами, потому что часть лѣсосѣки срубаютъ каждый годъ. Конечно, взоръ оскорбляется ежегоднымъ паденіемъ части, назначенной въ продажу, но природа спѣшитъ вознаградить потерю. Черезъ три года, часть сія опять является зеленѣющею, вѣтвистою, и пройдетъ еще два, три года, она будетъ прекраснѣе, свѣжѣе чѣмъ прежде.

Sylva cædua представляетъ еще и другія, весьма важныя выгоды. На горахъ есть мѣста, чрезвычайно способныя для возращенія деревьевъ; но безразсудно было-бы тамъ возращать деревья огромныя, потому что слишкомъ затруднительно или и совсѣмъ невозможно возить ихъ на рынокъ. Напротивъ кора, вещество легкое, удобное для перевозки, можетъ быть доставляема изъ мѣстъ самыхъ отдаленныхъ и почти неприступныхъ, безъ значительнаго уменьшенія выгодъ лѣсовода. Мѣлкій лѣсъ также хорошо сбывается въ округахъ безлѣсныхъ, гдѣ мало дровъ. Наконецъ, во мно-

Digitized by Google

гихъ мѣстахъ есть значительное требованіе на мѣлкія дубовыя вѣтви, изъ которыхъ приготовляютъ деревянный уксусъ, часто замѣняющій нынѣ уксусъ обыкновенный.

И это еще не все; вотъ еще одна выгода отъ лѣсосѣкъ, не менѣе важная: онѣ даютъ доходъ умѣренный, но постоянный. Если предусмотрительность велитъ заводить лѣса огромные, съ большими деревьями, поддерживаемые и сохраняемые почтеніемъ многихъ поколѣній наслѣдниковъ, то часто случается, что они также падаютъ подъ топоромъ мота, который позоритъ и раззоряетъ свою фамилію, истребляя въ нѣсколько минутъ сокровище, завѣщанное ему благоразуміемъ отцовъ. Напротивъ, если-бы онъ получилъ въ наслѣдство лѣсосѣку, то могъ-бы проживать только доходъ отъ нея, а основная цѣнность ея, обезпеченная нашими законами въ большей части помѣстьевъ, перешла-бы къ его потомству.

Такимъ образомъ каждый изъ различныхъ родовъ насажденія представляетъ свои особенныя выгоды, и владѣлецъ отнюдь не долженъ оказывать исключительнаго предпочтенія которому нибудь одному. Еще не начиная своего труда, онъ обязанъ зрѣло разсмотрѣть, что приличнѣе ему, въ собственномъ его положеніи:

Digitized by Google

заводишь лѣсъ съ огромными деревьями, улучшаешь пастьбища исключительнымъ насажденіемъ лиственицъ, или возращишь лѣсосѣку и чрезъ то создашь себѣ правильный, неизмѣнный доходъ. Если насажденіе должно быть производимо на ограниченномъ пространствѣ, то вопросъ долженъ быть рѣшенъ сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ. Но въ огромномъ насажденіи можно смѣшивать различныя системы, и тогда только почитать его совершеннымъ, когда оно соединяетъ въ себѣ мрачное величіе большихъ лѣсовъ, болѣе нѣжныя красоты перелѣсковъ, и зеленыя пастьбища, прикрываемыя лиственицами. Такое сближеніе дастъ цѣну различнымъ качествамъ почвы, и произведетъ въ наружномъ видѣ природы величайшія перемѣны, какія только можетъ придумать и произвести искуство человѣческое.

Мы не совершенно выполнили-бы наложенную на себя обязанность, если-бы не сказали ничего о двухъ важныхъ дѣйствіяхъ: подчисткѣ и просѣкахъ, безъ коихъ насажденіе не можетъ имѣть быстраго возрастанія и не дастъ хорошаго лѣсу. Нынѣ понимаютъ сіи два дѣйствія гораздо лучше нежели за двадцать лѣтъ, когда обыкновенно обсѣкали всѣ нижнія вѣтви дерева, не думая, что черезъ это лишаютъ его всѣхъ средствъ тянуть вверхъ растительный

Digitized by Google

сокъ, слѣдственно расши въ вышину, и оставляли въ тоже время, съ равною необдуманностью, верхнія вѣтви, которыя образовывали круглую и плотную верхушку, выставленную дѣйствію вѣтра и бурь. Теперь всякій знаетъ, что верхушка молодаго дерева должна быть очищена, для того чтобы способствовать развитію главнаго ствола, и что лишь тогда надобно обсѣкать вѣтви по сторонамъ его, когда онѣ могутъ соперничать съ нимъ и отымать у него слишкомъ много пищи. Боковыя вѣтви тоже для молодаго дерева, что шестъ для плясуна на веревкѣ. Если дерево сгибается на время отъ бури, то при помощи вѣтвей оно тотчасъ приходитъ опять въ равновѣсіе. Нѣтъ надобности прибавлять, что подчистка должна быть производима руками, слѣдственно въ самой юности дерева. Лѣсоводъ сдѣлаетъ самую важную ошибку, если станетъ откладывать дѣйствіе сіе до того времени, когда понадобится употребить топоръ, ибо тогда десять человѣкъ не сработаютъ столько, сколько прежде сработалъ-бы одинъ; да и раны, которыя ни мало не повредили-бы молодому дереву, обезобразятъ его навсегда, если ихъ сдѣлаютъ не въ самомъ нѣжномъ его возрастѣ.

Подчистка должна быть производима въ лѣтніе мѣсяцы, когда сокъ, поднявшись, остановли-

Digitized by Google

вается въ деревѣ и еще не начинаетъ опускаться. Всѣ писатели согласно признаютъ подчистку опасною въ то время, когда сокъ обращается, подымаясь-ли, или опускаясь; нѣкоторые однакожь упорствуютъ въ мнѣніи, что зима столь-же благопріятна для этого дѣйствія какъ лѣто, или еще болѣе. Опытъ давно-бы долженъ показать имъ заблужденіе ихъ. Во время лѣта, рана на деревѣ истачиваетъ изъ себя смолистую жидкость, которая черезъ нѣсколько дней застываетъ и покрываетъ ее совершенно. Мы никогда не замѣчали, чтобы въ это время была въ деревѣ малѣйшая наклонность возобновлять потерянныя вѣтви. Но совсѣмъ не то бываетъ, когда расчистка производится зимою: съ началомъ весны, лѣсоводъ увидитъ множество отпрысковъ на мѣстахъ ранъ, сдѣланныхъ при обсѣченіи вѣтвей. Необходимость подчистки вообще будетъ явна, если сравнимъ низкіе, съ густыми верхушками дубы, растущіе въ самородныхъ лѣсахъ, и высокія деревья, у которыхъ искусный лѣсоводъ во время юности ихъ обчистилъ вѣтви: у первыхъ, та часть дерева, которую можно употребить для подѣлокъ, имѣетъ не болѣе трехъ футовъ; у вторыхъ, она простирается до четырнадцати. Это явленія дознанныя, и потому не думайте противорѣчить имъ и ссылаться на природу! Природа благодѣтельна равно для

Digitized by Google

всѣхъ своихъ произведеній: какая надобность ей, что изъ дуба выходитъ строевой лѣсъ или фашинникъ, а поле покрыто пшеницею или болиголовникомъ. Искусство должно воспользоваться ея силами, ея пособіями, и направить ихъ къ пользѣ человѣческаго рода. Когда мы увидимъ, что природа сама возращаетъ на поляхъ хлѣбъ, тогда можемъ надѣяться также, что она возраститъ и строевой лѣсъ, въ которомъ всѣ деревья будутъ прямы и гладки. До тѣхъ поръ, волею или неволею, надобно будетъ употреблять на поляхъ соху, а въ лѣсахъ кривой ножъ.

Нынѣ, искуство дѣлать просѣки улучшилось во многомъ. Вовсе оставлена система людей близорукихъ и скупыхъ, которые ошкладывали это дѣйствіе до того времени, когда вырубленныя деревья могли стоить чего нибудь. Кто обходится съ насажденіемъ такимъ образомъ, тотъ похожъ на плотника, который рубилъ-бы бревна для того только, чтобы имѣть щепу. Конечно, не надобно пренебрегать и щепками, если изъ нихъ можно извлечь пользу; но никакъ не должны онѣ быть главнымъ предметомъ. Теперь уже рѣдко видимъ мы ничтожные остатки тѣхъ лѣсовъ, которые нѣкогда давали столько надеждъ, но впослѣдствіи были задушены защитительными деревьями, и въ

Digitized by Google

которыхъ прежнее существованіе вязовъ, ясеней и дубовъ замѣтно только по немногимъ, жалкимъ кустарникамъ. Но если-бы сіи послѣдніе были посажены на границахъ насажденія, они могли-бы, распространяя свои вѣтви, захватить достаточное для произрастанія количество воздуха, и внутри лѣсовъ тогда не оставалось-бы немногихъ, хилыхъ Шотландскихъ сосенъ, которыя похожи на орду дикихъ, опустошившихъ богатую область и наконецъ истребляющихъ другъ друга. Во-время дѣлаемыя просѣки, возобновляемыя при первой необходимости, предотвратили-бы это истребленіе деревьевъ и съ ними надеждъ лѣсовода.

Къ сожалѣнію, не совершенно еще оставлена чрезвычайно дурная система: дѣлать просѣки однообразно во всѣхъ частяхъ насажденнаго лѣса. Напротивъ, должно срубать всѣ до единаго защитительныя деревья около рытвинъ, тѣснинъ и углубленій, оставляя ихъ по крайней мѣрѣ большую часть на границахъ лѣса и на возвышеніяхъ, подверженныхъ дѣйствію атмосферическихъ силъ. Со временемъ, разумѣется, надобно сдѣлать просѣки и на возвышеніяхъ, потому что теплота для деревьевъ, такъ-же какъ и для человѣка, не можетъ замѣнить живительнаго воздуха. Лѣсоводъ долженъ обратить все свое вниманіе на то, гдѣ и

Digitized by Google

сколько надобно допустишь воздухъ въ лѣсъ, со стороны подверженной вѣтру. Если защитительныя деревья бываютъ слишкомъ рано вырублены, то у остальныхъ жестокіе или холодные вѣтры вредятъ фибрамъ, въ коихъ обращается питательный сокъ, а кора покрывается шишками и мхомъ, и становится грубою и шероховатою. Въ такомъ состояніи, черезъ два или три времени года, дерево питается воздухомъ столько-же какъ безобразная кочка, и если не умираетъ совершенно, то становится изнуреннымъ и безполезнымъ для лѣсовода. Противоположная крайность сдѣлаетъ то, что дерево засохнетъ безъ воздуха, ибо у него нечѣмъ дышать. Хотите-ли избѣгнуть этой двойной опасности? Подражайте искуству, съ которымъ деревья сами достаютъ себѣ воздухъ въ различныхъ своихъ положеніяхъ. На краю лѣса, или находясь отдѣльно, или небольшими семьями, они бываютъ невысоки, съ огромными верхушками и шероховатою корою: и дѣйствительно, лучше ничего не льзя придумать для нихъ въ такомъ положеніи. Невысокое дерево лучше сопротивляется бурямъ; большія вѣтви пособляютъ ему скорѣе выпрямляться, когда оно согнуто вѣтромъ, а толстая оболочка защищаетъ питающіе сосуды его отъ рѣзкаго холода. Для противоположныхъ причинъ, у деревьевъ въ глу-

Digitized by Google

бинѣ лѣса бываетъ кора гладкая, легкая, ростъ большой, верхушка маленькая, но длинная, однимъ словомъ, все, что надобно для растенія, привыкшаго къ температурѣ тихой и болѣе теплой. Но когда защита сдѣлается слишкомъ плотною, тогда дерево, подобно слабому здоровьемъ человѣку, страдаетъ отъ самихъ предохранительныхъ средствъ. Если, напротивъ, лекарь захочетъ, чтобы больной его наслаждался атмосферою свѣжею, то конечно онъ позволитъ ему надѣть платье потеплѣе. Чтобы такимъ-же образомъ поступить съ деревьями среди насажденнаго лѣса, надобно сдѣлать просѣки отъ границъ его, но только постепенно. Нѣкоторые лѣсоводы дѣлаютъ ошибку двоякую: много лѣтъ оставляютъ свой лѣсъ безъ просѣкъ, и вдругъ начинаютъ рубить его безпощадно. Опытъ укажетъ имъ средину между тѣмъ и другимъ, но вообще мы почитаемъ обязанностью подтвердить старое присловье: « Тотъ не любитъ лѣсу, кто не покупаетъ для него топора.»

Исполненіе столь важной обязанности конечно требуетъ нѣкотораго стоицизма. Миръ, уединеніе, тишина лѣса, вами насажденнаго, возмутятся присутствіемъ работниковъ, насланныхъ вами на него. Съ горестью обращаете вы взгляды на эти прекрасныя деревья,

Digitized by Google

такъ много обѣщавшія, и произносите имъ смертный приговоръ, подобно какому нибудь Азіятскому деспоту, истребляющему часть своего народа, для безопасности остальной части; вы тяжело вздохнете, прежде нежели дадите знакъ истреблять это семейство, которое сами насаждали вы и воспитывали. Когда опустошеніе кончилось, видъ лѣса не можетъ утѣшить васъ. Какая разница за четыре года, когда занятіе ваше ограничивалось только надзоромъ за возрастающими молодыми деревьями, теперь лежащими у ногъ вашихъ! Они загромождаютъ своими погубленными вѣтвями тѣ уединенныя дорожки, гдѣ вы прогуливались съ неизъяснимымъ наслажденіемъ! Изъ оставшихся деревьевъ, многія избиты при паденіи сосѣдей ихъ, не смотря на всѣ предосторожности рабошниковъ, и

The broken boughs
Droop with their withered leaves, ungracious sign
Of devastation (*).

Также, не много скрашиваетъся это зрѣлище обломанными лиственицами, которыя назначены

(*) На изломанныхъ вѣтвяхъ склонились поблекшіе листья — печальный знакъ опустошенія!

Digitized by Google

пасть подъ топоромъ при первомъ случаѣ, и въ ожиданіи этого лишены части своихъ вѣтвей: какъ у страшныхъ преступниковъ, у нихъ прежде смертнаго удара обрубили члены. Однимъ словомъ, все вокругъ васъ имѣетъ видъ скорби: деревья безмолвны, ибо птицы улетѣли изъ-подъ ихъ тѣней при появленіи вашихъ работниковъ, и пѣсни ихъ прекратились; со всѣхъ сторонъ видите вы небо сквозь просѣки, сдѣланныя топорами вашихъ испребителей.

Но ступайте туда въ слѣдующемъ Іюнѣ мѣсяцѣ: вы ушѣшитесь въ томъ прискорбіи, которое причинили себѣ исполненіемъ строгой обязанности. Слѣды опустошеній, недавно сдѣланныхъ въ лѣсу, уже исчезли подъ огромными тѣнями и зеленью; вы видите, что ваши полезныя расчистки дали новую силу произрастанію; все зеленѣетъ, все смѣется, все даетъ тѣнь лучше прежняго, и вы радуетесь что у васъ достало смѣлости для исполненія долга необходимаго.

Въ быстрыхъ замѣчаніяхъ нашихъ мы еще ничего не сказали о лѣсахъ, произращаемыхъ изъ сѣменъ. Этотъ способъ имѣетъ многихъ знаменитыхъ защитниковъ, которые увѣряютъ, что природа, самой себѣ предоставленная, дѣлаетъ лучше всякаго искуства; что самыя

Digitized by Google

сильныя деревья побѣдятъ слабыя, и такимъ образомъ избавятъ отъ пруда дѣлать просѣки и расчистки. Соображаясь съ этими понятіями, мы насадили въ землю жолудей, и молодые дубы явились сначала въ самомъ благопріятномъ видѣ; но надежда наша на нихъ была непродолжительна. Вѣроятно отъ сопротивленія одного другому, они всѣ истребились, и едвали нѣсколько дюжинъ пережило эту ужасную борьбу. Безъ сомнѣнія и крысы участвовали въ этомъ опустошеніи, а зайцы еще болѣе. Худой успѣхъ нашей попытки, для которой мы потеряли пять или шесть мѣрокъ жолудей, заставилъ насъ отказаться отъ нея. Послѣ того, одинъ изъ нашихъ друзей посадилъ въ землю множество каштановъ Испанскихъ, и первоначальный успѣхъ его побудилъ насъ выписывать ихъ изъ Португаліи, съ намѣреніемъ послѣдовать хорошему примѣру. Но нашъ корреспондентъ вообразилъ, что каштаны надобны намъ для стола, и потому прислалъ ихъ тщательно вылущенными. Сначала это раздосадовало насъ, но послѣ мы утѣшились, видя насажденіе у нашего сосѣда. Все приняло тамъ другой видъ: осталось только множество отростковъ слабыхъ, безжизненныхъ, ничтожныхъ. Скажемъ коротко: засаживать новую землю сѣменами, есть предпріятіе слишкомъ ненадежное; а самое вѣрное средство имѣть

Digitized by Google

цвѣтущее насажденіе состоитъ въ томъ, что надобно снабжать его отборными растеніями изъ хорошаго разсадника, который долженъ быть недалеко отъ мѣста насажденія.

Мы уже сказали, что земледѣліе не можетъ ничего потерпѣть отъ насажденій, ибо совѣтуемъ заводить ихъ на земляхъ неудобныхъ. Легко доказать, что оно даже много выиграло-бы отъ сихъ предпріятій. Тамъ, гдѣ простирается безплодная, однообразная поверхность земли, едва питающая немного скота, незащищеннаго отъ свирѣпости непогодъ, вскорѣ вся страна, при благоразумной системѣ насажденія, представитъ зрѣлище, плѣнительное для глазъ и даже для души, счастливое смѣшеніе лѣса и полей, гдѣ найдетъ свое мѣсто и Церера, ничего не отнимая у другихъ сельскихъ богинь и боговъ, потому что въ обширномъ планѣ улучшеній не останется и сохa въ недѣятельности. Съ удивленіемъ видимъ мы, во многихъ мѣстахъ, слѣды древнихъ бороздъ, на покатостяхъ безплодныхъ высотъ, или въ болотистыхъ долинахъ. Разсудокъ не позволяетъ намъ предполагать, чтобы въ дѣтствѣ земледѣлія, предки наши умѣли произращать хлѣбъ тамъ, гдѣ теперь нѣтъ ничего, кромѣ дикихъ кустарниковъ. Но прежде, когда холмы были еще опѣнены лѣсами, сіи самые лѣ-

Digitized by Google

са поддерживали въ земляхъ, возлѣ нихъ лежащихъ, плодородіе, нынѣ потеряпное ими. Возвратите имъ прежнюю ихъ защиту и вы возвратите имъ прежнее плодородіе. Онѣ будутъ питать обитателей смиренныхъ хижинъ, лѣсниковъ вашихъ, и благодаря счастливой промышлительности, человѣкъ будетъ кормиться, вмѣстѣ со своимъ скотомъ, произведеніями земли, совершая дневные труды свои.

Такъ можетъ образоваться въ нынѣшнихъ пустыняхъ народонаселеніе, здоровое, нравственное, живущее топоромъ и заступомъ. Оно будетъ естественно любить почву, гдѣ найдетъ приличныя средства существованія, и предпріимчивый владѣлецъ, доставившій ему сіи средства, будетъ также любимцемъ его, если только не сдѣлаетъ себя недостойнымъ любви. Сельскіе жители, изгнанные безразсудными опустошеніями изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ возрасли они, возвратятся туда навсегда. Одно это соображеніе достойно было-бы обратить на себя вниманіе владѣльцевъ различныхъ классовъ: экономиста, который съ недоумѣніемъ изыскиваетъ средства доставить работу, и съ нею жизнь, излишнему народонаселенію, и молодаго аристократа, который старается только размножать дичину въ лѣсахъ, и усиливать блескъ окружающаго его, увеличивая число своихъ егерей.

Digitized by Google

Можетъ быть насъ станутъ обвинять, что мы слишкомъ продолжительно доказывали то, чего не будетъ оспоривать ни одинъ разсудительный человѣкъ; но предметъ сей такъ важенъ, и въ тоже время помѣщики занимаются имъ такъ мало, что не льзя упускать никакого случая обратить на него вниманіе.

Люди, незанимающіеся насажденіями, всего чаще представляютъ совершенно корыстный предлогъ, что предпріятія сіи не скоро даютъ барышъ и бываютъ слишкомъ продолжительны. Конечно, говорить о будущемъ благосостояніи отечества, о прямыхъ выгодахъ для бѣдныхъ жителей, о справедливой славѣ человѣка, который будетъ жить въ памяти полезнымъ трудомъ, подъятымъ для улучшенія цѣлаго округа, говорить это людямъ, нечувствительнымъ къ благосостоянію собственнаго ихъ семейства, значитъ терять время. Впрочемъ, намъ было-бы легко, даже соображаясь съ понятіями сихъ корыстолюбивыхъ людей, сбить ихъ, и доказать, что выгоды владѣльца, засадившаго деревьями сто акровъ земли, начинаются съ самаго основанія предпріятія, и что онъ него зависитъ получить ихъ, если то нужно ему. Напримѣръ, если онъ вздумаетъ продать насажденіе, возрастившее пять лѣтъ, то ему заплатятъ не только ту сумму, какой стоило

Digitized by Google

насажденіе, но и проценты на сію сумму, и на цѣнность земли. Послѣ этого времени, цѣнность возрастаетъ двойными процентами. Конечно, человѣкъ, хорошо знающій дѣло, не будетъ спѣшить выручкою капитала и процентовъ съ него, потому что они увеличиваются каждый годъ. Но шѣмъ не менѣе цѣнность сія существуетъ, такъ-же какъ цѣнность дорогихъ камней въ шкатулкѣ его жены, или серебряной посуды въ его буфетахъ, съ тою только разницей, что она быстро увеличивается, а цѣнность въ шкатулкахъ и буфетахъ лежитъ мертвою.

Но размноженію лѣсовъ вредятъ, еще болѣе сихъ мѣлкихъ и корыстныхъ соображеній, привычка получать существующіе уже доходы и прибыли, и безпечность, беззаботность, которыя заставляютъ владѣльцевъ почвы довольствоваться своимъ доходомъ, безъ старанія улучшить владѣнія свои, при чемъ понадобилось-бы нѣсколько издержекъ и труда. Чтобы разувѣрить ихъ и въ этомъ отношеніи, замѣтимъ, что насажденія требуютъ весьма мало расходовъ, и представляютъ самое легкое и вѣрное средство увеличить свое богатство. Наконецъ, напомнимъ имъ слова умирающаго Лорда своему сыну: «Жакъ! посади дерево; оно будетъ расти въ то время когда ты спишь.»

Digitized by Google

СЕРАФИНА,

ИЛИ

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Изъ Воспоминаній о юности, Карла Нодье.

Человѣкъ старѣющійся надѣленъ отъ природы самымъ сладостнымъ преимуществомъ: оживлять съ удивительною легкостію впечатлѣнія дѣтства. Въ возрастѣ спокойствія жизнь подобна ручью, который по наклону горы опять приблизился, послѣ тысячи оборотовъ, къ окрестностямъ своего истока, и наконецъ, свободенъ отъ всѣхъ препятствій, затруднявшихъ его въ безполезномъ бѣгѣ, побѣдитель скалъ, разбивавшихъ его теченіе, сбросивъ пѣну потоковъ, возмущавшихъ его свѣтлую струю, онъ вдругъ развертывается, и, еще разъ, внезапно отражаетъ на глади своей тѣже тѣни, которыя глядѣлись въ него съ береговъ. Онъ такъ спокоенъ, такъ прозраченъ;

Digitized by Google

онъ отражаетъ на неподвижной поверхности своей тѣже деревья, тѣже берега, и вы желали-бы спросить у себя: гдѣ начало и гдѣ конецъ его? Пусть вѣтка ивы, которой остатки ввѣрила ему вчерашняя буря, проплыветъ мимо васъ, и вы узнаете, куда влечетъ его незамѣтное склоненіе. Огромная рѣка ожидаетъ его недалеко, и завтра унесетъ его съ собою — навсегда.

Такъ всѣ посредствующія обстоятельства изглаживаются въ воспоминаніяхъ старости, отдохнувшей отъ бурныхъ страстей и неисполнившихся надеждъ, когда длиннымъ путемъ мысль переноситъ человѣка, черезъ извилины и изворотны, на зелень и цвѣты, улыбавшіеся его колыбели. Гоппов свидѣтельствовалъ, что это самое живое сладострастіе души; но оно бываетъ непродолжительно, и оно только одно, которому въ людяхъ, имѣвшихъ несчастіе прожить долго, могли-бы позавидовать счастливцы, умершіе въ юныхъ лѣтахъ.

Двѣнадцати лѣтъ я окончилъ поверхностное дѣтское ученіе, слѣдовательно не зналъ ничего; но, по счастью, я узналъ то, чему рѣдко научаются въ школахъ: я узналъ, что не знаю ничего, и что большая часть ученыхъ знаетъ немного больше. Я былъ такъ жаденъ

Digitized by Google

къ ученью, что мнѣ часто случалось лепетать съ усиліемъ азбуку неизвѣстнаго языка, ибо я хотѣлъ читать книги, которыхъ не понималъ. Можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ, это темное и безплодное любопытство сдѣлалось-бы способностью. Но изъ всѣхъ азбукъ, письменныхъ и умственныхъ, которыя старался я разбирать, ни одна не внушала мнѣ такой привязанности къ себѣ, какъ азбука природы. Мнѣ уже казалось, ибо я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія, что глубокомысленное изученіе природы достойнѣе всякаго другаго упражнять здравый умъ, а все остальное годится только занимать вздорные или безумные досуги народовъ испорченныхъ. Немногія недѣли, проведенныя у одного страстнаго любителя бабочекъ, добраго Пастора въ Виденгеймѣ, пособили мнѣ поднять самое грубое покрывало той прелестной Изиды, которой плѣнительныя тайны должны были черезъ нѣсколько лѣтъ усладить бѣдствія моего изгнанія. Я возвратился въ свои горы, съ газовою сѣткою, съ ящичкомъ изъ жести, обитымъ пробочнымъ деревомъ, съ увеличительнымъ стекломъ и клубкомъ нитокъ, богатъ и гордъ немногими обрывками невѣрной номенклатуры, которая по крайней мѣрѣ указывала мнѣ языкъ инаго міра, гдѣ могъ я идти съ свободнымъ сердцемъ, съ возвышенною головой,

Digitized by Google

съ несжатыми локшями, словомъ, съ такою независимостью, какой не обѣщалъ себѣ въ искусственномъ мірѣ людей. Кто не созданъ жить съ ними, тотъ рано открываетъ это, и если не повинуется такому откровенію, то пусть на одного себя жалуется въ своихъ несчастіяхъ. Онъ самъ творецъ жалкой своей участи.

Тогда жилъ въ нашемъ городѣ нѣкто, человѣкъ лѣтъ сорока: онъ назывался Г. де С...., но въ то время, о которомъ говорю, его обыкновенно звали *гражданинъ* Жюстенъ, по имени его патрона, потому что Революція отняла у него отцовское названіе. Это былъ отставной инженерный офицеръ; онъ проводилъ жизнь въ ученыхъ занятіяхъ, а имѣніе свое издерживалъ на добрыя дѣла. Онъ былъ простъ и строгъ въ нравственности, тихъ и привѣтливъ въ сношеніяхъ съ людьми, непоколебимъ въ правилахъ, но уступчивъ по характеру и снисходителенъ ко всякому; готовъ на все доброе, достоинъ всего великаго, и скроменъ до робости, не смотря на свои сокровища знанія, пріобрѣтенныя терпѣніемъ или угаданныя геніемъ; онъ рѣдко входилъ въ разсужденія, никогда не оратерствовалъ, никогда не спорилъ; былъ всегда готовъ просвѣщать невѣжество, щадить заблужденія, цѣнить увѣренность въ чемъ нибудь, жалѣть о глупости. Онъ пато-

Digitized by Google

мнилъ-бы вамъ собою Плапона, Фенелона, Мальзерба; но я не сравниваю его ни съ кѣмъ: сравненія не годятся для него. Простолюдины подозрѣвали, что онъ очень знающъ въ Медицинѣ, потому что онъ бывалъ прежде всѣхъ и послѣ всѣхъ у изголовья больныхъ бѣдняковъ, и что онъ имѣетъ достатокъ, потому что онъ отпускалъ лекарства; но его почитали также нѣсколько страннымъ, потому что во всей нашей сторонѣ, онъ, кромѣ меня, былъ единственный человѣкъ, которой ходилъ по полямъ съ газовою сѣткою, и захватывалъ ею легонько верхушки высокихъ травъ, не для того чтобы повредить имъ, а чтобы отнять у нихъ какую нибудь мушку съ золотистою чешуею; но для чего? Этого никто не могъ объяснить себѣ. Сходство въ склонностяхъ скоро сблизило наши слишкомъ неравные возрасты. Случай сдѣлалъ еще то, что онъ былъ другъ моего отца, и черезъ немного времени сдѣлался другимъ отцомъ моимъ; отецъ мой нѣсколько времени ревновалъ къ нему, но они помирились для моего счастія, лучше нежели двѣ матери передъ судомъ Соломона. Они раздѣлили другъ съ другомъ жизнь мою, желая оба украсить ее. Это было и необходимо. Явился ужасный законъ, не помню отъ какого-то дня Флореаля, изгонявшій дворянъ изъ военныхъ городовъ: высокій мудрецъ

Digitized by Google

сдѣлался тогда неизгладимо виновенъ, потому что онъ былъ дворянинъ. Эта ужасная вѣсть растерзала меня; обнимая отца своего, я обливалъ его слезами: другъ мой долженъ былъ удалиться. «Ушѣшься!» сказалъ мнѣ однажды отецъ. «Онъ будетъ недалеко отъ насъ. Я упросилъ, чтобы ему позволили жить не далѣе какъ въ трехъ миляхъ; я отпущу тебя съ нимъ, а ты бѣгаешь какъ олень, и можешь, разъ или два въ недѣлю, приходить безъ слезъ поцѣловать меня.» Я думалъ что умру отъ радости; мнѣ уже казалось, что я не покидаю ни того, ни другаго. И такъ мы отправились. По дорогѣ, народъ рошалъ на насъ. «Опять дворяне бѣгутъ!» И этотъ разъ мнѣ было пріятно слышать, что я дворянинъ!..

Мы поселились въ красивой деревенькѣ, разбросанной по берегамъ небольшой рѣки, *Бѣза*, какъ называли ее жители по своему. По обоимъ берегамъ были насажены тѣсные ряды молодыхъ тополей. Теперь они вѣрно ужъ повыросли. Простой домъ нашъ былъ самый великолѣпный въ округѣ, а комнаты, которыя занимали мы въ первомъ и послѣднемъ этажѣ, вѣрно были-бы предметомъ зависти для многихъ богачей, встрѣчавшихся мнѣ послѣ въ самыхъ жалкихъ гостинницахъ. У насъ было двѣ комнаты, отштукатуренныя и выбѣленныя гладко, чисто, такъ что пріятно было смо-

Digitized by Google

прѣшь на нихъ. Комната гражданина Жюстена была, разумѣется, больше моей, и отличалась даже нѣкоторою роскошью въ мебели, хотя главнымъ были въ ней: соломенная кушетка (никогда не было у него иной постели; я былъ послѣ очень доволенъ, что перенялъ этотъ обычай), два большіе стула изъ орѣховаго дерева, и два большіе стола, изъ того-же дерева и такой-же работы, навощенные какъ паркетъ и свѣтлые какъ зеркало. Первый, по крайней мѣрѣ пяти футовъ въ діаметрѣ, занималъ своимъ обширнымъ кругомъ средину великолѣпной нашей гостиной, которую начинаю описывать съ такимъ живымъ чувствомъ, съ такимъ сильнымъ воображеніемъ всѣхъ мѣстностей, что, кажется, я нашелъ-бы въ ней все ощупью (если-бы ночью перенесла меня туда палочка доброй Феи), хотя сегодня, 12 Октября 1831 года, совершилось день въ день тридцать семь лѣтъ, какъ я оставилъ въ ней почти весь маленькій участокъ блаженства земнаго, которое не далось мнѣ. На этомъ столѣ были всѣ наши вещи для работъ и наблюденій ежедневныхъ: прессы, щипцы, ножи, ножницы, шилья, увеличительныя стекла, микроскопы, пакля, проволока, булавки, гвоздики, сѣрая бумага, кислоты, кремни, словомъ всѣ необходимости, если только онѣ есть, для любителя Естествознанія. Тамъ-то разсматрива-

Digitized by Google

ли, разсѣкали животныхъ и набивали ихъ соломой; шамъ считали полоски на ступнѣ или во ршу у насѣкомаго, незамѣтнаго для простыхъ глазъ, и тычинки или раздѣленія рубчика у растенія, карлы изъ царства Флоры; шамъ-шо, съ самою мѣлочною тщательностью, раскладывали высушенныя растенія на бѣлыхъ листахъ, гдѣ они должны были снова ожить для науки, и прикрѣпляли цвѣточныя ножки ихъ и вѣтки узенькими ленточками, приклеенными камедью, но притомъ старались выставить всѣ характеристическія ихъ части, и не испортить ихъ вида и физіогноміи; шамъ-шо испытывали камни, или прикосновеніемъ къ наиболѣе развитымъ сплетеніямъ нервовъ нашего организма, или ударомъ желѣза, или сочувствіемъ съ магнитомъ, или живою игрою сродства, или кипѣніемъ и разложеніемъ, какія происходятъ отъ противодѣйствовавшелей. Тамъ была скромная лабораторія, гдѣ одно за другимъ открывались чудеса природы.

Около внутренней перегородки — да, я не намѣренъ избавить васъ ни отъ одной подробности! — стояла знаменитая кушетка, а съ обѣихъ сторонъ ея красовались наши парадныя кресла; спереди ея видны были скромныя принадлежности философскаго туалета, а сзади арсеналъ для нашихъ экспедицій: орудія всѣхъ

Digitized by Google

размѣровъ, всѣхъ видовъ и цвѣтовъ, для копанія и рытья земли, шесты для перескакиванія черезъ рытвины и для обиванія вѣтвей. Не доставало только ружья: оно было запрещеннымъ снарядомъ для подозрительныхъ испытателей природы. И тѣ орудія, которыя описалъ я, казались слишкомъ опасными въ рукахъ философа и ребенка. Подъ кушеткой валялись: молотъ для разбиванья крѣпкихъ каменьевъ, и остроконечная лопатка для обрываніе корней. Двѣ легкія, однакожъ суковатыя палки, для защиты отъ волковъ и змѣй, дополняли ужасный военный запасъ. Могу увѣрить васъ, что на него страшно было смотрѣть.

Въ правой стѣнѣ было одно окошко, напротивъ журчащаго ручья, который стремился исчезнуть въ Біезѣ и клокоталъ по камешкамъ: мнѣ кажется, я еще слышу мелодическій ропотъ его! Отъ этого окна къ дверямъ у насъ были три красивые столика: на первомъ стояли коробочки съ гусеницами и хризалидами, покрытыя тонкими сѣтками; онѣ были ввѣрены моему попеченію; на второмъ продолговатыя, полированныя дощечки, гдѣ раскладывали мы бабочекъ, и закрывали ихъ хрустальными четвероугольниками, которые не мяли у нихъ крылышекъ; послѣдній былъ уставленъ стклянками, закупоренными наждакомъ: въ нихъ заклю-

Digitized by Google

чались камфора, для каждодневнаго пересыпанья нашихъ охотничьихъ ящичковъ, летучія щелочи, которыя пособляютъ отъ уязвленія мухъ и змѣй, и винный спиртъ, хранитель пресмыкающихся и яйцеродныхъ животныхъ. Подлѣ былъ сдѣланъ шкафъ, и ключъ отъ него всегда хранился у гражданина Жюстена: тамъ берегъ онъ сокровище, во сто разъ болѣе драгоцѣнное, домашнюю аптеку.

Съ другой стороны окошка былъ нашъ второй столъ: я еще ничего не сказалъ о немъ, а онъ право стоитъ описанія. Но я думалъ, что надобно пожертвовать логическимъ порядкомъ описательному въ этой, точно единственной топографіи, которой никто не станетъ передѣлывать, потому что никто на земномъ шарѣ не помнитъ ея. Развѣ самъ Г. С.... сохранилъ и теперь, когда ему восемьдесятъ лѣтъ, какое нибудь воспоминаніе о дняхъ своего изгнанія, бывшихъ для меня днями незабвенныхъ наслажденій. Я даже не зналъ о его страданіи; онъ былъ такъ внимательно добръ ко мнѣ, что подъ своимъ тихимъ, веселымъ расположеніемъ скрывалъ прискорбія, которыя отравили-бы мое счастіе. — Этотъ столъ былъ очень длиненъ, какъ я теперь представляю себѣ его. Звѣрскій, но простодушный вандализмъ, извиняемый уже невозвратною болѣе для него

Digitized by Google

неопрятностью, истребилъ тогда всѣ наши Академіи; но для меня онѣ засѣдали всѣ за этимъ столомъ, въ одномъ лицѣ. Геніяльный человѣкъ писалъ на немъ свои удивительныя страницы, которыя ввѣрялись немногимъ, рѣдкимъ друзьямъ, въ числѣ десяти или двѣнадцати экземпляровъ, и о которыхъ не узнаетъ потомство, потому что для него были-бы онѣ уже непонятны. Передъ нимъ были его любимыя книги, на трехъ полкахъ; на первой едва помѣщались самыя необходимыя для насъ сочиненія: Systema naturae, степенный Фабриціи, добрый Жоффруа, проницательный Бергманъ, Лавуазье, Фуркруа, Бертоле, Макеръ эклектикъ, и Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ поэтъ. Надъ ними стояли рядомъ: Горацій въ хорошемъ изданіи, толстый Сенека-Философъ, котораго я не читалъ тогда, *Опыты* Монтаня, которые прочиталъ я два раза сряду, и нѣсколько разрозненныхъ томовъ Аміотова Плутарха, которые читалъ я безпрестанно. Повыше были: огромное изданіе Gerusalemme liberata; но великолѣпныхъ полей его я никогда не упруждалъ много; Ariosto, который заставилъ меня полюбить Итальянскій языкъ; Испанскій Донъ Кихотъ, котораго я угадывалъ, потому что не могъ понимать; пять или шесть Трагедій Шекспира, которыя восхищали меня, когда гражданинъ Жюстенъ переводилъ ихъ

Digitized by Google

мнѣ, на лету чтенія, во время нашихъ отдыховъ. Могу-ли забыть, что онъ тутъ-же выгадалъ мѣстечко для своего картона съ рисунками, и передъ нимъ вѣшалъ свою скрышку.

Напротивъ постели моего друга было у насъ другое окно, прямо на Біезъ: изъ него были далеко видны извилины рѣчки, между красивыми фабриками и зелеными островками, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ ея теченіе оканчивалось блестящею точкою, которая долго трепетала какъ метеоръ, и наконецъ гасла въ лучахъ солнца. Подлѣ перегородки, на лѣвой сторонѣ, были помаленьку собраны всѣ чудеса наши: тамъ птицы сидѣли на палочкахъ, съ живостью естественныхъ положеній и только не чиликали какъ живыя, бабочки были разложены въ золотыхъ рамкахъ, привезенныхъ изъ города, и блескомъ своихъ крылышекъ уничтожали сіяніе золота; змѣя съ разинутою пастью стерегла дверь нашу, какъ драконъ Гесперидскій, а летучія мыши глядѣли своими окаменяющими глазами, какъ Горгоны, съ вышины пихтовой перекладины. Думая объ этомъ деревенскомъ музеѣ, право я увѣренъ, что ему позавидовали-бы многіе города; но еще вѣрнѣе то, что Аристотель его былъ достоинъ другаго Александра.

Digitized by Google

Разысканія наши всегда начинались, неизмѣнно, съ полудня, послѣ ранняго обѣда, и продолжались до ночи, потому что мы были пѣшеходы неутомимые. Мы бѣгали взадъ и впередъ, я спрашивая обо всемъ, что встрѣчалось, онъ всегда и на все отвѣчая рѣшеніями ясными, сильными, памятными. Каждое явленіе естественное давало поводъ къ новому уроку, и каждый урокъ доставлялъ мнѣ удовольствіе новое, неожиданное. Тутъ на дѣлѣ выполнялся курсъ энциклопедическаго ученія, и теперь я увѣренъ, что всякій другой извлекъ бы изъ него пользу неисчислимую; но мое воображеніе было такъ подвижно, что не могло не быть забывчивымъ. На поляхъ и въ лѣсахъ начинались наши пріобрѣтенія, и для меня, у котораго только что возникали коллекціи, каждый шагъ представлялъ новое открытіе; я шелъ въ завоеванной землѣ.

Какъ выразить вамъ радость при этихъ невинныхъ похищеніяхъ у природы, непокорной и таинственной? Кто самъ не испыталъ этой радости, тотъ, можетъ быть, съ трудомъ и пойметъ ея. И теперь еще иногда я содрагаюсь отъ сладострастнаго восторга, припоминая себѣ, какъ въ первый разъ явился передо мной carabus auro-nitens, подъ влажною тѣнью

Digitized by Google

стараго, низверженнаго дуба, гдѣ покоился онъ, ослѣпительнъ какъ упавшій изъ пера Моголова карбункулъ. Не ошибитесь въ этомъ имени, прошу васъ: это былъ точно carabus auro-nitens. Помню, что на мгновеніе онъ ослѣпилъ меня своимъ блескомъ, и что рука моя трепетала отъ внутренняго движенія, такъ что я былъ долженъ нѣсколько разъ пытаться взять его. Какъ счастливы дѣти, и какъ жалки взрослые, когда у нихъ не остается столько мудрости, чтобы снова сдѣлаться дѣтьми! Совсѣмъ не то бываетъ съ другими радостями, когда жизнь тяжело скопила горькую опытность, и уже знаетъ непрочность радостей. Я много искалъ ихъ послѣ двадцатилѣтняго возраста; много и наслаждался ими, и самые счастливые завидовали мнѣ; однакожь, каждая была встрѣчена горькою улыбкою и пронзала мое сердце тоскою отчаянья. Сколько, въ самыхъ восторгахъ блаженства, пролилъ я горючихъ слезъ, которыя почитали слезами счастія, потому что не понимали ихъ. Заставьте, если можете, оглушенную любовью душу понять, что въ прошедшихъ дняхъ была у васъ минута, незамѣнимая всею нѣжностью любви, и что эта минута, повелительно, торжественно запечатывающая всѣ ваши удовольствія, была та, въ которую вы нашли carabus auro-nitens! Однакожь это вѣрнѣе всего на свѣтѣ.

Digitized by Google

Въ дождливые и снѣжные дни, потому что въ 1794-мъ году снѣгъ не оставлялъ нашихъ горъ до конца Мая мѣсяца, мы приводили въ порядокъ наши богатства, которымъ *роспись* представилъ я выше; или иногда мы читали, и въ нашихъ урокахъ, такъ-же какъ въ прогулкахъ, каждое явленіе давало поводъ научаться. Ничто не опытаетъ столько у работы строгой физіогноміи, какъ разнообразіе въ занятіяхъ; а у насъ каждый часъ имѣлъ особенное назначеніе. За Математикой отдыхали мы отъ Химіи, за Изящными Искусствами отъ Наукъ. Я съ легкостью укрѣплялъ недавнее воспоминаніе о своемъ Латинскомъ ученіи, прилежно, страстно читая нашихъ методистовъ, которые наконецъ такъ овладѣли моими мыслями, что я не могъ сообразить ни одной изъ нихъ безъ того, чтобы она не явилась у меня въ опредѣленныхъ, описательныхъ фразахъ, усѣянныхъ творительными падежами, подобно фразѣ Линнеевой. Если-бы послѣ я увидѣлъ въ себѣ характеристическій даръ, именуемый слогомъ, то мнѣ было-бы нетрудно объяснить хорошія и дурныя качества его, первыми впечатлѣніями моего трудолюбиваго дѣтства. Онъ былъ-бы точенъ, полонъ, живописенъ, способенъ выражать идеи сильными ихъ сторонами, но слишкомъ обремененъ техническими терминами и преданіями изустными; обиленъ эпитетами

Digitized by Google

вѣрными, но часто выражающими однѣ тонкости; сжатъ какъ ариѳметическое предложеніе, всякій разъ когда пытался я выражаться подъ формою могущественною; плодовитъ и многословенъ, какъ фигура распространенія, когда чувствовалъ я необходимость растянуть его и развить; темненъ, когда хотѣлъ быть краткимъ; блѣденъ при желаніи быть яснымъ; однакожь всегда напоминалъ-бы онъ афоризмъ въ оборотѣ и Лапинизмъ въ теченіи словъ; коротко сказать, дурной слогъ, если это слогъ, ибо въ каждомъ вѣкѣ бываетъ-ли десять человѣкъ, имѣющихъ слогъ собственный свой; но каковъ-бы ни былъ онъ, этотъ слогъ былъ-бы слѣдствіемъ моего страннаго воспитанія; обстоятельства уже не позволили мнѣ потомъ измѣнить его. Это послѣднее орудіе существованія, которое не могло дѣлать выбора. Я кидаю слогъ свой въ бракъ, безъ сожалѣнія, хотя у меня уже нѣтъ ни силъ, ни времени перемѣнить его.

Утро каждаго дня принадлежало мнѣ. Въ это время гражданинъ Жюстенъ уходилъ размежевывать Общину, посѣщать больныхъ и бѣдныхъ, или помогать окрестнымъ земледѣламъ своими агрономическими свѣдѣніями. До полудня едва оставался у него одинъ часъ, въ который надобно было ему разсмотрѣть собран-

Digitized by Google

ные наканунѣ виды живопнихъ, замѣтишь, въ увеличительное стекло микроскопа, внутреннюю экономію этихъ республикъ крошечныхъ животныхъ, бывшихъ неизвѣстными до него, и открытыхъ имъ въ *Нитянкахъ* и *Жилочницахъ*; надобно было также прибавить нѣсколько строкъ и къ еженедѣльной перепискѣ съ Парижскимъ Филоматическимъ Обществомъ, когда единственнымъ хранителемъ всѣхъ блестящихъ пріобрѣтеній въ Наукѣ, наслѣдованныхъ Инспиціумомъ. Мое особенное занятіе ограничивалось только обозрѣніемъ, вокругъ деревни, всѣхъ мѣстъ, гдѣ какая нибудь особенность мѣстоположенія, какое нибудь естественное обстоятельство, удобное для открытій, какой нибудь случай, благопріятный для нѣкоторыхъ развитій природы, обѣщали намъ богатую жатву новыхъ родовъ. Я безъ ошибки угадывалъ ту семью березъ или ольхъ, гдѣ на трепещущихъ листьяхъ качались *Эвмольпы*, голубыя какъ сапфиръ, и *Божьи коровки*, зеленыя какъ изумрудъ; ту милую орѣховую рощицу, которую любили щеголеватые *Грызуны*, красные какъ киноварь, и столь похожіе на Американскія зерна ожерельевъ, которыя въ модѣ у дикихъ; тѣ молодыя ивы, гдѣ огромный душистый *Козерогъ* выказывалъ богатства своей аванпуриновой брони и разливалъ благоуханіе розы и амбры; ту яму съ водою, которую покрывали водяные

Digitized by Google

листья съ большими тюльпанами, и маленькіе ранункулы съ серебряными бутонами; тамъ плавала *Остроградка*, плоская какъ палуба, а изъ глубины подымался *Гидрофиль*, на спинѣ, округленной какъ подводная часть корабля, между тѣмъ какъ цѣлое населеніе *Тростянок* отражало, на своихъ блистающихъ оболочкахъ, сіяніе всѣхъ металловъ, посреди листьевъ касатика и меніанша. Я зналъ тотъ дубъ, гдѣ *Рогачи* жили цѣлымъ поколѣніемъ, и букъ, съ бѣлою шелковистою корою, гдѣ тяжело взбирались на верхъ исполинскія *Пилогрудки*. Есть что-то удивительно сладостное въ этомъ изученіи природы, которое каждому изъ существъ придаетъ имя, каждому изъ именъ мысль, и со всѣми мыслями соединяетъ привязанность и воспоминаніе! Человѣкъ, не проникнувшій въ прелесть этихъ таинствъ, можетъ быть лишаетъ себя одного изъ чувствъ для наслажденія жизнію. Даже самыя наименованія, произведеніе совершенно поэтическаго ума, и вѣроятно послѣдняя поэзія рода человѣческаго, даже они заключаютъ въ себѣ невыразимое очарованіе для того возраста, когда властвуетъ нами воображеніе, когда Басня и Исторія еще не потеряли для насъ своей волшебной силы. Видите-ли эти блестящія семейства бабочекъ, въ которыхъ толпа видитъ только бабочекъ? Это настоящій волшебный міръ очарованій и

Digitized by Google

метемпсихозовъ для ребенка, съ умомъ сколько нибудь образованнымъ, не смотря на то, что онъ гоняется за ними съ легкою сѣткой. Вотъ *Греческіе герои* и *Троянцы*. По шахматной кольчугѣ, черной съ желтымъ, вы узнаете благоразумнаго *Махаона*, почти божественнаго сына бога Эскулапа, и, какъ прежде, вѣрнаго обожанію растеній, дающихъ драгоцѣнныя лекарства отъ болѣзней и ранъ: онъ непремѣнно остановится на укропѣ. Если вы пойдете гулять на пастьбу, не удивитесь простотѣ обитателей шамошнихъ. Эти бабочки *пастухи*, и природа сдѣлала для нихъ однѣ сельскія одежды. Вотъ *Титиръ*, вотъ *Коридонъ*, вотъ *Миртилъ*. Только одинъ изъ нихъ отличается блескомъ своей лазурной манціи, подъ которою сверкаютъ безчисленные глаза, какъ звѣзды на небѣ въ ясную ночь; но это царь пастьбищъ, это *Аргусъ*, вѣчно бодрствующій надъ сохраненіемъ стадъ. Любопытство увлекло васъ и вы перешли опушку лѣса, защищаемую *Силеномъ* и *Сатирами* (*), и вотъ толпа *Сильвановъ*,

---

(*) Здѣсь оставлены всѣ названія безъ перевода, ибо иначе потерялась-бы мысль Автора. Русскія названія упоминаемыхъ животныхъ по большей части неудачны и невыразительны.

Digitized by Google

блуждающихъ въ пустынѣ, вотъ и *Нимфы*, еще больше легкія: онѣ издѣваются надъ вашимъ преслѣдованіемъ, вскорѣ отдѣляютъ себя отъ васъ ручьемъ, и, какъ Ликориса, исчезаютъ за деревьями противоположнаго берега, не страшась быть увидѣнными. Вы рѣшаетесь взойдти на вершину самыхъ возвышенныхъ горъ; тамъ нетрудно будетъ вамъ припомнить себѣ Олимпъ и Парнассъ, ибо тамъ найдете вы жителей Геликона и боговъ: *Марса*, который отличается стальною броней темнаго цвѣта, гдѣ солнце вычеканило прозрачныя, разновидныя пятна; *Вулкана*, который свѣтится красноогненными слитками, похожими на желѣзо въ горнилѣ, или *Аполлона*, во всемъ великолѣпіи его принадлежностей, который мелькаетъ въ воздухѣ снѣго-бѣлою своею одеждою, отличенною пурпурными полосами. Съ восторгомъ, котораго не могу болѣе выразить, наслаждался я всею этою восхитительною стройностью; но ничѣмъ въ мірѣ не наслаждался я такъ, какъ собственнымъ своимъ бытіемъ. Всѣ, самые тайные восторги души, бывали описываемы; жалѣю что никто не описалъ сладострастія двѣнадцатилѣтняго сердца, сердца, образованнаго небольшою наукою и великою чувствительностью къ познанію живаго міра, которымъ овладѣваетъ оно, какъ своимъ удѣломъ, въ прекрасное весеннее утро. Такъ Адамъ

Digitized by Google

долженъ былъ глядѣть на міръ, созданный для него, когда отъ дѣтскаго сна пробудило его дыханіе Создателя. О, какъ прекрасна казалась мнѣ земля! Какъ пилъ я свое дыханіе, слушая пѣснь лѣсовъ и ропотъ источника! Какъ любилъ я говоръ птицъ подъ лиственными вѣшвями, и жужжанье пчелъ около цвѣтовъ! И я самъ, подобно пчелѣ, ласкалъ взглядомъ шѣже цвѣты, называлъ ихъ всѣ по имени, ибо зналъ имя каждаго, былъ-ли онъ круглъ подобно трепещущему зонтику, распускался-ли въ видѣ чаши, наклонялся-ли роскошною кистью, или наводилъ эмаль на зелень луга, уподобляясь звѣздѣ, упавшей съ тверди небесной. Отдавая волосы на волю вѣтра, я бѣжалъ, стараясь увѣриться въ жизни и свободѣ, я проникалъ въ кустарники, перескакивалъ черезъ рвы, взбирался на стремнины, я прыгалъ, кричалъ, смѣялся, плакалъ отъ радости, и въ сладкомъ утомленіи падалъ, катался на эластическомъ, благоухающемъ лугу, пилъ его дыханіе, и лежа обнималъ не завидующимъ взглядомъ голубой горизонтъ, говоря ему съ убѣжденіемъ, которое уже не возвращается опять: «Ты не чище и не спокойнѣе меня!» И это думалъ я!

Боже Всемогущій! Почто не могу я возвратить, цѣною всей остальной жизни моей, одну изъ этихъ минутъ моего дѣтства! Увы! Вся-

Digitized by Google

кій, кто подобно мнѣ зналъ призракъ перваго счастья и первыхъ надеждъ, всякій вышерпѣлъ незаслуженное наказаніе перваго грѣшника. Мы также изгнанники рая.

По Воскресеньямъ бывало совсѣмъ иначе. Занимаясь ловлею, сбирая травы, разговаривая, мы шли посѣщать своихъ сосѣдей; толковали объ Исторіи съ однимъ старымъ, богатымъ подагрикомъ, который благоразумно удалился отъ бурь городскихъ въ деревню, и зналъ всѣ родственныя связи Княжескихъ фамилій, начиная отъ Роберта Сильнаго и Гонтрана Богатаго; толковали о Ботаникѣ и Матеріи-Медикѣ съ однимъ храбрымъ Хирургомъ, который неустрашимо увѣчилъ языкъ Естествознанія (счастливы больные его, если онъ увѣчилъ только это!); толковали о Политической Экономіи съ однимъ толстымъ арендаторомъ, который нажилъ много денегъ отъ своихъ дѣлъ, и въ мышарскомъ патріотизмѣ своемъ гордился сближаясь по временамъ съ патриціями, упавшими въ простонародье. Помню, что у него была двадцатилѣтняя дочь, довольно хорошенькая, воспитанная для Изящныхъ Искуствъ и большаго свѣта, воскормленная всею прелестною прозою, всѣми прелестными стихами Втораго Года Республики, и такая романи-

Digitized by Google

ческая, сантиментальная, нервная, что я долго почиталъ ее исключеніемъ изъ дѣвушекъ. Черезъ пять или шесть лѣтъ я увидѣлъ, что исключеніе было не тутъ: оно было уже въ природныхъ, простыхъ сердцахъ, которыя чувствуютъ болѣе нежели могутъ выразить, и не выказываютъ своихъ ощущеній.

Но всего охотнѣе посѣщали мы старый замокъ, который былъ отъ нашей деревни не дальше какъ въ одномъ льё, и по счастливому случаю, на дорогѣ обыкновенныхъ нашихъ путешествій. Правду сказать, черезъ нѣсколько времени этотъ случай сдѣлался столь неизбѣжнымъ и правильнымъ, что въ немъ можно было-бы видѣть обдуманный планъ. Путешествіе стоило труда. Тамъ жили три милыя сестры, изгнанныя, такъ-же какъ и Г. С....., за вину своего рожденія. Вмѣстѣ съ старымъ слугою и маленькою, проворною Негришянкою, онѣ были единственными обитателями почтеннаго убѣжища рыцарей. Я не буду говорить о двухъ старшихъ сестрахъ: онѣ были очень милы, но занимали меня мало и совсѣмъ не занимались мною. Младшая называлась Серафина; ей было лѣтъ четырнадцать: довольно, чтобы дать ей всю власть взрослой дѣвушки надъ мальчикомъ; но природа постаралась вознагра-

Digitized by Google

дишь неравенство нашихъ лѣтъ, надѣливши ее сложеніемъ нѣжнымъ и слабымъ, а меня раннимъ развитіемъ организаціи, почти юношеской. Привычка къ движенію, почти безпрестанному, которое укрѣпляло сильнаго ребенка, упражненіе въ тяжелыхъ трудахъ, бѣганьѣ, ходьбѣ, лазаньѣ, по горамъ, долинамъ и скаламъ; прилежное, дѣятельное ученіе, которое даетъ мысли характеръ мужественный и необходимо дѣйствуетъ на физическія способности, все это было причиной, что я имѣлъ явное преимущество въ силѣ, смѣлости и ловкости, даже надъ деревенскими ребятами, обыкновенно превосходящими насъ физически. Не страшились меня; такая печальная слава отравила-бы всѣ воспоминанія моей жизни; однакожь охотно опирались на мою дружбу, потому что слабость и робость по инстинкту любятъ смѣлость и силу. Во мнѣ было немного и щеславія — и теперь, когда я такъ охотно описываю всѣ эти мѣлочи, кажется, я не совсѣмъ излечился отъ постыдной уродливости ума, называемой щеславіемъ; — потому-что я любилъ, особенно передъ женщинами, самъ не зная почему, отличаться подвигами своей гимнастической ловкости. Онѣ любятъ дерзость. Надобно удивить ихъ, чтобы обратить на себя вниманіе, а обративши вниманіе лег-

Digitized by Google

ко понравиться имъ. Уже тогда я понималъ это.

Въ дѣтскомъ возрастѣ сближаются такъ легко, такъ скоро; не знаютъ недовѣрчивости, потому что не имѣютъ опытности. Надобно завидѣть въ собственномъ своемъ сердцѣ какую нибудь дурную мысль: тогда только станемъ подозрѣвать ее и въ другихъ. Увидѣвшись съ Серафиной два раза, мы готовы были не разлучаться. Наши удовольствія были такъ чисты, наши разговоры такъ усладительны, мы плакали вмѣстѣ съ такою увѣренностью другъ въ другѣ, а плакать такъ хорошо! У нея было много печалей. Мать ея была въ тюрьмѣ, за десять льё; отецъ въ тюрьмѣ, за пятьдесятъ льё; изъ четырехъ братьевъ, трое были обвинены, изгнаны, скитались безпомощно въ разныхъ странахъ Европы; послѣдній братъ содержался въ Парижской тюрьмѣ, подъ ножемъ Судилища, которое уже зарѣзало десятерыхъ ея родственниковъ; вокругъ нея каждый день рыкала чернь, вооруженная пиками и зажигательными головнями; она угрожала ей, бѣдной молодой дѣвушкѣ, беззащитной и боязливой, которой милыя прелести обезоружили бы голоднаго тигра! — Погоди, погоди — говорилъ я Серафинѣ—утѣшься! Убійцы будутъ властвовать недолго. Мое семейство принад-

Digitized by Google

лежитъ къ республиканцамъ, но я сдѣлаюсь аристократомъ, чтобы отмстить за тебя. Уже скоро могу я самъ владѣть шпагой или кинжаломъ, не хуже другихъ, и если надобно крови, то я безжалостно пролью кровь твоихъ враговъ! — Не говори такъ — отвѣчала мнѣ Серафина. — Я была-бы еще несчастливѣе, когда-бы стала бояться, что и ты будешь золъ. Злые гораздо жалчѣе насъ. Продолжай только пріобрѣтать еще больше знаній и доброй славы, и когда будешь столько великъ, что можешь заставишь этихъ господъ патріотовъ выслушать себя, тогда постарайся всячески, чтобы насъ не убили, потому что если убьютъ меня, то какая женщина будетъ любить тебя такъ какъ я!

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

ПРОГУЛКА

ПО БЕРЕГАМЪ РЕЙНА.

Сочиненіе Ф. Купера.

(Окончаніе).

— Какія это развалины видѣлъ я на горѣ, при въѣздѣ въ деревню?

«Мы называемъ Дуэркгеймъ городомъ, mein Herr» — отвѣчалъ нашъ хозяинъ — «хотя онъ и не изъ большихъ городовъ; нѣкогда былъ однакожь сполицею.»

Говоря эти слова, онъ положилъ свою трубку, и началъ хохотать, потому что слыхалъ о Парижѣ, Лондонѣ, Пекинѣ, Неаполѣ, Петербургѣ, а можетъ быть, случайно, и о федеральномъ городѣ.

— Сполицею? Вѣрно тутъ жилъ какой нибудь маленькій Нѣмецкій Князь? Скажите: къ какой фамиліи принадлежалъ вашъ владѣтель?

«Вы угадали, mein Herr. До Французской Революціи, Дуэркгеймъ былъ резиденціею (такъ

Digitized by Google

называютъ въ Германіи политическія столицы); онъ принадлежалъ Князю Лейнингенскому, у котораго былъ дворецъ на другой сторонѣ города (это составитъ, можетъ быть, половину Гудзона или Шенекшади). Дворецъ погибъ отъ пожара во время смятеній. По окончаніи послѣднихъ войнъ, владѣтель былъ *устраненъ*, и въ замѣну получилъ владѣнія на другомъ берегу Рейна.

Слово *устраненъ*, можетъ быть, требуетъ объясненія. Нѣмецкая Имперія, такъ-же какъ и почти вся Европа, раздѣлялась прежде на безчисленное множество небольшихъ владѣній, съ правами феодальной власти. Случайность, умъ, союзы или измѣна увеличивали достояніе Государей могущественныхъ, въ то время какъ слабые сосѣди ихъ исчезали или становились на общественной лѣствицѣ въ положеніе зависимое. Такъ составилось вначалѣ незначительное Королевство Франція, еще не имѣвшее Бретани, Бургундіи, Наварры, Дофине, Прованса и Нормандіи, и многихъ другихъ областей. Также образовалась Англія изъ своей гептархіи. Въ Германіи, союзная система поддерживала сіе феодальное образованіе, болѣе или менѣе, до нашего времени. При составленіи Австрійской Имперіи и Пруссіи уничтожилось много Княжествъ, а перемѣны, произведенныя

Digitized by Google

политикою Наполеона, нанесли рѣшительный ударъ, безъ различія, всѣмъ малымъ государствамъ, сосѣдственнымъ Рейну. Въ числѣ сихъ послѣднихъ были и владѣнія Принцевъ Лейнингенскихъ, которыя сначала вошли въ составъ Французской Республики, потомъ въ составъ Имперіи, а потомъ уже достались Королю Баварскому. Онъ, какъ законный наслѣдникъ сосѣдняго Цвейбриккенскаго Герцогства, обладалъ столь большимъ участкомъ Германіи, что Вѣнскій Конгрессъ причислилъ къ нему новое владѣніе, ибо имѣлъ въ виду поставить оплотъ противъ будущаго увеличенія Франціи. Между тѣмъ царственныя фамиліи, лишившись своихъ владѣній, сохраняютъ право носить свои прежніе титулы, и при случаѣ входятъ въ родственныя связи съ владѣтельными отраслями различныхъ фамилій; посему слово: *устраненъ*, довольно счастливо прилагается къ ихъ положенію.

— Молодой Принцъ былъ здѣсь на прошедшей недѣлѣ — продолжалъ нашъ хозяинъ. — Онъ жилъ вотъ въ этомъ павильонѣ и провелъ у насъ много дней. Вамъ извѣстно, что онъ сынъ Герцогини Кентской, и по матери братъ молодой Принцессы, которая со временемъ, вѣрно, будетъ Королевою Англійскою.

Digitized by Google

« Есть-ли у него здѣсь владѣнія, и принадлежитъ-ли онъ, такъ или иначе, къ вашему Правительству?

— Нѣтъ, его вознаградили деньгами, и владѣніями на другомъ берегу Рейна. Онъ пріѣзжалъ осмотрѣть развалины стараго замка; посудите, какъ любопытно было ему видѣть остатки зданія, построеннаго предками его.

« Стало быть это остатки Лейнингенскаго замка видѣлъ я, на горѣ, въѣзжая въ городъ?

— Нѣтъ, mein Herr, вы видѣли остатки Лимбургскаго Аббатства; Гартенбургъ, какъ называли замокъ, дальше отъ насъ, посреди горъ.

« Какъ? И Аббатство и замокъ въ развалинахъ? Вотъ сколько занятій на остальное время дня! Аббатство и замокъ!

— И *Гейденмауеръ* и *Тёйфельсштейнъ!*

« Въ самомъ дѣлѣ? *Стѣна язычниковъ* и *Чортовъ камень*! Вы богаты любопытнымъ.

Хозяинъ продолжалъ курить съ философскимъ хладнокровіемъ.

« Найдется-ли у васъ кто нибудь, проводить меня въ эти мѣста самою краткою дорогою?

— Всякій мальчикъ можетъ это сдѣлать.

« Но я желалъ-бы кого нибудь, кто говоритъ по-Французски, потому что Нѣмецкій языкъ худо слушается меня.

Февраль 1833.

Digitized by Google

Степенный шрактирщикъ покачалъ головою. — Есть у насъ человѣкъ, по имени Христіанъ Кинцель — отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго размышленія — поршной, у котораго дѣла немного. Онъ жилъ во Франціи и будетъ вамъ полезенъ.

«Поршной можетъ быть найдетъ, что и для здоровья его не худо порасправить ноги,» сказалъ я.

Мысль моя развеселила шрактирщика: онъ положилъ свою трубку, чтобы нахохотаться свободно. Веселость его была откровенна; она показывала человѣка безупречнаго.

Дѣло сладилось скоро. Къ Христіану Кинцелю отправили посланника, а я взялъ за руку маленькаго сопутника своего и пошелъ впередъ, въ ожиданіи путеводителя. Я намѣренъ довольно долго занимать читателя описываемымъ мѣстомъ, и потому надобно, чтобы онъ зналъ его настоящимъ образомъ.

Дуэркгеймъ, или Дюркгеймъ, находится въ въ той части Баваріи, которую обыкновенно называютъ Рейнскимъ Округомъ. У Короля Баварскаго, можетъ быть, нѣтъ и милліона подданныхъ въ этой, отдѣльной части его владѣній, которая простирается, съ одной стороны отъ рѣки до Рейнской Пруссіи, а съ

Digitized by Google

другой отъ Дармштадта до Франціи. Въ одинъ порядочный день почтовой ѣзды можно проѣхать эту область, во всѣхъ направленіяхъ; слѣдственно, поверхность ея должна быть равна двумъ третямъ области Коннектикутской. Линія горъ, похожихъ на менѣе возвышенныя изъ Аллеганскихъ, извѣстна подъ различными наименованіями; но она составляетъ одну изъ отраслей горъ Вогезскихъ, и проходитъ, почти поперегъ, средину Округа, отъ сѣвера на полдень. Эти горы вдругъ исчезаютъ съ восточной стороны, оставляя между собою и рѣкой обширную ровную поверхность, въ родѣ шѣхъ, которыя называются въ Америкѣ плоскими землями или кряжами земли. Долина сія, часть прежде бывшаго Пфальца, простираетсп и по другой сторонѣ Рейна, такъже внезапно оканчиваясь и съ востока какъ съ запада. По прямой линіи между Гейдельбергомъ и Дуэркгеймомъ, которые находятся одинъ противъ другаго, на двухъ боковыхъ оконечностяхъ долины, можно полагать немного болѣе двадцати миль; Рейнъ въ равномъ разстояніи отъ обоихъ.

Есть преданіе, довольно правдоподобное, что Пфальцская долина была нѣкогда озеромъ, въ которое стекали воды Рейна, слѣдственно и выходили изъ него какимъ нибудь под-

Digitized by Google

земнымъ путемъ, до тѣхъ поръ, когда какое нибудь потрясеніе природы разрушило преграду горъ въ Бингенѣ, слило воды и оставило плодоносное углубленіе. Подъѣзжая къ Дуэркгейму, видите неправильныя песчаныя горы: это какъ-бы подтверждаетъ предположеніе, что постоянные сѣверные вѣтры нанесли болѣе сихъ легкихъ частицъ къ юго-западу, а не къ противоположной сторонѣ. Прибавивъ, что восточная сторона горъ, или та, которая простирается по долинѣ, довольно холмиста и неровна, слѣдственно неживописна, мы сказали почти все, что необходимо читателю для понятія о мѣстности.

Кажется, что одинъ изъ проѣздовъ, въ незапамятныя времена служившій путемъ сообщенія между Рейномъ и западною землею отъ Вогезскихъ горъ, шелъ именно сквозь горную тѣснину близъ Дуэркгейма. Слѣдуя извилинами долинъ, почтовая дорога простирается, легкимъ всходомъ, до крайней возвышенности, и продолжаясь вдоль рѣчки, впадающей въ Мозель, нисходитъ почти также постепенно въ Герцогство Цвейбриккенское, по другую сторону цѣпи горъ. Въ вѣка насилія, когда не знали законовъ, обладаніе симъ проѣздомъ было конечно признакомъ отличія и власти, по-

Digitized by Google

тому что всѣ ѣхавшіе по немъ находились, такъ сказать, въ рукахъ обладателя.

Вышедши изъ города, я и маленькій сопутникъ мой, тотчасъ вступили въ тѣснину. Переходъ узокъ, но изъ него видна уже долина, шириною въ милю, куда глядятъ еще двѣ или три ущелины, кромѣ той, въ которую мы вошли; но только одна сохраняетъ свой характеръ на нѣкоторомъ разстояніи. Обширность долины, или углубленія (ибо вѣроятно было здѣсь углубленіе, въ то время когда Пфальцъ былъ озеромъ), весьма съужена отъ горы, которая основаніемъ своимъ занимая четверть всего пространства, величественно возвышается по срединѣ; она вѣрно составляла островъ, когда долина была заливомъ. Вершина сей горы плоская, неправильной овальной формы; по ней будетъ акровъ шесть или восемь протяженія. Тамъ-то находятся развалины Лимбурга, главная цѣль нашего похода.

Чрезвычайно крутой всходъ простирался передъ нами на нѣсколько сотъ футовъ. Изъ подъ тонкихъ слоевъ земли выглядывалъ мягкій камень, красноватаго цвѣта. Солнце огненными лучами ударяло въ скалы, и я уже начиналъ взвѣшивать выгоды и невыгоды своего похода, когда явился портной, съ усердіемъ человѣка, еще не успавшаго.

Digitized by Google

— Вотъ Христіанъ Кинцель! — вскричалъ спутникъ мой, для котораго была обольстительна всякая новость, и который не смотря на юность свою, уже смѣло всходилъ на Альпы, на Аппенины, на Юру, на горы Калабрійскія, на башни, памятники, куполы, на все, что могло возвысить его отъ земли.— Идемъ выше!

Мы взобрались на гору, и кругомъ мимо террасъ, на которыхъ растетъ виноградъ и разныя растенія, скоро взошли на естественную платформу. Видъ съ вершины великолѣпный. Но слишкомъ мало времени описывать его здѣсь. На всей поверхности горы видны слѣды прежняго Аббатства, которое было окружено стѣною. Но главныя зданія, которыя еще уцѣлѣли, были выстроены въ центрѣ длины, на краю обрыва, къ востоку. Зданій еще столько, что по нимъ можно составить себѣ понятіе о древнемъ великолѣпіи. Иначе нежели во всѣхъ при-Рейнскихъ развалинахъ, здѣсь вся каменная работа одинакова; стѣны не только толсты, но и складены изъ песчаныхъ камней, правильно отесанныхъ. Неизмѣримые слои этого матеріяла находятся во всей здѣшней части Германіи. Я узналъ молельню, еще довольно сохранившуюся; столовую, это упѣшеніе въ пустынной жизни; многія зданія, въ-

Digitized by Google

роятно служившія спальнями, и признаки братнихъ келлій. Остается еще высокая башня, которой форма, приличная монастырскому уединенію, могла-бы одна дать религіозный характеръ этимъ развалинамъ. Она была заперта, чтобы помѣшать любопытнымъ всходить по ея шаткой лѣстницѣ; но можно легко видѣть, что въ ней были церковные колокола. Близъ нея также есть благородные остатки аркады, которой худо соединенные камни угрожаютъ головѣ того, кто пожелалъ-бы разсмотрѣть ихъ ближе.

Удаляясь отъ развалинъ, я бросилъ взглядъ на окрестныя долины. Какая миловидная прелесть! Чѣмъ ограниченнѣе даръ человѣку, тѣмъ болѣе дорожитъ онъ имъ; это чувство, родъ необходимости, заставило жителей здѣшняго мѣста извлечь изъ своей ложбины все, что можно. Какъ гладки луга, которые были у ногъ моихъ! Два или три ручья, сверкающіе посреди ихъ, также употреблены въ пользу. Шлюзъ сельской мѣльницы перебрасываетъ воду въ миніатюрное озеро, и какой-то усердный почитатель Нептуна учредилъ кабакъ на берегу его, съ якоремъ вмѣсто вывѣски. Но главное дѣйствіе въ этомъ зрѣлищѣ производятъ развалины замка, занимающаго естественную террасу, или, лучше сказать, продолговатую

Digitized by Google

скалу, прислоненную къ горѣ. Дорога идетъ близко стѣнъ его, на полетъ стрѣлы отъ башенъ. Мѣстоположеніе выбрано безъ сомнѣнія потому, что оно повелѣваетъ дорогою путешественниковъ. Безъ всякихъ объясненій путеводителя, я узналъ, что это развалины замка Гарштенбурга. Онъ еще огромнѣе развалинъ Аббатства, выстроенъ изъ такихъ-же матеріяловъ, и по всей вѣроятности въ разные вѣка, потому что одна часть его отличается неправильностью, грубостью, какъ почти всѣ зданія Среднихъ Временъ, а въ амбразурахъ выдавшихся башенъ есть мѣста для артиллерійскихъ орудій. Одна изъ пушекъ могла-бы, съ доспашочной высоты, послать ядро на платформу Аббатства, но безъ опасности даже для развалившихся стѣнъ.

Цѣлый часъ изучалъ я разные предметы этого очаровательнаго зрѣлища, и наконецъ сталъ разспрашивать путеводителя о Стѣнѣ язычниковъ и Чортовомъ камнѣ. Они были на возвышеніи, съ другой стороны гордаго озерка, на добрый ружейный выстрѣлъ отъ Аббатства. Мы могли даже видѣть часть Стѣны; но смѣшанныя подробности изъ устъ горнаго возбуждали желаніе разсмотрѣть ее подробнѣе. Мы путешествовали съ большимъ запасомъ книгъ и картъ географическихъ. По счастью,

Digitized by Google

одна изъ книгъ была у меня въ карманѣ; но я не надѣялся увидѣть ничего чрезвычайнаго на этой, мало посѣщаемой дорогѣ, и еще не раскрывалъ ея. Справившись съ нею, я былъ пріятно изумленъ, когда увидѣлъ, что Дуэркгеймъ и его развалины почитались не недостойными особеннаго вниманія путешественника. Тамъ было сказано, что Сшѣна язычниковъ означаетъ мѣсто, гдѣ Аттила провелъ зиму (еще не переходя черезъ Рейнъ, во время знаменитаго своего похода пропивъ столицы образованнаго міра), хотя основаніе Сшѣны приписывалось самимъ непріятелямъ его; короче, она почиталась Римскимъ станомъ, то есть остатками одного изъ тѣхъ отдаленныхъ укрѣпленій въ Имперіи, которыя долго удерживали Варваровъ, и которыми Гунны воспользовались благоразумно, приближаясь къ югу. О Чортовомъ камнѣ упомянуто, что это естественная каменная скала, вблизи Сшѣны, гдѣ язычники производили жертвоприношенія. Ноги нашего путеводителя, освобожденныя изъ тюрьмы прилавка, были обязаны расправиться еще больше, и вести насъ къ этому мѣсту, гдѣ собралось вдругъ такъ много любопытнаго, достойнаго нашего вниманія.

Покуда мы сходили съ Лимбургской горы, Христіанъ Кинцель заставилъ насъ немного за-

Digitized by Google

быть усталость, разсказывая шуземныя преданія о шѣхъ мѣстахъ, которыя мы оставили. Народная легенда говоритъ, что когда благочестивые монахи рѣшились учредить свое убѣжище, они сдѣлали договоръ съ чортомъ, который обязался не только доставить изъ ломни каменья, нужные для постройки довольно огромной, но и перетащить ихъ на самую вершину горы. Это очень нравилось чорту, потому что его увѣрили, будто хотятъ строить шракширъ или кабакъ, гдѣ разумѣется будутъ много пить вина; а такое питье мрачитъ разсудокъ и оставляетъ человѣка безъ всякой поддержки, во власть искушеніямъ. По легендамъ, Рейнскіе монахи были всегда хитрѣе врага рода человѣческаго; но въ этомъ дѣлѣ они побѣдили его самымъ блестящимъ образомъ. Чудакъ повѣрилъ имъ совершенно, и съ такою ревностью принялся за работу, что монастырь, со всѣми принадлежностями, былъ готовъ удивительно скоро; монахи не упустили перетолковать это по своему, говоря о скоромъ построеніи какъ о чудѣ. Видно, что дѣло было ведено съ особенною хитростью, ибо при всей своей смѣтливости, отецъ зла тогда только увидѣлъ настоящее назначеніе зданія, когда въ Аббатствѣ зазвонили въ колокола. Гнѣвъ его былъ ужасенъ: онъ бросился къ скалѣ, которая носитъ его имя, хотѣлъ взвиться съ

Digitized by Google

нею на воздухъ и разгромишь ударомъ съ вышины монаховъ и монастырь. Но камень крѣпко вросъ въ землю, такъ, что его не могъ сдвинуть съ мѣста самъ чортъ; послѣ многихъ усилій, онъ былъ наконецъ принужденъ, молитвами своихъ непріятелей, оставить поле сраженія, и удалиться отъ нихъ навсегда, со стыдомъ, смущеніемъ и яростью. Любопытнымъ показываютъ на скалѣ знаки, съ какою силою рабопалъ сатана, и между прочимъ отпечатокъ его самого, когда утомленный сѣлъ онъ на скалу отдохнуть. Всего забавнѣе родъ полосы или жолобка, явно показывающій въ какомъ направленіи былъ хвостъ чорта, когда этотъ злой духъ рыдалъ отъ досады, на жесткомъ сѣдалищѣ.

Мы были у подошвы другой горы, когда Христіанъ Кинцель окончилъ свой разсказъ.

— Таковы-то Дуэркгеймскія преданія о Чортовомъ камнѣ — сказалъ я, мѣряя взглядомъ утесистую дорогу.

«Такъ говорятъ въ народѣ, mein Herr; но есть люди, которые не вѣрятъ ничему!» прибавилъ поршной.

Спутникъ мой захохоталъ; глаза его блистали радостью.

— Пойдемъ дальше!— вскричалъ онъ.— Пойдемъ осматривать Тёйфельсштейнъ!

Digitized by Google

Вскорѣ мы были у Сшѣны, которая находится на выдавшейся части горы, составляющей родъ естественнаго бастіона. Она была со всѣхъ сторонъ, кромѣ той, которою примыкаетъ къ главной скалѣ, защищена крутыми сходами; отваживаться на нихъ было, я думаю, невозможно. Тамъ увидѣли мы развалины сшѣнъ, кругомъ на полъ-мили. Груды камней въ безпорядкѣ навалены внутри и внѣ многихъ остатковъ зданій. Земля покрыта молодыми кедрами, съ наводящею задумчивость зеленью. Со стороны ближнихъ горъ, Сшѣна была защищена рвомъ: это явно и теперь. До Тёйфельсшпейна отъ нея футовъ около пысячи. Тёйфельсшпейнъ, нагая скала, обезображенная временемъ, выказываетъ свою лысую голову на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, посреди ближайшихъ горъ. Я сѣлъ на верхушкѣ ея и на минуту забылъ свою усталость.

Вдали, куда только можетъ проникнуть взглядъ, открывались долины Пфальца. Воды Неккара и Рейна блистали въ разныхъ мѣстахъ, какъ серебряные листья посреди зелени полей, а за ними высились колокольни городовъ Мангейма, Шпейера, Вормса, и безчисленныхъ деревень; сельскіе домы были такъ-же многочисленны въ этой перспективѣ, какъ могилы на дорогѣ Аппія. Сѣроватыя развалины казались

Digitized by Google

приклеенными къ нѣкоторымъ изъ горъ Баденскихъ и Дармштадтскихъ; видѣнъ былъ и замокъ Гейдельбергскій, въ романтической ложбинѣ своей; онъ являлся и мраченъ и великолѣпенъ. Все это составляло ландшафтъ чисто Нѣмецкій, и во всемъ, что принадлежитъ Искусству, замѣтенъ былъ голизмъ. Тутъ не было пламенныхъ красокъ и своенравнаго, плѣнительнаго очерка прелестныхъ видовъ Италіи; не было величія долинъ и ледниковъ Швейцаріи; но картина изобилія и промышленности, украшенныхъ множествомъ предметовъ общей пользы, была удивительна.

Очень естественно, что посреди такихъ предметовъ, человѣкъ видитъ передъ собою всѣ краснорѣчивыя воспоминанія объ успѣхахъ образованности, о бѣдствіяхъ, увеличеніи, и честолюбіи рода человѣческаго. Скала приводила мнѣ на память вѣка изступленнаго суевѣрія и постыднаго невѣжества, когда вся страна была обширнымъ лѣсомъ, гдѣ рыскалъ охотникъ, оспоривавшій у плотоядныхъ животныхъ принадлежность дикихъ владѣній ихъ. Но благородное созданіе носило образъ Божій, и по временамъ высокій умъ пронзалъ тму своего вѣка, чувствуя нѣкоторые лучи той вѣчной истины, которая находится въ природѣ. Я представлялъ себѣ также Римлянъ, съ ихъ бо-

Digitized by Google

гами, страстями и добродѣтелями обоготворенными, съ ихъ умною Философіею, съ ихъ многочисленными Искуствами, заняшыми у Грековъ, съ ихъ разсчитанною, угнешающею силою, ихъ любовью къ пышности, столь великою по своимъ дѣйствіямъ, но столь скупою, неправедною въ средствахъ, и, всего болѣе, съ шѣмъ ненасышнымъ честолюбіемъ, которое погубило свои надежды посреди моря собственнаго величія, и паденіемъ своимъ показало, какой ложной системѣ слѣдовало оно. Окружавшія меня воспоминанія показывали ясно, чѣмъ добылъ и какъ потерялъ Римъ свое могущество. Въ строгой школѣ опыша научился Варваръ завоевывашь свои права. Я былъ шакъ одушевленъ воспоминаніями, что легко предсшавилъ себѣ Гунновъ, устремляющихся на укрѣпленную Сшѣну, и разсчишывающихъ возможность успѣха по признакамъ, которые осшались опъ генія и средствъ могущественнаго непріяшеля.

Смѣшеніе неясныхъ, слѣдовавшихъ за шѣмъ образовъ, было истинною эмблемою другаго вѣка. Изъ этой шмы, послѣ долгаго и славнаго царствованія Карла Великаго, возвысился Баронскій замокъ, со своими несправедливосшями и феодальнымъ насиліемъ. Зашѣмъ явилось Аббатство, опиравшееся на шихую, спра-

Digitized by Google

дальческую религію, которая на землѣ подобилась лучу солнца, затмившему искуственный свѣтъ того позорища, гдѣ уже не было естественнаго свѣта. Тогда вспыхнула себялюбивая, продолжительная борьба двухъ непріязненныхъ началъ, не прекратившаяся донынѣ; тогда вступили въ бой могущество науки и могущество силы физической. Первое не было ни чистымъ, ни совершеннымъ, и нисходило до козней и обмановъ, въ то время какъ другое оставалось въ нерѣшительности, между страхомъ невѣдомаго и любовью къ властвованію. Монахъ и Баронъ стали врагами; одинъ не довѣрялъ втайнѣ собственному вѣрованію, другой трепеталъ послѣдствій удара, нанесеннаго его-же мечемъ; въ первомъ это было слѣдствіемъ излишней науки, въ другомъ излишняго невѣжества, между тѣмъ какъ обоихъ пожиралъ самый ненасытимый врагъ человѣческаго рода, честолюбіе.

Громкій смѣхъ мальчика заставилъ меня обратишь взглядъ къ подножію скалы. Они съ Христіаномъ Кинцелемъ восхищались и радовались, что нашли то самое мѣсто, которое занималъ хвостъ чорта. Мальчикъ былъ лучшее изображеніе Америки, какое только можно сыскать на безмѣрномъ пространствѣ его отечества. Вмѣстѣ съ Англо-Саксонскою кровью, Французъ-

Digitized by Google

ская, Шведская и Голландская кровь въ равномъ количествѣ текла въ его жилахъ. Ему не было нужно искать далеко, между предками своими, мирнаго сопутника Пенна, Гугенота, Кавалера, Пресбитеріанца, сектатора Лютерова или Кальвинова. Случай еще болѣе увеличилъ сходство его, потому что путешествуя съ малыхъ лѣтъ, онъ смѣшивалъ всѣ языки, и теперь весело изъяснялъ свое послѣднее открытіе. Эта забывчивость естественно пробудила во мнѣ цѣлый рядъ мыслей. Мнѣ представились: долговременная тайна, какою былъ облеченъ для образованнаго человѣка обширный материкъ Американскій; открытіе онаго, водвореніе тамъ, насиліе, преслѣдованія, междоусобныя войны, притѣсненія, несправедливости, бросившія на берега Америки людей всѣхъ народовъ; дѣйствіе этого столкновенія обычаевъ и мнѣній, очищенныхъ по привычкѣ и по закону отъ ихъ себялюбиваго происхожденія; новое начало обществъ... и многое, многое. Мнѣ кажется, мысли мои приблизились-бы къ самому возвышенному, если-бы Христіанъ Кинцель не прервалъ ихъ, указавъ мнѣ то мѣсто, гдѣ чортъ, въ гнѣвѣ, топнулъ по скалѣ.

Мы спустились съ вершины и пошли къ Дуэркгейму.

Digitized by Google

На походѣ, Христіанъ Кинцель сдѣлалъ не одно философическое замѣчаніе, одушевленный всего болѣе жалкимъ состояніемъ того, кто много работаетъ и мало ѣстъ. При его взглядѣ на вещи, и въ его особенномъ положеніи, ему казалось, что работа слишкомъ дешева, а вино и картофель слишкомъ дороги. Не знаю до какой глубины проникъ-бы онъ такими естественными размышленіями, если-бы мальчикъ не вздумалъ изъявить сомнѣнія о величинѣ чортова хвоста. Онъ посѣщалъ Ботаническій Садъ въ Парижѣ, видѣлъ кангуру въ Зоологическомъ Лондонскомъ заведеніи, и зналъ по именамъ разныхъ обитателей странствующихъ звѣринцевъ, которые видѣлъ въ Римѣ, Неаполѣ, Дрезденѣ и другихъ столицахъ; онъ былъ почти друженъ съ Бернскими медвѣдями, и часто хаживалъ къ нимъ въ гости. Такимъ образомъ, имѣя темное понятіе объ аналогіи предметовъ, онъ не могъ припомнить себѣ ни одного животнаго, у котораго было-бы такое огромное продолженіе позвоночной кости, что наполнило-бы этотъ родъ жолоба въ Чортовомъ камнѣ. Покуда продолжался споръ объ этомъ важномъ предметѣ, мы возвратились въ гостинницу. Дуэркгеймскій трактирщикъ не обманулъ нашихъ ожиданій. Обѣдъ у него былъ прекрасный, и обильный до роскоши.

Digitized by Google

Бутылка стараго Дуэркгеймскаго вина, въ Лондонѣ или въ Нью-Іоркѣ пошла-бы за Іоганнисбергъ, или еще за болѣе усладительную влагу, называемую Шпейнбергомъ.— Простая, искренняя учтивость, съ какою угощали насъ, множила удовольствіе.

Слишкомъ великъ былъ-бы эгоизмъ, оживить истощенныя силы и не подумать о портномъ, который не хуже насъ нѣсколько часовъ находился въ самомъ жестокомъ движеніи, на тонкомъ воздухѣ горъ. И ему также дали пообѣдать хорошо. Возстановивши свои силы, мы начали совѣщаніе, къ которому былъ допущенъ и нашъ добрый трактирщикъ.

Digitized by Google

Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Часть III. *Записки Маржерета* и *Президента де-Ту.* СПб. 1832 г. Въ ш. Акад. Наукъ; in-8, XVI и 243 стр., съ древнею каршою Россіи.

Описаніе Украйны. Соч. Боплана. Переводъ съ Французскаго. СПб. 1832 г.; in-8, въ ш. Карла, Крайя, XI и 179 стр., съ рисунками.

Сказанія Князя Курбскаго. Часть I. *Исторія Іоанна Грознаго.* СПб. 1833 г.; in-8, LXV и 316 стр., съ поршретомъ, снимкомъ и родословною.

Два года тому, въ первый разъ имя Г-на Устрялова узнали мы по изданному имъ переводу Маржерешовой книги. Привѣтствуя первый трудъ его, мы изъявили большія надежды на сего почтеннаго любителя отечественныхъ Древностей и Исторіи. Сознаемся, что Переводчикъ Маржереша обманулъ надежды наши — но, даруй Богъ шакихъ обмановъ! Въ послѣдніе два года Г-нъ Устряловъ превзошелъ трудами своими наши ожиданія, и заставилъ насъ удивляшься своему трудолюбію, неушомимой ревносши къ Отечественной Исторіи и Древностямъ, и ученому достоинству шрудовъ своихъ. Если-бы поболѣе было у насъ дѣлашелей, столь трудолюбивыхъ и шщашельныхъ, по другимъ частямъ Русской Лишшерашуры, если-бы они шакже быстро

Digitized by Google

шли впередъ, какъ Г-нъ Устряловъ, и столь-же безкорыстно, благонамѣренно дѣйствовали, то вскорѣ обогатилась-бы Литтература наша, и получила свое самобытное достоинство.

Въ оправданіе безпристрастнаго сужденія нашего напомнимъ то, что̀ сдѣлалъ въ теченіе двухъ лѣтъ Г-нъ Устряловъ. Когда первое изданіе перевода Маржерета все вышло изъ продажи, онъ издалъ его вновь, обогативъ новыми прибавленіями, и притомъ напечаталъ вмѣстѣ съ нимъ переводы рукописей Бера и Паерле, самовидцевъ событій въ Москвѣ во время Самозванцевъ, давъ названіе всему этому: *Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*. Потомъ напечатано было Г-мъ Устряловымъ Бопланово *Описаніе Украйны* (переведенное братомъ его, Г-мъ Ѳ. Устряловымъ). Наконецъ, онъ приступилъ нынѣ къ труду, не менѣе первыхъ драгоцѣнному — изданію рукописи Курбскаго, и *первый томъ* сего изданія получили и прочитали мы съ живымъ любопытствомъ. Не *обѣщаетъ*, но *надѣется* приступить послѣ того Г-нъ Устряловъ къ печатанію другихъ, сколь-же драгоцѣнныхъ, пособій для Русской Исторіи.

Краткія извѣстія о двухъ первыхъ томахъ *Сказаній о Димитріи Самозванцѣ*, читатели видѣли уже въ Телеграфѣ. Мы намѣревались представить имъ болѣе подробное разсмотрѣніе, при выходѣ *третьяго* тома, коснувшись самой сущности сихъ *Сказаній*, съ чѣмъ соединяются любопытныя Историческія изслѣдованія и выводы. Къ сему особенно подавали поводъ приложенія, какія сдѣлалъ при

Digitized by Google

2-мъ и 3-мъ томѣ Переводчикъ. Но другія занятія отвлекаютъ насъ донынѣ отъ исполненія нашего намѣренія. По этому, на сей разъ рѣшаемся мы только собрать вмѣстѣ общія извѣстія о трудахъ Г-на Устрялова, представивъ читателямъ Телеграфа объясненіе, вмѣстѣ съ прежними, о коихъ не было говорено нами, и о новой, издаваемой Г-мъ Устряловымъ книгѣ. Всѣ подробности принуждены мы отложить до перваго удобства заняться онымъ, что исполнимъ съ истиннымъ удовольствіемъ и желаніемъ добра.

Третій томъ *Сказаній* о Самозванцѣ заключаетъ въ себѣ *второе* изданіе Русскаго перевода сочиненія Маржерета, съ исправленіями въ текстѣ, и дополненіями въ примѣчаніяхъ. Къ тому вновь присовокупленъ переводъ отрывка изъ *Исторіи моего времени*, сочиненной де-Ту. Ученый мужъ сей, знаменитый писатель и юристъ XVI го вѣка, помѣстилъ, между прочимъ, въ Исторіи своей (I. A. Thuani, historia sui temporis, Парижъ, 1604 — 1609 гг.) описаніе событій въ Россіи, съ половины XVI-го вѣка. Это описаніе важно для насъ особенно тѣмъ, что де-Ту имѣлъ въ рукахъ многіе матеріялы, нынѣ неизвѣстные намъ (какъ-то: письма Іезуитовъ, записку, или донесеніе какого-то Пансерона, и проч.). Не раздѣляя высокаго мнѣнія о достоинствѣ трудовъ де-Ту, какое изъявляетъ Г-нъ Устряловъ (стр. 124), и почитая сіе мнѣніе слишкомъ преувеличеннымъ, мы соглашаемся однакожъ, что отрывокъ изъ де-Ту имѣетъ для насъ свое большое достоинство Историческое, и

Digitized by Google

готовы благодарить почтеннаго Переводчика за изданіе онаго на Русскомъ языкѣ.

Еще болѣе драгоцѣнно для Русской Исторіи *Описаніе Украйны*, Бопланово. Авторъ его былъ Французскій инженеръ, и находился въ Польской службѣ, при Сигизмундѣ III-мъ и Владиславѣ IV-мъ, всего около 17-ти лѣтъ. Онъ былъ употребленъ для важныхъ препорученій Польскими Королями; долго жилъ въ Малороссіи, лично обозрѣвалъ ее, строилъ въ ней крѣпости, сочинилъ потомъ большую карту видѣнныхъ имъ земель, и возвратясь во Францію издалъ свое: Description d'Ukranie, въ 1650 году. Посвящая свое сочиненіе, царствовавшему тогда въ Польшѣ, Королю Іоанну Казиміру, Бопланъ говоритъ о приложенной къ нему каршѣ. Къ сожалѣнію, карта сія осталась намъ неизвѣстною, ибо дошедшая до насъ Бопланова карта (какъ справедливо замѣтилъ Лербергъ) вѣрно не та: она нехороша и неискусно сдѣлана, когда, напротивъ, описанія Бопланови отличаются вѣрностію и точностію. Любопытные могутъ видѣть эту Бопланову карту при *Исторіи Малой Россіи*, соч. Г-мъ Бантышъ-Каменскимъ. Г-нъ Устряловъ не рѣшился приложить ее при изданномъ имъ переводѣ Бопланна. Можно предположить, что настоящая, большая карша Бопланова погибла, вмѣстѣ съ другими его рисунками, у вдовы гравёра Гондіуса, которая продала ихъ Королю Польскому, послѣ смерши своего мужа. Можетъ быть, сіи драгоцѣнности находятся, забышыя, гдѣ нибудь у насъ въ пыли архивовъ. По нашему мнѣнію, всего надежнѣе искать

Digitized by Google

нхъ въ богатомъ Депо картъ, при Главномъ Штабѣ. Тамъ сохранены неоцѣненныя сокровища Историческія. Бывшій при семъ Штабѣ, П. О. Деріардъ подарилъ насъ однимъ изъ такихъ сокровищъ: картою Россіи, начертанною въ царствованіе Годунова, и гравированною Герардомъ въ 1614 году. Г-нъ Устряловъ отыскалъ, кажется, сію самую карту въ Theatrum orbis terrarum, изд. 1640-го года, въ Амстердамѣ. Находка Г-на Устрялова дѣлается для насъ тѣмъ болѣе драгоцѣнною, что мы узнаемъ по ней сочинителя сей карты: это былъ юный Царевичъ Ѳеодоръ Борисовичъ, какъ видно изъ надписи (Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foedor, filius Tzaris Boris, etc). Съ особенною тщательностію сгравировалъ и приложилъ Г-нъ Устряловъ сію карту къ 3-му тому *Сказаній о Самозванцѣ*.

Бопланово сочиненіе слишкомъ извѣстно ученымъ людямъ; но оно, какъ Маржеретъ, Гербершгейнъ, Пурчасъ, сдѣлалось нынѣ весьма рѣдко въ подлинникѣ. Русскій Переводчикъ исполнилъ свое дѣло тщательно и прекрасно: передалъ подлинникъ слово въ слово, объяснилъ примѣчаніями темноты, и, кажется, что замѣчанія о трудѣ его, подобныя тѣмъ, какія были въ Сѣверной Пчелѣ, надобно почесть неосновательными. Для людей незнакомыхъ съ Бопланомъ скажемъ, что Боплану не во всемъ должно довѣрять, какъ человѣку, бывшему приверженцемъ Поляковъ, и иногда ошибавшемуся, потому, что будучи военнымъ человѣкомъ, онъ не имѣлъ ни времени, ни средствъ входить въ кри-

Digitized by Google

шическія изслѣдованія и подробности. Но шѣмъ не менѣе, книга Боплана есть собраніе извѣстій о Малороссіи и Польшѣ XVII-го вѣка, писанныхъ человѣкомъ самовидцемъ, весьма честнымъ и благонамѣреннымъ, и любопытныхъ въ высокой степени. Они раздѣлены на семь отдѣленій: одно посвящено изображенію Украйны, два Крыму и Ташарамъ, одно Казакамъ, и три Польшѣ и ея дворянству.

Послѣдній трудъ Г-на Устрялова важнѣе всѣхъ предшествовавшихъ. Извѣстно, что Князь Курбскій, столь знаменитый въ Исторіи Іоанна Грознаго своими воинскими дѣлами, дружбою съ Адашевымъ, измѣною, и бѣгствомъ въ Польшу, сдѣлался въ изгнаніи шѣмъ-же для Іоанна, что былъ Прокопій для Юстиніана. Онъ написалъ Исторію Іоанна, и страшными красками изобразилъ дѣянія сего Царя. Еще любопытнѣе, что Курбскій и Іоаннъ взаимно переписывались и бранились. Какіе драгоцѣнные памятники для цѣлаго полувѣка Русской Исторіи! Но донынѣ сіи памятники оставались доступны весьма немногимъ, извѣстные въ маломъ числѣ списковъ, и то невѣрныхъ и неполныхъ. Мы должны были полагаться на разсказы нашихъ Историковъ при ихъ ссылкахъ на Курбскаго, ибо не могли повѣрить хорошенько ни грубаго, ошибочнаго повѣствованія Щербатова, ни краснорѣчиваго изображенія Карамзина. Многіе почтенные люди давно уже думали издать Исторію Курбскаго. Такъ намъ извѣстно, что В. Ѳ. Тимковскій, братъ знаменитаго Профессора Тимковскаго, нѣсколько лѣтъ занимался

Digitized by Google

симъ трудомъ; другія заняшія отвлекли его потомъ отъ окончанія труда, и намъ неизвѣстно: гдѣ теперь находится множество матеріяловъ и изслѣдованій, собранныхъ симъ почтеннымъ знатокомъ отечественной Исторіи?

Г-нъ Устряловъ успѣлъ совершить, что только начинали другіе. При пособіи просвѣщенныхъ покровителей, особенно С. С. Уварова, онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ списокъ Исторіи Курбскаго, отысканный въ Патріаршей библіотекѣ П. М. Строевымъ, сличилъ съ нимъ *шесть* другихъ списковъ, и напечаталъ текстъ его, означивъ внизу страницъ варіянты другихъ списковъ. Дабы вполнѣ и опрятливо обработать предметъ свой, Г-нъ Устряловъ помѣстилъ передъ Исторіею Курбскаго жизнеописаніе сего замѣчательнаго человѣка, а самый текстъ Исторіи его снабдилъ множествомъ замѣчаній (болѣе 200). Кромѣ того, приложено изъясненіе неудобопоняшныхъ Славянскихъ и Польскихъ словъ, находящихся у Курбскаго. Для читателей, любящихъ хорошія изданія, скажемъ, что книга Г-на Устрялова издана не только опрятно, но даже великолѣпно — напечатана на веленевой бумагѣ, прекрасными, четкими буквами, и украшена превосходнымъ портретомъ Іоанна Грознаго: довольно сказать, что портретъ сей гравировалъ славный художникъ нашъ Н. И. Ушкинъ; для знатоковъ упомянемъ о тщательности текста, планѣ Казанской осады, снимкѣ съ Патріаршей рукописи Исторіи Курбскаго, приняшой Издателемъ въ основаніе, и родословной Курбскихъ (со-

Digitized by Google

сшавленной особенно при пособіи А. Ѳ. Малиновскаго). Намъ кажется, что Издашель, щщашельно наблюдая за вѣрностью шекспа, справедливо исключилъ грубыя ошибки правописанія. Давно казалось намъ, что при изданіи древнихъ рукописей нѣшъ никакой надобности печаташь: *Фаравоню*, *Моисеею, земля Еюпецка, моужю, Словенъску*, если явно видно, что должно споять: *Фараоню*, *Моисею, земля Египетска, мужу, Словенску*. Не позволимъ издашелямъ измѣняшь шѣхъ словъ, гдѣ вспрѣчаешся хотя малѣйшее сомиѣніе; но поблагодаримъ Г-на Устрялова, что онъ вездѣ сшавилъ: *куда*, *въ предобрый*, и проч., вмѣсто: *куды*, *впредобрый*. Другіе поступали иначе, и черезъ что безполезно зашрудняли себя и чишашелей.

Во 2-й части *Сказаній Курбскаго* помѣсшятся: письма Курбскаго къ Іоанну, и ошвѣшы Іоанна; шакже всѣ извѣсшныя намъ сочиненія и переводы Курбскаго (кромѣ Бесѣдъ Злашоуспа). Въ исчисленіи *переводовъ* (стр. XXI) *Курбскаго* не упомянушо о переводахъ его изъ *Цицерона*. Но, сколько можемъ припомнишь, въ одномъ спискѣ Курбскаго мы именно видѣли ошрывки изъ Цицеронова сочиненія, помнишся, о Дружбѣ, переведенные Курбскимъ. Намъ желашельно-бъ было, чшобы Г-нъ Устряловъ не упуспилъ изъ вида сего любопышнаго шруда, если онъ шочно сущесшвуешъ. Кромѣ шого, кажется, должно-бы прибавишь характерисшическую чершу въ Жизнеописаніи Курбскаго о шомъ, что Курбскій возбуждалъ негодованіе Поляковъ жесшокимъ обращеніемъ съ людьми,

Digitized by Google

которыми владѣлъ въ Польшѣ, женясь шамъ на Княгинѣ Дубровицкой.

Имѣя шеперь подъ рукою, послѣ шрудовъ Г-на Устрялова, Исторію Курбскаго вполнѣ, можно приступишь къ заняшію шѣмъ, о чемъ мы выше сего упомянули, ш. е. повѣркѣ и изслѣдованіямъ кришическо-исшорическимъ. Курбскій былъ причиною сшрашнаго обвиненія, которое лежишъ на памяши Іоанна, и особенно сдѣлалось общимъ мнѣніемъ послѣ Карамзина: ширанъ неслыханный, кровопійца, превосходящій свирѣпосшью Калигулъ и Нероновъ, онъ шолько чшо не ѣлъ людей, но походилъ на кровожаднаго звѣря, кошорый шерзаешъ изъ наслажденія, для шого, чшо любишъ видѣшь шекущую кровь человѣческую. И эшошъ ужасный харакшеръ соединяюшъ съ памяшью Государя славнаго, умнаго, воина счасшливаго и законодашеля мудраго! Для чесши Человѣчесшва надобно подробно изслѣдовашь сіе обсшоящельсшво, и — досшойнымъ презрѣніемъ наградишь Исшорика, если онъ изъ *хвасшливосши авшорскаго краснорѣчія* осмѣлился безразсудно подшвердишь клевешы совремешника, несбышочныя и нелѣпыя. Не будемъ опромешчивы въ Исшорическомъ судѣ, когда въ Земскомъ какомъ нибудь Судѣ ошибка счишаешся наравнѣ съ прессшупленіемъ. Если Іоаннъ шочно явишся по приговору пошомсшва уродомъ Человѣчесшва, въ коемъ были соединены высокія качесшва съ ошвращишельными пороками — горесшно вздохнемъ объ немъ, и похвалимъ Исшорика, указавшаго на сей нравсшвенный феноменъ; но если

Digitized by Google

Іоаннъ явился великимъ человѣкомъ, непревышавшимъ нравственностью свой вѣкъ, полудикій, свирѣпый; если будешъ притомъ доказано, что его жестокія свойства были необходимостью государственною, и слѣдствіемъ ожесточенія и презрѣнія, какое возбуждали въ немъ всѣ окружавшіе его, все, что онъ видѣлъ и испыталъ; если, наконецъ, увѣримся мы въ нелѣпости многихъ обвиненій на Іоанна, то намъ слѣдуешъ возвыситься надъ риторическими фразами саншименшальности, и философски разсматриваешъ Іоанна и вѣкъ его, какъ разсматриваютъ нынѣ другіе предметы бывшія минувшаго, какъ безпристрастно судятъ нынѣ Макіавеля, Людовика XIV-го, Генриха IV-го, Наполеона, смотря съ новой точки на систему политики перваго, волокитство и тиранство втораго, хвастливое щегольство добродѣтелью трешьяго, и честолюбіе послѣдняго. Читатели Телеграфа могли замѣтишь, изъ многихъ статей, что вообще мы несогласны съ Карамзинымъ въ мнѣніи объ Іоаннѣ Грозномъ, и почитаемъ сіе мнѣніе его столже ошибочнымъ, какъ ошибочны мнѣнія его о Мономахѣ и Олегѣ, Василіи Темномъ и Шемякѣ, Александрѣ и Андреѣ Ярославичахъ, Борисѣ Годуновѣ, Мстиславѣ Удаломъ, Ярославѣ, Владимірѣ, Всеволодѣ Георгіевичѣ, какъ несправедливы сотни другихъ невѣрныхъ мнѣній, которыя ввелъ Карамзинъ въ нашу Исторію, говоря о началѣ Руси, Удѣльныхъ бишвахъ, нашествіи Ташаръ, Малороссійскихъ Казакахъ, и проч. и проч.

Для полнаго рѣшенія вопроса объ Іоаннѣ, слѣ-

Digitized by Google

дуетъ рѣшить предваритьльно многое, и между прочимъ опредѣлить самую степень достовѣрности повѣствованій Курбскаго. Предоставляя себѣ опыты такихъ рѣшеній въ будущемъ, скажемъ, что Г-нъ Устряловъ предлагаетъ намъ всѣ необходимые факты; но самъ онъ рѣшительно удаляется отъ всякихъ критическихъ вопросовъ Исторіи. Его мнѣнія, сказанныя мимоходомъ, есть что-то среднее между Карамзинымъ и противниками Карамзина. Г-нъ Устряловъ вообще, какъ будто не смѣетъ договаривать того, на что намекаетъ въ Предисловіяхъ къ *Сказаніямъ о Самозванцѣ* и *Сказаніямъ Курбскаго.*

Такая робость, такая недовѣрчивость, безъ сомнѣнія, похвальны, по крайней мѣрѣ благоразумны. Но осудимъ-ли послѣ сего и смѣлость тѣхъ, которые самонадежно идутъ противъ авторитета предразсудковъ и ложныхъ мнѣній? Не похвально-ли даже и пасть въ битвѣ противъ громкаго авторитета, бывши увѣреннымъ, что мы пали за истину? Къ несчастію, таковъ удѣлъ человѣка, что добро сдѣлать ему трудно, а зло весьма легко. Такъ въ жизни, такъ въ Наукахъ, и — въ Исторіи. Если-бы смѣльчаки избранные ни на что не осмѣливались, то ничего-бы и не дѣлалось. При лѣности и безпечности людской, при жалкой привычкѣ къ заштверженному, пристрастіи, съ какимъ держатся люди за ошибки свои, повторяемъ — добро въ Наукѣ сдѣлать столь-же трудно, а зло причинить столь-же легко, какъ и въ общественъ-

Digitized by Google

ныхъ отношеніяхъ. Притомъ сообразите, что едва успѣваютъ люди управиться съ одною нелѣпостью, вырастаетъ десять новыхъ. Такъ иногда пожелалъ-бы, для пользы общей, одному негодяю литературному отправиться на тотъ свѣтъ, но боишься, чтобы въ замѣну его не явилось ихъ десять новыхъ.

Сохрани насъ Богъ — обвинять почтеннаго Г-на Устрялова въ потачкѣ заблужденіямъ, украшеннымъ громкими авторитетами, и въ скромности, недопускающей его сказать то, въ чемъ онъ, кажется, совершенно увѣренъ, какъ изъ всего это видно. Нѣтъ! мы желаемъ только, чтобы и то, что говоритъ онъ отъ себя, сообщая драгоцѣнные памятники старины, соотвѣтствовало внутреннимъ достоинствомъ прекраснымъ трудамъ его. Посему хотимъ мы теперь немного поговорить объ его *Предисловіи* къ *Сказаніямъ Курбскаго*, съ которымъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ, мы не совсѣмъ согласны. Да примутъ слова наши почтенный Г-нъ Устряловъ, какъ доказательство глубокаго нашего къ нему уваженія. Онъ самъ могъ замѣтить, что даже со многими людьми, которые пишутъ и издаютъ противъ Издателя Телеграфа, и трудовъ его, цѣлыя книги; которые безпрерывно печатаютъ противъ него огромныя статьи, и тѣмъ вызываютъ его на отвѣтъ и споръ — онъ говоритъ не желаетъ.

Дѣло не о читателяхъ неопытныхъ, но о знатокахъ Исторіи и Древностей. Намъ даже пріят-

Digitized by Google

но попротиворѣчить Г-ну Успрялову, думая, что истина можетъ выиграть, если противорѣчатъ другъ другу люди взаимно себя уважающіе, благонамѣренные, съ истиннымъ желаніемъ пользы.

Заблужденія человѣческія, по видимому, безконечны: они, какъ вечернія тѣни, слѣдуютъ безпрерывно за яснымъ днемъ. Русская Исторія уже много видѣла ихъ въ свой чередъ. Хвастливое невѣжество, желаніе отличиться на зло истинѣ, слѣпое пристрастіе къ родному, излишняя замысловатость учености — все это испытывала, и испытываетъ еще донынѣ Отечественная Исторія наша. — Многое было такъ нелѣпо, что теперь съ трудомъ повѣрили-бы существованію того или другаго заблужденія, если-бы не осталось намъ объ этомъ вѣрныхъ доказательствъ. Каково, напримѣръ, то событіе, что когда Миллеръ началъ утверждать происхожденіе Руссовъ отъ Шведовъ, невѣжество ученыхъ современниковъ представило его врагомъ отчизны, унижающимъ славу Русскую, умышленно утверждающимъ происхожденіе Рускихъ отъ враговъ, и — темною интригою, невѣжды довели до того, что Миллеру запретили говорить истину, впослѣдствіи всѣми признанную. И въ Исторіи были свои Галилеи и Гуссы. — Можно-ли и тому повѣрить, что грубѣйшая выдумка Іоакимовой лѣтописи долго волновала умы нашихъ Историковъ, и съ этою поддѣлкою самого Татищева (или неизвѣстнаго монаха, отъ котораго онъ получилъ ее) надобно было сражаться не шутя?

Digitized by Google

А въ наше время, развѣ не было подобнаго? Не въ осужденіе людей, оказавшихъ незабвенныя заслуги нашей Исторіи, вспомнимъ ошибку почтеннаго Барона Розенкампфа, который думалъ видѣть въ грубыхъ припискахъ Никоновской лѣтописи слѣды древнѣйшихъ, погибшихъ для насъ Лѣтописцевъ; вспомнимъ систему Хазарскаго происхожденія Руссовъ, изобрѣтенную почтеннымъ Эверсомъ, распространенную Нейманомъ, и доведенную до смѣшнаго Фатеромъ; вспомнимъ Добровскаго, который въ церковныхъ книгахъ искалъ памятниковъ древнѣйшаго языка Славянскаго. Должно-ли говорить о частныхъ заблужденіяхъ, на примѣръ, того писателя, который, подобно Рудбекамъ и собратіи его, превратилъ Булгаровъ въ Славянъ, Аттилу въ Славянина, и недалеко ушелъ отъ Тредьяковскаго, думавшаго, что и Адамъ былъ природный Славянинъ; или о гипотезѣ Гольмана, нашедшаго родину Рурика въ Голштиніи? Явись такія мнѣнія подъ покровомъ славнаго автора — они не возбуждали-бы только улыбки, но могли-бы подать поводъ къ общимъ сомнѣніямъ и многолѣтнимъ повѣрьямъ. Развѣ Татищевъ въ старое время, и Карамзинъ въ наше время не явные сему примѣры? Авторитетъ Карамзина все еще заставляетъ робѣть въ признаніи его ошибокъ, и самыхъ невѣрныхъ понятій, какія прикрылъ онъ прекраснымъ разсказомъ и славою своею. Теперь уже многіе въ этомъ не сомнѣваются — не сомнѣваются, такъ! а откроютъ сказать все таки не смѣютъ, или — не хотятъ!

Digitized by Google

Но, все проходитъ, и, какъ мы сказали, многіе уже понимаютъ истину въ заблужденіяхъ Карамзина. Придетъ время, что всѣ откроютъ станутъ въ этомъ сознаваться. Между тѣмъ неистощимый источникъ Историческихъ заблужденій начинаетъ уже проявлять намъ другія новости, несправедливыя не менѣе прежнихъ. Новыя ошибки въ Русской Исторіи долженствуютъ быть, естественно, противоположны старымъ: противодѣйствіе (réaction) всегда слѣдуетъ за дѣйствіемъ, и изъ одной крайности человѣкъ всегда впадаетъ въ другую. Всего легче фанатику сдѣлаться вольнодумцемъ, и на оборотъ.

Кажется, что теперь нѣкоторые изъ занимающихся Отечественною Исторіею хотятъ ввести къ намъ особенную, новую секту Историческаго Критицизма. Мы не упоминаемъ *именъ* сихъ нововводителей, дабы тѣмъ удалить всякое подозрѣніе въ личности. Наше желаніе предупредить только ошибочныя мнѣнія, которыя начинаютъ появляться, и могутъ увлечь другихъ своею новостію.

Какъ прежде была у насъ вообще школа безотчетной Исторической довѣренности, такъ теперь многіе хотятъ увлечь насъ въ школу критическаго скептицизма. Уже появляются, тамъ и сямъ, мимоходомъ сказанныя сомнѣнія, въ силу коихъ мы должны отвергнуть почти все то, чему вѣрили донынѣ. Читая и перечитывая Несторову Лѣтопись, критическіе скептики выводятъ наконецъ, что

Digitized by Google

Несторъ совсѣмъ не писалъ этой лѣтописи; что она составлена въ позднѣйшія времена, и, слѣдственно, содержитъ въ себѣ пустые вымыслы; что *Правда Русская* есть Нѣмецкое уложеніе, переведенное предками нашими изъ любопытства, и никогда не бывшее въ употребленіи. Все — и *Слово о полку Игоревомъ*, и старинные законы, и древніе лѣтописи — должно пасть въ забвеніе передъ грознымъ судомъ новаго Скепти-цизма.

Такія идеи, высказанныя одними, ведутъ другихъ къ утвержденію дальнѣйшихъ скептическихъ положеній. Является странная мысль, что и самая Исторія древней Руси не заслуживаетъ никакого вниманія; что Исторія Русская начинается только съ Іоанна III-го, а собственно говоря только съ Петра Великаго. Что-же было прежде? Ничего: хаосъ пустыхъ сплетней, бойня, рѣзня, безумныя междоусобія, не представляющія никакого политическаго достоинства, никакой прагматической достовѣрности. Историку не стоитъ этимъ заниматься; художнику и поэту нечего тутъ извлечь.

Видите-ли во всемъ этомъ противодѣйствіе прежнимъ идеямъ объ Исторіи Русской, и объ источникахъ Русскаго дѣписанія? Татищеву и Щербатову казалось, что самые Скиѳы и Киммеріане принадлежатъ къ нашей Исторіи, и что Рюрикъ былъ такой-же Царь Русскій, каковы были Михаилъ и Алексій. Имъ въ голову не приходило сомнѣваться объ Уставѣ Церковномъ Владиміра, объ

Digitized by Google

ярлыкахъ Башыя, данныхъ Пешру Митрополиту, о томъ, что Олегъ прибилъ щитъ къ воротамъ Царяграда: какъ не вѣришь, когда это *написано* въ *старой* лѣтописи, и *напечатано* въ Степенной книгѣ, или въ Вивліоѳикѣ? Въ Карамзинѣ видимъ уже критику дѣльную, разборъ, отдѣленіе нелѣпыхъ выдумокъ, повѣрку, но — идеи его все еще оставались старыя: онъ иногда самъ не вѣритъ, а повторяетъ. Новѣйшіе скептики хотятъ идти далѣе, и падаютъ въ бездну пустоты, подобно конямъ Омировыхъ боговъ, въ одинъ скачекъ проскочивъ черезъ весь міръ, и въ другой падая внѣ предѣловъ его.

Подождемъ до тѣхъ поръ, когда новые скептики станутъ говорить опредѣленно и точно. Теперь еще не стоитъ опровергать ихъ неопредѣленныхъ и неточныхъ намековъ. Мы согласны въ томъ, что недовѣрчивость и критика необходимы Историку; что могутъ быть сдѣланы въ Исторіи важныя, новыя открытія; но — здѣсь конецъ скептицизма нашего, на благоразумной срединѣ. Столько-же нелѣпо вѣрить всему, что находится въ Лѣтописяхъ нашихъ, и не отличать позднѣйшихъ прибавокъ какой нибудь *Степенной книги*, или *Царственнаго Лѣтописца*, сколь нелѣпо думать, что какой нибудь Гизель, или Калнофойскій, сочинили наши древнія лѣтописи въ XV—XVI вѣкѣ, или, что Русская Правда есть переводъ Ганзейскаго уложенія XV-го столѣтія. Такъ и въ мнѣніи о первоначальной Исторіи Руси: столь-же

Digitized by Google

ошибочно будутъ предполагать полное развитіе государственнаго быта во времена Рурика, Удѣловъ и Монголовъ, сколь и осуждать всю древнюю Русскую Исторію на безуміе и небытіе политическое. Это все равно, что толковать о цвѣтахъ, бросивъ въ сторону корни, стволъ, вѣтви и листья, или разсматривать голову и сердце, забывъ руки, ноги, тѣло, желудокъ человѣка. Одинъ вопросъ: можемъ-ли понимать нашу Исторію отъ Петра до нашего времени, если не знаемъ Варяговъ, Славянъ, отношеній Руси къ Греціи, Европѣ, Папѣ, Монголамъ, или событій въ періодѣ Удѣловъ? Не можемъ, ибо безъ этого не узнаемъ мы основныхъ элементовъ, которымъ Петръ далъ только новую форму. Еще вопросъ: могло-ли явиться нѣчто прагматическое отъ временъ Петра, если до него было только безобразное броженіе стихій общественныхъ? Не могло, ибо Петръ не создалъ Россіи, но только далъ старому новое, сильное направленіе. Словъ не достаетъ на опроверженіе той ошибочной мысли, что первобытныя Исторіи другихъ Государствъ въ началахъ своихъ представляютъ болѣе живую, болѣе дѣятельную жизнь, болѣе обширный кругъ слѣдствій, какихъ не было въ Русской древней Исторіи. Мы рѣшительно утверждаемъ, что относительнаго, превышающаго достоинства въ Исторіи одного государства, или народа, противъ другихъ — нѣтъ, и быть не можетъ. Разумѣется, что мы не принимаемъ здѣсь Исторіи Санъ-Маринской республики, Исторіи какого нибудь Бадахшана, или Саксенъ-

Digitized by Google

Кобурга, въ противоположность съ Исторіею Рима, Греціи, Франціи; но поставляя передъ собою перспективу Историческихъ важнѣйшихъ предметовъ, мы увѣрены, что Грецiя, Римъ, Франція, Персія, Монголія, Россія, въ глазахъ просвѣщеннаго наблюдателя, суть равно важны и велики; по нашему мнѣнію, столь-же важна и характерна борьба Мстислава Удалаго съ современниками, какъ война Пелопонезская, или смятеніе Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Поэтъ и художникъ, если только у нихъ есть истинное дарованіе, найдутъ столько-же красокъ въ изображеніи Святослава, въ отношеніяхъ Руси къ Ганзѣ, Греціи, Монголамъ, въ Исторіи Новгорода и Кафы, Галича и Москвы, сколько нашелъ ихъ В. Скоттъ въ мелкихъ распряхъ Шотландскихъ горцевъ и Пуританъ, походахъ Ричарда и безразсудствѣ Карла Смѣлаго, или Куперъ въ войнѣ за независимость Америки, и въ изображеніяхъ Американскихъ дикарей и корсаровъ. Такъ и истинный Историкъ всегда увидитъ въ древней Исторіи Русской стройное, систематическое, исполненное любопытства и уроковъ для Человѣчества развитіе духа народнаго и быта общественнаго; всегда узнаетъ онъ характеристическія отличія главныхъ дѣйствователей Русской земли, не смотря на мнимое однообразіе и безпорядокъ, въ какомъ предстaвляется намъ, съ перваго взгляда, Исторія Русская съ IX-го до XVIII-го вѣка.

Совсѣмъ не о такихъ, совершенно несправедли-

Digitized by Google

выкъ и ложныхъ, мнѣніяхъ, хотимъ мы говорить, разсматривая *Предисловіе* Г-на Устрялова къ *Сказаніямъ Курбскаго.*

Мы желали-бы, прежде всего, чтобы *Исторіи*, въ самомъ началѣ Предисловія, сдѣлано было Г-мъ Устряловымъ опредѣленіе выше Карамзинскаго. Карамзинъ видѣлъ въ Исторіи какое-то поучительное уложеніе, съ коимъ справляются правители и государственные мужи, и которое простолюдины должны читать для того, чтобы утѣшиться въ непріятностяхъ своего настоящаго положенія; при томъ-же Исторія и довольно занимательное чтеніе, какъ увѣряетъ Карамзинъ, а если иногда и бываетъ она скучна, то надобно читать его изъ уваженія къ памяти предковъ, какъ надобно не зѣвая слушать разсказы стараго дѣда, изъ уваженія къ его сѣдинамъ.

Почти тоже говоритъ, хотя нѣсколько иначе, Г-нъ Устряловъ: Исторія наставница человѣковъ— « не одни правители государствъ почерпаютъ въ ней спасительныя наставленія; каждому, *и воину, и художнику, и ученому, и купцу*, она служитъ надежнымъ путеводителемъ. Исторія возвысила, облагородила Человѣчество; укоры ея страшатъ наглую силу; привѣтъ ея ободряетъ изнемогающую доблесть; въ ней находятъ подругу, утѣшительную, непзмѣнную, несчастныя жертвы рока.» Послѣднее такъ, но все первое едва-ли вѣрно! Къ сожалѣнію, не всегда почерпаютъ въ Исторіи спасительныя наставленія тѣ люди,

Digitized by Google

которые составляютъ собою Исторію; еще менѣе можно почесть Исторію *надежнымъ путеводителемъ воина, купца, ученаго, художника*, если не имѣть въ виду *частныхъ направленій Исторіи*, а только смотрѣть на высшее, *философское* направленіе оной. Отъ того Исторія дробится на тысячу измѣненій, даже самыхъ ничтожныхъ; можетъ имѣть тысячи предметовъ и отношеній. Баранша читаете, какъ романъ, Винкельмана, какъ приложеніе практики къ теоріи Изящнаго, Иродота, какъ сказку, Фазель-Аллаха-Рашида, какъ типъ Восточнаго образованія. Извлеченіе-же истины для приложеній философскихъ — это верховное направленіе Исторіи, не соотвѣтствуетъ тому, что говоритъ Г-нъ Устряловъ, ибо дѣйствіе такого направленія всегда будетъ непосредственно въ практикѣ жизни, какъ непосредственно дѣйствіе на практическую жизнь Философіи и Поэзіи. Исторія живетъ сама для себя, какъ Изящное есть само себѣ цѣль. Слова Де-Сеза, приводимыя Г-мъ Устряловымъ, прекрасны; но — послушался-ли ихъ Конвентъ? Еще менѣе слушаются Исторіи люди въ частныхъ своихъ отношеніяхъ. Законъ и Нравоученіе говорятъ имъ гораздо положительнѣе уроковъ Исторіи, и тутъ безъ Уголовнаго Права, и безъ неумолимаго отчета совѣсти, дѣло не обходится.

Но если согласиться, что Исторія есть нравственное поученіе для человѣка, во всѣхъ званіяхъ и отношеніяхъ, то сіе косвенное и частное на-

Digitized by Google

правленіе не есть произведеніе нашего времени, послѣ трудовъ Юма и Гердера (Пред. стр. V—VI). Кажется, что оно началось съ первой замѣтки человѣка о прошедшемъ, ибо именно, мнѣніе, что Исторія есть нравственное поученіе, было главною мыслію самыхъ древнихъ дѣписателей. Возьмемъ родные примѣры: нашъ Аврамій Палицынъ говоритъ въ началѣ своей Лѣтописи: «Исторія въ памятъ предыдущимъ родамъ, да незабвенны будутъ благодѣянія Божіи,» и проч. Такъ думали и говорили всѣ старинные лѣтописцы.

Слова Г-на Устрялова о томъ, что истина почитается нынѣ основою, на которой воздвигаютъ Исторію, и что для сего-то стараются нынѣ извлечь изъ забвенія всѣ памятники старины, хотятъ слышать подлинныя слова самовидцевъ и стариковъ, кажутся намъ не совсѣмъ точны. Стараніе сохранять и издавать памятники было всегда предметомъ, большаго или меньшаго, попеченія всѣхъ просвѣщенныхъ, и даже непросвѣщенныхъ народовъ. Нынѣ приняло только это направленіе особенное, *Художническое* и *Философское.*

То, что говоритъ Г-нъ Устряловъ о преимуществѣ Записокъ (Mémoires) передъ Лѣтописями, и особенно передъ *нашими*, Русскими Лѣтописями, краткими, сухими, исполненными одинаково благочестиваго духа, набожности, и какого-то фатализма — справедливо. Конечно, живой разсказъ

Digitized by Google

самовидца, даже и пристрастный, вводитъ насъ въ самую жизнь прошедшаго, ярко образуетъ передъ нами характеры и живо пишетъ портреты. Но совершенно-ли справедливо мнѣніе, что изъ Лѣтописцевъ нашихъ трудно, если не совсѣмъ невозможно, разгадывать причины и подробности событій, и что если-бы не отшельники писали ихъ, а какіе нибудь государственные люди, то одушевили-бы ихъ жизнью полнѣе, далѣе-бы видѣли, и лучше-бы разсказывали? Съ этимъ мы не совсѣмъ согласны.

Во-первыхъ, опытный и умный критикъ, и смѣтливый наблюдатель, могутъ извлечь причины изъ самаго простаго разсказа нашихъ лѣтописцевъ. Онѣ таятся въ немъ, какъ искры подъ пепломъ, для тщательныхъ изысканій. Ссылка на Сашану, какъ на виновника всѣхъ ссоръ, была у стариковъ нашихъ только употребительною формулою, такъ какъ была она общимъ повѣрьемъ нашей старины. Кромѣ того сотни примѣровъ можно показать, гдѣ замѣтки нашихъ лѣтописцевъ положительно показываютъ намъ истинныя причины событій, показываютъ ихъ ясно, добродушно и вѣрно. Въ нихъ нѣтъ той болтливости, той велерѣчивости, какою отличаются Лѣтописи Западныя; за то, будучи скупы на слова, онѣ не впадаютъ и въ заблужденія, въ какія безпрестанно заводитъ западныхъ повѣствователей ихъ схоластика, краснорѣчивое многоглаголаніе, и желаніе хвастать пустою ученостью. Въ этомъ излишествѣ всякихъ

Digitized by Google

украшеній, по нашему мнѣнію, гораздо трудніе доискиваться правды.

Во-вторыхъ, мысль, что будто повѣствованіе, писанное государственнымъ человѣкомъ, будетъ разительнѣе, сильнѣе писаннаго человѣкомъ ничтожнымъ по званію, не участвовавшимъ въ тайнахъ событій великихъ, кажется намъ невѣрною. Ее повторяютъ издавна многіе, и даже многіе говорятъ, будто Древніе потому именно лучше новѣйшихъ писали, что ихъ Историки были дѣйствователями государственными. Если и допустишь, что все это справедливо въ отношеніи къ современному, къ происходившему передъ глазами повѣствователя, то спрашиваемъ: въ *прошедшемъ* будетъ-ли это справедливо? Человѣкъ государственный, напрошивъ едва-ли можетъ быть великимъ дѣписателемъ, и критикомъ, извлекающимъ истину изъ пыли минувшаго. Почти всѣ примѣры Исторій (хотя ихъ и немного), писанныхъ людьми государственными, были неудачны. Для Исторіи также надобно родиться человѣку, какъ для Военнаго Искуства, для Политики, для Философіи, и рѣдко умъ, великій въ политическомъ направленіи, можетъ быть хорошимъ дѣписателемъ. Робертсоны, Гиббоны, Тьерри, Юмы не были Министрами, и на оборотъ— Гизо, Барантъ, Нибуръ, І. Мюллеръ — великіе Историки, оказались Министрами самыми плохими на практикѣ. Прочитайте Исторію Революціи, писанную Неккеромъ — это рѣшительно жалкое созданіе! Всеобъемлющіе геніи являлись: Юлій Цезарь и Напо-

Digitized by Google

леонъ были Политическіе практики и Историки равно великіе — но многихъ-ли еще прибавимъ къ этимъ *двумъ?*

И въ самыхъ современныхъ событіяхъ, въ замѣну живости, полноты разсказа, сколько неудобствъ является для насъ въ повѣствованіи самовидца, отъ его ограниченнаго взгляда, личныхъ отношеній, страстей, эгоизма! Саллустій, напримѣръ, не говоритъ о Цицеронѣ, главномъ дѣйствователѣ въ разрушеніи Катилинина заговора. Взгляните на современниковъ нашихъ: Савари, Сегюра, Бурьена; разберите Данжо и Сенъ-Симона; даже Записки современниковъ, изданныя у насъ въ Руси. Вы увидите, что выгоды отъ нихъ почти всегда равняются съ неудобствами. Таковы люди, съ своими страстями, личностями, и ложнымъ, или неправильнымъ образомъ воззрѣнія.

Г-ну Устрялову хотѣлось-бы вовлечь въ чтеніе Историческихъ матеріяловъ не однихъ ученыхъ, но и всю образованную публику. Мысль похвальная; но вѣрна-ли она? Г-нъ Устряловъ ссылается на всеобщее чтеніе записокъ Сюлли, С. Симона, и Бурьена, и съ горестью прибавляетъ, что *хроники наши покоятся въ архивахъ, не удостоиваемыя благосклоннымъ взоромъ.* Все это показываетъ, прекрасное патріотическое стремленіе Г-на Устрялова; но желаніе его никогда не можетъ исполниться: никогда не привлечете *публики-собственно*, даже самой образованной, къ чтенію Историческихъ матеріяловъ. Да, этого и требовать отъ нея не

Digitized by Google

льзя: чтеніе есть для нея отдыхъ, пріятное занятіе, рѣдко поученіе. Тогда только не ученый-собственно, поэтъ, художникъ, свѣтскій человѣкъ, государственный человѣкъ, принимается за чтеніе съ цѣлью особенною, когда встрѣтится въ томъ особенная надобность, или частная потребность. Чтеніе Записокъ Бурьеня, Герцогини Абрантской, Реца, С. Симона — временная мода! И притомъ: *какъ* ихъ читаютъ? Какъ сказку просто, какъ разсказъ умнаго, бывалаго человѣка. Неужели изслѣдованіе высокихъ Историческихъ истинъ, изысканіе фактовъ для познанія человѣка, глубокое испытаніе страстей, и ихъ яркаго развитія, поученіе нравственное, уроки для дѣйствительной жизни бываютъ у читателей обыкновенныхъ цѣлью чтенія Бурьеня и Сюлли, С. Симона и Реца? Не думаемъ. Наши хроники не представляютъ бѣглаго *интереса* обыкновеннымъ читателямъ, и онѣ никогда не дождутся читателей, кромѣ тѣхъ, которые посвятили уже себя Исторіи, какъ наукѣ, или должны заняться ими по охотѣ, или особеннымъ потребностямъ.

Наконецъ, отъ того-ли только *хроники наши покоятся въ Архивахъ*, что мы *едва удостоиваемъ благосклоннымъ взоромъ сказанія нашихъ прототцевъ?* Г-нъ Устряловъ приводитъ примѣръ: «Что сказали-бы Нѣмцы, или Англичане, если-бы они свѣдали, съ какимъ равнодушіемъ смотримъ мы на произведенія пера Курбскаго, оставляя оныя въ жертву тлѣнія, въ безобразныхъ спискахъ, въ недоступныхъ книгохранилищахъ, куда нерѣдко съ неимовѣрнымъ затрудненіемъ проникаетъ умъ жаж-

Digitized by Google

дущій познаній?» Нѣмцы и Англичане сами знаютъ, что обнародованіе Лѣтописей и у нихъ, большею частію, есть слѣдствіе великодушнаго пожертвованія какого нибудь любителя, плодъ трудовъ человѣка, жертвующаго всѣмъ предмету своей страсти, или роскошь Правительства, которое иногда удѣляетъ для сего какую нибудь сумму, зная, что подобныя предпріятія стоятъ недорого, а чести приносятъ много. Не говоримъ о трудности — сыскать въ одно время и средства для изданія, и человѣка, способнаго наблюсти за онымъ: люди моглибы сыскаться, и средства изданія также (хотя ихъ отыскивать гораздо труднѣе!); но самъ Г-нъ Устряловъ говоритъ о *недоступности книгохранилищъ*, куда нерѣдко и самый жаждущій познаній умъ *проникаетъ съ неимовѣрнымъ затрудненіемъ*. Увы! эту причину прежде всего надобно-бъ было выставить почтенному Издателю, говоря объ изданіи матеріяловъ для Русской Исторіи! Благо намъ, что при великодушномъ, просвѣщенномъ Монархѣ, любящемъ отечественныя бытописанія, спадаютъ уже замки и запоры съ Архивовъ; трудолюбіе ученыхъ начинаетъ стирать пыль съ древнихъ хартій; являются достойные Монарха вельможи, покровители, дающіе средства заняться тѣмъ, что гнило цѣлые вѣка въ Архивахъ, жертвою времени и невѣжества. Но еще не во всѣ умы проникло столь благодѣтельное дѣйствіе просвѣщенія. Эгоизмъ, жадная скупость, мнимое сохраненіе тайнъ, безпечное невѣжество долго еще будутъ полагать преграды усердію и ревности тружениковъ. Долго еще многіе будутъ смотрѣть на заня-

Digitized by Google

шія Историческими памятниками, и храненіе ихъ, какъ на производство дѣлъ въ Гражданской, или Уголовной Палатѣ, требующее *канцелярской тайны*, и обязывающее ихъ поставлять препятствія безкорыстному желанію труда.

«Стеченіе разныхъ обстоятельствъ затрудняло доселѣ изданіе Курбскаго,» говоритъ Г-нъ Устряловъ, и упоминаетъ о рѣдкости списковъ, тягости труда, неувѣренности въ успѣхѣ предпріятія. Все это правда; но не это было главное. — Кто посмѣлъ-бы приняться за Курбскаго, если-бы не царствовалъ Николай, Государь просвѣщенный и великодушный? Какое-то странное честолюбіе народное заставляло донынѣ стыдиться за пороки и преступленія нашихъ праотцевъ, и при этомъ странномъ честолюбіи Курбскому не льзя было освободиться изъ мрака книгохранилищъ....

Съ особеннымъ удовольствіемъ читали мы слова Г-на Устрялова, что преградъ, непреоборимыхъ другому, для него не было. «Вездѣ, куда ни обращался, встрѣчалъ я самое лестное участіе» — говоритъ Г-нъ Устряловъ. Съ особенною признательностію упоминаетъ онъ послѣ сего имена: А. Н. Оленина, С. С. Уварова, К. М. Бороздина, и А. Ѳ. Малиновскаго, мужей, извѣстныхъ уже просвѣщеніемъ и покровительствомъ начинаній полезныхъ. Мы осмѣливаемся послѣ сего надѣяться, что при участіи такихъ почтенныхъ покровителей, Г-нъ Устряловъ будетъ имѣть средства къ дальнѣйшему продолженію полезныхъ и достойныхъ всякой признательности трудовъ своихъ. Поле необозримое передъ нимъ, за что бы ни рѣшился онъ при-

Digitized by Google

няться: за Русскія-ли наши лѣтописи, за извѣстія-ли иностранцевъ о Древней Руси, за дипломатическія-ли наши акты — все это равно важно и драгоцѣнно. Не грустно-ли думать, что донынѣ не изданъ еще у насъ ни одинъ изъ важнѣйшихъ списковъ Лѣтописей: ни *Кіево-Волынскій*, ни *Лаврентьевскій*!

Мы полагаемъ, что замѣчанія наши, и несоглашенія въ нѣкоторыхъ выводахъ, не оскорбятъ Г-на Устрялова, и что ихъ, какъ мы выше сказали, приметъ онъ знакомъ особеннаго уваженія нашего къ трудамъ его, и пламеннаго желанія видѣть сіи труды во всемъ совершенными. По крайней мѣрѣ, сіи чувства руководствовали насъ при чтеніи всего чѣмъ даритъ соотечественниковъ Г-нъ Устряловъ, и при изложеніи прошиворѣчій нашихъ сему почтенному знатоку и любителю отечественныхъ Древностей и Исторіи.

Н. П.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

— *Комета Бѣлы*, Альманахъ на 1833 годъ. СПб. Въ т. вдовы Плюшаръ съ сыномъ. 1833. V и 376 стр. in-16.

Въ настоящее время трудно составить хорошій Русскій Альманахъ. Онъ пересталъ быть изданіемъ моднымъ, въ которомъ лучшіе Литтераторы участвуютъ усердно и охотно. Множество неудачныхъ и дурныхъ альманаховъ уронили славу изданій сего рода, и теперь гдѣ взять для нихъ матеріяловъ? Благоразумный издатель долженъ по неволѣ держаться посредственности, когда не льзя завоевать лучшаго и совѣстно кликнуть толпу бездарную. Для прикрасы надобно выставить нѣсколько именъ, любимыхъ публикою, уже не спрашивая что̀ появится съ ними въ печати. Не худо убрать понаряднѣе свое изданіе, какъ запоздалую невѣсту, у которой надобно скрыть похищенія времени косметическими хитростями и нѣжными произведеніями модныхъ торговокъ. Что-жь дѣлать! Этому виною время!... Но даже для настоящаго времени, даже при нынѣшней холодности

Digitized by Google

публики и литераторовъ къ альманахамъ, *Комета Бѣлы* заслуживаетъ вниманіе. Ничего нѣтъ въ ней поразительно-хорошаго, но нѣтъ ничего и убійственно-дурнаго. Исчислимъ всѣ прозаическія статьи оной, и упомянемъ о стихотвореніяхъ.

Отрывокъ изъ новаго романа Г-на Булгарина, и *Эпизодъ* изъ новаго романа Г-на Греча, отличаются хорошимъ слогомъ; судить о нихъ теперь не льзя, ибо надобно видѣть отношеніе ихъ къ цѣлому романа. — *Сказка о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому проспекту* — настоящая статья Нѣмецкихъ альманаховъ, юмористическо-поэтическая. — *Галлеева Комета*, фантазія Г-на Погодина. Намъ кажется, что Авторъ, думая написать похвалу Галлею, написалъ на него сатиру. Галлей ошибся въ своихъ предсказаніяхъ, и подвергся за то справедливому негодованію публики. Но Г-нъ Погодинъ заставляетъ учениковъ и почитателей его восклицать: «*Вѣчная память* и слава « Галлею! Стыдъ и срамъ его противникамъ! Да здрав« ствуетъ дарованіе! Да будетъ *проклята* зависть « и *недоброжелательство*!... Берите-же бока« лы! Да здравствуетъ наука! Да процвѣтаетъ « нашъ Университетъ!» Чувствованія похвальныя, но они не кстати при разсказѣ Г-на Погодина..... — *Эпиграфъ вмѣсто заглавія*, О. М. Сомова. Предоставляемъ другимъ судить объ этой статьѣ: мы не имѣли силъ дочитать ее. — *Басня въ прозѣ*, Г-на Сенковскаго, безспорно лучшая изъ прозаическихъ статей въ этомъ

Digitized by Google

альманахѣ. Умъ, острота, и даже нѣкоторая злость, обращенныя противъ людскихъ пороковъ, даютъ этой пьесѣ какой-то характеръ оригинальности, рѣдкой въ наше время. По праву оріенталиста, Авторъ перенесъ дѣйствіе въ Индію; но истина такъ хороша во всѣхъ климатахъ, что многіе Европейцы узнаютъ своихъ соотечественниковъ въ обезьянѣ, змѣѣ, тигрѣ и золотыхъ дѣлъ мастерѣ. Чтобы дать понятіе о мастерскомъ изложеніи *Басни въ прозѣ*, выписываемъ начало ея:

«Шелъ Факиръ. Это было въ Индіи, гдѣ Факировъ такое-же множество какъ у насъ Титулярныхъ Совѣтниковъ.

«Шелъ онъ, чистя зубы рисовою соломинкою, хотя давно уже не обѣдалъ, и напѣвая во все горло старую Санскритскую пѣсню:

Чѣмъ тебя я огорчила,
Ты скажи, любезный мой....

«Какъ вдругъ онъ очутился на краю темной и глубокой ямы, прикрытой сухимъ хворостомъ и соломою. Это была волчья яма; но какъ въ Индіи волковъ не водится, то въ нее, по неосторожности, упали обезьяна, змѣя удавъ, тигръ и человѣкъ. Сей послѣдній былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, поставлявшій брилліантовые перстни и табакерки въ кабинетъ одного Индійскаго Султана.» Такъ идетъ и далѣе. — Статью Г-на Шевырева: *Болонская школа*, можетъ съ любопытствомъ прочесть тотъ,

Digitized by Google

кто не читывалъ безчисленныхъ *Путеводителей* и *Путешествій* по Италіи, въ которыхъ гораздо подробнѣе пересказано, указано и обсужено все, что говоритъ нашъ путешественникъ. Странное дѣло! Наши путешественники до сихъ поръ не отвыкли отъ этихъ общихъ мѣстъ, которыя такъ давно выдаютъ намъ вмѣсто сужденій объ Искуствахъ Италіи. Стоитъ-ли путешествовать для того, чтобы прочитать нѣсколько *Указателей* и *Путеводителей*, и потомъ составить поверхностную статейку о какой нибудь картинной галлереѣ? Это можно сдѣлать и не выѣзжая изъ Россіи. Иное дѣло такіе взгляды на Искуство, какіе находимъ у Гёте, А. Шлегеля, у нашего Жуковскаго, въ изображеніи Мадоны Рафаэлевой; но статья Г-на Шевырева — бѣдное воспоминаніе о слышанномъ или читанномъ! Оригинально въ ней только то, что Г-нъ Шевыревъ ставитъ. Доменикино рядомъ съ Рафаэлемъ, и такъ изображаетъ Болонскую школу: «Она такую по себѣ оставила славу, что *будто бы* все Искуство трудилось для нея, и въ ней сосредоточило всѣ свои силы, богато и всѣми частями развитыя. Это школа мудраго выбора, труда, ученія, школа глубокая, образецъ для всякой *молодой кисти* и примѣръ ободрительный для всякаго позднѣйшаго образованія, слѣдовательно и для Русскаго.» Не такъ-ли судилъ объ Искуствахъ *Господинъ Баттё*?... Только выражался получше. Не довольно того, что Литтература наша развивалась по чуждымъ образцамъ; хотятъ, чтобы и Живопись ступала у насъ не иначе какъ въ чужіе слѣды.

Digitized by Google

О стихотвореніяхъ *Кометы Бѣлы*, говорить много не будемъ. Въ нихъ не только нѣтъ ничего необыкновенно-хорошаго, но нѣтъ даже и просто хорошаго. Стихотворенія Гг. Подолинскаго и Языкова конечно были-бы выше посредственности, если-бы въ нихъ не напѣвали намъ стараго. Все это сдѣлалось уже страхъ обыкновенно! За неимѣніемъ лучшаго, Журналисты принуждены выставлять, какъ перло, стихи И. А. Крылова, писанные лѣтъ за сорокъ, когда знаменитый Баснописецъ еще учился писать. Они напечатаны здѣсь.

Нѣсколько словъ о наружномъ достоинствѣ Альманаха. Онъ напечатанъ очень хорошо, завернутъ въ атласную, красиво испечатанную обверт-ку, и украшенъ литографическими картинками, которыя однакожь неудачны. Русская литографія еще далека отъ совершенства. Бумага для книги употреблена не бѣлая, а розовая. Не знаемъ только, всѣ-ли экземпляры отпечатаны на ней. А это красиво и прилично для книжки, назначаемой въ подарокъ дамамъ — по крайней мѣрѣ больше нежели кавалерамъ.

Digitized by Google

— *Сраженія у Линьи, Катръ-Бра и Ватерлоо, данныя Наполеономъ Герцогу Веллингтону и Князю Блюхеру, въ Іюнѣ 1815 года.* Съ Нѣмецкаго (съ двумя чертежами). СПб. Въ т. Инспекторскаго Департ. Военнаго Министерства. 1832. VIII и 207 стр. in-8

Кампанія 1815 года была величественною развязкою той драмы, которую Наполеонъ началъ въ 1796 году. Первые его подвиги въ Италіи, утвердившіе за нимъ славу великаго полководца, были послѣдуемы цѣлымъ рядомъ битвъ, не имѣвшихъ дотолѣ примѣра. Бой подъ Парижемъ казался послѣднимъ. Но левъ, заключенный въ тѣсный округъ острова Эльбы, еще разъ вырвался для кроваваго пира. Еще разъ Наполеонъ собралъ огромное войско и ринулся задавишь ближайшихъ враговъ своихъ: Блюхера и Веллингтона. Главною ошибкою его было довѣріе къ неутомимости прежнихъ сподвижниковъ-Генераловъ, ибо ни самъ Наполеонъ, ни солдаты его не перемѣнились: въ крашкій Бельгійскій походъ, они напомнили чудеса походовъ Италійскихъ; но тутъ уже не было ни Дезе, ни Мюрата, ни Массены, ни Ланна, ни Ожеро; тутъ были устарѣлые *Маршалы*, богачи, гошовые охотнѣе наслаждаться плодами прежнихъ трудовъ, нежели искать новой славы и для битвы забывать все. Тутъ уже не было того очарованія, той поэзіи подвиговъ, которыя дѣлали каждаго Генерала и солдата Наполеонова непобѣдимымъ.

Упустивъ изъ виду такой взглядъ на событія, Авторъ разсматриваемой нами книги не можетъ

Digitized by Google

ничего понять въ послѣднихъ битвахъ Наполеона. Онъ входитъ въ подробныя изысканія о маршахъ и контръ-маршахъ, о медлительности движеній, о грязи и дождяхъ, и о многомъ подобномъ, но не вспоминаетъ о нравственномъ состояніи арміи Наполеоновой, и особенно Генераловъ Наполеоновыхъ. Битву при Ватерлоо, и съ нею все, потеряли не Наполеонъ, и не солдаты его, а Генералы Французскіе. Излишне было-бы входить здѣсь въ подробности и въ доказательства: ихъ могутъ найдти читатели даже въ книгѣ, которой Авторъ или Переводчикъ далъ такое странное заглавіе: *Сраженія у Линьи, Катръ-Бра и Ватерлоо.* Но только подробности и найдете въ этой книгѣ. Не ищите въ ней глубокихъ взглядовъ, обширныхъ картинъ, и тѣхъ молніеносныхъ истинъ, какими освѣщалъ Наполеонъ свои историческія описанія. Правда, что въ этой книгѣ Авторъ говоритъ о *непреложныхъ правилахъ* Военнаго Искусства; но это правила Гофъ-Кригсъ-Раша, которыя проклиналъ Суворовъ, и которыя во всякой кампаніи съ Австрійцами разбивалъ въ прахъ Наполеонъ. Вслѣдствіе такихъ-то правилъ, Авторъ, и за нимъ Русскій Переводчикъ (въ Предисловіи), ставятъ на одну черту Наполеона и Веллингтона! Переводчикъ называетъ ихъ *двумя величайшими полководцами изъ всѣхъ временъ.* Кажется, есть еще много разстоянія между Наполеономъ, и хорошимъ полководцемъ, каковъ Веллингтонъ. Если уже надобно сравненіе, то съ Ишалійскимъ героемъ можно сравнивать только одного человѣка: нашего Ишалійскаго Суворова. Побѣда при Ватерлоо не доказы-

Digitized by Google

ваетъ еще ничего, ибо Веллингтонъ былъ въ самомъ отчаянномъ положеніи, когда къ нему пришелъ Блюхеръ, рѣшившій битву, и слѣдовательно побѣда скорѣе принадлежитъ сему послѣднему. Наполеонъ справедливо сказалъ по сему случаю: Il doit un beau cierge au vieux Blücher!

Книга сія, впрочемъ богатая подробностями, выисканными съ Нѣмецкою точностью, обезображена въ Русскомъ переводѣ дурнымъ языкомъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надобно угадывать мысли Автора. Напримѣръ: «Сначала рѣшитель-« ная важность удерживать селеніе С-тъ Аманъ, « для которой Князь Блюхеръ направилъ туда глав-« ныя усилія войскъ, была очень естественна, ибо « пока онъ ожидалъ помощи отъ своихъ союзниковъ, « сей пунктъ былъ очень важенъ — онъ заграждалъ « входъ въ тѣснины, ведущія къ селенію Бри.» (стр. 53). Что это значитъ? Не понимаю! А такихъ мѣстъ встрѣчается довольно.

— *Рыльскій.* Романъ нравоописательный. СПб. 1833. Въ т. Гинце. 211 стр. in-8.

Напрасенъ былъ-бы трудъ разбирать такое сочиненіе, какъ *Рыльскій*, безобразный сборъ самыхъ обыкновенныхъ, ничего не ведущихъ за собою происшествій. Авторъ назвалъ его *романомъ нравоописательнымъ*, но имѣлъ-бы такое-же право назвать *нравоописаніемъ романическимъ*, или еще какъ нибудь иначе, ибо романъ его не романъ, и не сказка, и не историческій разсказъ, а такъ — Богъ знаетъ

Digitized by Google

что такое, или всего скорѣе — *ничто*. Онъ самъ чувствовалъ это, говоря, что при сочиненіи *Рыльскаго* слѣдовалъ правилу: il vaut mieux faire des riens, que de ne rien faire. Правило прекрасное: дѣлать пустяки, если не льзя дѣлать чего нибудь получше; а все таки *дѣлать*! И вотъ вамъ *дѣлаютъ* плохія вирши, плохіе романы! Не знаю, отъ чего это *лучше* нежели не дѣлать ничего!... Но чтобы скорѣй и ближе познакомить читателей съ понятіями Автора объ Искусствѣ, приведемъ его слова: « Нѣкоторые очерки характеровъ, отдѣльно набро- « санные, послужили основою сему роману, напи- « санному безъ всякихъ авторскихъ требованій....» Поймите, если то возможно: какъ изъ отдѣльно-набросанныхъ очерковъ можетъ составиться романъ? Развѣ Авторъ почитаетъ это сочиненіе мозаикою, а не органическимъ цѣлымъ? Могутъ-ли родиться голова безъ ногъ, или ноги безъ туловища? Если и могутъ, то это будутъ уродливости, шалости природы, и никогда уже изъ нихъ не составится полный человѣкъ! Такъ и романъ долженъ быть полнымъ въ идеѣ, въ зарожденіи, и въ появленіи на свѣтъ. Но у насъ имѣютъ совершенно ложныя понятія объ Искусствѣ, и отъ того-то почитаютъ доступнымъ для всякаго родъ сочиненій, который въ ходу. Теперь для романовъ образовались разныя мелкія условія, и всякій почитаетъ долгомъ исполнять только ихъ, а не законы Искусства. Къ числу такихъ условій принадлежатъ эпиграфы при каждой главѣ романа. Это истинный комизмъ! Сочинитель *Рыльскаго* даже почелъ долгомъ замѣтить, что « у большей части эпиграфовъ,

Digitized by Google

въ началѣ главъ помѣщенныхъ, не выставлены имена ихъ авторовъ, *забытыя при выпискѣ.*» Воображаю себѣ заботливость, съ какою Авторъ перебиралъ книги для эпиграфовъ, *выписывалъ* ихъ, и забывалъ откуда выписывалъ! Пособимъ Автору совѣтомъ для будущихъ трудовъ его: не выписывать эпиграфовъ, а ставить ихъ тогда только, когда они сами собою представляются уму. В. Скоттъ, напитанному чтеніемъ Шекспира и старыхъ Шотландскихъ пѣснопѣній, было легко подбирать эпиграфы, ибо у одного Шекспира найдутся они для каждаго положенія; но Русскаго романиста читатель проститъ и безъ эпиграфовъ, если такъ трудно пріискивать ихъ.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе, относящееся къ Искусству, которое всегда имѣемъ мы въ виду, говоря о произведеніяхъ Изящной Словесности. Слогъ прежде всего показываетъ Автора въ этомъ родѣ сочиненій. Какъ при первомъ взглядѣ на картину можно тотчасъ видѣть, кто писалъ ее, живописецъ-ли, или какой нибудь мазило, несоблюдающій даже правильности формъ и очерковъ, такъ и прочитавъ двѣ, три страницы книги, можно знать уже, способенъ-ли Авторъ ея къ чему нибудь. У истиннаго писателя, каждая рѣчь и каждое слово на своемъ мѣстѣ, ибо это такія условія Искусства, безъ которыхъ не льзя браться за перо; съ первыхъ словъ узнаете вы, что этотъ человѣкъ можетъ представить вамъ нѣчто новое. Напротивъ писатель самозванецъ, маляръ литтературный, заставитъ послѣ двухъ страницъ бросить его кни-

Digitized by Google

гу. У насъ еще не понимаютъ этого. Публика долго еще не будетъ отличать самозванцевъ-писателей, отъ истинныхъ любимцевъ Музъ, ибо сами писатели не постигаютъ этого различія. Настало время, что у насъ почитаетъ себя въ правѣ писать всякій, кто выучился азбукѣ и еще не заглядывалъ въ Грамматику; а друзья всегда готовы повторять ему: «И славно *пишете*, дай Богъ здоровья вамъ!»

Мы не хотимъ произносить сужденія о Сочинителѣ *Рыльскаго*, и предоставляемъ нашимъ читателямъ назвать, или не называть писателемъ человѣка, пишущаго такимъ образомъ:

«Ломовъ былъ изъ числа людей, которые посто-
«янно подлою искательностію снискиваютъ благо-
«расположеніе своихъ начальниковъ. Онъ не зани-
«мался письменными дѣлами, а хозяйственною ча-
«стію. Должность его состояла въ томъ, чтобъ
«смотрѣть за чистотою и покупать дрова, свѣ-
«чи, и проч. Онъ строго наблюдалъ, чтобы лѣст-
«ница была усыпана пескомъ на разные узоры. При
«покупкѣ дровъ, закупалъ ихъ и для начальника,
«который очень къ нему благоволилъ, и вмѣстѣ съ
«нѣмъ практовалъ иногда съ величайшимъ высоко-
«мѣріемъ. — «Какъ часто слышу я,» сказалъ ему
«однажды Рыльскій, «что здѣсь въ Канцеляріи го-
«ворятъ о Марьѣ Семеновнѣ; она, кажется, въ
«одномъ домѣ съ нашимъ начальникомъ живетъ?»—
«Она первый его другъ,» отвѣчалъ Ломовъ: «и
«потому вы можете судить, сколь она достойна ува-

Digitized by Google

«женія; у нихъ давнишняя связь; она дама препоч-«тенная... Оберъ-Офицерская вдова.»

Взято, безъ выбора, со страницъ 61 — 62-й *Рыльскаго*.

— *О счастіи глупцовъ*. Твореніе Г. Неккера. Переводъ А. И. — М. 1832. Въ т. А. Семена. 29 стр. in-16.

Не знаю, точно-ли это *твореніе Неккера*, Неккера, знаменитаго своимъ политическимъ умомъ, счастливаго въ торговыхъ оборотахъ, умѣвшаго нажить огромное имѣніе, и неумѣвшаго сладить съ финансами Франціи въ грозное время Революціи. Кажется, Неккеръ не писалъ о глупцахъ, а только пользовался ихъ дѣяніями; онъ былъ человѣкъ не такого ума, который насмѣхается надъ тѣмъ, отъ кого видитъ пользу. Неккеръ былъ человѣкъ холодно-разсчетливый, и отъ того-то никакъ не нашелся онъ въ разгаръ страстей и отношеній, когда дѣла и отношенія не просто двигались, а летѣли громомъ и молніею.

Но книжка *О счастіи глупцовъ* любопытна, какъ образчикъ Философіи XVIII-го вѣка. Разумѣется, что Авторъ насмѣшливо превозноситъ счастіе глупцовъ, и говоритъ о нихъ противное тому, что думаетъ. Но самая мысль: насмѣхаться надъ тѣмъ, чего нѣтъ, и что слѣдственно не можетъ быть смѣшнымъ — ибо, какъ говоритъ Лиръ: *Изъ ничего и быть не можетъ ничего!* — самая эта мысль уже не

Digitized by Google

занимаетъ досуговъ нашихъ насмѣшниковъ. Кто въ наше время скажетъ, что глупецъ счастливъ? Можетъ-ли быть счастливъ человѣкъ, у котораго недостаетъ главнаго: умственныхъ способностей? Онъ можетъ быть счастливъ, какъ комнатная собачка или кошка, которыя блаженствуютъ, когда упопаютъ въ лѣни и пресыщеніи. Но прежде всѣ споры, все философствованіе основывалось на подобныхъ вздорахъ. Кто нибудь, напримѣръ, скажетъ, что человѣкъ рожденъ ползать на четверенькахъ. Боже мой! Смятеніе во всемъ мірѣ! Какъ? Да возможно-ли? — А почему-же и нѣтъ? говорятъ нѣкоторые. И софизмъ находилъ послѣдователей, которые готовы были точно ползать на четверенькахъ, не замѣчая того, что авторъ софизма не имѣлъ никакого основанія, и высказалъ его, можетъ быть, только для оригинальности.

Въ наше время требуютъ для всякой мысли твердаго начала, и отъ того естественно распространяется кругъ умственныхъ дѣйствій; объемъ становится обширнѣе; взглядъ объемлющѣе и выше..... Но, видно, есть еще охотники до старины, которые гонятъ, гдѣ и какъ только могутъ, все основательное, многообъемлющее, возвышенное, и гнѣвъ ихъ особенно изливается на слова: *высшій взглядъ!* Видно и они почитаютъ себя обязанными дѣйствовать; ибо для чего-бы иначе вновь издавать книжку *О счастіи глупцовъ*, которая уже была издана нѣсколько десятковъ лѣтъ тому, у насъ на Руси. И оставаться-бы ей при такой давности. Такъ нѣтъ! Вмѣсто того, чтобы употребить трудъ

Digitized by Google

и время на что нибудь дѣльное, намъ даютъ разсужденіе *О счастіи глупцовъ*, а для другаго нѣтъ ни времени, ни способовъ. Примѣръ не великъ, но онъ можетъ показать, къ чему ведутъ *нисшіе взгляды*, и съ ними приверженность къ старинѣ, не дѣтская, которая всегда мила, а упрямая, сварливая, безпокойная, которая ненавидитъ *метры* и *литры* потому, что они изобрѣтены въ новое время, и предпочитаетъ имъ мѣру *ступнями* и *ведрами*, потому что такъ мѣряли наши предки; которая называетъ книги, подобныя *Счастію глупцовъ*, философскими, и первымъ основаніемъ мудрости почитаетъ знаменитую аксіому: *я знаю только то, что не знаю ничего*. Пусть переливаютъ изъ пустаго въ порожнее: человѣческій родъ занятъ дѣломъ, и ему недосугъ опровергать словами то, что опровергается событіями.

Digitized by Google

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

— *Двумужница*, или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь. Оригинальная, романтическая драма въ 2-хъ частяхъ, раздѣленная на пять сутокъ, въ прозѣ, и въ стихахъ стариннаго Русскаго размѣра, соч. Князя А. А. Шаховскаго, съ хороводными и святочными играми и плясками. — *Астрономическія бредни*, или Комета въ 1832 году, водевиль въ 3-хъ картинахъ, пер. съ Французскаго Н. Ф. Павловымъ. — *Дивертиссементъ*, въ коемъ танцуютъ Гг. Ришаръ, Оттаво, и проч. и проч. (*Бенефисъ Г-жи Львовой-Синецкой*, 20 Января).

— Почему такъ думать? Иной цѣлый вѣкъ пишетъ плохо, а вдругъ напишетъ хорошо!

« Я и не спорю съ вами, что бываютъ такіе случаи. Давно сказано: «И Бавій иногда обмолвится стихомъ!»

— Эпиграмма не доказательство. Но извольте сами посмотрѣть, и потомъ судите. Пьеса романтическая, въ Русскомъ духѣ, съ сильными движеніями, не хуже вашихъ *Терезъ* и *Антоніевъ*!

« Вы не говорите: хороша-ли она?

Digitized by Google

— Если вамъ мало похвалы, которая напечатана была въ Сѣверной Пчелѣ, такъ довольно-ли будетъ того, что въ Петербургѣ зрители рыдали, не просто плакали отъ нея; дамы были въ истерикѣ и обморокахъ; мужчины кричали, что у нихъ *Русскій духъ въ ней проявляется*; что это свѣтлая звѣзда народности литтерашурной, національности драматической, пѣснь лебедя поэтическаго. А вы согласитесь, что Петербургъ всегда перещеголяетъ Москву вкусомъ.

« Едва-ли въ Драматическомъ Искусствѣ. Гдѣ до сихъ поръ пляшетъ Филатка въ Митавскомъ Маскарадѣ, гдѣ донынѣ уродливыя бенефисныя пьесы безобразятъ сцену, тамъ едва-ли можно положиться на вкусъ публики. Вы видѣли *Двумужницу* здѣсь?

— Нѣтъ! не видалъ. Но это чудо, это прелесть. . .

« А судя по прежнему —

— Что-же: *по прежнему?*

« То, что Князь А. А. Шаховской донынѣ испыталъ всѣ роды драматическихъ сочиненій: писалъ Трагедіи, Комедіи, Оперы, Водевили, Мелодрамы, въ стихахъ и прозѣ; бралъ предметы изъ Библіи — вспомните *Деббору* — изъ Исторіи, изъ сказокъ, передѣлывалъ въ драму романы В. Скотта и М. Н. Загоскина, поэмы Пушкина, обошелъ весь міръ, ища сюжетовъ для Драмы, былъ и въ древней Греціи, и въ новой Франціи — такое безпокойство показываетъ, безъ сомнѣнія, или многооб-

Digitized by Google

разное величіе генія, или рѣшительную неудачу, которая встрѣчаетъ писателя на всѣхъ тропинкахъ Парнасса, такъ, что ему *не остается, что дѣлать, какъ. . . .*

— Ну, что-жь — докончите —

« Какъ перестанешь писать, или сознашься подобно Репешилову:

И я въ чины-бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ!

— О! помилуйте! Но что-же тогда будетъ Русская сцена, если Князь А. А. Шаховской перестанетъ писать! Его пьесы, правда, ужь и понадоѣли немного, но виновашъ-ли онъ, что кромѣ его пьесъ играть нечего?

« А у него есть изъ чего выбрашь, надобно согласишься. Думаю, пьесъ сто составляютъ шеатръ Князя А. А.

— Но *Двумужница*, увидите, есть послѣдній листокъ къ лавровому вѣнку нашего поэта. Одно то, что Русское...

« Да, будто донынѣ ничего не бывало на Русской сценѣ Русскаго? Вы забыли незабвеннаго *Мѣльника*, остроумнаго *Недоросля*, прелестную оперу *Старинныя святки*, Драмы Ильина, имѣющія большія достоинства, особливо *Рекрутскій наборъ*; наконецъ Русскіе фарсы, *Филатку*; наконецъ пьесы Плавильщикова: *Бобыль, Мѣльникъ и Сбитеньщикъ соперники*, и Княжнина, съ *Несчастіемъ отъ кареты, Сбитеньщикомъ*?

Digitized by Google

— Что за пьесы, что за *Русское!* Ну, *Мельникъ* — пусть шакъ; но *Старинныя сватки* сборъ пѣсенъ подблюдныхъ, а не драматическое созданіе; Ильинъ — нашъ Коцебу; Плавильщикова пьесы — подражаніе, Княжнина тоже — дрянь! И будто *Сбитеньщикъ*, *Недоросль*, *Несчастіе отъ кареты* — Русскій бытъ, Русскіе нравы? Сатира—пустая, вздорная, не Драма, не Трагедія Русская!

« Если угодно Русскихъ Трагедій, такъ я начту вамъ ихъ сотню, съ *Синава и Трувора* до *Ермака*, Г-на Хомякова, и *Марѳы Посадницы*, изданной Г-мъ Погодинымъ!

— Будто это Русь, Русь, наша мать, съ ея нравами, обычаями? Сумароковъ, Княжнинъ, Озеровъ, все это стоитъ на ходуляхъ Классицизма, и самая Трагедія есть ходули: надобно, сударь, Драму, Драму Романтическую, сильную, пылкую, страстную, смѣшную, терзательную, Шекспировскую, Русскую. —

« О Шекспировскихъ ни слова, а *Русскихъ* написалъ самъ Князь А. А., и Драмъ, и Комедій, и Оперъ—десятки.

— Ну, то были не Русскія, и опять все шаки лежало на нихъ клеймо Классицизма. Пока мнѣ говорятъ: *Трагедія*, *Комедія* — я ничего хорошаго не жду!

« Нѣтъ! *Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ*, *Ломоносовъ*, *Иванъ Сусанинъ*, *Юрій Милославскій*, *Рослав-*

Digitized by Google

ледъ, *Финнъ*, *Соколъ Князя Ярослава* — были Русскія попытки, и безъ клейма Классицизма.

— Ахъ, Боже мой! Это были попытки, опыты, какъ вы сами говорите.

« Да что-жь это? Много-ли попытокъ дѣлать автору, пока онъ, падая, и падая, научится не падать?

— Все еще въ иныхъ не могъ Князь А. А. стереть съ себя Классическихъ привычекъ; въ другихъ онъ хотѣлъ изобразить не Русь-собственно, но такъ, что нибудь — сокола, Сусанина, начало Театра Русскаго; въ иныхъ увлекался другими, и виноватъ былъ не онъ, а Пушкинъ и М. Н. Загоскинъ, которые изображали Русь не Русскою. Кромѣ того, тогда не были извѣстны эти сильныя, Шекспировскія, бѣшеныя средства, какія употребляются нынѣ Французами, эта простая природа, которую узнали новѣйшіе Драмашики.

« То есть, тогда Аншоній не захватывалъ платкомъ на сценѣ рта своей любовницѣ, и не тащилъ ее за кулисы; тогда шутъ отецъ не таскалъ по сценѣ въ мѣшкѣ трупа своей обруганной дочери; тогда не заставляли развратную женщину быть героинею Драмы, и составлять завязку Драмы *разными родами умилостивленія* въ пользу своего любовника; тогда....

— Но, что вы нападаете на простоту природы и національность? Такъ, сударь, въ природѣ, такъ у Шекспира!

Digitized by Google

«Нѣтъ: у Шекспира не такъ; національность совсѣмъ не то; а изъ природы зачѣмъ выбирать только отвратительную гадость — живодерни, сѣченье плетьми, рѣзню? Какъ средства Искусства — это ошибка; какъ средства растрогать зрителей — тоже; какъ средства изобразить природу — тоже, и сто тысячь разъ тоже... Но, кажется, играютъ увертюру — пойдемте!»

Вотъ разговоръ, слышанный мною въ театральномъ корридорѣ, гдѣ осшановилъ меня знакомый, и занялъ, сперва вопросами о здоровьѣ, моемъ, домашнихъ, знакомыхъ; потомъ разсказами объ инфлуэнцѣ, о нездоровьѣ своей жены, дѣтей; наконецъ объ Англійскомъ Клубѣ, и проч. и проч. — Я слушалъ его, а между тѣмъ слушалъ и разговоръ, который передалъ выше сего, сколько можно точнѣе и вѣрнѣе. Защитникъ *Двумужницы*, сильныхъ движеній, національности, простой природы, былъ молодой человѣкъ, въ очкахъ, въ манто съ бобровымъ воротникомъ; сомнѣвающійся былъ старикъ, въ старой медвѣжьей шубѣ, крытой зеленымъ сукномъ. Они стояли подлѣ буфета, гдѣ Русскій мужичекъ обширалъ и раскладывалъ яблоки... Но, я забылъ, что рѣчь идетъ о новой пьесѣ, а не объ изображеніи подробностей простой природы.... И вотъ — какъ пишетъ одинъ изъ рецензентовъ Сѣверной Пчелы — пошелъ я въ кресла; и вотъ показалъ капельдинеру билетъ; и вотъ рѣченный капельдинеръ воззрѣлъ на билетъ; и вотъ возсѣлъ я въ кресла; и вотъ устремилъ очи на ложи; и вотъ сицевымъ образомъ, вашъ покорный слуга слушалъ

Digitized by Google

сладкозвучную музыку; и вотъ, нижеподписавшійся, предался я потомъ чтенію длинной аффишки; и вотъ произвелся шумъ занавѣса, и — *началась пирушка* для вкуса, глазъ, ушей.

Часть первая. *Сваха въ бѣдахъ.* Народный бытъ, въ двухъ сушкахъ. Дѣйствіе въ 1742 году. *Сутки первыя.* Васильевъ вечеръ. — Святочное собраніе въ домѣ Маѳы Ареѳьевны, въ Балахнѣ. Приходитъ сваха Кузминишна, говоритъ безъ умолку, съ пословицами и поговорками, и рекомендуетъ жениха крестницѣ Ареѳьевны, Грунѣ, дочери купца Усова. Являются переодѣтые, въ харяхъ. Въ числѣ ихъ женихъ, какой-то прикащикъ на баркахъ. Поютъ подблюдныя пѣсни; прикащикъ поетъ удалыя пѣсни, и волочится за Грунею. Племянникъ Ареѳьевны, Иванушка, поетъ дурацкую пѣсню. Вдругъ шумъ, крикъ, пожаръ; вбѣгаютъ разбойники; прикащикъ схватываетъ Груню, несетъ ее вонъ — занавѣсъ опускается. — *Вторыя сутки* — кажется, года черезъ два, или три — *Встрѣча на Унжѣ.* Часть ограды монастыря, и колодецъ. Множество нищихъ. Слѣпой старикъ, нищій Савватій, сидитъ отдѣльно и поетъ о Лазарѣ бѣдномъ. Разные проходящіе — помѣщица, отставной Маіоръ, старый подьячій, и разныя штуки нищихъ съ ними (хохотъ въ райкѣ). Является Усовъ, начинаетъ разговаривать съ Савватіемъ, разсказываетъ ему исторію о побѣгѣ дочери, и уходитъ. Является Кузминишна. Ее ограбили дорогою разбойники. Она разсказываетъ свои похожденія, сватовство Груни, выманиваетъ у Савватія деньги, имъ собранныя, и уходитъ. Съ Сав-

Digitized by Google

вашемъ шла дорогою какая-то бѣдная женщина. Разумѣется — это Груня. Мнимый прикащикъ былъ переодѣтый Атаманъ Волжскихъ разбойниковъ, Егоръ Башлыкъ. Онъ увезъ ее, обвѣнчался съ нею, жилъ года два, и бросилъ ее. Груня горюетъ; Савватій утѣшаетъ; доведенная до крайности, Груня рѣшается просить милостыни. Первый встрѣчается съ нею отецъ; она узнаетъ его, падаетъ въ обморокъ. Занавѣсъ опускается.

Часть вторая. *Волжскій разбойникъ.* Русская быль, въ 3-хъ сцѣнахъ. Дѣйствіе въ 1748 году. Сцѣны первыя. *Новоселье.* Опрятный домикъ и садикъ. Груня забыла уже свое горе. Отецъ простилъ ее. Есть извѣстіе, что Атаманъ Башлыкъ погибъ. Вслѣдствіе этого извѣстія, Груня вышла за мужъ за купца, по прозванію Бобра. У нихъ уже есть сынокъ, пяти лѣтъ. Боберъ, жившій до сихъ поръ съ тещею своимъ, выстроилъ себѣ домъ, и только что переѣхалъ на новоселье. Начинается предлиннымъ разговоромъ Кузминишны съ Усовымъ. Потомъ слѣдуетъ столь-же длинный разговоръ Бобра съ женою; наконецъ заключается длиннымъ разговоромъ Иванушки съ Бобромъ и Грунею. Боберъ далъ слово искать клада для Кузминишны, и идетъ къ ней. Груня остается одна. Въ это время Башлыкъ подкрадывается съ товарищами. Ножъ, взнесенный на спящаго сына Груни, заставляетъ ее молчать, и Башлыкъ опять уноситъ ее. — Сцѣны вторыя. *Иванова день.* Заборъ Боброва дома на Волгу. Боберъ тоскуетъ о пропажѣ, или побѣгѣ жены своей. Приходитъ Усовъ, узнаетъ причину его гру-

Digitized by Google

сти, и готовъ проклинашь дочь свою. Но является Саввашій, и изъясняешъ имъ подозрѣніе, что Грунею увезъ Башлыкъ. Онъ хочешъ поразвѣдашь объ этомъ. Идешъ хороводъ. Кузминишна шушъ, съ прежнею болшовнею. Пляшушъ, играюшъ въ коршуна. Раздается: *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*, и плывушъ лодки Башлыка. Боберъ видишъ свою жену близъ Ашамана, который кричишъ ему. *Не владѣть тебѣ моимъ добромъ* (Раекъ хлопаешъ и радуется. Сидящія подлѣ насъ бородки шепчушъ: *славно, славно!*)! Боберъ въ ошчаяніи. Лодки уплываюшъ. *Третьи сутки.* Разбойничій пришонъ. Сволочь Башлыка, Раскольники, Малороссіяне, подьячіе бѣглые, пьяницы, забавляются, борются, досадуютъ на бездѣлье, на рыцарское добледушіе Башлыка, который мало рѣжешъ и грабишъ, боятся, чтобы онъ не разнѣжился слишкомъ съ Грунею. Зачинщикъ всѣхъ жалобъ, Есаулъ Дятелъ, ошчаянный разбойникъ. Выходятъ Башлыкъ съ Грунею. Она угощаетъ разбойниковъ. Башлыкъ поетъ пѣсню. Тащатъ Саввашія. Думая, что онъ шпіонъ, допрашиваютъ его, хотятъ пыташь. Но Башлыкъ береш его подъ свое покровительство. Дятелъ и другіе обнаруживаютъ неудовольствіе. Дятелъ разсказываетъ о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ убилъ свою любовницу. Башлыкъ увѣряетъ товарищей въ удальствѣ, и въ доказательство, что онъ не изнѣжился, вызываетъ на бой любаго. Дятелъ выходишъ, и получаетъ такой ударъ кистенемъ, что падаетъ безъ чувствъ. Его выносятъ. Крикъ, шумъ, пальба, смятеніе: Боберъ призвалъ команду солдашъ, и напалъ на разбойниковъ. Всѣ бѣгушъ драться. Груня и Саввашій остаются, молятся, горюютъ. Выходишъ

Digitized by Google

Дятелъ, едва держась на ногахъ, и не въ состояніи опомниться. Но у него пистолеты, и онъ можетъ еще убить Груню и Сашвашія. Прибѣгаетъ Башлыкъ, раненый, съ головнею, и бѣжитъ въ подвалъ, чтобы взорвать припонъ. Новый ужасъ Грунни. Но Башлыка предупредили. Онъ вылѣзаетъ изъ подвала, зажигаетъ припонъ— пожаръ! Бѣгутъ Боберъ, солдаты, схватываютъ Башлыка; онъ молитъ о смерти. Дятелъ застрѣливаетъ его и умираетъ самъ. Груня обнимаетъ мужа. Занавѣсъ шумитъ и опускается.

Думая, что междудѣйствіе будетъ продолжительно, я отправился въ театральную кофейную, и засталъ тамъ, въ дымѣ табачномъ, множество народа, который ходилъ, сидѣлъ, курилъ, пилъ, ѣлъ. Въ углу большой залы увидѣлъ я опять двухъ спорщиковъ, которыхъ встрѣтилъ прежде въ корридорѣ; они опять сильно спорили. Я подсѣлъ къ нимъ, будто не обращая вниманія. Впрочемъ, они говорили во весь голосъ, и вотъ, сколько припомню, разговоръ ихъ:

« Словомъ сказать — воскликналъ старикъ въ зеленой шубѣ — не знаю, что вамъ тутъ нравится. По моему, это хуже всякой дряни бенефисной!

— Помилуйте — кричалъ молодой человѣкъ въ очкахъ — это Русскій бытъ, это самое прогательное зрѣлище, истинно Романтическая, Шекспировская драма!

« Оставьте вы Шекспира въ покоѣ. Просто: Князь А. А., испытавъ неудачи, рѣшился

Digitized by Google

на самый отчаянный литшерашурный ударъ — подражаніе новымъ Французскимъ Драмашикамъ, у которыхъ чешвершуюшъ и душашъ на сценѣ; главные герои — разбойники, мошенники; завязка въ шакихъ вещахъ, которыхъ — не говоряшъ при другихъ, и которыя позволяешся нынѣ драмашическимъ писашелямъ, не шолько говоришь, но представляшь, со всѣми ошвращишельными подробносшями. О нынѣшнемъ шеашрѣ не скажеше: ridendo castigat mores.

— Но, Русь, Русь...

« Какая шушъ Русь? Пошлыя забавы на посидѣлкахъ, и пляски, которыя мы видимъ въ каждомъ почши дивершисманѣ, болшовня Русской бабы, мошенничесшво нищихъ, подьячій, забавы разбойниковъ на междудѣльѣ, и шолько все эшо скрашено Русскими поговорками и пословицами.

— Но сшрасши, движеніе. . .

« Какія сшрасши? Бѣдная дѣвушка, которую насильно увозишъ разбойникъ, Русскій мужикъ, и пошомъ бросаешъ; она шаскаешся по дорогамъ; ее прощающъ; сыскиваешся молодецъ, и — женишся на ней. И вошъ, опяшь увозишъ ее насильно разбойникъ; мужъ ошбиваешъ у него жену свою, и берешъ опяшь къ себѣ. Эшо возбуждаешъ шолько омерзѣніе. Ошецъ Груни скученъ до смерши; Боберъ прежалкое лицо; Груня и жадка и ошвращишельна; Кузминишна надоѣдаешъ вздорами, Иванушка глупосшью...

— Эшо, сударь, смѣшеніе Комическаго съ Трагическимъ, верхъ совершенсшва — и какія сцены!

Digitized by Google

«Да, сцены, нечего сказать: пожаръ, нападеніе разбойниковъ; отецъ въ нищей узнаетъ дочь свою, и она въ обморокѣ; ножъ поднимаютъ надъ спящимъ ребенкомъ, и мать соглашается отдаться мерзавцу-разбойнику; мужу показываютъ издали жену въ рукахъ злодѣевъ, и онъ не можетъ спасти ея; слѣпаго нищаго хотятъ пытать, и зритель думаетъ, чтобы — чего добраго — не начали пытки; разбойникъ хочетъ зажечь притонъ, и зритель боится, что все взлетитъ на воздухъ... И это Драма, это страсти, это положенія, выведенныя изъ тяжбы человѣка съ судьбою, изъ глубины сердца и души человѣческой? . . Это, сударь, фарсъ, который годится... въ доказательство, что значитъ дать свободу воображенію, неуправляемому вкусомъ, и до какой степени мы исподражались иностранцамъ. У нихъ читали на распѣвъ Александрійскіе стихи Ахиллесы и Априды, и мы читали ихъ; у нихъ явились Водевили, и мы запопили ими Театръ; у нихъ пошли Мелодрамы, и мы играли ихъ; у нихъ теперь рѣжутъ, грабятъ, душатъ на сценѣ, и кричатъ: «національность, романтизмъ,» и мы тоже дѣлаемъ и кричимъ. Стыдно, сударь, стыдно намъ, Рускимъ, до такой степени быть безхарактерными! — Спрашиваю еще васъ: что это за пѣсни пѣли на сценѣ теперь? Неужели это *Русскія*?

— Да, но онѣ немного украшены Итальянскими руладами.

«Не принадлежатъ-ли также къ совершенству

Драмы длинные разговоры между рѣшительными сценами, и безсвязность происшествій?

— Разумѣется. Посмотрите на людскіе разговоры: они обыкновенно бываютъ пустые и вздорные; посмотрите на жизнь — она обыкновенно безсвязна — это простая природа. А вы привыкли къ украшенному, къ бомбасту, къ ходулямъ. . .

« Полно, не вы-ли, господа, становившись на ходули? Что естественнаго въ новой Драмѣ вашей? Согласенъ, что Ахиллъ, съ его: *madame*, смѣшонъ; что Криспины намъ надоѣли; что вѣчно-обманутые опекуны скучны. Но лучше-ли этого ваши Груни, Бобры, Башлыки, Кузминишны, Усовы? Прежде вышагивались въ менуэтѣ — вы пляшете въ присядку, и кувыркаетесь черезъ голову — вотъ вся разница. Но для менуэта надобно было хошь немного учиться, а въ присядку возлѣ каждаго питейнаго дома спляшутъ лучше вашего. Какъ бишь это? Да, простая природа! Съ Богомъ, господа! Прочь вкусъ и Искусство! Давай намъ кабаковъ, нищихъ, разбойниковъ, страшныхъ сценъ; крась только все это мужицкими поговорками, пословицами, вставляй пѣсни — мы закричимъ: *браво*!

— Неужели вы думаете, что это легко?

« Неужели вы думаете, что это трудно? Вѣдь плана не надобно; наблюденій, знанія сердца не нужно; писать можно прозой? Ахъ! если-бы не такъ спаръ я былъ — такъ-бы ужь и быть: написалъ-бы Романтическую Драму. . .

« Попробуйте.

Digitized by Google

— А что вы думаете! Положимъ, что я пишу. Какъ-бы названіе? Надобно посмѣшнѣе, и повамысловатѣе. *Ванька оторви голова, или гортовъ пасынокъ*, либо: *Иванъ отпѣтый, или не вспоя, не вскорми, ворога не увидишь, Романтическая игра въ жмурки*, или *Драматическій кассъ-тетъ, въ трехъ актахъ, и въ восьми дняхъ, взятый изъ Русскаго преданія*, съ хорами, балешами, Русскимъ бытомъ, шабашами Кіевскихъ вѣдьмъ, кулачнымъ боемъ, и проч. и пр.

Въ первомъ акшѣ — названіе его: *Отцовскій домъ, или горе, лыкомъ подпоясанное* — Иванъ, сынъ купца Чушкина, влюбленъ въ дочь Казначея Доброва, Анюшу. Иванъ любишъ погулять, пошалить; Анюша любишъ его. Сцена шрехъ вѣдьмъ, подлѣ будки, гдѣ дремлетъ будочникъ. Вѣдьмы пляшутъ, поютъ. Идетъ хороводъ. Иванъ на веселѣ, съ товарищами, пляшетъ, поетъ. Анюша хочетъ удержать его; открытіе любви. *День первый.*

Добровъ говоритъ съ дочерью. Ему предлагаютъ деньги за неправое дѣло — онъ отказывается. Иванъ приходитъ просить руки его дочери — онъ отказываетъ. Отчаяніе любовниковъ. Узнаютъ, что ночью обокрали Казначейство: это сдѣлали товарищи Ивана. Сцена подьячихъ. *День второй.*

Иванъ уговариваетъ Анюшу бѣжать. Она не хочетъ. Отчаяніе. Сцены съ нянею, съ отцомъ. Декорація представляетъ сзади рѣку, съ правой домъ Доброва, съ лѣвой Чушкина. Иванъ промо-

Digitized by Google

шался. Онъ уговаривается съ товарищами; они ждутъ его подъ горою, поютъ. Иванъ выбиваетъ окно, и лѣзетъ въ комнату Анюты. Потомъ бѣжитъ къ себѣ, и въ одно мгновеніе Иванъ бросается изъ дома съ шкатулкою, Анюта изъ своего, съ узелкомъ. За Иваномъ гонится отецъ его; за Анютой отецъ ея. Чушкинъ держится за шкатулку, Добровъ за дочь. Кричатъ: *караулъ*! выбѣгаютъ будочники, товарищи Ивана — драка, товарищи зажигаютъ домъ. «Я обезчещена!» кричитъ Анюта — отецъ ея падаетъ и умираетъ. «Не вспоя, не вскормя, ворога не увидишь!» кричитъ Иванъ, и поражаетъ отца ножемъ, схватываетъ Анюту, бѣжитъ. Крикъ, шумъ, бьютъ набатъ; вѣдьмы летаютъ по сценѣ на помелахъ, среди пожара — *день третій.*

Второй актъ. *Удалая голова, или тѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.* Иванъ пропился, промотался. Анюта ушла отъ него. Дѣйствіе въ кабакѣ: разныя сцены; бьютъ цѣловальника. Но тѣнь отца преслѣдуетъ Ивана; любовь къ Анютѣ мучитъ его. Онъ узнаетъ, что Анюта живетъ въ домѣ помѣщика Простакова. *День первый.*

Сцены у Простакова... Милое семейство Простакова. Онъ самъ и прикащикъ его волочатся за Анютою; но она остается добродѣтельна. Является Иванъ; ужасъ, отчаяніе. Простаковъ и прикащикъ приходятъ къ Анютѣ, узнаютъ другъ друга — смѣшное; прячутся, слыша, что идетъ Г-жа Простакова. Она ругаетъ и бьетъ Анюту. Иванъ не

Digitized by Google

можешъ стерпѣть — бьешъ ее; мужъ вступается. Иванъ свищетъ. Тушъ можно зажечь домъ. Товарищи Ивана являются, вяжутъ Простаковыхъ, грабятъ. Смѣшное и ужасное вмѣстѣ. Анюшу тащатъ. *День второй.*

Актъ третій. *Чортовъ пасынокъ, или повадится кувшинъ по воду ходить, тутъ ему и голову положить.* Городская шюрьма. Сцены горести, смѣха, оппращительныхъ шутокъ. Иванъ пойманъ и въ цѣпяхъ. Анюта скрылась у пустынника. Вѣдьмы помогаютъ Ивану освободишь себя и колодниковъ, съ шѣмъ, чшобы онъ продалъ душу чорту. *День первый.*

Пустыня. Анюта и опшельникъ. Онъ влюбляется въ Анюшу, и, спараясь сбишь ее съ шолку, поетъ, пляшетъ казачка. Иванъ идетъ съ шоварищами. Сцены грабежа на дорогѣ. Анюта не хочетъ идши съ Иваномъ. Сцена ревности пустынника — онъ убиваетъ Анюшу, и идетъ въ шоварищи къ Ивану. Задняя декорація подымается — шабашъ вѣдьмъ и разбойниковъ. *День второй.*

Иванъ уже славный разбойникъ. Пустынникъ измѣняетъ ему. Приводятъ цѣлые караваны, и разныхъ плѣнниковъ. Ихъ заспавляютъ плясашь и пѣшь: случай шанцовашь Испанскія, Калмыцкія, Кишайскія па. Пустынникъ уже раскаялся. Онъ рѣжетъ Ивана, мершвецки пьянаго, но не совсѣмъ, чшобы успѣла явишься шѣнь опца, упрекашь Ивана, а вѣдьмы за его душею. Жгутъ убѣжище разбойниковъ. Солдаты берутъ ихъ самихъ. Пустынникъ уходитъ въ непроходимые лѣса. *День третій.*

Digitized by Google

— Что вы скажете о моей драмѣ?

« Вы шутите: это гиль, безъ связи, и отвратительная.

— Неправда. Тутъ все есть: ужасъ, трогательное, смѣшное, изображенія простой природы. Я вставлю шутокъ, пословицъ, Русскихъ пѣсенъ. Напримѣръ, угодно-ли вамъ глупость мужицкую? У меня запоютъ:

Пошла баба, поплелась,
поплелась;
Товаръ баба повезла,
повезла;
Товаръ бабій дорогой,
дорогой;
Полтора локтя холста,
да холста;
Взяла баба кузовокъ,
кузовокъ;
На дороженьку запасъ,
да запасъ:
Двѣ пригоршни толокна,
толокна, *и проч.*

Необходимо что нибудь удалое, и Иванъ будетъ пѣшь, въ кабакѣ, или на шабашѣ, какую нибудь каррикатуру Русскихъ народныхъ пѣсенъ, каррикатуру удалую, составленную изъ самыхъ отчаянныхъ словъ и выраженій. Напримѣръ, вотъ такъ:

Охъ, ты, гой еси, младъ, ясенъ соколъ,
Ты разгульный сынъ, сынокъ машушкинъ,

Digitized by Google

Разутѣшное дитя батюшки,
Ты зазноба-ли красныхъ дѣвушекъ,
Молодецкая, буйна головушка!
Шелковыхъ ты кудрей не расчесывай:
Ихъ разгладитъ воля буйная,
Ихъ расчешетъ вихорь-погодушка,
Полелѣетъ ихъ Волга-матушка!
Полно, молодецъ, отца слушаться,
Полно матери покланяпися,
Горемыкой сидѣть съ красной дѣвицей;
Полно мыкать тебѣ горе горькое,
Опъ невзгодицы, воли дѣвичей!

Полетѣлъ соколъ
По поднебесью,
Вышелъ молодецъ
Въ волю буйную,
На Царёвъ кабакъ,
На кружало онъ
Государево;
Зеленымъ виномъ
Не нахвалится,
Волею буйною
Не натѣшится.
Какъ возговоритъ
Добрый молодецъ:
« Охъ, вы, братцы мои,
Вы товарищи!
Мы запѣнимъ-ли
Волгу матушку,
Косной лодочкой;
Мы напьемся-ли
Меду пьянаго,
Непокупнаго;

Digitized by Google

Мы заваримъ-ли
Пива крѣпкаго —
Мы затремъ его
Головой своей;
Мы сваримъ его
Молодечествомъ—*Ну, и такъ далѣе!*

— Вы смѣетесь моимъ каррикатурамъ? Но, повѣрьте, что точно такова ваша Русь, какою вы восхищаетесь въ *Двумужницѣ*. Видно, вы худо знаете Русь добрую, настоящую, истинную, съ ея добромъ и худомъ, съ ея удалью, съ ея истиннымъ характеромъ. . .

« Мы не знаемъ Руси? Мы, которые больше нежели чувствуемъ каждое слово, хотя-бы, напримѣръ, изъ разсказа Дяпела о Стенькѣ Разинѣ! Вы представили мнѣ пародіи пѣсенъ; но вѣрно умолкнете передъ прелестью этого разсказа.

— Нѣтъ, не умолкну, потому, что вижу въ немъ каррикатуру настоящаго народнаго разсказа, который въ самомъ дѣлѣ, какъ поэтическое произведеніе простолюдина можетъ быть прелестенъ, непередражаемъ. Авторъ Двумужницы передѣлалъ: и—обезобразилъ его. Слушайте, я буду говорить вамъ цѣлый часъ всякую дичь, въ родѣ Дяпела, мѣрной прозой, которая при чтеніи походитъ на стихи, и которою обыкновенно разсказываютъ у насъ простолюдины сказки свои:

« По Каспійскому морю, по Хвалынскому, буря подымается; вихорь-молодецъ распотѣшился: со дна моря крушитъ пески желтые, разбиваетъ лодки молодецкія.

Digitized by Google

« Семь лодокъ съ ладьей бьетъ о круты берега; семь другихъ крушитъ о камни бѣлые Приволжскіе, крушитъ, вертитъ, щепой несетъ.

« На шестнадцатой сидитъ добрый молодецъ, удалой атаманъ, отецкій сынъ, по прозванью Иванъ оторви голова.

« Сидитъ Атаманъ добрый молодецъ, пригорюнился, запечалился, опустилъ свои руки бѣлыя, во слезахъ его очи ясныя.

« Какъ возговоритъ добрый молодецъ: « Охъ, вы, гой еси, товарищи удалые, закадычные друзья, вѣрные, съ кѣмъ попивать, погулять, съ кѣмъ думу крѣпкую раздумали!

« Гибнете вы, добрые молодцы, ни за денежку!

« Съ Волги-матушки согнала насъ сила Царская, загнала насъ въ земли бусурманскія, отдала насъ на добычу вихрю чуждому, не родимому, не привѣтному.

« Гибнете вы, добрые молодцы, ни за денежку!

« Съ кѣмъ мнѣ въ темну ночь будетъ соколомъ летать, на купца напасть, на ножи пойдти на булатные, кистенемъ махать, соловьемъ свистать, зеленымъ виномъ кого чествовать?

« Сгинь, удалая голова моя! Что мнѣ мыкаться по бѣлу свѣту; горючи слезы ронять, какъ жемчугъ низать.». .

— Ну, и далѣе, сколько вамъ угодно. . .

« Вы все шутите!

— А вы, уже-ли не шутите, когда хвалите мнѣ пьесу, безсвязную по содержанію, сосшавленную изъ сценъ изысканныхъ, между которыми разгово-

Digitized by Google

ры безъ конца, и скучны до смерши; пьесу, гдѣ Русскаго духа видомъ не видашь, а выставлена только каррикатура Руси; гдѣ нѣтъ ни страстей, ни характеровъ, ни слога, и все вершится на нищихъ, разбойникахъ, ножахъ, болшовствѣ. . .

Молодой человѣкъ въ очкахъ, кажется, осердился. По крайней мѣрѣ, онъ вдругъ всталъ, пробормошалъ чшо-шо, и ушелъ. Въ слѣдъ за нимъ поплелся и старикъ въ зеленой шубѣ.

Было уже одиннадцашь часовъ, а начала *Астрономическихъ бредней* еще и въ поминѣ не было. Я рѣшился отправишься домой. Разговоръ двухъ незнакомцевъ показался мнѣ сшоль любопышнымъ, чшо, вмѣсшо рецензіи новой пьесы Князя А. А., я почелъ лучшимъ передашь его чишашелямъ. Пусшь шеперь судяшъ, какъ кому угодно. Мое дѣло сшорона: я пересказалъ, чшо слышалъ, а ошъ себя прибавилъ шолько содержаніе *Двумужницы*.

Θ. V.

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* Вотъ и *третій возрастъ* человѣка! Посмотримъ, какъ изображаетъ его Шекспиръ:

. . . . . And then the lover
Sighing like furnace, with a woful ballad
Made to his mistress' eye-brow.

(то есть: «Потомъ, влюбленный, онъ пышитъ, какъ раскаленное горнило, и вздыхаетъ жалобною балладою, которую сочинилъ для прекрасныхъ глазъ возлюбленной! . . »).

Живописецъ и здѣсь изобразилъ одну фигуру: но сколько въ ней жизни и правды! Ночь. Влюбленный юноша сочиняетъ стихи для своей милой; можетъ быть онъ не столько поэтъ на словахъ, сколько поэтъ въ сердцѣ, и отъ того непокорныя слова и мятежныя рифмы не повинуются ему: онъ весь углубленъ въ свое занятіе, и видъ его показываетъ человѣка, который не скоро еще оставитъ свой трудъ; онъ пропишетъ и провздыхаетъ всю ночь. Портретъ возлюбленной передъ нимъ на столѣ. Онъ какъ будто ждетъ отъ него вдохновенія. Между тѣмъ, разстегнутый камзолъ, чулки, которые спустились, башмаки, едва надѣтые на

Digitized by Google

ноги, все показываетъ въ немъ тотъ безпорядокъ, который Розалинда называетъ *непреложнымъ признакомъ любви* въ молодомъ человѣкѣ. Въ комнатѣ его видите вы двѣ картины: обѣ онѣ прославляютъ бога любви. Замѣтьте этого молодаго, прелестнаго человѣка, влюбленнаго въ идеалы и въ красоту! Замѣтьте. Мы увидимъ его и въ другихъ возрастахъ: сравненіе можетъ быть любопытнымъ. Вглядитесь въ эту физіогномію, въ которой все такъ привлекательно и все такъ идеально! Какая чистая, свѣтлая душа!..

— *О новой драмѣ Виктора Гюго.* — Послѣ своего процесса за драму: *Король забавляется*, В. Гюго уже успѣлъ отдать на театръ новую драму: *Лукреція Боргіи*. Она была представлена, только не на Французскомъ Парижскомъ Театрѣ, а на Театрѣ Porte-Saint-Martin. Успѣхъ ея былъ *неслыханный*, какъ увѣряютъ Парижскіе наблюдатели театровъ. Имѣя передъ глазами нѣсколько рецензій новой драмы В. Гюго, мы представимъ, въ слѣдующей книжкѣ Телеграфа, одну изъ нихъ, съ выписками изъ самой пьесы. До тѣхъ поръ дѣлимся съ читателями анекдотомъ, который мы нашли въ одномъ Парижскомъ Журналѣ. Тамъ сказано: «Успѣхъ *Лукреціи Боргіи* есть литературное событіе прошедшей недѣли. Говорятъ, что, кромѣ славы, онъ выгоденъ для Автора и въ другомъ отношеніи. Многіе старались узнать, на какихъ условіяхъ отдалъ Авторъ свою пьесу Сенъ-Мартенскому Театру, и узнали слѣдующее. Ди-

Digitized by Google

ректоръ Театра просилъ В. Гюго объявишь условія, и тотъ прежде всего потребовалъ, чтобы авторскія выгоды его были точно таковы, какъ онъ представленія на большомъ Французскомъ Театрѣ.— Директоръ согласился. — Авторъ потребовалъ, чтобы пьеса его считалась наравнѣ съ пьесами въ пять дѣйствій, хотя въ ней всего три дѣйствія. — Директоръ согласился.— «Требую чтобы три первыя представленія были въ мою пользу.» — Директоръ согласился. — «Требую сверхъ того 1000 франковъ за первое представленіе.» — Эта статья затруднила было Директора, однакожь онъ согласился и на нее. — «Я желалъ-бы сверхъ того...» — Какъ? Еще что нибудь? — «Я желалъ-бы имѣть отъ васъ обезпеченіе на пятьдесятъ представленій, изъ которыхъ каждое дастъ по 1000 экю дохода.» — Это уже совершенно не возможно. Вы потребовали мой фракъ; я отдалъ вамъ его; но вы требуете рубашку мою; этого не могу дать: Г. Префектъ Полиціи не позволитъ.» — Анекдотъ конечно выдуманъ; однакожь онъ показываетъ, къ какимъ изобрѣтеніямъ далъ поводъ успѣхъ *Лукреціи Боргіи*.

— *Нѣсколько словъ о небывалой модѣ.*—Въ Русскихъ Журналахъ пишутъ, будто-бы въ Парижѣ вошло въ моду шить платья изъ старомодныхъ тканей и осыпать голову пудрою. Даже остроуміе нашихъ извѣстителей о модахъ-нашло поживу при этомъ извѣстіи: удивляются, ахаютъ, подсмѣиваются!... Мы почитаемъ нелишнимъ объяснить это явленіе,

Digitized by Google

въ самомъ дѣлѣ странное. Партія приверженцевъ прежней династіи — Карлистовъ, Роялистовъ, Лежитимистовъ, или назовите ихъ какъ угодно — употребляетъ всѣ средства показать свою привязанность къ старому порядку дѣлъ. Она состоитъ большею частію изъ старинныхъ дворянъ, Герцоговъ, Графовъ, Князей, Маркизовъ, которые даютъ тонъ, въ такъ называемомъ высшемъ кругѣ. Однимъ изъ знаковъ приверженности своей къ старинѣ, эта партія почитаетъ возвращеніе къ старымъ нарядамъ. Въ своемъ кругу, она и дѣйствительно распространила, хотя весьма мало, употребленіе пудры и старинныхъ шканей. Но здѣсь и границы этой небывалой моды! Это не мода, а капризъ немногихъ аристократовъ. Напротивъ, истинно-модный свѣтъ нынѣшняго времени, то есть Французскій Дворъ и всѣ имѣющіе доступъ къ нему, люди свѣтскіе, богатые, и всѣ поклонники моды *современной*, не думали и не думаютъ употреблять пудры и объяринныхъ или шлофныхъ шканей. Мода есть обычай *всѣхъ*; а исключительный, и притомъ странный обычай *немногихъ*, есть ни болѣе ни менѣе какъ упрямство, капризъ, странность. Мы объяснили причины этого каприза.

— *Извѣщеніе.* — Издатели Московскаго Телеграфа почитаютъ пріятнымъ долгомъ благодарить неизвѣстную особу, приславшую къ нимъ, подъ вымышленнымъ именемъ, статью: *Нравственный термометръ, газета современнаго просвѣщенія*;

Digitized by Google

№ 1-й. Съ особеннымъ удовольствіемъ напечатали-бы они эту остроумную и хорошо написанную статью, но, къ сожалѣнію, не могутъ исполнить сего, ибо съ нѣкотораго времени статьи сего рода исключены изъ Телеграфа совершенно.

Окончаніе статьи о Сочиненіяхъ А. С. Пушкина не могло быть напечатано въ сей книжкѣ Телеграфа, и будетъ помѣщено въ одной изъ слѣдующихъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 4 Моск. Телегр. 1833

Пис. Смирнъ. Гр. Аѳанасьевъ.

Digitized by Google

№ IV. ФЕВРАЛЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОСАДА АНТВЕРПЕНА,

подъ предводительствомъ Принца Пармскаго, въ 1584 и 1585 годахъ (*).

Сочиненіе Шиллера.

Любопытно видѣть борьбу изобрѣтательнаго человѣческаго ума съ могущественною стихіею; любопытно наблюдать, какъ трудности, непреоборимыя для обыкновенныхъ способно-

(*) Нынѣ, когда недавняя осада Антверпена обратила на себя вниманіе Европы, занимательно будетъ прочесть представляемое нами сочиненіе одного изъ лучшихъ новыхъ Историковъ, знаменитаго Шиллера. Оно было сначала помѣщено въ изданіи его: Die Horen, въ 1795 году, и послѣ составило отдѣльную статью при *Исторіи отпаденія Соединенныхъ Нидерландовъ*. Жаль, что прекрасная книга сія не переведена до сихъ поръ на нашъ языкъ. *Прим. Изд.*

Digitized by Google

стей, падаютъ передъ благоразуміемъ, рѣшительностью и неизмѣнною волею. Менѣе привлекательно, но болѣе поучительно зрѣлище противоположное, когда недостатокъ въ упомянутыхъ дарованіяхъ уничтожаетъ всѣ усилія генія, дѣлаетъ безплодными всѣ благопріятныя случайности, и, за неумѣніе воспользоваться ими, лишается почти вѣрнаго успѣха. Оба сіи примѣра представляетъ намъ знаменитая блокада города Антверпена Испанцами, въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. Она лишила, безвозвратно, сей цвѣтущій торговый городъ благосостоянія его, и напротивъ доставила полководцу, который предпринялъ и совершилъ ее, безсмертное имя.

Уже двѣнадцать лѣтъ продолжалась война, которую вели сѣверныя области Бельгіи, сначала единственно для защиты вѣроисповѣданія и своихъ привиллегій отъ нападковъ Испанскаго Штатгальтера, но впослѣдствіи уже для завоеванія независимости государственной отъ Испанской Короны. Граждане ихъ не были побѣдителями, но не были и побѣжденными; они утомляли мужество Испанцевъ продолжительными военными дѣйствіями, на неблагопріятной землѣ, и истощали обладателя обѣихъ Индій, называя себя *нищими*, чѣмъ и были отчасти въ самомъ дѣлѣ. Хотя распался Генп-

Digitized by Google

скій Союзъ, который соединилъ всѣ, Католическія и Протестантскія области Нидерландовъ, и который образовалъ-бы одно, непобѣдимое цѣло государственное, если-бы могъ быть прочнымъ, но уже вмѣсто сего ненадежнаго и неестественнаго соединенія, сѣверныя области, въ 1579 году вступили въ тѣснѣйшій Утрехтскій Союзъ, который обѣщалъ быть болѣе продолжительнымъ, ибо его соединяли и поддерживали одинаково для всѣхъ важныя, государственныя и религіозныя выгоды. Отдѣленіе Католическихъ областей лишало новую Республику нѣкотораго пространства земли, но это слишкомъ вознаграждалось тѣснѣйшимъ сближеніемъ, единствомъ въ предначертаніяхъ и силою въ исполненіи. Можно было почесть событіемъ счастливымъ, что она во время теряла то, чего не могла-бы сохранить никогда, и никакими усиліями.

Большая часть Валлонскихъ областей, по собственному произволу и силою оружія, была въ 1584 году вновь подъ властію Испанцевъ; только въ сѣверныхъ округахъ они еще не могли утвердиться. Даже значительная часть Брабанта и Фландріи еще упорно сопротивлялась оружію Герцога Александра Пармскаго, который съ равнымъ благоразуміемъ и твердостью управлялъ областями и арміею, нахо-

Digitized by Google

дившеюся подъ главнымъ его начальствомъ. Рядъ побѣдъ его опять привелъ въ уваженіе имя Испанцевъ. Особенное образованіе земли, связующее города одинъ съ другимъ и съ моремъ, посредствомъ множества рѣкъ и каналовъ, затрудняло завоеванія, и чтобы овладѣть какимъ нибудь мѣстомъ, надобно было наперед овладѣть другимъ. Покуда оставались свободными сообщенія, до тѣхъ поръ Голландія и Зееландія легко могли защищать своихъ союзниковъ, и какъ водою, такъ и сухимъ путемъ, изобильно снабжать ихъ всѣми потребностями. Здѣсь оставалось безсильно всякое мужество, и войска Короля тщетно гибли при долговременныхъ осадахъ.

Антверпенъ былъ важнѣе всѣхъ городовъ Брабанта, какъ по своему богатству, народонаселенію и по своей силѣ, такъ и по мѣстоположенію близъ устья Шельды. Сей огромный и многолюдный городъ, въ которомъ считалось иногда болѣе осьмидесяти тысячь жителей, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ Нидерландскаго Союза, и въ продолженіе войны отличался между всѣми городами Бельгіи необузданнымъ чувствомъ свободы. Онъ заключалъ въ себѣ всѣ три Христіанскія Церкви, и сей неограниченной свободѣ вѣроисповѣданій былъ одолженъ большею ча-

Digitized by Google

стію своего благосостоянія; посему болѣе другихъ долженъ былъ онъ страшишься владычества Испанцевъ, которые грозили уничтожить свободу вѣроисповѣданій, и ужасомъ Инквизиціоннаго Суда изгнать всѣхъ Протестантовъ-купцовъ изъ ихъ торжищъ. Сверхъ того, Антверпенъ уже извѣдалъ собственнымъ, страшнымъ опытомъ звѣрство Испанскихъ гарнизоновъ; легко можно было предвидѣть, что если на него опять возложатъ это невыносимое иго, то онъ не избавится отъ него во все продолженіе войны.

Но если Антверпенъ имѣлъ столь великія причины держать Испанцевъ въ удаленіи отъ стѣнъ своихъ, то Испанскій полководецъ имѣлъ столь-же сильныя основанія стараться овладѣть симъ городомъ, во что-бы то ни стало. Отъ обладанія онымъ зависѣло нѣкоторымъ образомъ обладаніе всею Брабантскою землею, которая большею частію черезъ него снабжалась изъ Зееландіи хлѣбомъ; оно также утвердило-бы за Испанцами господство надъ Шельдою. Брабантскій Союзъ, имѣвшій свои собранія въ семъ городѣ, лишился-бы вмѣстѣ съ нимъ важнѣйшей своей подпоры; сверхъ того, для всей партіи прекратилось-бы опасное дѣйствіе его примѣра, его совѣтовъ, и его денежныхъ пособій, а Король пріобрѣлъ

Digitized by Google

бы въ кассахъ жителей богатое пособіе для военныхъ потребностей. Паденіе его должно было раньше или позже имѣть слѣдствіемъ паденіе всего Брабанта, и рѣшительно склонить тамъ перевѣсъ силы на сторону Короля. Соображенія сіи заставили Герцога Пармскаго соединить, въ Іюлѣ 1584 года, всѣ свои силы и перейдти отъ Дорника (Турне), гдѣ стоялъ онъ, къ Антверпену, съ намѣреніемъ начать осаду онаго.

Но, и мѣстоположеніе, и укрѣпленія сего города, какъ будто посмѣвались надъ всякимъ нападеніемъ. Со стороны Брабанта окруженный неприступными укрѣпленіями и наполненными водою рвами, со стороны Фландріи прикрытый широкою и быстрою Шельдою, онъ не могъ быть взятъ приступомъ; чтобы обложить столь обширный городъ, казалось, надлежало имѣть вдвое болѣе войскъ, нежели сколько было ихъ у Герцога, и сверхъ того флотъ, котораго у него не было вовсе. Кромѣ того, что рѣка, со стороны Генша, доставляла Антверпену въ изобиліи всѣ потребности, она также открывала для него легкое сообщеніе съ пограничною Зеландіею, ибо воды Сѣвернаго моря далеко вливаются въ Шельду, и теченіе сей послѣдней періодически обращается назадъ; посему Антверпенъ имѣ-

Digitized by Google

ешъ то особенное преимущество, что одна и та-же рѣка пречешъ подлѣ него, въ разныя времена, въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ. Къ этому надобно прибавить, что близъ лежащіе города, Брюссель, Мехельнъ, Генпъ, Дендермонде и другіе, были тогда еще всѣ въ рукахъ Союза, и могли облегчать сухопутные подвозы. Такимъ образомъ надобно было имѣть двѣ отдѣльныя арміи, на обоихъ берегахъ рѣки, для блокированія города съ сухаго пути и для прерванія сообщеній его съ Брабантомъ и Фландріею; кромѣ того надобно было достаточное число кораблей, чтобы заперешь Шельду и уничтожить всѣ попытки, которыя навѣрно стали-бы дѣлать для подкрѣпленія города изъ Зееландіи. Но Герцогъ долженъ былъ еще продолжать войну въ другихъ округахъ, и оставить гарнизоны во многихъ крѣпостяхъ и городахъ, отъ чего армія его уменьшилась до десяти тысячь пѣхоты и тысячи семи сотъ человѣкъ кавалеріи. Такое малочисленное войско было совершенно недостаточно для предпріятія столь огромнаго. Кромѣ всего этого, войска его нуждались въ самомъ необходимомъ, и не получая заслуженнаго жалованья, давно уже ропшали втайнѣ, и ропотъ ихъ ежечасно угрожалъ превратиться въ явный бунтъ. Но если-бы, не смотря на всѣ сіи препятствія, онъ отважился

Digitized by Google

производить осаду, то можно было всего опасаться отъ непріятельскихъ крѣпостей, которыя оставались назади, и которыхъ гарнизоны могли-бы быстрыми вылазками безпокоить столь раздробленную армію, и довести ее до голода, воспрепятствовавъ подвозамъ.

Военный совѣтъ, которому Герцогъ Пармскій предложилъ свое предпріятіе, поставилъ на видъ всѣ сіи соображенія. Какъ ни велика была увѣренность въ самихъ себѣ и въ испытанныхъ способностяхъ Полководца, однако самые опытные Генералы не хотѣли скрывать, что они отчаяваются въ успѣхѣ. Исключая только двухъ, Капицукки и Мондрагона, которые дерзкимъ мужествомъ своимъ были выше подобныхъ соображеній, остальные всѣ не совѣтовали отваживаться на предпріятіе столь сомнительное, въ которомъ можно было потерять плоды всѣхъ предшествовавшихъ побѣдъ и всю пріобрѣтенную побѣдами военную славу.

Но прежде всѣхъ другихъ, Герцогъ Пармскій самъ обдумалъ сіи возраженія, и самъ себѣ уже отвѣчалъ на нихъ; они не могли поколебать его. Онъ зналъ всѣ опасности, сопряженныя съ смѣлымъ его предпріятіемъ, и рѣшился на него не по легкомысленному преувеличенію своихъ силъ. Геніяльный инспинкшъ,

Digitized by Google

внушающій великимъ людямъ счастливую самонадѣянность, и ведущій ихъ по тому пути, на который люди обыкновенные не осмѣливаются вступать, или котораго не умѣютъ окончить, сей инстинктъ возвысилъ его надъ всѣми сомнѣніями, выставленными холодною и ограниченною осмотрительностью. Онъ не могъ убѣдить своихъ Генераловъ, но провидѣлъ достоверность своихъ разсчетовъ, хотя неяснымъ, но тѣмъ не менѣе вѣрнымъ чувствомъ. Его еще болѣе убѣждалъ цѣлый рядъ блистательныхъ успѣховъ, а взглядъ на армію, которая въ дисциплинѣ, опытности и мужествѣ не имѣла подобной себѣ въ тогдашней Европѣ, и была предводима цвѣтомъ лучшихъ офицеровъ, не допускалъ предаваться страху ни на одну минуту. Тѣмъ, которые напоминали ему о малочисленности его войскъ, онъ отвѣчалъ, что не длина, а остріе копья поражаетъ, и что въ военныхъ предпріятіяхъ надобно болѣе полагаться на ту силу, которая двигаетъ, а не на толпу, которую надобно двигать. Онъ зналъ дурное расположеніе своихъ войскъ, но зналъ и покорность ихъ; сверхъ того, онъ надѣялся всего лучше предупредить личныя жалобы, занявъ умы важностью предпріятія, а славолюбіе блескомъ онаго, и пробудивъ корыстолюбіе на-

Digitized by Google

деждою на великую добычу при завоеваніи города богатаго и цвѣтущаго.

Въ планѣ, предначертанномъ имъ для осады, онъ старался сильною рукою предупредить всѣ многочисленныя препятствія. Принудить городъ къ сдачѣ можно было только однимъ средствомъ: *голодомъ*, и чтобы возставить сего страшнаго непріятеля, надобно было запереть всѣ выходы изъ города, на землѣ и на водѣ. Чтобы на первый случай отнять у него, или по крайней мѣрѣ затруднить всякой подвозъ изъ Зееландіи, было рѣшено овладѣть всѣми бастіонами, которые выстроили Антверпенцы на обоихъ берегахъ Шельды для защиты судоходства, и сдѣлать новыя укрѣпленія, гдѣ будетъ нужно, для обстрѣливанія рѣки вдоль. Но чтобы въ тоже время городъ не могъ получать сухимъ путемъ тѣхъ снабженій, которыя старались отнять у него со стороны рѣки, надлежало включить въ планъ осады всѣ окрестные города Брабанта и Фландріи, и на взятіи сихъ городовъ основать паденіе Антверпена. Предначертаніе дерзкое, и, если сообразишь ограниченныя силы Герцога, почти безумное, которое однакожь было оправдано геніемъ творца его и увѣнчано самымъ блистательнымъ окончаніемъ.

Но для выполненія столь обширнаго плана требовалось время, и посему удовольствова-

Digitized by Google

лись покуда шѣмъ, что при всѣхъ рѣчкахъ и каналахъ, соединявшихъ Антверпенъ съ Гентомъ, Дендермонде, Мехельномъ, Брюсселемъ, и другими мѣстами, заложили множество бастіоновъ, дабы запрудннть подвозъ. Въ тоже время, по близости сихъ городовъ, и почти у воротъ оныхъ, были разставлены Испанскія войска: они господствовали открытыми землями, и разъѣзды ихъ не давали надежнаго убѣжища въ окрестныхъ мѣстахъ. Около Генша, напримѣръ, было расположено почти три тысячи человѣкъ, и соразмѣрное число около другихъ городовъ. Этимъ средствомъ, и тайными сношеніями съ Католическими жителями, Герцогъ надѣялся, не ослабляя себя, истощить мало по малу сіи города, и бѣдствіями небольшой, но безпрерывной войны принудить ихъ наконецъ къ сдачѣ, даже безъ настоящей осады.

Между шѣмъ, главныя силы были обращены противъ Антверпена. Герцогъ окружилъ его со всѣхъ сторонъ своими войсками. Самъ онъ занялъ позицію въ Беверпѣ, во Фландріи, за нѣсколько миль отъ Антверпена, гдѣ и расположился въ укрѣпленномъ станѣ. Фландрскій берегъ Шельды былъ порученъ Маркграфу Рисбургу, кавалерійскому Генералу; Брабантскій Графу Мансфельду, съ которымъ соединялся другой Испанскій Генералъ, Мондрагонъ. Оба

Digitized by Google

послѣдніе счастливо переправились черезъ Шельду, по понтонному мосту, и въ этомъ никакъ не могъ воспрепятствовать имъ высланный изъ Антверпена Адмиральскій корабль. Они обошли Антверпенъ вокругъ, и заняли позицію при Стабрёкѣ, на Бергенской землѣ. Отдѣльные отряды разсыпались вдоль всего Брабантскаго берега, частію для заняшія плотинъ, частію для овладѣнія всѣми проходами со стороны земли.

Ниже Антверпена въ нѣсколькихъ миляхъ, Шельду защищаютъ два сильныя укрѣпленія, изъ коихъ одно находится въ Лифкенсгёкѣ, на островѣ Дёлѣ (Doel), во Фландріи, другое въ Лилло, почти на противоположномъ Брабантскомъ берегѣ. Послѣднее было выстроено самимъ Мондрагономъ, по приказанію Герцога Альбы, когда тотъ еще игралъ въ Антверпенѣ роль властителя, и потому-то теперь Герцогъ Пармскій ввѣрилъ нападеніе на оное также Мондрагону. Отъ обладанія сими укрѣпленіями могъ зависѣть весь успѣхъ осады, ибо всѣ корабли, идущіе изъ Зееландіи въ Антверпенъ, должны проходить подъ пушками оныхъ. Не за долго передъ осадою, Антверпенцы вновь усилили ихъ, но въ Лифкенсгёкѣ еще не были окончаны всѣ работы, когда на него напалъ Маркграфъ Рисбургъ. Быстрота нападе-

Digitized by Google

нія изумила непріятелей; они еще не приготовились надлежащимъ образомъ къ отпору, и штурмъ предалъ Лифкенсгёкъ въ руки Испанцевъ. Потеря сія совершилась въ тотъ-же несчастный для Нидерландцевъ день, когда Принцъ Оранскій палъ отъ руки убійцы. Другія укрѣпленія на островѣ Дёлѣ были также частію оставлены самими защитниками, частію взяты послѣ внезапнаго нападенія. Въ короткое время, весь Фландрскій берегъ былъ такимъ образомъ совершенно очищенъ отъ непріятеля. Но укрѣпленіе въ Лилло, на Брабантскомъ берегу, оказало сопротивленіе сильнѣйшее, тѣмъ болѣе, что Антверпенцы имѣли время кончить тамъ крѣпостныя работы и оставить храбрый гарнизонъ. Отчаянныя вылазки осажденныхъ, подъ предводительствомъ Одета Телиньи, поддерживаемыя огнемъ съ укрѣпленій, уничтожили всѣ осадныя работы Испанцевъ, а наводненіе, произведенное открытіемъ шлюзовъ, рѣшительно прогнало ихъ, послѣ трехнедѣльной осады, съ потерею почти двухъ тысячъ человѣкъ убитыми. Они удалились въ свой укрѣпленный лагерь при Стабрёкѣ, и только заняли плотины, которыя перерѣзываютъ низменныя мѣста въ Бергенѣ и служатъ оплотомъ противъ вторженій восточной Шельды.

Неудачное нападеніе на Лилло перемѣнило предначертанія Герцога Пармскаго. Не успѣвъ

Digitized by Google

на семъ пути прекратить судоходство по Шельдѣ, отъ чего однако зависѣлъ весь успѣхъ осады, онъ рѣшился совершенно запереть рѣку посредствомъ моста. Мысль смѣлая, которую многіе почитали даже безразсудною. Ширина рѣки, которая въ семъ мѣстѣ простирается болѣе нежели на тысячу двѣсти шаговъ, и быстрота ея, еще болѣе усиливаемая приливами близкаго моря, казались непреоборимыми препятствіями; къ тому присоединялись: недостатокъ въ строевомъ лѣсѣ, въ судахъ, въ работникахъ, и опасное положеніе между Антверпенскимъ и Зеландскимъ флотами, которые при помощи бурной стихіи, по видимому, легко могли разстроивать работу, столь продолжительную. Но Герцогъ Пармскій зналъ свои силы, и побѣдить его неколебимое мужество могла только сама невозможность. Измѣривъ ширину и глубину рѣки, онъ потребовалъ совѣтовъ и объясненій отъ двухъ искуснѣйшихъ своихъ инженеровъ: Бароччи и Платона. Слѣдствіемъ сего было рѣшеніе: построить мостъ между Каллоо, во Фландріи, и Ордамомъ, въ Брабантѣ. Пунктъ сей былъ избранъ потому, что прошивъ него рѣка имѣетъ наименьшую ширину, и нѣсколько изгибается вправо, при чемъ корабли задерживаются, будучи принуждены перемѣнять парусы. Для прикрытія моста, по обоимъ концамъ онаго заложили сильные

Digitized by Google

бастіоны, изъ коихъ одинъ, на Фландрскомъ берегу, былъ названъ Фортъ Санта-Марія, а другой, на Брабантскомъ берегу, Фортъ С. Филиппъ, въ честь имени Короля.

Между тѣмъ какъ въ Испанскомъ станѣ, для выполненія сего предпріятія, дѣлались самыя быстрыя приготовленія, и вниманіе непріятеля было совершенно обращено на нихъ, Герцогъ произвелъ неожиданное нападеніе на Дендермонде, весьма крѣпкій городъ между Генпомъ и Антверпеномъ, гдѣ Шельда соединяется съ Дендеромъ. Покуда значительная крѣпость сія оставалась въ рукахъ непріятеля, Генпъ и Антверпенъ могли взаимно помогать одинъ другому, и, при легкомъ сообщеніи своемъ, дѣлать безполезными всѣ труды осаждающихъ. Завоеваніе оной давало Герцогу свободу дѣйствовать противъ обоихъ городовъ, и могло способствовать рѣшительному обороту для успѣха всего предпріятія. Быстрота нападенія не допустила осаждающихъ открыть шлюзы, и наводнить всѣ окрестныя земли. Противъ главнаго городскаго бастіона, передъ Брюссельскими воротами, началась немедленно жесточайшая канонада; но и огонь осажденныхъ произвелъ большое опустошеніе между Испанцами. Это не только не устрашило ихъ, но придало имъ еще болѣе пыл-

Digitized by Google

кости; увидѣвъ-же ругательство гарнизона, который передъ ихъ глазами обрубилъ изображеніе одного Святаго, и съ самыми оскорбительными насмѣшками сбросилъ его со стѣны, они пришли въ совершенную ярость, и съ шумомъ требовали, чтобы ихъ повели противъ бастіона. Брешъ была еще недовольно пробита, но Герцогъ рѣшился воспользоваться пылкостью солдатъ своихъ и позволилъ имъ идти на штурмъ. Послѣ двухъ часовъ убійственной борьбы, они взошли на парапетъ, и кто не былъ жертвою разъяренныхъ Испанцевъ, тотъ бѣжалъ въ городъ. Послѣ этого, городъ подвергся болѣе жестокому огню съ взятаго вала; однакожъ крѣпкія стѣны его и широкій, наполненный водою ровъ, окружавшій его, заставляли опасаться продолжительнаго сопротивленія. Предпріимчивый умъ Герцога Пармскаго вскорѣ побѣдилъ и сію трудность. Между тѣмъ какъ бомбардированіе продолжалось день и ночь, войска безъ отдыха работали надъ отведеніемъ Дендера, изъ котораго городской ровъ наполнялся водою. Осажденные пришли въ отчаяніе, увидѣвъ что вода во рву, это послѣднее защитительное средство ихъ, исчезаетъ постепенно. Они поспѣшили сдаться, и въ Августѣ 1584 года Испанскія войска вступили въ городъ. Такимъ образомъ предпріятіе сіе было окончено не болѣе какъ въ одиннадцать дней,

Digitized by Google

а по мнѣнію знатоковъ, оно могло-бы продолжиться столько-же недѣль.

Городъ Гентъ былъ послѣ сего отрѣзанъ и отъ Антверпена и отъ моря; Королевскія войска, вблизи стоявшія, стѣсняли его отчасу болѣе; онъ не имѣлъ никакой надежды на близкую помощь, отчаявался въ своемъ спасеніи, и видѣлъ, что голодъ, со всѣми своими послѣдствіями, приближается къ нему ужасными шагами. Въ Испанскій станъ, находившійся въ Беверне, были посланы парламентеры, съ предложеніемъ покорности Королю на тѣхъ условіяхъ, какія тщетно предлагалъ за нѣсколько времени самъ Герцогъ. Имъ объявили, что теперь уже не время договариваться, и что лишь безусловная покорность можетъ утишить разгнѣваннаго Монарха. Ихъ усмирашали даже тѣмъ, что они должны будутъ подвергнуться такому униженію, какое постигло мятежныхъ предшественниковъ ихъ при Карлѣ V-мъ, то есть, что ихъ заставятъ полунагихъ, и съ веревкою на шеѣ, идти умолять о прощеніи. Печальны поѣхали назадъ парламентеры, но черезъ три дни явилось новое посольство, которое успѣло наконецъ, при посредничествѣ одного Герцогова друга, находившагося плѣнникомъ въ Генте, заключить довольно сносныя мирныя условія. Городъ обязался вы-

Digitized by Google

платить двѣсти тысячь гульденовъ контрибуціи, возвратить изгнанныхъ Папистовъ, и, напротивъ, изгнать Протестантскихъ жителей; послѣднимъ данъ былъ двухлѣтній срокъ, для приведенія въ порядокъ ихъ дѣлъ. Всѣ жители, исключая шесть человѣкъ, которые долженствовали подвергнуться наказанію, однакожь впослѣдствіи были также помилованы, получили прощеніе; гарнизонъ, состоявшій изъ двухъ тысячь человѣкъ, былъ выпущенъ съ почестями. Договоръ былъ заключенъ въ главной квартирѣ, въ Бевернѣ, 17 Сентября 1584 года, и немедленно городъ былъ занятъ тремя тысячами Испанскаго гарнизона.

Герцогъ Пармскій не столько силою оружія, сколько страхомъ своего имени и ужасомъ голода покорилъ сей городъ, самый большой и укрѣпленный въ Нидерландахъ, не уступающій объемомъ своимъ внутреннему Парижу, заключающій въ себѣ придцать семь тысячь домовъ, и расположенный на двадцати островахъ, соединенныхъ девяносто-осмью каменными мостами. Въ продолженіе многихъ столѣтій, онъ умѣлъ пріобрѣсти отъ своихъ властителей блестящія привиллегіи, которыя питали въ жителяхъ его духъ независимости, переходившій не рѣдко въ своевольство и буйство, и естественно увлекавшій ихъ въ несогласія съ пра-

Digitized by Google

вилами Австрійско-Испанскаго Правительства. Сіе необузданное чувство свободы способствовало въ Генпѣ также быстрому распространенію Реформаціи, и обѣ сіи причины произвели всѣ тѣ бурныя явленія, которыми къ несчастію ознаменовалъ себя городъ сей въ продолженіе Нидерландской войны. Кромѣ денежныхъ суммъ, взятыхъ Герцогомъ Пармскимъ съ жителей Генпа, онъ нашелъ тамъ множество артиллеріи, повозокъ, судовъ, всякаго рода строевыхъ матеріяловъ, и достаточное число работниковъ и матросовъ, отъ чего предпріятіе его противъ Антверпена получило немалое подкрѣпленіе.

Но еще прежде покоренія Генпа, передъ Испанцами пали города: Вильворде и Герентальсъ; также были заняты ими небольшія укрѣпленія, вблизи мѣстечка Виллеброкъ, и такимъ образомъ Антверпенъ былъ отрѣзанъ отъ Брюсселя и Мехельна. Потеря всѣхъ сихъ мѣстъ, въ столь краткое время послѣдовавшая, отняла у Антверпенцевъ всю надежду на помощь со стороны Брабанта и Фландріи. Единственнымъ ободреніемъ для нихъ осталось ожидаемое пособіе изъ Зееландіи; но дабы отнять и его, Герцогъ Пармскій дѣлалъ рѣшительныя приготовленія.

Digitized by Google

Жители Антверпена глядѣли на первыя движенія непріятеля съ гордою самоувѣренностію, которую внушалъ имъ взглядъ на неприступную ихъ рѣку. Увѣренность сія была нѣкоторымъ образомъ подкрѣплена мнѣніемъ Принца Оранскаго, ибо при первомъ извѣстіи объ осадѣ города, онъ далъ знать, что Испанскія войска должны подъ стѣнами Антверпена найдти свой гробъ. Не желая ничего упустить для сохраненія города, онъ, не задолго до своего умерщвленія, призвалъ къ себѣ, въ Дельфтъ, искренняго друга своего, Антверпенскаго Бургомистра, Филиппа Марникса Сентъ-Альдегонда, и тамъ имѣлъ съ нимъ сужденіе о защитѣ Антверпена. Онъ совѣтовалъ немедленно сломать большую плотину, между Занфлитомъ и Лилло, называемую Блаавгарендикъ, дабы при первой надобности разлить воду изъ восточной Шельды по низменнымъ землямъ Бергена, и черезъ то открыть Зееландскимъ судамъ, вслучаѣ, если-бы плаваніе по Шельдѣ было прекращено, путь къ городу по наводненнымъ долинамъ. По возвращеніи своемъ, Альдегондъ склонилъ большую часть гражданъ и Магистратъ, согласиться на его предложеніе; но цехъ мясниковъ зашумѣлъ, жалуясь, что у него отнимутъ черезъ это средства пропитанія, ибо поля, которыя хотѣли покрыть водою, были обширными пастьбищами, гдѣ ежегодно

Digitized by Google

выкармливалось около двѣнадцати тысячъ быковъ. Цехъ мясниковъ былъ поддержанъ большинствомъ, и заставилъ медлить исполненіемъ сего спасительнаго предложенія до тѣхъ поръ, когда непріятель занялъ и плотины и поля.

Сентъ-Альдегондъ былъ самъ Членомъ Брабантскихъ Штатовъ, и находился у нихъ въ большомъ уваженіи. По его старанію, еще до прибытія Испанцевъ, всѣ укрѣпленія на обоихъ берегахъ Шельды были приведены въ лучшее состояніе, и вокругъ города сдѣлано много новыхъ редутовъ. У Зафтингена пробили плотину, и наводнили изъ восточной Шельды почти всю долину Весъ (Waes). Графъ Гогенлоге набиралъ войска въ пограничномъ Бергенскомъ Маркграфствѣ, а полкъ Шотландцевъ, подъ начальствомъ Полковника Моргана, уже находился на жалованьѣ Республики, между тѣмъ какъ изъ Англіи и Франціи ожидали новыхъ пособій. Прежде всего требовали скорѣйшей помощи отъ Штатовъ Голландіи и Зееландіи. Но когда непріятели стали твердою ногою на обоихъ берегахъ рѣки, и огнемъ изъ своихъ редутовъ сдѣлали опаснымъ судоходство по оной, когда въ Брабантѣ падали передъ ними одна крѣпость за другою, и конница ихъ заняла всѣ проходы на сухомъ пути, тогда наконецъ жители Антверпена стали опа-

Digitized by Google

саться за будущую участь свою. Въ городѣ считалось восемьдесятъ пять тысячь жителей, и по вѣрному исчисленію надобно было для ежегоднаго прокормленія ихъ триста тысячь квартеровъ или центнеровъ хлѣба. При началѣ осады было-бы не трудно заготовить все сіе количество: были и деньги и привозъ, потому что, не смотря на непріятельскія пушки, суда съ хлѣбомъ изъ Зееландіи нашли средство проходить, во время приливовъ, къ самому городу. Слѣдовательно, должно было позаботиться только о томъ, чтобы люди богатые не скупили сихъ запасовъ, и не сдѣлались, при наступленіи недостатка, властителями цѣны хлѣбу. Нѣкто Джіанибелли, Мантуанскій урожденецъ, поселившійся въ Антверпенѣ и оказавшій оному во время осады важныя услуги, предложилъ сдѣлать сборъ сотаго пфенига, и составить общество, изъ извѣстныхъ своею честностію людей, которые закупили-бы на сіи деньги хлѣбъ, и потомъ отпускали его сженедѣльно. Богатые граждане должны были предваритьльно употребить для сего капиталъ, и въ видѣ залога хранить закупленный хлѣбъ въ своихъ магазинахъ, участвуя и въ барышахъ отъ такого предпріятія. Сіе предложеніе не было принято тѣми изъ богачей, которые рѣшились извлечь свои выгоды изъ общественнаго бѣдствія. Они утверждали, что

Digitized by Google

лучше велѣть каждому жителю запастись, на два года, всѣми жизненными припасами. Это показываетъ, что они заботились о самихъ себѣ, но не думали о бѣдныхъ людяхъ, которые не могутъ сдѣлать запасовъ на столь продолжительное время. Конечно они достигли своей цѣли, ибо послѣ сего бѣдные жители были должны или оставить городъ, или находиться у нихъ въ зависимости; но разсудивъ, что во время недостатка не пощадятъ и ихъ собственности, они почли благоразумнымъ не спѣшить закупкою.

Желая предотвратить зло, которое легло бы только на нѣкоторыя лица, Магистратъ города изобрѣлъ другое средство, бѣдственное для всѣхъ. Зееландскіе купцы нагрузили хлѣбомъ большое число кораблей, прошли благополучно подъ пушками Испанцевъ и пристали къ Антверпену. Надежда на огромную прибыль ободряла ихъ въ этомъ отважномъ предпріятіи; но прибывши въ Антверпенъ они увидѣли, что обманулись въ своемъ ожиданіи, ибо въ тоже самое время Антверпенскій Магистратъ издалъ повелѣніе, которымъ значительно уменьшалась цѣна всѣхъ жизненныхъ припасовъ. Притомъ, желая воспрепятствовать частнымъ лицамъ скупить весь грузъ, который могли они сло-

Digitized by Google

жить въ магазины и послѣ продать дорогою цѣною. Магистратъ постановилъ, что весь привезенный хлѣбъ долженъ быть проданъ по мѣлочи, прямо съ кораблей. Обманутые сими распоряженіями во всѣхъ разсчетахъ своихъ, купцы немедленно подняли парусы на корабляхъ, и оставили Антверпенъ, съ большею частію своего груза, который могъ-бы достаточно пропитать сей городъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ.

Такое небреженіе о важнѣйшемъ и необходимѣйшемъ средствѣ спасенія, можно объяснить только тѣмъ, что въ это время почитали совершенно невозможнымъ прекратить плаваніе по Шельдѣ, и слѣдственно мало опасались самаго главнаго бѣдствія. Когда было получено извѣстіе, что Герцогъ намѣренъ сдѣлать мостъ черезъ Шельду, то всѣ Антверпенцы смѣялись надъ его несбыточною мыслію. Гордо сравнивали Республику съ своею рѣкою, и думали что какъ одна, такъ и другая не потерпятъ надъ собою Испанскаго ига. «Рѣка, въ двѣ тысячи четыреста футовъ ширины, и болѣе шестидесяти футовъ глубины при собственной своей водѣ — а отъ морскаго прилива прибываетъ въ ней еще около двѣнадцати футовъ — такая рѣка поддастся дряннымъ столбикамъ? Да

Digitized by Google

и гдѣ взять такихъ высокихъ столбовъ, чтобы они доставали до дна и выставлялись надъ поверхностью воды? И эту постройку хотятъ еще окончить зимою, когда приливъ наноситъ цѣлые острова и горы льду, противъ которыхъ едва устаиваютъ каменныя стѣны! Прикоснувшись къ хилымъ балкамъ, они раздробятъ ихъ какъ стекло. Или не думаетъ-ли Герцогъ построить мостъ на судахъ? Но гдѣ-же онъ возметъ ихъ, и по какой дорогѣ доставитъ въ свои окопы? Имъ непремѣнно надобно проходить мимо Антверпена, а тутъ стоитъ флотъ, который захватитъ ихъ, или потопитъ.» Такъ говорили Антверпенцы.

(До слѣд. книжки).

ВИДЪ

и

РАСПОЛОЖЕНІЕ ДРЕВНИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Сочиненіе Мазуа.

Мазуа, которому Искуство обязано прелестнымъ и богатымъ изданіемъ: *Развалины Помпеи* (Les Ruines de Pompeï), и другимъ, весьма любопытнымъ сочиненіемъ: La maison de Scaurus, гдѣ даетъ онъ вѣрное понятіе о расположеніи домовъ у Римлянъ, и о частной жизни сего знаменитаго народа, Мазуа съ особеннымъ тщаніемъ занимался изслѣдованіями о древнихъ театрахъ. Предметъ чрезвычайно любопытный! Въ самомъ дѣлѣ, читая дошедшія до насъ драматическія сочиненія Грековъ и Римлянъ, мы не можемъ вполнѣ понимать многихъ сценъ, не зная расположенія древнихъ театровъ. Сверхъ того, само Искуство выиграло-бы не мало, если-бы строители новыхъ театровъ изучали расположеніе и видъ театровъ древнихъ. Тогда не встрѣчали-бы мы та-

Digitized by Google

кихъ несообразностей съ настоящими требованіями нашей сцены, какія не рѣдко встрѣчаемъ нынѣ, ибо кромѣ изящныхъ образцовъ, древніе театры представляютъ удивительную сообразность съ требованіями современнаго имъ Искусства. По всему этому, мы думаемъ оказать услугу многимъ, прилагая при сей книжкѣ Телеграфа изображеніе *Геркуланскаго Театра*, и переводя Разсужденіе Мазуа о древнихъ театрахъ. Сей отличный Архитекторъ и знатокъ своего Искусства, къ сожалѣнію рано умершій, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи, исключительно занимаясь древними памятниками. Особенное вниманіе обратилъ онъ на драгоцѣнныя развалины Геркулана и Помпеи. Не говоримъ о поэзіи, какая носится надъ развалинами городовъ, лежавшихъ 1700 лѣтъ подъ пепломъ; она понятна всякому образованному чувству; но вспомнимъ о нихъ, какъ о самыхъ вѣрныхъ представителяхъ Искусства и быта Римскаго. Судьба, какъ-бы нарочно, держала подъ землею великолѣпные города сіи, и сохраняла ихъ тамъ во всей свѣжести, во всей полнотѣ, какую только можетъ допустить всеразрушающее время; она открыла сіи сокровища для Искусства въ то время, когда понятія, изслѣдованія и взглядъ Эстетиковъ достигли новаго совершенства.

Digitized by Google

Въ семъ отношеніи замѣчательно Разсужденіе Мазуа. Но прежде онаго, мы должны изъяснить планъ Геркуланскаго Театра, находящійся передъ глазами читателя. Нумера на рисункѣ означаютъ слѣдующее:

1. Портикъ нижній, наружный.
2. Проходъ въ оркестръ.
3. Большая лѣстница, для входа въ 1-й этажъ.
4. Торговыя лавки.
5. Крытая галлерея для прогулки.
6. Комнаты для актеровъ.
7. Оркестръ.
8. Сцѣна Пульпитумъ.
9. Мѣсто, куда входилъ занавѣсъ.
10. Подземелье театра.
11. Мѣсто, гдѣ помѣщались машины.
12. Боковыя двери сцены.
13. Сцена.
14. Главная или для героевъ дверь.
15. Дверь чужеземцевъ.
16. Мѣсто за сценою (Post-scenium).
17. Лѣстница для схода подъ театръ.
18. Лѣстница для всхода на Подіумъ.

Digitized by Google

19. Подіумъ.
20. Корридоръ втораго этажа.
21. Лѣстница для всхода на верхнюю галлерею.
22. Публичная площадь.

Читая сохранившихся до нашего времени древнихъ поэтовъ, трагическихъ и комическихъ, мы переносимся воображеніемъ къ ихъ театральнымъ зрѣлищамъ, на которыя стекался весь народъ, послѣ самыхъ священныхъ для него торжествъ, въ дни отечественныхъ празднованій, плакать о горестяхъ Эдипа и Антигоны, или веселиться съ Аристофаномъ и Плавтомъ, глядя на простодушное и злое изображеніе пороковъ и странностей. Мы усиливаемся представить себѣ внутренность обширныхъ зданій, украшенныхъ драгоцѣннымъ мраморомъ, колоннами, барельефами, бронзами, статуями, гдѣ многочисленные уступы, усѣянные тысячами зрителей, вѣроятно представляли зрѣлище величественное, совершенно отличное отъ того, что видимъ нынѣ, въ новыхъ театральныхъ залахъ.

Многіе изслѣдователи древнихъ памятниковъ, и между прочимъ Палладіо, старались, при

Digitized by Google

помощи описаній Витрувія, и нѣкоторыхъ развалинъ, слишкомъ разрушенныхъ, изобразить общность древнихъ театровъ; но полное раскрытіе этого, можно сказать, таинства археологическаго, было предоставлено нашему вѣку. Намъ уже нѣтъ надобности вопрошать разсѣянные обломки и объяснять сомнительные слѣды; многіе театры явились передъ нами такъ, какъ были они за тысячу восемьсотъ лѣтъ, когда Везувій покрылъ ихъ своимъ пепломъ. Мраморы, бронзы, живописныя изображенія, дерево, превращенное въ уголь, признаки машинъ, еще существуютъ, и столь сильно дѣйствіе этого чудеснаго, непогибшаго созданія, что находясь посреди театра, гдѣ кажется недостаетъ только зрителей, вы прислушиваетесь, не сохранило-ли эхо послѣднихъ звуковъ говорившаго здѣсь актера!

Такимъ образомъ и мы, всего болѣе съ помощію театровъ Геркулана и Помпеи будемъ описывать древніе театры. Не станемъ ссылаться на существующіе въ другихъ мѣстахъ, потому что театры Геркуланскій и Помпейскій гораздо полнѣе всѣхъ другихъ, и до такой степени сообразны съ описаніями Витрувія, что могутъ служить для объясненія всѣхъ зданій сего рода, не имѣя надобности въ объясненіи оными.

Digitized by Google

Въ началѣ своемъ, театры у Грековъ и Римлянъ были строены только деревянные. Они существовали единственно время празднествъ, коихъ часть составляли сценическія игры, и слѣдственно зданія, воздвигнутыя наскоро, только на нѣсколько дней, не могли быть ни въ чемъ достойны замѣчанія. Но быстро возрастающая роскошь имѣла естественнымъ слѣдствіемъ испорченность нравовъ; а первый признакъ нравственнаго упадка возвѣщается у всѣхъ народовъ безграничною страстью къ увеселеніямъ, и особенно къ зрѣлищамъ. Такъ и за сими бѣдными зданіями скоро явились памятники, гдѣ мраморъ и бронза ослѣпляютъ глаза.

Прежде всѣхъ Ѳеиняне перестали строить театры деревянные; они воздвигли мраморный театръ Бахуса, на отлогости Акрополиса, и сей великолѣпный памятникъ, даже теперь еще, въ развалинахъ удивляющій путешественниковъ, былъ образцомъ для всѣхъ зданій сего рода.

Уже шесть вѣковъ существовалъ Римъ, а въ немъ еще не было прочнаго театра, и хотя въ 559 году Консулы хотѣли построить театръ, но Сципіонъ Назика, изъ уваженія къ добрымъ нравамъ, велѣлъ сломать его. Помпей, въ 699 году, первый построилъ въ Римѣ те-

Digitized by Google

ашръ, каменный, украшенный статуями и вмѣщавшій въ себѣ сорокъ тысячъ зрителей. Въ 740 году, Корнелій Бальбусъ воздвигъ театръ изъ мрамора и украсилъ его драгоцѣнными статуями. Театръ Марцелла, донынѣ видимый въ развалинахъ, былъ снаружи каменный, а внутри украшенъ похищеніями изъ Греціи и Азіи.

У древнихъ театровъ не было крыши: въ нихъ защищались отъ солнечнаго жара и непогоды холстомъ, туго распянутымъ надъ театромъ посредствомъ веревокъ, продѣтыхъ въ блоки, укрѣпленные въ столбахъ, которые глубоко входили въ наружныя каменныя стѣны.

Та часть театра, гдѣ помѣщались зрители, составляла полукругъ, и почти всегда была прислонена къ холму, чтобы избѣгнуть дорогихъ построекъ подъ землею. Этотъ полукругъ былъ покрытъ лавками, раздѣленными на этажи, называвшіеся praecinctiones, гдѣ зрители садились по достоинству. Мѣста для простыхъ гражданъ были раздѣлены легкими чертами, сдѣланными на лавкахъ, и перенумерованы, такъ что каждый занималъ то мѣсто, которое было означено у него на тессерѣ (билетѣ), напередъ взятомъ. Лавка была обыкновенно каменная или мраморная, и потому покрывалась пространиковыми подушками,

Digitized by Google

которыя за деньги подавали locarii (*). Когда же было холодно, или шелъ снѣгъ, тогда надѣвали шерстяныя мантіи, съ длинною шерстью и съ капишономъ.

Проходишь къ лавкамъ было удобно со всѣхъ сторонъ, по переходамъ и всходамъ, сдѣланнымъ въ круговой галлереѣ около театра, и по лѣстницамъ, которыя отъ оркестра простирались до верхнихъ лавокъ, такъ что составляли раздѣленія, прикасавшіяся оконечностями своими къ центру и называвшіяся cunei. Нижнія лавки назначались для Всадниковъ; мѣста на послѣдней галлереѣ принадлежали женщинамъ; двѣ ложи на аванъ-сценѣ, сдѣланныя надъ боковыми входами въ оркестръ, были почетными мѣстами для высшихъ градоправителей.

Изъ описанія сей часши театра, назначенной для зрителей, можно видѣть, что между прямою линіею сцены и полукруговою послѣдней лавки, оставалось пустое пространство; его-то называли оркестромъ. У Грековъ не позволялось оставаться тамъ, во время представленія, ибо изъ опыта было извѣстно, что если кто нибудь находился въ оркестрѣ, то

(*) Люди, которые заранѣе брали мѣста и перепродавали ихъ.

Digitized by Google

голосъ терялъ силу и съ трудомъ доходилъ до слуха дальнихъ зрителей; впрочемъ въ оркестрѣ танцовали хоры. Но, не смотря на предшествующее замѣчаніе, въ Римскихъ театрахъ, по увѣренію Витрувія, въ оркестрѣ были мѣста для Сенаторовъ. Такимъ образомъ оркестръ былъ ограниченъ, съ одной стороны лавками, съ другой *пульпитумомъ*, то есть сценою, которая поддерживала сцену. Она была не высока, всегда обложена мраморомъ, и съ двумя лѣстницами для всхода на сцену. Въ ней были небольшія ниши, гдѣ помѣщались алтари; на край *пульпитума* также выходили игравшіе на лирѣ или флейтѣ. Полъ на сценѣ былъ деревянный, что доказано театрами въ Помпеѣ и Геркуланѣ. Подъ нимъ было пространство, для машинъ и занавѣса. Машины для декорацій состояли изъ воротовъ и валовъ, которые повертывали на театрѣ, круговымъ движеніемъ, рамы, составлявшія трехстороннюю призму, гдѣ были написаны три различныя сцены, а именно: сцена трагическая, сцена комическая и сцена сельская. Занавѣсъ на аванъ-сценѣ двигался совсѣмъ не такъ какъ у насъ: позади сцены *пульпитума* была другая сцена, и въ пустое пространство между ними опускался занавѣсъ во время представленія. Въ междудѣйствія онъ выходилъ, на бороздчатыхъ подъемахъ, которые подымались

Digitized by Google

веревкою, привязанною къ валу. Этотъ механизмъ ясно видѣнъ въ Помпеѣ; жолобки и упоры воротовъ и валовъ существуютъ донынѣ. Такой способъ дѣйствовашь занавѣсомъ, отличный отъ нынѣшняго, покажется менѣе страннымъ, если вспомнимъ, что театры были совершенно открыты, и что не льзя было дѣйствовашь никакою машиною сверху, какъ по дѣлается нынѣ. Такое-же соединеніе валовъ и воротовъ приводило въ движеніе, натянутыми веревками, воздушную колесницу Медеи, или морское чудо, на которомъ Океанъ пріѣзжалъ къ несчастному Промешею.

Когда надобно было Фуріямъ или тѣнямъ выйдти изъ аду, то открывали западню, и ужасный актеръ являлся, всходя по лѣстницѣ. Если напротивъ надобно было свесши какое нибудь божество съ небесъ, то длинный рычагъ, утвержденный за боковою частью театра, позади декорацій, и конечно закрытый написанными облаками, поддерживалъ на оконечности своей бога, нужнаго для развязки. Склоняясь къ землѣ, рычагъ описывалъ дугу, такъ что оконечность машины выходила далѣе декорацій: тогда Юпитеръ или говоруны Аристофановы являлись передъ зрителями. Когда опять подымался рычагъ, то это обратное движеніе дѣлало невидимымъ и оконечность и

Digitized by Google

привязаннаго къ ней человѣка, за верхнею частью декорацій (*).

Такъ просты были у Древнихъ машины въ театрѣ. Онѣ размѣщались по бокамъ сцены; Витрувій называетъ мѣста сіи periactus. Тамъ производили для зрителей также звуки грома. На оконечностяхъ широкой линіи, какую составляла сцена, находились двѣ большія двери: въ нихъ-то входили и выходили хоры, представлявшіе разныя зрѣлища, сопровождаемыя пѣніемъ, во время междудѣйствій.

Тотъ ошибется, кто станетъ судить о сценическихъ декораціяхъ у Древнихъ, по нынѣшнимъ декораціямъ. Хотя Витрувій говоритъ о великолѣпіи трагической сцены, объ особенныхъ зданіяхъ, украшенныхъ окнами и портиками, составлявшихъ декораціи въ комедіяхъ, и о лѣсахъ, гротахъ, горахъ въ пьесахъ сатирическихъ; хотя свидѣтельство поэтовъ подтверждаетъ сіе описаніе, и Демокритъ, Анаксагоръ, Агаѳархъ пишутъ о театральной перспекшивѣ, но декораціи у Древнихъ долженствовали быть ничтожны, ибо

(*) Я часто видалъ, что эти-же средства употребляли на большомъ Неапольскомъ театрѣ, пока не сдѣлали достаточныхъ углубленій для перевѣсовъ.

Digitized by Google

самъ Вишрувій, не смотря на то, что говоришъ выше, кажется разумѣешъ только трехстороннія рамы, размѣщая ихъ по бокамъ сцены. Поллуксъ намекаетъ также о какихъ-то переносныхъ декораціяхъ; но, при всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ, не льзя составить себѣ великолѣпной идеи о дѣйствіи, которое могъ извлечь декораторъ середи дня, на театрѣ въ пятнадцать или осмнадцать футовъ глубины.

Прибавлю, что задняя стѣна сцены представляла существенную мраморную декорацію, и съ трудомъ могу понять, чтобы она когда нибудь совершенно закрывалась холстиною; Древніе не стали-бы заботиться объ украшеніи съ такими издержками стѣны, которая была всегда закрыта; впрочемъ, имъ не было извѣстно театральное очарованіе и потому у нихъ все было условно, какъ я замѣчу далѣе. Въ дни трагическихъ представленій, двери были украшены богатою драпировкою; фестоны изъ цвѣтовъ и зелени висѣли вокругъ всей сцены; благоуханія курились на алтаряхъ. Но для представленій комическихъ и сатирическихъ, я думаю, только подвижныя декораціи представляли каршины, на боковыхъ рамахъ, да можетъ быть оставались какія нибудь деревья въ углубленіи сцены, и заднія холстины, помѣщавшіяся за стѣною, въ *постсценіумѣ*.

Digitized by Google

Дѣйствительная декорація сцены была отмѣнно величественна: драгоцѣнные мраморы, колонны, глубокія ниши, статуи, представляли все, что есть въ Архитектурѣ благороднаго и богатаго. Въ задней стѣнѣ были трои двери: средняя, которая называлась главною, особенно украшенная, и двѣ двери по сторонамъ, для чужеземцевъ.

Позади сцены былъ post-scenium, гдѣ актеры ждали времени своего появленія на сцену. Тамъ находились также заднія холстины, которыя были видны сквозь двери. Эта часть служила еще для сценъ двойныхъ, хотя ихъ было-бы легче представить, раздѣливъ сцену такъ, какъ раздѣляется она у насъ. Съ обѣихъ сторонъ, по бокамъ, были комнаты для переодѣванія.

Витрувій совѣтуетъ строить позади театра, или вблизи отъ него, портики, столь обширные, чтобы зрители могли помѣщаться въ нихъ, когда представленіе вдругъ будетъ прервано бурею или дождемъ. Не надобно удивляться, что мало заботились объ укрытіи театровъ отъ непогоды; тогда театры не были, какъ нынѣ, убѣжищемъ, открытымъ каждый вечеръ для праздности, бѣгающей отъ скуки: театральныя представленія составляли

Digitized by Google

часть великихъ торжествъ; они были рѣдки и происходили днемъ, подъ небомъ, не столь суровымъ какъ наше, и въ эпохи избранныя. Сверхъ того, во всемъ, что относилось къ публичнымъ памятникамъ, Древніе имѣли свой взглядъ: они искали сильныхъ впечатлѣній, великихъ послѣдствій, и не уважали мелкими соображеніями, подобно намъ. У нихъ, театральныя представленія были общественными играми, народными празднествами; они любили придавать имъ торжественный характеръ и собирать на нихъ цѣлые народы; слѣдственно, театръ долженъ былъ имѣть у нихъ обширные размѣры; вся роскошь Искусствъ употреблялась на него, и только солнце могло освѣщать величіе ихъ зрѣлищъ.

Не льзя составить себѣ понятія о расточительности, съ какою иногда украшали они свои театры. Маркусъ Скаурусъ, бывши Эдиломъ, выстроилъ театръ для восьмидесяти тысячь зрителей, и не смотря на то, что зданіе сіе должно было простоять только нѣсколько дней, онъ употребилъ на него триста шестьдесятъ колоннъ, мраморныхъ, стеклянныхъ и изъ позолоченнаго дерева; между колоннами находилось триста бронзовыхъ статуй. Куріонъ превзошелъ Скауруса, какъ геній обыкновенно превосходитъ пышность: онъ

Digitized by Google

построилъ два деревянные смежные театра, и когда представленіе кончилось, то онъ привелъ ихъ въ движеніе, посредствомъ общей обоимъ оси, и сблизилъ оконечности полукруговъ каждаго такимъ образомъ, что они составили одинъ амфитеатръ, гдѣ были даны битвы гладіаторовъ. Покровы, растянутые надъ зрителями, также стоили чрезвычайно дорого: они были окрашены въ пурпурный цвѣтъ; были и вышитые золотомъ и шелкомъ; даже были сдѣланы самыя драгоцѣнныя ткани, которыя отражали на мраморѣ и на зрителяхъ отблескъ, трепещущій, разноцвѣтный, и конечно самый пріятный.

Въ лѣтніе жары, мѣста зрителей были орошаемы благовонными водами, которыя взбрасывались, посредствомъ пневматическихъ насосовъ, на воздухъ, и упадали оттуда мелкимъ, благоухающимъ дождемъ. Но если Древніе далеко превосходили насъ во всемъ, что относится къ великолѣпію въ представленіяхъ сего рода, то мы гораздо выше ихъ въ отношеніи къ театральному очарованію.

Представленія во время дня, не даютъ никакого средства располагать свѣтомъ и освѣщать декораціи удовлетворительнымъ образомъ; а безъ этого онѣ никогда не обманутъ зрѣнія,

Digitized by Google

и будутъ казаться только крашеною холстиною. Всѣ предметы между зрителемъ и сценою кажутся болѣе освѣщенными и занимаютъ его болѣе нежели сцена; актеры представляются ему меньшими нежели зрители, а физіогноміи окружающихъ его лицъ кажутся болѣе выразительными нежели физіогноміи тѣхъ, кого видитъ онъ на театрѣ. Эти замѣчанія сдѣлалъ я самъ, видѣвши въ Италіи подобныя представленія.

Потому-то, кажется, Древніе не уважали театральнымъ очарованіемъ: у нихъ все было условное. Вмѣсто нашихъ подвижныхъ декорацій, у нихъ задняя стѣна и передняя часть сцены были богато украшены мраморами и бронзами, довольно большой величины, такъ чтобы дѣйствію ихъ не могло вредить что либо, находящееся между ними и зрителемъ. Нѣсколько расписанныхъ холстинъ, въ рамахъ, по сторонамъ театра, какъ сказано выше, служили не для того, чтобы представить вѣрное изображеніе дворца, публичной площади, или деревни, но только для указанія, что сцена должна представлять жилище царей, или *форумъ*, или сельскій видъ. При этой системѣ, каждая часть театра имѣла особенное назначеніе, которое показывало мѣста и обстоятельства, относящіяся къ дѣйствію. Когда

Digitized by Google

акперъ входилъ въ боковыя двери сцены, то это значило, что онъ приходитъ съ *форума*, или изъ деревни; середняя дверь была предназначена для героя пьесы, если только онъ приходилъ не изъ отдаленныхъ странъ. Но когда Геркулесъ являлся къ Адмету, онъ, какъ и всѣ чужеземцы, долженъ былъ вступать въ двери, находившіяся по сторонамъ главной двери; тогда всѣ знали, что онъ приходитъ изъ отдаленныхъ странъ. Для роста и даже для голоса были непремѣнныя правила; ростъ главнаго лица былъ опредѣленъ по крайней мѣрѣ въ четыре локтя, или около шести футовъ; ростъ другихъ былъ менѣе, и имъ надлежало умѣрять свой голосъ, чтобы дать первенство голосу протагониста. Наконецъ, Древніе ни мало не дорожили, какъ мы, выраженіемъ физіогноміи, которой измѣненія и не могли быть хорошо видны на ихъ театрахъ; они позволяли акперамъ закрывать лицо маскою, сильно выражавшею характеръ роли. Акперы перемѣняли маски, соображаясь съ нравственнымъ состояніемъ лица въ продолженіе пьесы, и маски ихъ были сдѣланы такъ, чтобы отъ нихъ усиливался голосъ. Но вотъ задача, которой не осмѣлюсь я разрѣшать: не выкупалось-ли театральнымъ эффектомъ то, что теряли они со стороны театральнаго обольщенія? Эти люди, на своихъ высокихъ котурнахъ, со своими колос-

Digitized by Google

сальными формами и станомъ, эти сильно обрисованныя физіогноміи, гдѣ страсти выражались ужасно и неизмѣнимо, должны были казаться зрителю какими-то видѣніями, какими-то призраками, которые, по выраженію Эсхила, были предшествуемы страхомъ; ихъ звуки, сильнѣйшіе человѣческихъ, отзывающіеся въ мраморахъ и во внутренности бронзовыхъ урнъ, нарочно разставленныхъ подъ скамьями, должны были придавать могущественное выраженіе ихъ стихамъ, которые и теперь, для насъ выше всего въ трагическомъ родѣ, не смотря на то, что мы понимаемъ ихъ весьма слабо.

Комедія была отчасти лишена этихъ вспомогательныхъ средствъ. Костюмы не представляли ничего поразительнаго; неподвижная маска не могла передавать разнообразныхъ и быстрыхъ впечатлѣній дѣйствующихъ лицъ; сильный, гробовой голосъ актера не соотвѣтствовалъ шутливому тону пьесы; хриплый и задушаемый подъ маскою смѣхъ не заставлялъ смѣяться самого зрителя, а очарованіе декорацій не придавало никакой занимательности представленію. Но обычай и вольность нравовъ тогдашняго времени замѣняли всѣ средства обольщенія.

Зрѣлища происходили въ извѣстныя эпохи, и народъ не былъ пресыщенъ удовольствіями сего рода; чувство, ослабѣвшее у насъ, было

Digitized by Google

у него живо, какъ и нынѣ у народовъ живущихъ въ тѣхъ-же климатахъ; долговременное ожиданіе придавало оному еще большую силу. Вольность нравовъ и разговора, какою ошличались древніе поэты, дѣлала комедію доступною для народа. Комедія рѣдко выражалась у нихъ очищеннымъ и тонко-насмѣшливымъ языкомъ высшихъ обществъ; она не изображала нравовъ выглаженныхъ, ложныхъ, блестящихъ, чувствованій умѣренныхъ, и оттѣнковъ характера, которыхъ не льзя было наблюдать у такого народа, гдѣ семейства жили отдѣльно одно отъ другаго, такъ-же какъ мужчины съ женщинами. Но Талія, всегда убѣжденная въ томъ, что она увлечетъ зрителей, внушаемая злою веселостью, рисовала огненными чертами картины, взятыя съ современныхъ нравовъ. Ея привычки и языкъ были общими для всѣхъ, и потому ее понималъ всякій; театръ былъ открытъ не для одного лучшаго общества: въ него толпою стремился народъ; онъ не терялъ ни одной черты поэта, слушалъ съ жадностью, рукоплескалъ съ восторгомъ, хохоталъ громко, и когда грубое или безчинное лицо, употребляя во зло свободу своего времени, разсыпало въ шуткахъ своихъ всю аттическую соль вольности и остроумія, зрители всѣхъ сословій не могли удерживать сердечнаго смѣха, и выражали радость свою

Digitized by Google

шумными восклицаніями, такъ-же мало заботясь о несообразности драматическаго дѣйствія, какъ и объ отсутствіи театральнаго обольщенія.

Таковы были у Древнихъ театры. Ихъ воздвигали народы, всегда примѣшивавшіе религію къ празднествамъ своимъ, и славу къ своимъ удовольствіямъ; потому-то театры сдѣлались у нихъ священными, народными памятниками; декораціи были торжественны, а формы отличались величественною простотою. Механизмъ сцены не представлялъ никакого средства обольщенія, но расположеніе зданій было удивительно удобно и превосходно соглашено съ законами Оптики и Акустики: вездѣ было равно видно и слышно. У новыхъ народовъ, ничто не можетъ сравниться ни съ богатствомъ матеріяловъ, употребленныхъ для украшенія сихъ театровъ, ни съ прелестью ихъ украшеній, ни съ великолѣпнымъ видомъ, какой должны были они представлять. Комическіе поэты нашего времени не могутъ узнать всѣхъ тайнъ своего Искуства, не изучивъ образцовыхъ произведеній Комедіи Греческой и Римской; точно такъ-же новые художники не построятъ залы, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ Искуства и всѣхъ необходимыхъ приличій, не изучивъ тщательно развалинъ древнихъ театровъ.

Digitized by Google

СЕРАФИНА,

ИЛИ

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

(Окончаніе).

Вскорѣ всѣ наши мысли были поглощены однимъ желаніемъ: быть вмѣстѣ. Въ немъ были предметъ, цѣль, жизнь нашей жизни, и когда одинъ изъ насъ приходилъ къ другому, другой вѣрно уже искалъ его. Сходя съ горы, я всегда зналъ навѣрное, что увижу вдали бѣлый вуаль, развѣвавшійся по воздуху, или соломенную шляпку. Серафина, не останавливаясь бѣжала завидѣвъ меня, и не умѣла оглянуться, если въ это время вѣтръ срывалъ съ нея шляпку. Но сколько я самъ выгадывалъ пространства, кидаясь къ ней и пересѣкая вспаханныя поля, прыгая черезъ заборы, раздвигая кустарники и выскакивая изъ рощицы, когда она искала меня еще за нею! Если-бы передо мною былъ ровъ десяти футовъ ширины, я не побѣжалъ-бы вокругъ него, боясь сдѣлать лишній шагъ.

Digitized by Google

Упругая земля повиновалась моему полету, какъ волану повинуется гоняющая его лопатка; я прибѣгалъ, и такъ быстро, такъ радостно обхватывалъ ея шею, цѣловалъ ея щеку, что она не успѣвала даже испугаться. Время проходило слишкомъ скоро, увы! съ моей стороны въ невинныхъ дурачествахъ, съ ея въ болтовнѣ нѣжной и важной. Тогда бѣшеная радость моя утихала; я вспоминалъ, что Серафина была печальна, что не льзя было ей безъ усилія раздѣлять горячаго выраженія моей радости и моего беззаботнаго блаженства. Идеи, веселыя и легкомысленныя, мало по малу настроивались во мнѣ по ея обычной унылости, и изъ этихъ, по видимому несоединимыхъ элементовъ, образовался мой характеръ, странное соединеніе, которое мрачило юность мою скорбными сострастіями, и ушѣшало меня въ зрѣломъ возрастѣ влеченіями и наклонностями дитяти. Съ этихъ отдаленныхъ дней считаю всѣ развитія души моей. Я ничего не пріобрѣлъ и не потерялъ съ тѣхъ поръ, и если-бы умеръ тогда, моя жизнь осталась-бы не менѣе полною. Жизнь полна, если человѣкъ любилъ.

Надобно однакожь объяснить эту любовь, которой еще не дали имени, не смотря на усовершенствованіе языка и нравовъ. Она всего менѣе походитъ на любовь, какую обыкно-

Digitized by Google

венно знаютъ люди; и между тѣмъ это чувство, совершенно отличное отъ привязанности семейной и дружбы школьной. Я чувствовалъ эту разницу, хотя и не понималъ ея. Скажу, какъ-бы еще одушевляемый идеями двѣнадцати-лѣтняго моего возраста: я составилъ себѣ странное понятіе о той любви, которую описываютъ романисты и поэты; я читалъ ихъ съ жадностью, и былъ твердо увѣренъ, что описанныя ими страсти такъ-же вымышлены, какъ предметы и басни ихъ сочиненій. Я видѣлъ въ этомъ фантастическій образъ простыхъ чувствованій двухъ супруговъ, которые любили другъ друга дѣтьми, какъ я Серафину и какъ она меня, были счастливы, потому что проводили жизнь вмѣстѣ, и нашли въ женитьбѣ усладительное право продолжать очарованіе этой нѣжной искренности, даже въ таинственные часы ночи и въ уединеніи сна. Я удивлялся, какимъ образомъ изъ этой нѣжности, которая соединяла два очень различныя существа, являлось существо новое, произведеніе ласкъ и поцѣлуевъ, плодъ гармоніи и любви. Въ этомъ нравственномъ феноменѣ, который вѣчно поддерживалъ дѣвственный родъ людей, я видѣлъ самый ясный знакъ превосходства человѣка надъ животными. Не говорю, что я изобрѣлъ тогда *бракъ*, болѣе торжественный, нежели бракъ, благословляемый Богомъ; но

Digitized by Google

такъ я понималъ его, и блаженства юности не показали мнѣ ничего, что ушѣшило-бы меня въ упрашѣ этого обольщенія. Ушѣшило!.. Тоска о заблужденіи пережила у меня существенныя удовольствія, похожія на горячку, упояющія чувственность на счетъ упоеній души, и повергающія душу съ высоты небесной въ ничтожество сладострастія. Сколько разъ страшился я быть счастливымъ, какъ другіе, при исполненіи моихъ желаній, потому что былъ счастливъ очарованіемъ надежды! И теперь еще, воспоминаніе каждой слезы влюбленнаго для меня дороже всѣхъ восторговъ любви безъ завтра, восторговъ, на которые падаютъ печальныя разочарованія жизни, какъ занавѣсъ на оконченное зрѣлище, какъ темнота ночи на погасшіе огни фейерверка. Вѣроятно, въ этомъ-то смыслѣ сказано, что первая привязанность есть лучшая. Ея очарованіе въ невѣдѣніи.

Такъ я любилъ Серафину, съ простотою впечатлѣнія совершенно идеальнаго, поэтическаго, которое своею невинностью сколько нибудь походило на любовь ангеловъ. Серафина была такъ-же чиста какъ я, но, кажется, она была немного знающѣе меня, и это совсѣмъ немудрено. Она была старше меня почти двумя годами; она была женщина; она отъ колы-

Digitized by Google

бели жила въ томъ мірѣ, который только постигалъ я. Простодушный разговоръ ея часто оставлялъ во мнѣ темныя сомнѣнія, посреди которыхъ я съ трудомъ находилъ запутанную нить моего ученія. Наединѣ я размышлялъ о томъ, чего не понималъ, но размышлялъ недолго, потому что былъ не любопытенъ, потому что твердо вѣрилъ своимъ идеямъ, и особенно потому что больше любилъ думать о ней, нежели строить безполезныя системы, и терять время для нихъ. Она была повсюду со мной: я умѣлъ вводить ее во всѣ свои разговоры, соединять ее, воспоминаніемъ или предположеніемъ, со всѣми своими дѣйствіями, призывать ее въ каждомъ снѣ своемъ. Мечтать всегда, и мечтать только о ней: это было благодѣяніе моего сна, это была способность моя, которую сохранялъ я долго и которая облегчала меня во многихъ горестяхъ. Наконецъ я укоренилъ въ умѣ моемъ одну изъ самыхъ обыкновенныхъ сценъ, случавшихся въ наши прекрасныя утра: она такъ ясно передо мною, что я какъ будто вижу ее. Я уставалъ, искавши Серафину часа два тамъ, гдѣ не была она, и обыкновенно падалъ на канапе, въ гостиной, притворяясь спящимъ, чтобы подстрекнуть ее своимъ равнодушіемъ или не разстроить ея умысла. Тогда приходила она, поднявшись на цыпочкахъ, замедляя осторожностью

Digitized by Google

каждый шагъ, трепеща при звукѣ паркета, прежде нежели слышала скрыпъ его. Съ корзинкою на рукѣ, позволяя волосамъ своимъ золотыми волнами вырываться со всѣхъ сторонъ изъ-подъ соломенной шляпки, которая была надѣта небрежно и не удерживала ихъ болѣе, она склоняла немного свою голову на плечо, глядѣла приспально и боязливо, съ полураскрытымъ ртомъ, съ протянутыми впередъ руками, чтобы выиграть пространство, и легонько водила по губамъ моимъ пучкомъ вишенъ, не столь алыхъ какъ ея губы. Такъ всегда являлась мнѣ она: бѣла, но жива, очаровательна своею пріятностью, своимъ дѣтскимъ волненіемъ! Она останавливаетъ на мнѣ свои круглые зрачки, подобные кристаллу прозрачно-голубому, пронзающіе огненными взглядами мои полузакрытыя рѣсницы, для того, что она хочетъ изловить мигъ моего пробужденія; она близко, близко ласкаетъ меня своимъ, благоухающимъ какъ цвѣты, дыханіемъ, будто вызывая отъ меня поцѣлуй. Я жду этого, и когда она хочетъ бѣжать, она въ рукахъ моихъ. Тутъ подымаются крики, вопли, упрямство безконечное; сестры прибѣгаютъ на помощь; маленькая Африканка Лиза деретъ меня за волосы и стращаетъ глазами. Лишній поцѣлуй служилъ для Серафины выкупомъ; но она по крайней мѣрѣ цѣлый часъ ненавидѣла

Digitized by Google

меня; я уходилъ, возвращался, плакалъ, просилъ прощенія, не получалъ его, опять уходилъ, бѣжалъ къ каналу и хотѣлъ кинуться въ десяти-вершковую глубину его, когда наконецъ голосокъ, звучавшій какъ серебро, удостоивалъ оковать мое отчаяніе, и я былъ несчастливъ такимъ ужаснымъ несчастіемъ, которое хуже смерти, такимъ несчастіемъ, что желалъ-бы теперь насладиться имъ, хотя-бы то стоило пожара цѣлому государству! Я не могъ вообразить, въ какомъ видѣ вскорѣ явятся мнѣ эти страданія первой любви. Мнѣ еще не было двадцати лѣтъ, когда я рѣшился остановить мое колесо, какъ говоритъ Монтань, и не старѣться болѣе ни одной минутой. Я видѣлъ пользу отъ этого; но лучше было-бы остановиться на двѣнадцати годахъ.

Я сказалъ, что маленькая подруга моя была нѣжнаго здоровья. У Серафины часто болѣла голова, часто случались обмороки, головокруженіе, лихорадочные припадки. Однажды вечеромъ я оставилъ ее нездоровою; я былъ въ страшномъ безпокойствѣ и увеличивалъ его своими опасеніями. Дома я легъ одѣтый, не могъ спать и повертывался на соломенномъ ложѣ своемъ, какъ на стальныхъ остріяхъ Регула или на угольяхъ Гвашимозина. Я всталъ проходиться по комнатѣ; она казалась мнѣ тѣсна; я отпкрылъ окно: и небо казалось мнѣ

Digitized by Google

слишкомъ тѣсно. Замокъ не былъ видѣнъ. Я смѣрялъ глазами вышину отъ земли до окошка: всего футовъ пятнадцать, сколько припомню. Я былъ уже далеко; не знаю, бѣжалъ-ли я, или земля бѣжала за мною; но вѣрно прошло меньше четверти часа, и я былъ уже подлѣ рѣшетки парка.

Но это не все. Огорожа была доступна только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ бассейнъ, обложенный плитами, защищалъ входъ. Тамъ скоплялась вода канала, оросивши напередъ весь садъ; тамъ покоилась она, наровнѣ съ землею, въ водопоѣ, и опять терялась подъ дорогою; но черезъ минуту она опять выходила на поверхность, въ нѣсколькихъ шагахъ, уже свободна и прихотлива, между ивами и лугомъ. Мы называли это: *бассейнъ саламандръ*, потому что ихъ было тамъ множество, и онѣ то хлопали по неподвижной водѣ своими хвостами, похожими на весло, то выползали на дорогу, поблистать на прихоти свѣта своими мраморными спинками, желто-блестящаго цвѣта. Но въ это время не было видно саламандръ, потому что не было видно ничего. Ночь была тихая, теплая, но темная, такъ что лишь въ памяти могъ я измѣрить ширину водохранилища, черезъ которое долженъ былъ перескочить. Я зналъ вѣрно одно то, что закраина, съ ко-

Digitized by Google

шорой готовился я слешѣть, была не шире фута, и что я могъ, смотря по степени стремленія, или разбить себѣ голову объ стѣну, если-бы кинулся ужь слишкомъ бѣшено, или, если-бы поступилъ умѣреннѣе, испугать, паденіемъ новаго Фаэтона, весь народъ заснувшихъ саламандръ. Съ помощью любви или ловкости, я досшигъ своей цѣли, какъ будто перенесенный на крылахъ пшицы. Въ одинъ прыжекъ очутился я на стѣнѣ, въ одинъ скочекъ былъ на уровнѣ сада. Оставался еще плешень изъ бирючины, плотный и крѣпкій какъ палисадъ, но я опершя на него легонько рукою, чтобы выпрямиться, и не задѣвши перепрыгнулъ и оставилъ его позади себя. Я былъ въ большой кашшановой аллеѣ, которая оканчивалась у самаго основанія той башни, гдѣ почивала Серафина; только окно цѣлымъ этажемъ было выше терасы, и закрыто отъ меня въ густотѣ листьевъ. Наконецъ свѣтъ блеснулъ разсѣяннымъ лучемъ, между нижними вѣшвями; но время, покуда я искалъ его, показалось мнѣ продолжишельнѣе всего моего пушешествія. Тутъ я остановился подлѣ одного кашшановаго дерева, перевесши дыханіе, потому что я былъ уже спокоенъ. Свѣтъ шелъ отъ восковой свѣчи, и бѣлое пламя ея трепетно отражалось на стеклахъ, по сторону того мѣста, гдѣ Серафина обыкновенно вѣсила свое зеркальце, свой ноч-

Digitized by Google

ной шуалешъ. Она стояла подлѣ, одѣтая легко; она улыбалась сама себѣ, съ милымъ кокетствомъ свивая свои волосы, и забавлялась распуская ихъ снова, чтобы видѣть какъ падаютъ они волнами. Я стоялъ шамъ до шѣхъ поръ, когда погасла свѣча; не знаю, минута-ли эшо была, или часъ, но знаю что эшо стоишъ цѣлой жизни, и что лишь надежда опять найдши такія минуты заставила меня продолжать жизнь.

Гораздо долѣе шелъ я назадъ. Уже день былъ готовъ пробудишься, и я замѣшилъ, что войдши въ мою комнашу было трудніе нежели выйдши изъ нея. Наружность дома походила на внутренность его. Онъ былъ шакъ опряшенъ, шакъ гладокъ, шакъ щашельно ошшукашуренъ, что муха съ трудомъ лѣпилась на немъ своими ножками. Ни одного камня выдавшагося, ни одной трещины въ обмазкѣ, ни одной скважины, въ которую было-бы можно продѣть пальцы, чтобы взобрашься до обоконья! И вспомните еще, что Біезъ прошекалъ за моими пятами, и разбѣжашься было не льзя. Спарая, брошенная соха, которую надобно было щащишь довольно далеко, послужила мнѣ лѣспницей. Я взошелъ, и спалъ, какъ спятъ двѣнадцапи лѣпъ, не зная печалей. Я еще не пробудился, когда Г. С.... прищелъ въ трепій разъ

Digitized by Google

напомнишь мнѣ, что пора идти, навѣдаться о здоровьѣ Серафины, о которомъ я столько безпокоился наканунѣ. «Хорошо, хорошо!» сказалъ я проширая глаза и протягивая руки. «Опасности нѣтъ!» Г. С.... посмотрѣлъ на меня съ изумленнымъ видомъ. Надѣюсь, что въ первый разъ увидѣлъ онъ во мнѣ такую беззаботность о друзьяхъ; моя трубадурская или паладинская нѣжность, надъ которою шутили каждый день, дѣлала это равнодушіе совершенно необъяснимымъ. Недоумѣніе его забавляло меня; но я не осмѣлился-бы открыть моему другу причину своей увѣренности, и потому мнѣ показалось любопытно идти вмѣстѣ съ нимъ. На дорогѣ я забавлялся всякою бездѣлкою, и не говорилъ о Серафинѣ до той минуты, когда мы подошли къ кустарникамъ, гдѣ она обыкновенно ждала насъ и встрѣчала какою нибудь рѣзвостью, или старалась испугать крикомъ. Она была тамъ, и читатель знаетъ, что я могъ не сомнѣваться въ этомъ. Она упала въ мои объятія, потомъ бросилась въ объятія къ Г-ну С...., потомъ опять ко мнѣ, сшибла съ меня шляпу, побѣжала прочь, такъ чтобы могли поймать ее, наконецъ была поймана, и восклицала отъ радости и отчаянья.

— Ты былъ правъ, когда я тревожилъ твой крѣпкій сонъ — сказалъ мнѣ смѣясь Г. С.... — Опасности не было.

Digitized by Google

Спрашиваю: можно-ли было за эшо разсердишься, и разсердишься мрачно, молчаливо, презрительно? Серафина опередила насъ величаво, и приняла на себя видъ надменный, который узнаютъ молодыя дѣвушки и научаются показывать, я думаю, при самомъ рожденіи. Когда мы вошли въ каштановую аллею, она сѣла впереди насъ, на концѣ длинной скамьи, сдѣланной изъ камня, гдѣ мы разговаривали съ нею каждый день. Я хотѣлъ сѣсть подлѣ, но она перебѣжала на другой конецъ скамьи; я за нею; она опять сѣла на прежнее мѣсто, и я опять за нею, но я придержалъ ее своею рукою, на которой подымалъ ее сто разъ, и которой сила была ей извѣстна.

— Постой-же, воркунья! — сказалъ я притворяясь очень сердитымъ. — За что вы, сударыня, дуетесь?

«Я, сударь, дуюсь? Съ какой стати, позвольше спросить? Дуются только на тѣхъ, кого любятъ, и кто самъ любитъ. Я не дуюсь на васъ, потому что вы не любите меня и я васъ не люблю. Разумѣется. Кто можетъ принудить любить.

— Какъ? Я не люблю тебя, и ты не любишь меня, Серафина? Вотъ это прекрасно!...

«Да, конечно-съ! Я не люблю васъ, потому что ненавижу, презираю васъ, сударь! Да и

Digitized by Google

желала-бы я знать, кто позволилъ вамъ говорить мнѣ: ты? Я запрещаю вамъ это!.... Да и прошу покорно!» прибавила она, стараясь принудить себя къ смѣху: — «Какъ не дуться на такого господина, который спитъ, когда здѣсь больны при смерти, и который извиняется говоря, что *это не опасно*? Если-бы вы сдѣлались больны, я не была-бы такъ спокойна!— Отпустите-же меня, прошу васъ! Отпустите сей часъ, или я зашумлю, призову Лизу... Я заплачу!..

— Нѣтъ, гадкая и злая, ты не заплачешь! А очень хотѣлъ-бы видѣть, какъ ты вздумаешь плакать!....

«Вздумаешь плакать! Какъ прекрасно и какъ учтиво говорите вы!.. Впрочемъ, я теперь гадкая, и вамъ что за дѣло, ежели гадкая плачетъ, когда она хочетъ плакать? Неужели вы не дадите мнѣ плакать и кричать, ежели это мнѣ пріятно? Можетъ быть не позволите, когда задушите меня.... Вы такъ самолюбивы....»

Это слово, употребительное въ госпиныхъ, всегда сбивало меня съ толку. Я обхватилъ другою рукою станъ ея и спѣшилъ объяснишься.

— Можешь-ли ты думать, Серафина, что я заснулъ, не удостовѣрившись, что *опасности не*

Digitized by Google

было, и что ты здорова?.. Послушай-же одну минуту и не старайся вырваться: не удастся!.. Неужели ты думаешь, что здоровье моей нѣжной, прелестной Серафины было *въ опасности*, когда она въ полночь подходила къ окну въ башнѣ, свивать вокругъ этихъ миленькихъ пальчиковъ, которые сей часъ я поцѣлую, эти длинные пуки бѣлокурыхъ волосовъ, которые теперь я цѣлую, на зло тебѣ — или вамъ — и когда она открывала окно, облокачивалась на него молча, слушала соловья, который и не думалъ пѣть, потому что я спугнулъ его, а она вызывала его нѣжнымъ, перекатнымъ размѣромъ своего любимаго романса:

Amour, on doit bénir tes chaînes,
Quand deux amans ont à souffrir. . . . .

«Ахъ, какой ужасъ!» вскричала Серафина. «Вы, сударь, подсматриваете за мною!..

— Назови это какъ хочешь, но я боюсь когда ты нездорова, а когда я боюсь за тебя, что дѣлаю самъ не знаю что.

Она подумала одну секунду. Я чувствовалъ, что не нужно болѣе удерживать ее. А почему угадывается это? Руки мои выпустили ее; она освободила свои руки, протянула ихъ,

Digitized by Google

чтобы немного расправить, и обвила вокругъ шеи моей.

«Бѣдный дружечекъ мой! Я обвиняю тебя и я-же безпокою!» сказала она положивъ свой лобъ ко мнѣ на плечо. «Что, если онъ не проститъ меня!.. Я знаю какой ты бѣшеный: ты вѣрно прошелъ черезъ *совиную нору*?

— Дорога, правда, нехороша, но это самая коротkая; а я такъ спѣшилъ, что не хотѣлъ идти по другой.

«Да это страхъ, какъ говорятъ! Тропинка, пробитая въ скалѣ, на краю преужасной пропасти!

— Тропинка, шириной съ огородную узкую гряду, надъ пропастью, которая глубиной какъ вотъ до террасы отъ чердака твоего павильона.

«Очень утѣшительно! Да не проходитъ года, чтобы тамъ не случилось какого нибудь несчастія, середи бѣлаго дня! А если-бы ты увидѣлъ сову?...

— Я принесъ-бы ее домой, какъ ночную бабочку. Да если-бы это былъ хоть *сычъ*! Три года назадъ я сдѣлалъ-бы уже изъ него чучелу. Но прокляпая сова этого рода годится только пугать прохожихъ, на ворошахъ замка.

Digitized by Google

«Постойте, постойте!» сказала она, вдругъ заставивъ свое прекрасное личико принять торжественный видъ, и отступила на вершокъ или на два, съ удивительнымъ благородствомъ. «Это еще не все, милостивый государь! Это ничего! Въ вашемъ поступкѣ неизвинительно то, что вы не подумали объ опасности повредить моему доброму имени!...»

Повредить доброму имени! Боже мой! Это поразило меня какъ громомъ.

— Повредить твоему имени, Серафина? Я былъ-бы въ отчаяніи.... Но право я не очень понимаю, что значитъ это?

Она улыбнулась мнѣ съ снисходительнымъ превосходствомъ. «Довольно, сударь,» продолжала она. «Я непремѣнно хочу, чтобы не позволяли себѣ ночью оставаться въ паркѣ. Сего дня я прощаю васъ,» прибавила Серафина, давая мнѣ поцѣловать свою руку., «потому что знаю какъ чисто ваше сердце; но чтобы впередъ никогда не было этого. Свѣтъ такъ испорченъ!...»

Надобно замѣтить, что это слово: *испорченъ*, раздѣлилось въ устахъ Серафины на нѣсколько слоговъ. Это было настоящее verbum sesquipedale моего Горація.

Digitized by Google

— Да какая мнѣ надобность до испорченнаго свѣта! Что скажетъ онъ мнѣ на мою нѣжность, на мои безпокойства? Очень нужно ему, этому испорченному свѣту, находить дурнымъ, что я грустилъ о Серафинѣ, когда Серафина больна! Бояться за твою жизнь, и не рѣшиться на все, не побѣдить всего, чтобы увидѣть тебя! Нѣтъ, этого я не буду обѣщать!

«Хорошо, хорошо,» сказала она и опять взяла мою руку. «Если-бы я точно была въ опасности, неужели ты думаешь, что я захотѣла-бы умереть, не повидавшись съ тобой? Это было-бы хуже смерти.»

Въ эту минуту, ея сестры и мой другъ подошли къ намъ. Мы поцѣловались при нихъ, въ этотъ день въ первый разъ.

Мгновенія, о которыхъ я говорилъ, были такъ сладостны, что не надобно удивляться, если я поддаюсь удовольствію разсказывать о нихъ подробно. Такъ продолжалось мѣсяца четыре или пять, и вскорѣ все окончилось навсегда.

Въ началѣ Октября, не помню болѣе въ какой день Брюмера, къ намъ пріѣхалъ Шапюи, старый слуга Г-на С...., старикъ добрый, вѣрный, даже преданный; но его строгое, кислое лицо никогда не казалось мнѣ способнымъ

Digitized by Google

являться съ добрыми вѣстями. Онъ точно привезъ извѣстія, убійственныя для меня. Мои родители, восхищенные успѣхами, которые думали они замѣтишь въ моемъ ученьи, рѣшились изъявишь мнѣ свое удовольствіе шѣмъ, что послашь меня на зиму въ Парижъ, подъ надзоръ одного любезнаго, благоразумнаго человѣка, испышаннаго въ приверженносши къ нимъ. Девятое Термидора уже прекрашило кровавыя жертвоприношенія революціонныхъ Друидовъ. Франція, упоенная своимъ освобожденіемъ, начинала отдыхашь отъ судорогъ Терроризма въ атмосферѣ болѣе чистой. Она возраждалась для Наукъ, для Изящныхъ Искусшвъ, для досуговъ, приличныхъ народамъ образованнымъ. Она возраждалась почши для счастія, ибо все могло казашься счастіемъ, на другой день послѣ безначалія. На всемъ шарѣ земномъ я зналъ шолько сельскую, простую природу нашихъ пустынь. Хошѣли, чтобы я увидѣлъ библіошеки, коллекціи, памятники, людей, словомъ сказашь, свѣшъ, въ которомъ воображеніе лучшаго изъ отцовъ уже назначало мнѣ, въ мысляхъ своихъ, пріятное и можешъ бышь отличное мѣсто. Все это улыбалось-бы мнѣ, какъ и ему, если-бы путешествіе ничего не стоило моему сердцу. Но изгнаніе дворянъ не прекрашилось, и я падалъ духомъ при мысли, что надобно оставишь моего друга, и шакъ на

Digitized by Google

долго, ибо цѣлая зима есть нѣчто неизмѣримое для ребенка. Не знаю, помните-ли вы это. Я не сказывалъ всего; но мысль, что надобно пробудиться двадцать пять разъ, по утрамъ Воскресеній, не имѣя возможности обѣщать себѣ, что я увижу Серафину и окончу день съ нею вмѣстѣ, эта мысль такъ жестоко терзала меня, что я привыкъ переносить ее не иначе какъ съ условіемъ — умереть. Двадцать пять Воскресеній... Увы, какъ далекъ былъ я отъ вѣрнаго счета!

Надобно было однакожъ покориться. Г. С...., который лучше меня измѣрялъ время, и лучше зналъ, что значитъ оно, говорилъ мнѣ о длинныхъ мѣсяцахъ отсутствія какъ объ одномъ днѣ, который проведу я въ удовольствіяхъ. Мы должны были только посѣтить всѣхъ нашихъ сосѣдей, прежде срока, назначеннаго для моего отъѣзда. Я не спрашивалъ объ этомъ срокѣ, потому что трепеталъ узнать его. Предназначенныя посѣщенія утѣшали меня, хоть немного; они должны были привести меня въ замокъ, и я разсуждалъ самъ съ собою, что пять часовъ дружбы, ласкъ и сожалѣній Серафины, довольно вознаградятъ меня за пять мѣсяцевъ горести. На другой-же день я увидѣлъ, что наши медленныя прогулки болѣе и болѣе удаляли меня отъ единственнаго предмета мо-

Digitized by Google

ихъ помышленій; но я не печалился. Напротивъ, я былъ страхъ какъ благодаренъ Г-ну С...., что онъ далъ такое направленіе нашему церемоніяльному пути.

— Тѣмъ лучше — повторялъ я тихо — тамъ окончимъ мы его! Прощальный поцѣлуй Серафины будетъ послѣдній, который унесу я на губахъ моихъ, и сохраню его такъ тщательно, что и во время путешествія я какъ будто все останусь съ нею.

Шесть дней ходили мы по окрестностямъ, почти не говоря другъ съ другомъ. Г. С.... казался очень печаленъ, и если я, по своему обычаю, упоминалъ о Серафинѣ, во время краткихъ разговоровъ нашихъ, онъ старался прекратить рѣчь объ ней, какъ будто о предметѣ непріятномъ и грустномъ. Я терялся въ догадкахъ объ этой, совсѣмъ новой между нами скрытности, потому что онъ любилъ Серафину почти столько-же какъ меня, и я не удивился-бы, если-бъ онъ любилъ ее больше.

Въ домѣ, гдѣ жили мы, не было иныхъ комнатъ кромѣ нашихъ, и потому Шапюи помѣщался въ моей комнатѣ, гдѣ каждый вечеръ онъ ставилъ складной стулъ противъ моего окна. Въ тотъ день, о которомъ говорю, Шапюи нашелъ меня, по обыкновенію, за жур-

Digitized by Google

наломъ, гдѣ я записывалъ найденные по дорогѣ новые роды. Онъ почелъ долгомъ прервать мое занятіе, и посовѣтовать ложиться. Этотъ необычайный совѣтъ удивилъ меня.

— Да вѣдь завтра мы выѣдемъ отсюда ровно въ шесть часовъ — сказалъ онъ — чтобы поспѣть къ перемѣнѣ лошадей Парижскаго дилижанса. Я, правда, уложилъ всѣ ваши пожитки въ повозку, но можетъ быть понадобится еще исправить что нибудь, прежде отъѣзда. Стало быть вамъ остается не много времени отдохнуть; а тамъ я и разбужу васъ.

« Завтра въ шесть часовъ? » закричалъ я. « Это невозможно!... Вѣрно я не уѣду не повидавшись съ Серафиной!.....

— Надобно будетъ ѣхать — возразилъ онъ— потому что дилижансъ не ждетъ; да если-бы вы и остались, то неужели думаете, что Г. С.... позволитъ вамъ увидѣть Серафину въ томъ состояніи, въ какомъ теперь это бѣдное дитя? Онъ боится заразы, какъ называютъ эту болѣзнь. Для того-то и удалялъ онъ васъ отсюда цѣлую недѣлю.

« Серафина больна, и я не зналъ этого! Разскажи мнѣ, другъ мой, умоляю тебя!

— Больна, больна — отвѣчалъ Шапюи, покачивая головою.—Мнѣ запрещено сказывать вамъ

Digitized by Google

объ этомъ, но вѣдь вы узнаете-же, не сегодня такъ завтра. Вѣсти-то сегодня были не очень хороши. Но, по счастью, Богъ милостивъ, особенно къ молодымъ людямъ, и если ему угодно, то будущею весной найдете вы Серафину еще здоровѣе и краше прежняго. Да, сверхъ того, къ вамъ и въ Парижъ напишутъ, когда она выздоровѣетъ; такъ вы будете утѣшены, не узнавши печали видѣть ее больную.

Говоря это, Шапюи повернулъ ключъ, вынулъ его изъ замка, спряталъ въ карманъ, потомъ заперъ окно, и опустился на свою постель, не раздѣваясь, чтобы скорѣе быть готовымъ по утру.

« Что ты дѣлаешь, Шапюи? Ты заперъ окно, а знаешь, что я не могу быть безъ вольнаго воздуха! Я часто говорилъ тебѣ это.

— Хорошо, хорошо — возразилъ онъ, укрываясь подъ одѣяло. — Путешественники должны привыкать ко всему. Въ каретѣ вамъ будетъ гораздо тѣснѣе! Неужели, молодой человѣкъ, вы думаете, что всегда позволятъ вамъ нѣжиться? Дадутъ вамъ въ пансіонѣ отпирать окна въ Октябрѣ мѣсяцѣ! Да вы-же, сударь, такъ добры, что вѣрно пожалѣете меня: холодъ жестокій, а у меня ревматизмъ! У! настоящій зимній вечеръ!

Digitized by Google

Противъ послѣдняго замѣчанія его сказать было нечего. Положеніе мое было ужасно. Я погасилъ свѣчу и не ложился. Я ждалъ, чтобы онъ заснулъ, и хотѣлъ тогда попытаться отодвинуть задвижку и однимъ прыжкомъ выскочить, черезъ проклятый стулъ, на улицу, не боясь сломить себѣ шею. Вскорѣ настала ожидаемая минута; но сонъ Шапюи былъ тонокъ и чуткъ, такъ что при малѣйшемъ движеніи моемъ, грубое *кто тамъ* извѣщало о бдительности моего неумолимаго стража. Десять разъ начиналъ я походъ свой и десять разъ возвращался назадъ. Въ это время Серафина, можетъ быть, призывала меня! Ночь была для меня ужасная.

Наконецъ часы пробили четыре (это было больше нежели я почиталъ себя способнымъ пересчитать) и стукъ будильника показалъ мнѣ, что Шапюи выбралъ этотъ часъ для окончательныхъ приготовленій къ отъѣзду. Я повернулся, будто испуганный, на своей горячей соломѣ, чтобы показать ему что я тутъ; а между тѣмъ онъ методически высѣкалъ огонь и зажигалъ свой попайной фанарь. Я думалъ, что онъ не кончитъ никогда. Какъ медленъ казался мнѣ онъ въ своихъ занятіяхъ, и какъ проклиналъ я неловкость и мѣшкотность старыхъ лю-

Digitized by Google

дей! Наконецъ онъ выступилъ изъ комнаты, и я слышалъ какъ снаружи повертывался ключъ въ замкѣ. Я не забопился о немъ. Послѣдній визгъ ключа кстати прикрылъ звукъ отпиравшагося окна. Прежде нежели благоразумный Шапюи дошелъ до конюшни, я былъ уже по другую сторону деревни.

Надобно было непремѣнно такъ знать мѣста, какъ зналъ ихъ я, чтобы идти въ темнотѣ этого грознаго утра. Во всей природѣ не было ни одного атома свѣту. Предметы самые темные, мрачные, не рисовались даже легчайшимъ очеркомъ на горизонтѣ, такъ-же мрачномъ какъ они. Дождь не шелъ, но атмосфера была наводнена туманомъ, чернымъ, густымъ, почти осязаемымъ, который проницалъ мое платье и охватывалъ мои члены какъ ледяная баня. Я ничего не видалъ, ничего не постигалъ, ничего не воображалъ до тѣхъ поръ, что могло-бы мнѣ дать такое страшное понятіе объ Эревѣ и хаосѣ. Я отскакивалъ при каждомъ препятствіи, падалъ, подымался, извѣдывалъ путь ногою, а ночь взоромъ. Только память и сердце руководили меня; я говорилъ: это должно быть тамъ, и шелъ впередъ.

Digitized by Google

Когда я былъ подлѣ *совиной норы*, я узналъ ее, но только по выдавшимся камнямъ скалы, которые въ иныхъ мѣстахъ висѣли такъ, что я принужденъ былъ наклоняться, и шелъ ощупью, чтобы не сдѣлать ни одного шага не по тропинкѣ: отъ этого зависѣла моя жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я сказывалъ Серафинѣ, тропинка была столько широка, что въ узкихъ мѣстахъ на ней могли помѣститься двѣ пары такихъ ногъ, какъ мои; но она была проложена въ скалѣ; пробиравшаяся по ней вода безпрестанно умягчала ее, увеличила ея склоненіе и обломала внѣшній край ея, на которомъ безпрестанно вспрѣчалъ я неровности, когда пытался удержаться покрѣпче, чтобы отдохнуть отъ принужденія. Сверхъ того, изморозь леденѣла, касаясь холодной и гладкой ея поверхности; она покрывала ее скользкою гололедицею, такъ что я поддерживался съ величайшими усиліями, вкладывая пальцы во всѣ углубленія скалы, и цѣпляясь по временамъ около тѣхъ впадинъ, которыя были довольно глубоки и могли сдержать меня, покуда я, думая о Серафинѣ, оживлялъ свои силы и смѣлость. Вдругъ услышалъ я странный шумъ, и щеки мои обдало тяжелымъ дыханіемъ крыльевъ: я былъ въ такомъ расположеніи, что это не могло уменьшить моего ужаса; но я тотчасъ сообразилъ,

Digitized by Google

что это должна быть сова, и что я возмутилъ ея уединеніе моими ночными проказами. Вскорѣ я не сомнѣвался въ этомъ. Она тяжело поднялась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, и устремила на возмутителя опасныхъ владѣній ея круглые, блестящіе глаза. «Спасибо, сказалъ я, что ты хочешь посвѣтить мнѣ двумя факелами своими; но я буду вѣрить имъ столько, что не дамъ тебѣ безчеловѣчной радости завлечь меня во рвы твоего увеселительнаго дворца. Я знаю тебя, мой коварный хозяинъ! И слава Богу, не одинъ разъ мѣрялъ я глазами глубины, раздѣляющія насъ теперь!» Долго еще она была все впереди меня: вспархивала, перескакивала съ мѣста на мѣсто, мяукала какъ кошка, свистала какъ ужъ, перелетала всегда ровное разстояніе, съ такимъ жалобнымъ стономъ, что отъ него застыла-бы кровь въ жилахъ женщины. Я не струсилъ уже ничего. Дорога стала шире. Я бѣжалъ, скакалъ, надѣялся, я былъ доволенъ, я былъ близко *къ ней*. Однако я располагалъ воротиться другою, больше надежною дорогою. Я былъ въ каштановой аллеѣ.

Со времени послѣдняго моего путешествія, облетѣло много листьевъ съ деревъ, и я издалека увидѣлъ, между вѣтвями, мерцаніе слабаго, блѣднаго свѣта въ знакомомъ окнѣ башни.

Digitized by Google

« Огонь у Серафины!» подумалъ я. «Стало быть она еще больна.» Не останавливаясь пробѣжалъ я террасу, сыскалъ дверь съ этой стороны, и она уступила движенію руки моей: она была полурастворена ; это удивило меня. Я вошелъ въ корридоръ ; я былъ подлѣ входа на небольшую винтообразную лѣстницу , которая вела къ Серафинѣ. Эта лѣстница, также противъ обыкновенія , была освѣщена. Послѣ двухъ или трехъ оборотовъ ея увидѣлъ я, что свѣтъ шелъ отъ свѣчи, поставленной выше головы моей , на ступени; подлѣ сидѣла Лиза, бѣдная, добрая Лиза , упершись локтями въ колѣна , и положивъ голову на свои черныя руки. Она , казалось , спала ; вѣрно отъ того, что давно не знала сна, и усталость овладѣла ею , когда она сходила съ лѣстницы. Я прошелъ мимо ея , какъ можно тише , чтобы не потревожить ея сна. На площадкѣ опять бѣлѣлся свѣтъ : онъ выходилъ изъ комнаты Серафины. Обѣ половинки двери были растворены до стѣнъ. Лампа стояла на полу , и за нею разглядѣлъ я двухъ старухъ , которыхъ часто видалъ, когда онѣ прашивали милостыню въ замкѣ; онѣ сидѣли согнувшись , были молчаливы , заняты , и по движенію рукъ ихъ мнѣ казалось, что онѣ шили что-то. Я кинулся въ комнату. Онѣ не подымали головы. Я подбѣжалъ къ алькову : по-

Digitized by Google

стель Серафины была въ безпорядкѣ, подушки на ней разбросаны, одѣяло свѣсилось; она была пуста.

Темныя, смѣшанныя, непостижимыя мысли охватили меня; я оборотился къ тому мѣсту гдѣ видѣлъ старухъ, и хотѣлъ спросить ихъ о Серафинѣ, хотѣлъ узнать, для чего оставила она свою постель; но у меня уже не было силъ разслушать ихъ отвѣтъ; я уже зналъ его. Онѣ сшивали бѣлое полотно, и въ немъ была — Серафина.

Послѣ меня часто спрашивали, отъ чего я бывалъ печаленъ.

Digitized by Google

Краткое Начертаніе Естественной Исторіи животныхъ, содержащее въ себѣ Органологію животныхъ, съ краткимъ Физіологическимъ объясненіемъ, изданное въ пользу учащихся Врачебной Наукѣ Профессоромъ А. Ловецкимъ. Двѣ части. Изданіе второе, исправленное и умноженное. Москва, въ Университетской типографіи. 1832.

Хотя Авторъ, въ Предисловіи своемъ, не объясняетъ, чего должно требовать отъ краткаго Начертанія Естественной Исторіи животныхъ, въ пользу учащихся Врачебной Наукѣ изданнаго, однакожь, на стр. XI, онъ говоритъ: *Недостатокъ книгъ, могущихъ служить руководствомъ для преподаванія Естественной Исторіи животныхъ—вотъ главная цѣль изданія сей книги.* — Цѣль книги, самимъ Издателемъ указанная, даетъ намъ средство оцѣнить его произведеніе по достоинству. Мы знаемъ теперь, при какихъ условіяхъ Естественная Исторія царства животнаго, Г. Ловецкимъ составленная, можетъ принести желаемую пользу: она должна, во-первыхъ, удовлетворить требованіямъ науки вообще, и, во-вторыхъ, требованіямъ науки, въ пользу юношества изложенной.

Digitized by Google

Какія-же сіи условія? . . . Точность опредѣленій, вѣрность описаній, полнота содержанія, ясность и краткость въ изложеніи, размѣщеніе предметовъ науки надлежащимъ образомъ, исключеніе всего, выходящаго за ея предѣлы: вотъ главныя, существенныя свойства каждой науки вообще, и въ частномъ ея примѣненіи.

Начнемъ съ главнѣйшаго: съ опредѣленій. Всѣмъ извѣстна ихъ важность въ наукахъ. Отъ точности опредѣленій зависитъ ясное познаніе предмета, такъ что мы никогда не можемъ смѣшивать его съ другими. Посему дефиниціи многословныя, или повтореніе однихъ и тѣхъ-же въ разныхъ мѣстахъ книги, ни мало не составляютъ ея достоинства; напротивъ, оно заключается въ краткости и ясности изложенія.

Убѣдившись въ пользѣ опредѣленій, выраженныхъ кратко и точно, Автору надлежало позаботиться и о средствахъ къ достиженію подобныхъ опредѣленій. Правило въ семъ случаѣ слѣдующее: *въ опредѣленіи должно сперва указать ближайшее высшее понятіе, въ области коего находится понятіе опредѣляемое, и потомъ исчислить примѣты, помощію коихъ можно вѣрно и безошибочно отличать оное отъ понятій смежныхъ, находящихся въ одной съ нимъ области.* Руководствуясь онымъ, разсмотримъ опредѣленія въ книгѣ Г. Ловецкаго.

Часть I, стр. 1, § 1. «Естественная Исторія есть наука, которая учитъ земныя естественныя тѣла познавать, отличать ихъ одно отъ другаго,

Digitized by Google

описывать и приводить въ систематическій порядокъ.» — Зачѣмъ такое безполезное многословіе?... Умѣнье различать тѣла одно отъ другаго есть слѣдствіе познанія оныхъ; описанія суть не что иное, какъ средство къ сему познанію; а приведеніе въ систематическій порядокъ предмета науки составляетъ необходимую ея принадлежность: иначе Естественная Исторія и не была-бы наукой.

Стр. 11, § 1. «Животными называются тѣла органическія, состоящія изъ одного или многихъ органовъ, соединенныхъ въ одно цѣлое, и содѣлавшихся особымъ тѣломъ, живущія, растущія, чувствующія и произвольно движущіяся.» — Опять ничтожное многословіе, тѣмъ болѣе, что опредѣленіе животныхъ было уже на стр. 4, въ § 6. Слова: *состоящія изъ одного или многихъ органовъ, соединенныхъ въ одно цѣлое и содѣлавшихся особымъ тѣломъ*, совершенно здѣсь лишнія: они заключаютъ въ себѣ опредѣленіе органическихъ тѣлъ, равно принадлежащее животнымъ и растеніямъ и помѣщенное еще въ § 2, на стр. 1. Не лучше-ли выразиться словами Линнея: *animalia crescunt, vivunt et sentiunt?* Произвольное движеніе есть принадлежность существъ чувствующихъ, слѣдственно Авторъ не погрѣшилъ-бы противъ точности и полноты, сихъ главныхъ свойствъ каждаго опредѣленія.

Стр. 145, § 1. «Млекопитающія суть животныя позвоночныя, одаренныя совершенною нервною системою, состоящею изъ большаго, малаго, позвоночниковаго мозга и нервовъ; дышущія губча-

Digitized by Google

шыми легкими, свободно висящими въ грудной полости, имѣющія сердце двужелудочное и двуушковое, кровь красную и теплую. Дѣти ихъ родятся живыми и питаются молокомъ, отдѣляющимся въ сосцахъ самокъ.» — Достаточно было сказать: млекопитающія суть животныя позвоночныя, дышащія губчатыми легкими, свободно висящими въ грудной полости. Дѣти ихъ родятся живыми, и питаются молокомъ, отдѣляющимся въ сосцахъ самокъ. Первый періодъ служилъ-бы опредѣленіемъ самаго предмета (*опредѣленіе вещи*, выражаясь языкомъ Логическимъ); второй объяснялъ-бы названіе предмета (*опредѣленіе имени или слова*).

Стр. 257. «Птицезвѣри, птиценосы (Metataximera, Fisch.; Monotrymata, Geoffroy; *Ornithotheria, mihi*)...» — Напрасный трудъ! Названія: Metataximera (Птицезвѣри) и Monotrymata (Однодирчатыя), данныя сему классу Гг. Фишеромъ и Жоффруа, весьма ясно характеризуютъ его: зачѣмъ-же изобрѣтать собственное, ничѣмъ не лучшее прежнихъ? И безъ того раздѣленія и подраздѣленія животныхъ, и безчисленныя наименованія, придуманныя испытателями природы для одного и того-же класса, одного и того-же рода, одного и того-же вида, чрезвычайно затрудняютъ учащихся; одинъ сводъ сихъ названій сосставитъ книгу, столь-же толстую, какъ книга, нами разсматриваемая.

Стр. 339. «Рыбы суть животныя позвоночныя, яйцеродныя, живущія въ водѣ и дышущія жабрами; сердце у нихъ одножелудочное; кровь красная холодная; тѣло продолговатое, у большей части

Digitized by Google

рыбъ сжатое, а у нѣкоторыхъ сплюснутое и широкое, покрытое, или щитами или чешуею, или голое; для передвиганія съ мѣста на мѣсто, онѣ снабжены плавательными перьями.» — Если Авторъ въ опредѣленіе рыбъ включилъ описаніе различныхъ формъ ихъ тѣла, то почему не упомянулъ онъ объ органахъ рожденія и чувствованія? Почему, напримѣръ, не прибавилъ онъ слѣдующаго: «Мозгъ рыбъ состоитъ изъ двухъ половинъ, въ которыхъ находятся боковые желудочки, и часши, похожія на зрительные чертоги и полосатыя тѣла; языкъ ихъ лишенъ чувствительныхъ сосочковъ, служащихъ для вкуса», и проч. и проч. . . . Развѣ наружное строеніе важнѣе внутренней организаціи?... Но опредѣленіе класса не есть сокращенное изложеніе анатоміи онаго; принявъ систему Г. Фишера, на органахъ дыханія основанную, Авторъ былъ обязанъ указывать преимущественно на сіи органы, какъ на такой признакъ, помощію коего классы животныхъ отличаются одинъ отъ другаго, и который слѣдовательно даруетъ имъ самостоятельность. Иное дѣло въ подраздѣленіяхъ низшихъ: тамъ необходимость заставляетъ прибѣгнуть къ другимъ частямъ тѣла животнаго, ибо органы дыханія не имѣютъ такихъ многообразныхъ измѣненій, которыя могли-бы служить отличительными примѣтами порядковъ, семействъ и т. д.

Вотъ образцы опредѣленій, въ книгѣ Г. Ловецкаго находящихся. Сказанное о нѣкоторыхъ классахъ, должно отнести и ко всѣмъ прочимъ: вездѣ многословіе — эта прямая дорога къ сбивчивости —

Digitized by Google

вездѣ повтореніе много разъ уже повтореннаго. Одно опредѣленіе головоногихъ занимаетъ почти цѣлую страницу (часть 2, стр. 14): что-же заключить о нисшихъ дѣленіяхъ царства животнаго? Каковы должны быть опредѣленія отдѣленій, порядковъ, семействъ, и такъ далѣе? . . .

Сколь замѣтна неточность опредѣленій въ книгѣ Г. Ловецкаго, столь-же видно безпорядочное размѣщеніе статей, ее составляющихъ. Не объяснивъ ни въ Предисловіи, ни во Введеніи, что именно должно входить въ краткое Начертаніе Естественной Исторіи животныхъ, и въ какой послѣдовательности надобно представлять содержаніе сей науки, Авторъ впалъ въ немаловажную погрѣшность: въ безотчетныя дѣленія излагаемаго предмета. Въ Предисловіи своемъ, на стр. XI — XII, онъ говоритъ: « Я раздѣлилъ ее (книгу) на двѣ части, изъ коихъ въ первой содержится Органологія съ краткимъ Физіологическимъ объясненіемъ и описаніе животныхъ позвоночныхъ, а во второй заключается Систематика животныхъ безпозвоночныхъ, съ краткимъ описаніемъ нѣкоторыхъ родовъ и видовъ. » Но между тѣмъ и въ Первой части, при описаніи животныхъ позвоночныхъ, и во Второй, при описаніи животныхъ безпозвоночныхъ, послѣ опредѣленія каждаго класса животныхъ, вы находите Органологію или Физіологію оныхъ, которыя иногда занимаютъ болѣе мѣста, нежели самая Систематика (напр. въ классѣ глистовъ, стр. 149). По какой-же причинѣ Авторъ не отнесъ ихъ въ Первую часть, къ изложенію Органологіи?

Digitized by Google

Тогда-бы книга его раздѣлилась, безъ всякой натяжки, на двѣ части: Органологію и Систематику — раздѣленіе естественное, гораздо лучшее произвольнаго, ей даннаго.

Можетъ быть, возразятъ мнѣ: разсмотрѣніе органовъ каждаго класса въ особенности, составляетъ частную Органологію, которую должно излагать въ то время, какъ учащійся уже понимаетъ различіе классовъ одного отъ другаго. — Но Авторъ не имѣлъ сего въ виду, что легко доказать многими мѣстами его сочиненія. Наприм. стр. 47 — 52, 67 — 71, 111 — 113 и т. д., гдѣ говорится объ органахъ рожденія, движенія и чувствованія рыбъ, пресмыкающихся, головоногихъ (cephalopoda), полиповъ (polypi), жгучихъ (acalephæ) и пр., въ то время, когда учащійся не имѣетъ понятія о головоногихъ и пресмыкающихся, и когда онъ не съумѣетъ еще отличить полиповъ отъ животныхъ жгучихъ.

Другое дѣло при изданіи сочиненія многотомнаго (какова напр. Histoire naturelle des poissons, par Cuvier), требующаго не мало времени, въ продолженіе коего появляются новыя книги по части предмета, Авторомъ избраннаго. Въ такомъ случаѣ, желая слѣдовать за современнымъ ходомъ науки, Авторъ необходимо принужденъ иногда не сохранять совершеннаго порядка въ изложеніи: ему позволительно въ слѣдующихъ частяхъ своего сочиненія дѣлать нѣкоторыя прибавленія, измѣненія и поправки, служащія дополненіемъ прежде-изданнаго. Но издатель краткаго учебнаго руководства уда-

Digitized by Google

лень отъ сихъ обстоятельствъ; всѣ матеріялы, ему нужные, находятся, такъ сказать, у него подъ рукою: стоитъ только позаботиться о выборѣ и о надлежащемъ распредѣленіи выбраннаго, ибо наука должна быть зданіемъ, прочнымъ и стройнымъ, а не кой-какимъ собраніемъ понятій.

У насъ есть нѣкоторыя сочиненія, особенно по части Ботаники, которыя могутъ служить образцемъ порядка и отчетливости въ изложеніи свѣдѣній, науку составляющихъ: жаль, что Г. Ловецкій ими не воспользовался. Это сожалѣніе увеличивается при взглядѣ на Систематику животныхъ, въ его книгѣ находящуюся. Довольно сказать, что Авторъ не опредѣлилъ даже: что такое система царства животнаго и въ чемъ состоитъ ея достоинство? Сверхъ того, разсматривая различныя искуственныя системы, онъ едва, едва коснулся системы Естественной. Вотъ слова его: «Вообще раздѣленіе животныхъ на классы, основанное на организаціи тѣла, т. е. искуственная система, принята почти всѣми испытателями Природы, выключая послѣдователей Шеллинга и Окена, которые стараются усовершенствовать естественную систему, основанную на идеѣ или значеніи животнаго царства въ цѣпи творенія, и которые животное царство принимаютъ за одно совершеннѣйшее животное, постепенно развивающееся, начиная отъ наливчатаго животнаго, и восходя до человѣка!» — Для учащихся это почти тоже, что ничего. Автору слѣдовало-бы изложить подробнѣе систему, принятую послѣдователями Оке-

Digitized by Google

на и Шеллинга, ибо они смотрятъ на царство животное съ особенной точки зрѣнія. На стр. 136 — 137 представлена система Г. Максимовича; но она, будучи составлена сообразно системамъ Линнея, Ламарка, Кювье, Сентъ-Илера и Окена, не сообщаетъ яснаго поняшія о системѣ сего послѣдняго. Не лучше-ли было разсмотрѣніемъ оной замѣнить систему Впрея, которую можно исключить и потому уже, что Впрей извѣстенъ болѣе какъ наблюдатель нравовъ и образа жизни животныхъ, а не какъ систематикъ.

Не указавъ признаковъ, означающихъ достоинство системъ царства животнаго, Г. Ловецкій не долженъ былъ отдавать исключительнаго первенства нѣкоторымъ изъ нихъ. Между шѣмъ, на стр. 134, онъ говоритъ: « Впрочемъ, изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ системъ, ни одна не доведена еще до такой возможной степени совершенства, каковой достигли новѣйшія системы, изданныя Г. Кювье и Г. Фишеромъ. » — Но гдѣ-же мѣрка сего совершенства системъ? На что обопрется учащійся при оцѣнкѣ оныхъ? На авторишетъ Гг. Кювье и Фишера, или на силу мнѣнія Г. Ловецкаго? . . Это, кажется, дѣло постороннее.

Отъ неудовлетворительнаго изложенія системъ царства животнаго вообще, перейдемъ къ описаніямъ каждаго класса животныхъ въ особенности. Спрашивается: что предлежало Автору Краткаго Начертанія Зоогнозіи имѣть въ виду при сихъ описаніяхъ? . . Вѣрность оныхъ? . . Справедливо, но сіе важное свойство не можетъ вмѣниться въ за-

Digitized by Google

слугу издателю учебной книги: онъ черпаетъ Зоологическія свѣдѣнія изъ источниковъ, давно готовыхъ, пользуется сочиненіями авторовъ, которые думали о точности описаній, какъ не льзя лучше. Нѣтъ! Г. Ловецкій, поставивъ цѣлію даровать руководство для преподаванія Естественной Исторіи животныхъ, долженъ былъ изложить Систематику каждаго класса оныхъ, сообразно принятому намѣренію; въ болѣе или менѣе успѣшномъ исполненіи онаго состоитъ большая или меньшая заслуга Издателя. Какія-же, въ семъ случаѣ, потребности учащихся, имѣющихъ нужду въ руководствѣ при своихъ занятіяхъ? Разумѣется, имъ не надобны подробныя, многословныя описанія каждаго рода, вида и различія: они необходимы человѣку, который посвящаетъ себя особенно Зоогнозіи. Учащійся требуетъ: 1) представленія Систематики каждаго класса животныхъ такъ, чтобъ различія порядковъ, семействъ, родовъ и пр. обозрѣвались, такъ сказать, однимъ взглядомъ; 2) сохраненія возможной краткости при описаніи высшихъ и низшихъ дѣленій, и 3) чтобъ Авторъ исчислилъ наибольшее количество родовъ, ибо это необходимо для полноты системы.

Выполненію перваго требованія помогаетъ представленіе Систематики цѣлаго класса животныхъ, или порядка, семейства оныхъ, и пр. д., въ таблицахъ, чему можетъ служить образцемъ *Zoologie analytique, par Dumeril.* Чтобъ удовлетворить второму условію, необходимо, при описаніи классовъ, порядковъ, семействъ, родовъ, видовъ и различій животныхъ,

Digitized by Google

означать только тѣ признаки, которые дали право симъ животнымъ составить классы, порядки, семейства и т. д. Выполненіе третьяго требованія имѣетъ мѣсто при выполненіи двухъ первыхъ, ибо, исключивъ подробности и многословіе при описаніи животныхъ, не соотвѣтствующія цѣли учебной книги, мы можемъ замѣнить ихъ исчисленіемъ родовъ и видовъ.

Совсѣмъ иначе поступилъ Г. Ловецкій. Принявъ, какъ видно, за образецъ сочиненіе Г. Фишера: *Zoognozia, tabulis synopticis illustrata*, онъ и въ описаніи родовъ животныхъ послѣдовалъ, вѣроятно, его примѣру. Основываю мое мнѣніе на томъ, что Органологія животныхъ, въ 1-й части разсматриваемой нами книги помѣщенная, есть не что иное, какъ переводъ изъ упомянутой Зоогнозіи, съ немногими прибавленіями. Но замѣтить должно, что что между сочиненіями Г. Г. Фишера и Ловецкаго находится большая разница. Первый во 2-мъ и 3-мъ томахъ своей Зоогнозіи, описалъ Органологію животныхъ и первые два класса оныхъ, т. е. Mammalia и Metataximera; посему можно судить, сколько томовъ составили-бы описанія всѣхъ классовъ; послѣдній, напротивъ, издалъ Краткое Начертаніе Естественной Исторіи животныхъ. Слѣдовательно подробное разсмотрѣніе каждаго рода, сообразное намѣренію Г. Фишера, весьма не кстати въ книгѣ Г. Ловецкаго. И что-жь изъ сего вышло? О нѣкоторыхъ родахъ животныхъ Г. Ловецкій даетъ подробный отчетъ; другихъ-же выставляетъ одни названія. Возьмемъ, напримѣръ, классъ девятнадцатый (26 по системѣ): *Животныя однодомныя* или

Digitized by Google

единоствольныя, часть II, стр. 214. Вотъ какимъ образомъ Авторъ говоритъ о пернашкѣ:

« *Родъ* 2. *Пернатка* (Pennatula, Linn. Cuv.). Тѣло мясистое, способное сокращаться и расширяться въ своихъ частяхъ, помощію мясныхъ волоконъ, входящихъ въ составъ его; ось тѣла есть простой каменистый стебель. Вообще пернатка похожа на птичье перо, коего одинъ конецъ голой, цилиндрическій, тупой, а другой усаженъ по бокамъ перышками или волосками, болѣе или менѣе долгими и широкими. Между перышками живутъ животныя, снабженныя 8 щупальцевыми отростками. Пернатки по ночамъ издаютъ фосфорное сіяніе. » Двѣнадцать строкъ заняты описаніемъ: кажется, достаточно. Посмотрите-же теперь на стр. 215:

« *II. Жив. однод. прикрѣпленныя* (*Ног. fixi*), *прилипающія къ постороннимъ морскимъ тѣламъ.*

Родъ 6. *Антелія* (*Anthelia, Sav.*)
Родъ 7. *Ксенія* (*Xenia, Sav.*)
Родъ 8. *Аммотея* (*Ammothea, id.*) »

Одни только названія. Ни слова о томъ, чѣмъ отличается Антелія отъ Ксеніи, и Ксенія отъ Аммотеи. Почему-жь описаніе Пернатки такъ многословно? Развѣ она замѣчательнѣе другихъ по своей пользѣ для Врачебной Науки? Совсѣмъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ Авторъ о семъ не упоминаетъ. Если Зоологи составили особенные роды изъ Антеліи, Ксеніи и Аммотеи, то, стало быть, существуютъ признаки, которые отличаютъ ихъ другъ отъ друга и которые слѣдовало означить.

Digitized by Google

Для примѣра представимъ въ шаблонѣ сей-же классъ животныхъ слѣдующимъ образомъ:

Животныя	свободно-плавающія въ моряхъ (H. liberi); тѣло	безъ вѣшней	*Стебельникъ*. Родъ 1.
		съ одного конца усажено перышками.....	*Перпатка*. Родъ 2.
		на одномъ концѣ почкообразное....	*Почечникъ*. Родъ 3.
		лозовидное..	*Лозовикъ*. Родъ 4.
		оканчивается на верхушкѣ пучкомъ живошныхъ....	*Зонтичникъ*. Родъ 5.
	прикрѣпленныя къ посторонним морскимъ тѣламъ (H. fixi); тѣло	раздѣлено на доли.....	*Лоскутовка*. Родъ 6.
		раздѣлено на стебли корошкіе и вѣтвистые; послѣднія вѣтви въ видѣ цвѣточной чашечки.....	*Аммотея*. Родъ 7.
		образовано соединеніемъ, вертикальныхъ шрубочекъ при вершинѣ ошкрышыхъ.	*Альціонелла*. Родъ 8.
		въ видѣ шонкихъ пласшинокъ.....	*Анпеліа*. Родъ 9.

Digitized by Google

При взглядѣ на сію шаблучку тотчасъ видны главные, существенные признаки каждаго рода, и слѣдовательно различіе родовъ одного отъ другаго весьма ясно обозначено. Если попались мнѣ два животныхъ изъ класса однодомныхъ, свободно плавающихъ въ морѣ, и если тѣло одного изъ нихъ усажено на одномъ концѣ перышками, такъ что оно похоже на пшичье перо, а тѣло другаго почкообразное, то я безъ всякаго затрудненія назову первое Пернатой, а другое Почечникомъ. Когда-же сіи родовые признаки ускользнули отъ моего вниманія, то никакіе другіе не сообщатъ мнѣ увѣренности, что такое-то животное однодомное принадлежитъ къ роду Пернатокъ, а такое-то къ Почечникамъ.

Г-ну Ловецкому позволено было распространяться только о тѣхъ родахъ, которые имѣютъ какое нибудь отношеніе къ Медицинѣ, ибо книга его, какъ видно изъ заглавія, издана въ пользу учащихся Врачебной Наукѣ. Къ сему могъ онъ присовокупить еще любопытныя описанія нравовъ и образа жизни животныхъ и показать ихъ распредѣленіе по земному шару. Но странно объяснять пользу нѣкоторыхъ животныхъ слѣдующимъ образомъ: «муравьи полезны человѣку съ нравственной стороны тѣмъ, что они служатъ символомъ прудолюбія» (часть II, стр. 122), или дѣлать замѣчанія о тюмъ, что изъ меда некупъ пряники, коврижки и пряничные орѣхи (ч. II, стр. 126), а изъ воска приготовляютъ бусы (ч. II, стр. 128); средства избавляться отъ клоповъ (ч. II, стр. 129) также не должны входить въ составъ Краткаго Начер-

Digitized by Google

танія Зоогнозіи, ибо, если мы, говоря о животныхъ, будемъ помѣщать все, что имѣетъ къ нимъ какое нибудь отношеніе, близкое или отдаленное, прямое или косвенное, то едва-ли не войдутъ въ Зоогнозію всѣ прочія науки. Разсуждать въ Краткомъ Начертаніи Естественной Исторіи животныхъ объ упомянутыхъ предметахъ, не тоже-ли, что толковать въ Курсѣ Ботаники о варенія щей, о приготовленіи картофельнаго супа и проч.? Дѣло, конечно, полезное; однакожъ не думаю, чтобы Филологъ, понимающій предѣлы своей науки, далъ въ ней мѣсто Поваренному Искусству; равнымъ образомъ въ рамки Зоогнозіи не слѣдуетъ вставлять ни Технологіи, ни Сельскаго Хозяйства.

Вотъ главные недостатки Краткаго Начертанія Естественной Исторіи животныхъ, изданнаго Г-мъ Ловецкимъ. Другіе не столь важные, но не менѣе очевидные, суть слѣдующіе: темнота выраженій, могущая затруднить читателей; неправильность выводовъ, доходящія до странности; введеніе ненужныхъ замѣчаній; погрѣшность въ сочетаніи словъ, и проч. Представляемъ сему доказательства:

Часть I, стр. 2, § 5. «Впрочемъ оба они (растительное и животное царство) не что иное суть, какъ *продолженіе развитія* одного и того-же органическаго царства; ибо организація ихъ въ низшихъ породахъ такъ сходна между собою, что истинныхъ границъ между ими положить не возможно:»— Замѣчаніе сіе, во-первыхъ, весьма тем-

Digitized by Google

но, особенно въ книгѣ, служащей руководствомъ; слѣдовало-бы объяснить значеніе словъ *продолженіе развитія*; во-вторыхъ, оно весьма ясно противорѣчитъ сказанному на стр. 5: «Впрочемъ самая организація и степень ея развитія у растеній и животныхъ, доставляютъ весьма важные признаки, достаточные для различія ихъ другъ отъ друга.»

Разсмотрѣвъ сіи признаки, или, лучше, изложивъ мысли Вирея о семъ предметѣ, Авторъ спрашиваетъ: «Что такое жизнь, жизненная сила?» — и вмѣстѣ съ симъ представляетъ нѣсколько мнѣній извѣстныхъ писателей, которые старались разрѣшить сей вопросъ. Въ заключеніе (стр. 10) сказано: «Отдавая полную справедливость знаменитымъ испытателямъ Природы, не льзя однакожь не замѣтить, что теорія, допускающая сходство жизненнаго процесса съ дѣйствіями галваническаго столбика, имѣетъ болѣе вѣроятія, слѣдовательно ближе къ истинѣ.» — Напротивъ, невозможно замѣтить: ибо степень вѣроятности какого-либо мнѣнія измѣряется или вѣрностію началъ, изъ коихъ оно выведено, и вѣрностію самихъ выводовъ, или удобностію объяснять посредствомъ онаго всѣ явленія жизни; а въ книгѣ Г. Ловецкаго ничего подобнаго не видно. Можно-ли, напримѣръ, что нибудь заключить изъ слѣдующихъ мнѣній:

«По мнѣнію Снядецкаго, жизнь состоитъ во взаимномъ дѣйствіи органической силы и оживотворяемой матеріи.»

«Нѣкоторые сравниваютъ жизнь съ горѣніемъ.»

Digitized by Google

« Другіе утверждаютъ, что она состоитъ въ процессѣ дыханія и вліяніи воздуха на дыхательные органы, и что обращеніе жидкостей въ сосудахъ органическихъ тѣлъ, есть непосредственное явленіе движенія или жизни. » (стр. 10).

Сверхъ того, рѣшеніе вопроса: что такое жизненная сила? и не должно входить въ краткое Начертаніе Естественной Исторіи животныхъ: это слѣдуетъ предоставить другимъ наукамъ.

Стр. 17, § 18. « Органовъ дыханія въ животномъ царствѣ считается шесть: 1. легкія (pulmones); 2. жабры (branchiæ); 3. трещинки (rhigmata); 4. круглыя дыхала (stigmata); 5. трубочки (tubuli, syphones); 6. кожица (epidermis). Легкія, трещинки, и дыхала круглыя, свойственны животнымъ воздушнымъ; а жабры, трубочки и кожица водянымъ животнымъ. *Изъ сего слѣдуетъ*, что главныхъ орудій дыханія только два: легкія и жабры; трещинки-же и дыхала суть измѣненія легкихъ, а трубочки и кожица — жабръ. » — Изъ чего-же слѣдуетъ? . . . Видно только, что животныя воздушныя дышатъ легкими, трещинками и круглыми дыхалами, а животныя водяныя — жабрами, трубочками и кожицею; какое-же право имѣлъ Авторъ заключить, что трещинки и дыхала не что иное суть, какъ измѣненія легкихъ, а трубочки и кожица—измѣненія жабръ? . . . Это заключеніе аналогическое.

Говоря о раздѣленіи тѣла животныхъ млекопитающихъ, Г. Ловецкій замѣчаетъ: « Голова есть

Digitized by Google

важнѣйшая часть тѣла; ибо въ ней помѣщаются главныя орудія чувствъ, какъ то: ротъ, носъ, глаза и уши.» (часть 2, стр. 146, § 3). — Но голова не менѣе важна и въ другихъ классахъ: ибо въ ней также заключены органы чувствъ. Зачѣмъ же именно въ анатоміи млекопитающихъ говорить о томъ, что равно принадлежитъ птицамъ, рыбамъ, гадамъ и пр.? Общія мѣста не большой кладъ для учебной книги.

Часть 2, *стр.* 402, § 3. «*Очертаніе* его (рыбьяго сердца) есть пребранное или пирамидальное, *снабженное* однимъ только желудочкомъ и ушкомъ.» Это тоже, что: *фигура человѣка, одаренная разумомъ.*

Въ Предисловіи, стр. XII: «Касательно классификаціи животныхъ, я во всемъ слѣдовалъ новѣйшей методѣ *почтеннѣйшаго моего наставника Г. И. Фишера*». — Часть I, стр. 158, § 17: «Животныя млекопитающія, по системѣ *почтеннѣйшаго наставника моего Фишера* и пр. . .»

Часть 2, стр. 39: «На сей вопросъ отвѣчаю словами *моего почтеннаго учителя* и знаменитаго испытателя Природы Готтгельфа Фишера.»—Стр. 95: «Подробное описаніе сего клопа сообщено публикѣ Императорской Медико-Хирургической Академіи Вице-Президентомъ Готтгельфомъ Фишеромъ.»— Стр. 231: «Общество одолжено описаніемъ сихъ классовъ Его Превосходительству, Императорской Медико-Хирургической Академіи и Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы Вице-Президенту Г. И. Фишеру.» —

Digitized by Google

Замѣтимъ, что благодарность хотя и высокая добродѣтель, но безпрерывныя изъявленія оной и полные титулы особъ не должны имѣть мѣста въ учебной книгѣ. Ясное и безпристрастное изложеніе истины не лучшее-ли возмездіе для того, кому она одолжена своимъ открытіемъ?

Представляя на судъ читателей замѣчанія мои о книгѣ Г. Ловецкаго, я долженъ отвѣчать еще на одинъ вопросъ, который могутъ предложить защитники относительнаго достоинства книгъ. «Краткое Начертаніе Естественной Исторіи животныхъ, изданное Г. Ловецкимъ, скажутъ мнѣ, есть единственное у насъ руководство къ Зоологіи, слѣдовательно польза его неоспорима.»—Совершенная правда; но мы разсматривали произведеніе почтеннаго Автора не со стороны пользы, которую оно принесло или принесетъ, а относительно условій, коимъ долженствуетъ подвергаться каждая наука. Мы такъ бѣдны книгами по части Зоологіи, что всякое безпорядочное собраніе свѣдѣній, до сего предмета относящееся, всякое описаніе какого нибудь класса животныхъ, даже рода или вида ихъ, можетъ назваться богатымъ подаркомъ; однакожь никто не дастъ имени науки безсистемному сбору матеріяловъ, изъ коихъ она рукою искуснаго мастера строится. Въ противномъ случаѣ мы или слишкомъ мало цѣнимъ разборчивость учащихся, или не отдаемъ должнаго почтенія Естественной Исторіи.

А. Галаховъ.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Новыя книги.

Исторія Тибета и Хухунора съ 2282 года до Р. Х., до 1227 года по Р. Х. Съ картою на разные періоды сей Исторіи. Переведена съ Китайскаго монахомъ Іакинѳомъ Бичуринымъ. 2 части. СПб. 1833 г. въ Т. Академіи наукъ, XXXI и 258, IX и 259 стр. in-8.

Многіе изъ Русскихъ читателей конечно удивятся, что Тибетъ, который всего болѣе извѣстенъ намъ по знаменитымъ козамъ, доставляющимъ драгоцѣнный пухъ для безцѣнныхъ шалей, Тибетъ имѣетъ Исторію за 2282 года прежде Рождества Христова! Правду сказать, Исторія его не очень занимательна для читателя обыкновеннаго, и даже иной изъ самыхъ ревностныхъ любителей старины заснетъ не одинъ разъ, слѣдуя глазами и умомъ за безчисленными и безтолковыми драками, распрями, несогласіями древнихъ Тибетцевъ. Самъ почтенный Переводчикъ предувѣдомляетъ объ этомъ, и мы съ нимъ совершенно согласны. Не подкрѣпляясь пашріотическимъ восторгомъ, который

Digitized by Google

говоритъ: «Читай! Предки твои страдали, а ты не хочешь и узнать объ этомъ! Читай, хоть это и скучно. . .» — Русскій читатель всего скорѣе закроетъ *Исторію Тибета*, съ тѣмъ чтобы уже никогда не раскрывать ея. Но для оріенталистовъ, для изслѣдователей Азіятской древности, эта книга настоящій кладъ; ихъ-то и имѣлъ въ виду достопочтенный О. Іакинѳъ. Онъ извлекъ Исторію Тибета и Хухунора изъ *Прибавленій* о заграничныхъ народахъ, которыя находятся въ полномъ собраніи отдѣльныхъ Исторій каждой изъ Китайскихъ династій, и изъ Всеобщей Исторіи Китая. То, чего нѣтъ въ первыхъ, дополнилъ онъ изъ послѣдней. Такимъ образомъ книга сія представляетъ одну изъ самыхъ древнихъ Исторій, писанную тогда, когда въ Европѣ не только не записывали событій, но даже и нечего было записывать. Здѣсь открывается занимательность сей книги, ибо кому не любопытно взглянуть, что дѣлалось и какъ описывались событія въ человѣческихъ обществахъ за 4000 лѣтъ? Здѣсь уже не патріотизмъ, а испытательность, свойственная уму каждаго образованнаго человѣка, заставитъ читать книгу, изданную Отцемъ Іакинѳомъ. Сверхъ того, она касается многихъ вопросовъ, которые занимаютъ нынѣ Европейскихъ оріенталистовъ. Справедливо замѣтилъ столько-же остроумный, сколько ученый Рецензентъ сей книги въ Сѣверной Пчелѣ, что, вѣроятно, снова пробудится споръ и загремятъ трубы Критики между Г-мъ Клапротомъ и Русскимъ Академикомъ Г-мъ Шмитомъ. Поводомъ къ сему будетъ Китайская книга, у насъ изданная. Не

Digitized by Google

вдаваясь въ сужденія, которыя требуютъ особенныхъ приготовленій и занятій, не становясь на баррьерѣ между Европейскими и Русскими оріенталистами, мы сдѣлаемъ съ своей стороны замѣчаніе, которое вообще можетъ относиться къ книгамъ, переводимымъ съ Восточныхъ языковъ.

Всѣ Азіятцы, по своему образованію, по мѣстнымъ обстоятельствамъ и по Исторіи, совершенно удалены и отдѣлены отъ насъ. Ихъ организація, воспитанная знойнымъ климатомъ, ихъ образованность, отлитая въ особенныя формы и двигающаяся тысячелѣтіями, наконецъ ихъ исторія, ихъ прошедшее, не способствовавшее развитію ума и Философіи, все сдѣлало ихъ взглядъ на предметы и событія совершенно отличнымъ отъ нашего. Книгу Восточную, будетъ-ли то Исторія стихотвореніе или сужденіе религіозное, не льзя читать съ нашими понятіями о предметахъ. Посему, иногда не льзя не удивляться, какъ неосторожно полагаются Европейцы на извѣстія и описанія Восточныя. На одномъ упоминаніи, на мимоходномъ извѣстіи основываютъ они огромныя гипотезы и дѣлаютъ выводы, часто противные тому, что хотѣлъ сказать Индіецъ, Арабъ или Китаецъ. Несносная гордость, любовь къ преувеличенію, и особенно презрѣніе Восточныхъ жителей ко всему чужому, должны заставить насъ быть болѣе осмотрительными въ заимствованіи отъ нихъ свѣдѣній. Посмотрите, напримѣръ, что пишутъ они о современныхъ событіяхъ, и какъ понимаютъ нынѣ историческія происшествія. Вспомните что̀ писали Ки-

Digitized by Google

шайцы о неудачномъ посольствѣ Лорда Амгерста, какъ понимали они нѣкоторыя другія сношенія съ ними, и вы конечно согласитесь, что Китайскимъ извѣстіямъ не льзя вѣрить на слово. Почти всѣ лѣтописцы древнихъ временъ отличаются дѣтскимъ легковѣріемъ и жалкимъ невѣжествомъ, не говоря уже о грубости ихъ понятій; что-жь должны быть Китайцы за 2, за 3 и за 4 тысячи лѣтъ! Вѣроятно, что на одно слово правды, они прибавляли сто неправдъ, недоумѣній и глупостей.

Надѣемся, что читатели книги О. Іакинѳа согласятся съ нами, если вникнутъ въ доводы, представляемые нами. Книга сія есть памятникъ драгоцѣнный, но читать ее должно съ большою осторожностью, и, можетъ быть, во многихъ мѣстахъ, понимать совершенно на оборотъ слова Китайскихъ оффиціяльныхъ Историковъ.

— *Записки, веденныя во время путешествія* Императрицы Елисаветы Алексѣевны *по Германіи въ* 1813, 1814 *и* 1815 *годахъ* В. Ивановымъ. 2 части, СПб. 1833. въ т. И. Глазунова. 97 и 94 стр. in-8.

Въ 1813 году, Декабря 19-го, Императрица Елисавета Алексѣевна отправилась изъ Санктпетербурга, въ Германію, для свиданія съ Августѣйшимъ Супругомъ своимъ. Ей сопутствовала Сестра ея, Принцесса Баденская Амалія. — Въ свитѣ Императрицы находились слѣдующія особы: Статсъ-Дама, Княгиня А. М. Прозоровская; Фрейлина

Digitized by Google

Е. П. Валуева; Фрейлина Р. С. Сшурдза; Фрейлина Принцессы Амаліи Боде; Оберъ-Каммергеръ А. Л. Нарышкинъ; Гофмейсшеръ Князь А. М. Голицынъ; Лейбъ-Медикъ Шшофрегенъ; Секрешарь Императрицы Н. М. Лонгиновъ; Экипажмейсшеръ В. М. Ивановъ; Чиновникъ П. И. Крыловъ. Съ сею небольшою свишою, Императрица совершала насшоящее шоржесшвенное шесшвіе. Въ Полангенѣ переѣхала Она Русскую границу и продолжала пушь черезъ слѣдующіе главнѣйшіе города: Кенигсбергъ, Берлинъ, Лейпцигъ, Веймаръ, Гейдельбергъ, Баденъ, Кармруэ. Жишели Германіи, ожившіе для надеждъ, съ неизъяснимымъ восшоргомъ всшрѣчали Августѣйшую Супругу своего Освободишеля. Въ рѣдкомъ городѣ не дѣлали для Нея шоржесшвенныхъ всшрѣчь, шріумфальныхъ ворошъ, и празднесшвъ, выражавшимъ искреннія ихъ чувсшвованія. Изъ Бадена Императрица ошправилась въ Минхенъ и въ мѣну, гдѣ назначенъ былъ Вонгрессъ, для рѣшенія участи многихъ народовъ. Здѣсь пребываніе Монарховъ знаменовалось празднесшвами и увеселеніями, о которыхъ донынѣ воспоминаюшъ жишели Вѣны. 25 Февраля 1815 года Императрица осшавила сшолицу Авсшріи, и переѣхала въ Минхенъ; ошшуда она опяшь прибыла въ Баденское Герцогсшво, и уже 30 Ноября 1815 года возвращилась въ Пешербургъ.

Вошъ крашкое изложеніе сего досшопамяшнаго пушешесшвія, которое описано Г-мъ Ивановымъ довольно подробно. Чишашели не могушъ ожидашь ничего полишическо-философическаго ошъ пушеше-

Digitized by Google

ственника, бывшаго въ безпрестанныхъ забошахъ по должности во время пути, и не участвовавшаго въ домашней, такъ сказать, жизни особъ высшаго класса. Во многихъ мѣстахъ найдутъ они у него даже дѣтское просподушіе во взглядѣ на предметы и событія, и удивленіе при самыхъ обыкновенныхъ достопамятностяхъ, какія встрѣчались на пути Г-на Иванова. Но за то, онъ говоритъ всюду искренно, выражается просто, отъ души. Можно по разсказу его судить, что онъ не былъ способенъ говорить то, чего не чувствовалъ. Жалѣемъ, что онъ мало описалъ видѣннаго имъ самимъ, и входилъ въ нѣкоторыя подробности о городахъ, извѣстныя всякому изъ другихъ описаній.

И Наполеонъ занялъ нѣсколько страницъ въ разсказѣ Г-на Иванова, который былъ въ Вѣнѣ и Минхенѣ, во время сподневнаго властвованія Наполеонова. Разумѣется, что отзывъ нашего соотечественника отличается нѣкоторымъ ожесточеніемъ противъ знаменитаго современника. Но и это любопытно, ибо показываетъ, какъ глядѣли тогда на событія, изумляющія насъ своею необычайностью. Мы хладнокровнѣе разсматриваемъ прошедшее; но любопытно видѣть и чувствованія людей, бывшихъ вблизи событій. Надобно именно слышать разсказъ людей частныхъ, простыхъ, чтобы понять впечатлѣніе современниковъ. Въ кабинетахъ знатныхъ не всегда можно быть на истинной точкѣ зрѣнія. Съ сей стороны мы рекомендуемъ Записки Г-на Иванова. Означивъ нѣкоторые недостатки оныхъ, можемъ прибавить, что

Digitized by Google

въ этихъ Запискахъ всякій читатель найдетъ для себя любопытное. Патріотъ воспламенится мыслію о вѣковыхъ событіяхъ, когда Русскій Царь былъ рѣшителемъ судьбы народовъ; любитель анекдотовъ и описаній, найдетъ ихъ много въ Запискахъ Г-на Иванова; а наблюдатель-философъ извлечетъ для себя новыя поясненія событій, разсматривая какъ отражались они въ умахъ современниковъ, что̀ чувствовали и какъ чувствовали въ 1815 году, при достопамятномъ сближеніи Кабинетовъ Европейскихъ и при громахъ Ватерлооской битвы.

— *Русскій Альманахъ на* 1832 *и* 1833 *годы*, изданный В. Эртелемъ и А. Глѣбовымъ. СПб. въ т. III Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи. 1832. 370 стр. in-12.

— Russischer Almanach für 1832 und 1833. Von W. Œrtel und A. Glieboff. СПб. Въ той-же типографіи. 1832. 469 стр. in-12.

Еще въ 1831 году, Г. Эртель и Г. Масальскій объявляли объ изданіи Альманаха на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Предпріятіе ихъ — какъ о томъ было объявлено — встрѣтило препятствія непреодолимыя, такъ что лишь нынѣ, и то уже съ другимъ сотрудникомъ, Г. Эртель издалъ свой Альманахъ. Разумѣется, что ему принадлежитъ Нѣмецкая часть Альманаха; впрочемъ, она составляетъ главное, ибо и въ Русской части занимаетъ большую половину книги *Распря за календарь въ Ригѣ*, по-

Digitized by Google

вѣсть, написанная Г. Эршелемъ и напечатанная въ Русскомъ Альманахѣ въ переводѣ. Вообще Альманахъ сей заключаетъ въ себѣ почти однѣ и тѣ-же статьи, на Русскомъ и на Нѣмецкомъ языкѣ. Пересмотримъ сначала Русскую часть.

Кромѣ названной нами повѣсти Г. Эршеля, въ ней находятся слѣдующія прозаическія статьи: *Въ полѣ съѣзжаются родомъ не считаются*, три странички, написанныя Г. Сомовымъ. Въ нихъ слишкомъ явно подражаніе разсказамъ Казака Луганскаго. Авторъ хотѣлъ поддѣлаться подъ слогъ этого славнаго говоруна, у котораго рѣчи льются рѣкой, и въ каждой рѣчи духъ Русскій блестишъ яркой звѣздой; но *далеко кулику до Петрова дни* — какъ говоритъ Русская пословица. Г. Сомовъ до такой степени не знаетъ родныхъ нашихъ присловьевъ и поговорокъ, что даже названіе Повѣсти изуродовано у него, ибо Русскіе говорятъ не *Въ полѣ съѣзжаются родомъ не считаются*, а *Въ полѣ съѣзжаются, родней не считаются*. — *Выписка изъ бумагъ дяди Александра*, неизвѣстнаго Автора. Разсказъ гладокъ, довольно чистъ и мѣстами затѣйливъ. Можно съ удовольствіемъ прочесть эти выписки, которыя показываютъ, что дядя Александръ былъ человѣкъ недальновидный, однакожь добрый. — *Сказка о Никитѣ Вдовинчѣ*. Опять разсказъ Г-на Сомова, и опять подражаніе Луганскому! Что сказать о немъ какъ не тоже, что уже сказали мы? Не за свое дѣло берется Авторъ! Всякій, кто прочтетъ *Вдовинча*, подтвердитъ наши слова. — *Суворовъ*, отрывокъ, написанный Гра-

Digitized by Google

фомъ Д. И. Хвостовымъ, въ которомъ сей извѣстный писатель нашъ излагаетъ нѣсколько своихъ мыслей о знаменитомъ полководцѣ.

Изъ стихотвореній достойны замѣчанія: *Судъ Божій*, *народный разсказъ*, Ѳ. Н. Глинки; *Ревнивый*, И. И. Козлова; и особенно: *Тройка*, Русская пѣсня Ѳ. Н. Глинки, сдѣлавшаяся народною. Она извѣстна во всей Россіи, но здѣсь помѣщена для того, что народъ нашъ поетъ ее съ разными измѣненіями, непринадлежащими Автору. Вотъ какъ вышла она изъ-подъ пера Г-на Глинки:

Вотъ мчится *тройка* удалая,
Въ Казань дорогой столбовой,
И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудѣтъ уныло подъ дугой.

Ямщикъ лихой—онъ всталъ съ полночи;
Ему сгрустнулося въ пиши:
И онъ запѣлъ про ясны очи,
Про очи дѣвицы души.

« Вы очи, очи голубыя,
« Вы сокрушили молодца!
« Зачѣмъ, о люди, люди злые,
« Вы ихъ разрознили сердца?

« Теперь я горькій сиротина! »
И вдругъ махнулъ по всѣмъ по прёмъ,
И тройкой тѣшился дѣтина,
И заливался соловьемъ.

Digitized by Google

О другихъ стихотвореніяхъ сказать нечего. Порадуемся по крайней мѣрѣ легкости, съ какою нынѣ пишутъ у насъ стихи.

Тотъ-же Альманахъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Хотя мы и не понимаемъ цѣли, для которой нужно было издавать одно и тоже на двухъ языкахъ, точно будто какое нибудь узаконеніе для двухъ разныхъ народовъ, однако исчислимъ статьи, помѣщенныя въ Нѣмецкой части *Русскаго Альманаха*. Въ ней находится повѣсть Г-на Эрштеля: *Распря за календарь въ Ригѣ* (Der Kalenderstreit in Riga). Отдаемъ справедливость изыскательности и умѣнью Г-на Эрштеля. Онъ избралъ происшествіе, дѣйствительно замѣчательное, и облекъ его формами исторической повѣсти очень искусно. Многіе характеры очерчены смѣло и правдоподобно.—За тѣмъ слѣдуютъ переводы Русскихъ стихотвореній—Г-дъ Козлова, Ставелова и еще чье-то: *Боянъ Соловей*. Кромѣ сего помѣщены переводы стихотвореній Гг-дъ Глинки, Трплуннаго и Якубовича. Остальное все занято прозой, въ которой находимъ слѣдующія статьи. *Въ полѣ съѣзжаются* и проч., Г-на. *Зомова* (Somoff). Мы уже говорили о подлинникѣ сей статьи; о переводѣ скажемъ, что не довѣряя себѣ, мы читали его съ образованными Нѣмцами, и они утверждаютъ, что Русскія прибаутки выходятъ по-Нѣмецки довольно плоски и неудачны.—Затѣмъ, три небольшіе *Анекдота* занимаютъ страницъ десять.—*Бурко*, повѣсть Г-на Бурнашева. Любопытно, что въ ней главную роль играетъ — лошадь! Замѣтимъ

Digitized by Google

мимоходомъ, что Переводчикъ ошибся, назвавъ *Съѣзжую* Siège. Это Французское слово только созвучно съ Русскимъ, но ни мало не выражаетъ его. Для точности библіографической должно упомянуть, что двухъ послѣднихъ статей, то есть *Анекдотовъ* и повѣсти Г-на Бурнашева, нѣтъ въ Русской части *Русскаго Альманаха*. — *Выписка изъ бумагъ дяди Александра* заключаетъ трудъ Г-на Эрштеля.

Читатели могутъ сами судить, должно-ли было, или лучше сказать, стоило-ли издавать всѣ сіи статьи, на двухъ языкахъ? Кромѣ повѣсти Г-на Эрштеля и двухъ-трехъ стихотвореній, все остальное можно было-бы оставить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ что возрасло. Переселенія изъ одной Литературы въ другую важны и полезны; но такъ-ли должно дѣлать ихъ, и что-ли должно переселять? Если Г. Эрштель хотѣлъ составить Альманахъ для Нѣмцевъ изъ Русскихъ статей, то неужели ничего не нашелъ онъ лучшаго? Подтвердить это было-бы несправедливо, и обидно для насъ Рускихъ. — Другая часть Альманаха, Русская, еще менѣе достигаетъ своей цѣли.

Альманахи сіи украшены литографированными картинками и портретомъ. Мы не могли догадаться: кого изображаетъ сей портретъ? Хотя Г. Воейковъ (въ № 44 Русскаго Инвалида) и увѣряетъ, что это портретъ блаженныя памяти Императрицы Маріи Ѳеодоровны, но мы не вѣримъ, ибо въ ономъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ по-

Digitized by Google

койною Императрицею. Это подтвердитъ всякій, кто имѣлъ счастіе видать Незабвенную Покровительницу всего высокаго и благотворнаго.

—*Ѳедюша Мотовильскій.* Украинскій романъ. Сочиненіе Ивана Кулжинскаго. М. 1833. Въ Университетской т. 135 стр. in-16.

Романъ Г-на Кулжинскаго заслужилъ похвалы нѣкоторыхъ Журналовъ нашихъ. «Что могло быть причиною этого?» спросили мы сами себя, прочитавъ расхваленную книжку, и не нашедши въ ней ничего кромѣ самыхъ обвешалыхъ, грубыхъ насмѣшекъ надъ провинціяльною жизнью, надъ невѣжествомъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ надъ многимъ, что совсѣмъ не смѣшно. Причина одна: привычка къ старымъ мнѣніямъ. Во всякой книжонкѣ, гдѣ авторъ позволяетъ себѣ насмѣхаться надъ недостатками и пороками, у насъ хотятъ видѣть нравственную цѣль, и прощаютъ все, приговаривая: «Нравственная цѣль, нравственная цѣль! Надобно гнать пороки и недостатки, и Авторъ сдѣлалъ хорошо, что не пощадилъ ихъ.» Это правило такъ укоренилось въ умахъ, что даже никто не подумаетъ спросить себя: многіе-ли въ правѣ быть сатириками, насмѣшниками, гонителями пороковъ? Не чаще-ли бываетъ отвратительно глядѣть на какого нибудь недоученаго школяра, который критикуетъ подобныхъ ему, или на какого нибудь взяточника, притѣснителя бѣдныхъ просителей своихъ, который вы-

Digitized by Google

казываешъ благородныя чувствва утопая во взяшкахъ?.. Но болѣе-ли ихъ имѣютъ права насмѣхаться надъ жалкими пороками и недосташками провинціяловъ шѣ, которые сами не умѣютъ связашь мысли, и на всякомъ шагу выказываютъ горькое невѣжество? Если эши люди могушъ насмѣхашься надъ чѣмъ-бы шо ни было и какъ-бы шо ни было, шо не иначе какъ въ качествѣ шушовъ. Дурацкій калпакъ и пестрый кафшанъ: вошъ единсшвенныя ихъ права на осмѣяніе другихъ! Тогда можно позволишь имъ иногда насмѣшку, впрочемъ не давая забывашься, ибо эшошъ соршъ насмѣшниковъ глупъ и неумѣренъ даже въ исполненіи своей должносши. Но разсудокъ и благородныя чувствва запрещаютъ глядѣшь на шушовъ, одѣшыхъ въ обыкновенное, общее плашье. Тогда они играютъ роль философовъ, проповѣдниковъ, поучишелей, а эши священныя званія бываютъ удѣломъ немногихъ. Надобно много перечувствовашь, много спрадашь, видѣшь людей во всѣхъ нѣжнѣйшихъ оношеніяхъ, чшобы разгадашь всю сокрушимосшь ихъ добродѣшелей и чувствъ самыхъ благородныхъ. Но шогда и насмѣшка ваша будешъ оизываться не шушовствомъ, а глубокимъ чувствомъ, подъ которое никогда не поддѣлаются шуты-насмѣшники. Она примешъ характеръ спокойный, возвышенный, и будешъ проницашь въ души и сердца. Такъ насмѣхались шворцы *Донъ-Кихота*, *Тимона Аѳинскаго*, *Жилблаза*, *Тристрама*, *Тартюфа*, *Горя отъ ума*. Но эши мѣлкіе, жалкіе насмѣшники, которые пишушъ саширу пошому шолько, чшо ее писали Сер-

Digitized by Google

ваншесъ, Шекспиръ, Лесажъ и прочіе, непонятные для нихъ высотою своею авторы, эти съ какой стати и по какому праву являются къ намъ съ своими ничтожными каррикатурами? Что они могутъ представить намъ, они, у которыхъ не зарождалось въ душахъ ни одно возвышенное чувство? Ихъ сатира всегда бываетъ уродливымъ сколкомъ съ какой нибудь чужой, подручной имъ картины, а не созданіемъ сердца, пламенѣющаго негодованіемъ къ пороку. Признаюсь, что я никогда не могъ безъ досады читать романовъ Пиго-Лебрена и Поль де Кока, именно за самозванство, за желаніе Авторовъ ихъ быть гонителями человѣческихъ слабостей, безъ всякихъ правъ на это великое званіе.

Мы ни мало не относимъ всего вышеписаннаго къ сочиненію Г-на Кулжинскаго. Мы хотѣли только объяснить себѣ безотчетныя хвалы Русскихъ Журналистовъ книжонкѣ сего Автора, который совсѣмъ не умѣлъ, да и не могъ сдѣлать того, что хотѣлъ. Кажется, послѣ объясненія нашего понятно, чего требуемъ мы отъ сатиры, будетъ-ли она въ видѣ стихотворнаго посланія, драмы или романа. Г. Кулжинскій написалъ каррикатуру, надъ которою читатель мыслящій едва-ли усмѣхнется. Прототипомъ его каррикатуры были романы покойнаго Нарѣжнаго, который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, умѣлъ цѣнить и изображать слабости человѣческія. Въ его романахъ много чувства неподдѣльнаго. Г. Кулжинскій подражалъ Малороссійскимъ романамъ Нарѣжнаго, но взялъ изъ

Digitized by Google

нихъ только самыя отвратительныя картины пьянства, обжорства, грубаго невѣжества; изобразилъ взяточниковъ, дурныхъ помѣщиковъ, негодныхъ людей, но изобразилъ такъ, что ни одинъ изъ этихъ господъ не узнаетъ себя въ его карикатурахъ, и вмѣстѣ съ нимъ будетъ смѣяться читая *Ѳедюшу* *Мотовильскаго*. Какая-же тутъ нравственная цѣль, и что можно похвалить въ этомъ романѣ? Объ Искусствѣ и говорить нечего: это ударъ, а не пособіе ему. Если *Ѳедюша* достоинъ хвалы за нравственную цѣль, то зачѣмъ-же не хвалить романовъ А. А. Орлова, который также всегда борется съ порокомъ и довольно удачно изображаетъ сцены въ пивейныхъ домахъ, въ грязныхъ улицахъ и въ мѣстахъ порока?

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

—*Лукреція Боргія*, драма въ прозѣ, въ шрехъ дѣйспвіяхъ и въ пяши часшяхъ. Сочиненіе Викшора Гюго.

Вошъ новое выраженіе Романшической Драмы, образчикъ шребованій новой школы! Органомъ эшой школы рѣшился бышь на сей разъ глава ея, высшій умъ нашей Лишшерашуры, какъ говоряшъ Гг. романшики. Его произведеніе есшь произведеніе образцовое: оно заключаешъ въ себѣ сокращенно всѣ красошы, соединяемыя нынѣ въ изящномъ созданіи, и, чшобы шочно нечего было желашь ошъ него болѣе, оно служишъ даже примѣромъ успѣха, какъ понимаюшъ успѣхъ нынѣшніе писашели. Успѣхъ безумный, восшоргъ, удивленіе, исшинный шріумфъ шеашральный, за коширымъ являешся зависшь съ разноголосыми, рѣзкими свисшками — необходимая принадлежносшь всякаго шріумфашора.

Послѣ единсшвеннаго представленія Драмы своей: *Королъ забавляется*, В. Гюго былъ въ правѣ шребовашь блесшящаго вознагражденія, ошъ публики, коширая въ первый день омрачила успѣхъ, казавшійся ему принадлежащимъ законно, и ошъ Начальсшва, коширое осшановило первыя

Digitized by Google

представленія пьесы, предназначенной упасть сто разъ сряду. Онъ получилъ это вознагражденіе въ драмѣ своей: *Лукреція Боргія;* онъ отмстилъ въ одно время и публикѣ, заставивъ ее удивляться, и Французской Комедіи, лишивъ ее такого сочиненія, которое обогатитъ Сенъ-Маршенскій театръ, и Министерству, которое теперь принуждено будетъ вытерпѣть оскорбленія, наносимыя всѣмъ властямъ, оскорбленія, облеченныя слогомъ сильнымъ, разительнымъ, и язвительнымъ какъ остріе кинжала. Да послужитъ это урокомъ партеру, комедіянтамъи Г-ну Тьеру.

Въ окровавленныхъ страницахъ Исторіи Боргіевъ искалъ Авторъ нашъ преступленій, изъ коихъ составлена его пьеса. Героиня пьесы, Лукреція Боргія, есть дочь Александра Боргіи, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Александра VI-го, прижитая имъ съ извѣстною Ваноцци; Лукреція, столь славная своими злодѣяніями и безчинствомъ, которой вся жизнь была ознаменована убійствами, отравленіями, кровосмѣшеніемъ и грубымъ сластолюбіемъ, но которая была впрочемъ иногда женщина нѣжная, влюбленная, и писала, если вѣрить Лорду Байрону, превѣжливыя письма къ Кардиналу Бембо, посылая къ нему локонъ мягкихъ, шелковистыхъ волосовъ, хранящихся донынѣ въ Амброзіанской Библіотекѣ, вмѣстѣ съ подлинниками страстныхъ ея писемъ.

Не смотря однакожь на похвалу благороднаго Лорда, надобно было много дерзости, чтобы толь-

Digitized by Google

ко помыслишь представить на сценѣ подобное чудовище. Надобно знать хорошо свое время, надобно очень мало уважать его, чтобы основать успѣхъ на такихъ каршинахъ, которыя внушаютъ отвращеніе и ужасъ. Здѣсь-то можно вспомнить *отвратительное чудовище, которое съ украшеніями Искуства можетъ еще нравиться глазамъ*, какъ сказалъ Буало. Впрочемъ, мы не станемъ отрицать, что Г. Викторъ Гюго, можетъ быть, находитъ свою пьесу очень нравственною, и извиняетъ себя тѣмъ, что онъ казнилъ порокъ, бывшій первою причиною столькихъ злодѣяній.

Отъ любовной связи Лукреціи Боргіи и брата ея Цезаря Боргіи, котораго наименовалъ Герцогомъ Валентинскимъ добрый Людовикъ XII-й, родился ребенокъ, воспитанный въ удаленіи отъ своей матери, подъ именемъ Дженнаро. Онъ не знаетъ тайны своего рожденія; онъ брошенъ въ свѣтъ безъ подпоры; только мужеству своему онъ одолженъ значительнымъ достоинствомъ въ войскахъ Венеціянской Республики. Мать, не смотря на любовь свою къ нему, которая, мимоходомъ сказать, очень двусмысленна въ такой развратной женщинѣ, принуждена скрывать материнскую нѣжность, чтобы не возбудить подозрѣній въ братѣ своемъ, Цезарѣ Боргіи, ибо онъ, хотя и отецъ Дженнаро, тотчасъ велѣлъ-бы убить его, чтобы избавиться отъ человѣка, имѣющаго право, рано или поздно, искать участія въ богатомъ наслѣдствѣ Боргіевъ. Дженнаро друженъ съ знатными молодыми людьми въ Венеціи, гдѣ живетъ онъ, отдыхая отъ тру-

Digitized by Google

довъ воинскихъ въ веселіяхъ карнавала. На блестящемъ балѣ встрѣчаются они въ палатахъ Барбериго. Молодые вѣтренники, стоя на берегу канала Цуэко, разговариваютъ о современныхъ происшествіяхъ, въ которыхъ преступленія Боргіевъ занимаютъ важное мѣсто. Рѣчь зашла объ убійствѣ Герцога Гандійскаго, сброшеннаго въ Тибръ по приказанію брата его, Цезаря Боргіи. Тутъ вмѣшивается въ разговоръ одинъ Испанскій дворянинъ, и съ величайшими подробностями пересказываетъ это преступленіе, совершившееся лѣтъ за двадцать. Этотъ, столь знающій дворянинъ, есть не иной кто какъ злодѣй Губетта, подручникъ и шпіонъ Лукреціи Боргіи. Между тѣмъ, пока другіе разговаривали, Дженнаро заснулъ на лавкѣ, внизу террасы, близъ палатъ. Его друзья возвращаются на балъ, и въ это время выходитъ изъ гондолы замаскированная женщина; она обознается съ Губеттою, и тихонько идетъ насладиться взглядомъ на сына. Этотъ сынъ — Дженнаро, эта женщина — Лукреція Боргія. Она знаетъ, что сынъ ея въ Венеціи, что онъ долженъ быть на балѣ у Сенатора Барбериго; она оставила Феррару, чтобы нѣсколько минутъ поглядѣть на него. Когда она изъясняетъ Губеттѣ свою нѣжность къ сыну, и рожденные оною упреки совѣсти за прошедшія заблужденія, три замаскированные человѣка проходятъ осторожно черезъ площадь, останавливаются на нѣсколько минутъ, и въ то время, когда Лукреція, привлеченная къ своему спящему сыну, съ нѣжностью цѣлуетъ его въ лобъ, одинъ изъ нихъ вскрикиваетъ: *Точно это она*! И они исчезаютъ. Джен-

Digitized by Google

наро пробудился; онъ удивленъ, видя подлѣ себя неизвѣстную женщину, которая обращается къ нему съ самымъ нѣжнымъ участіемъ; онъ конечно сталъ-бы думать о любовной интригѣ, если-бы любовь могла найдти мѣсто въ сердцѣ, совершенно занятомъ сыновнею нѣжностью. Онъ не знаетъ своей матери, которая открываетсн ему только въ письмахъ своихъ, но чтитъ тайну, какою она облекаетъ себя. Во время тихихъ откровеній его, нарушаемыхъ только выраженіемъ глубокой ненависти къ Лукреціи Боргіи, которой имя было упомянуто въ этомъ разговорѣ, являются друзья Дженнаро. Они ушли съ бала; они ищутъ своего друга и дивятся, нашедши его наединѣ съ замаскированною женщиной; но маска не скрываетъ отъ этихъ вѣтренниковъ имени ея. Одинъ изъ нихъ, молодой Маффіо Орсини, искренній другъ Дженнаро, хочетъ показать ему, кто эта женщина, съ которою онъ говоритъ столь нѣжно; онъ готовится сорвать съ нея маску. Дженнаро не позволяетъ ему, вскрикивая: *Маска женщины такъ-же священна какъ лицо мужчины.* Здѣсь начинается прекраснѣйшая во всемъ сочиненіи сцена, могущественная дѣйствіемъ своимъ и смѣлая въ созданіи. Если-бы въ ней было соблюдено правдоподобіе нравовъ и мѣстности, то она конечно была-бы однимъ изъ прекраснѣйшихъ положеній въ Театрахъ всѣхъ временъ. Не можемъ противиться удовольствію передать ее вполнѣ.

Маффіо.—Надобно сначала, чтобы это была женщина, Дженнаро! Да, мы и не хотимъ оскорблять

Digitized by Google

ея: хотимъ только сказать ей наши имена. (Подступая на одинъ шагъ къ Лукреціи.) Сударыня! Я Маффіо Орсини, братъ Герцога Гравины, котораго зарѣзали ваши сбирры, ночью, во время сна.

Іеппо. — Сударыня! Я Іеппо Леверрешто, племянникъ Леверрешто Вишнелли, который заколотъ, по вашему велѣнію, въ подземельяхъ Вашикана.

Асканіо. — Сударыня! Я Асканіо Пешруччи, родственникъ Пандольфо Пешруччи, владѣльца Сіеннскаго, котораго умертвили вы, чтобы удобнѣе похитить у него прекрасный городъ.

Апостоло. — Сударыня! Вы убили Дона Франциско Газеллу, дядю, по матери, Дона Альфонса Арагонскаго, вашего третьяго мужа, котораго велѣли вы изрубить аллебардами, на площадкѣ лѣстницы Святаго Петра. Я Донъ Апостоло Газелла, двоюродный братъ одного и сынъ другаго.

Олоферно. Сударыня! Я называюсь Олоферно Вителлоцо, племянникъ Яго Аппіани, котораго отравили вы на празднествѣ, измѣнически похитивъ у него славную господскую крѣпость его въ Піомбино.

Лукреція.—О Боже!

Дженнаро. — Кто эта женщина?

Маффіо.—Теперь, сударыня, когда мы сказали вамъ наши имена, угодно-ли чтобы мы сказали вамъ и ваше?

Digitized by Google

Лукреція. Мое имя! Пощадите, господа! Не говорите при немъ!

Маффіо. (Срывая съ нея маску.) Снимите маску вашу, сударыня, чтобы мы видѣли, можете-ли еще вы краснѣть.

Апостоло. Дженнаро! Эта женщина, которой говоришь ты о любви—отравительница и блудница.

Іеппо. — Кровосмѣсительница во всѣхъ степеняхъ, кровосмѣсительница съ двумя своими братьями, которые убили другъ друга отъ любви къ ней.

Лукреція. Умилосердитесь!..

Асканіо. Кровосмѣсительница со своимъ отцомъ!

Лукреція. Пощадите!.. довольно!

Олоферно. Кровосмѣсительница съ дѣтьми, если-бы только они были у нея; но Небо не даетъ ихъ чудовищамъ.

Лукреція. О, довольно!

Маффіо. Хочешь-ли, Дженнаро, знать имя ея?

Лукреція. Умилосердитесь, умилосердитесь!

Маффіо. Дженнаро! хочешь-ли знать имя ея?

Лукреція. (Привлекшись къ ногамъ Дженнаро.) Не слушай, о мой Дженнаро!

Маффіо. (Раскинувъ руками) Это Лукреція Боргія!

Дженнаро. (Отталкиваетъ ее) О!.....

Вотъ окончательное явленіе перваго дѣйствія; но мы еще не смѣли выписать изъ этого явленія

Digitized by Google

мѣстъ самыхъ смѣлыхъ, хотя его каждый вечеръ представляютъ передъ множествомъ зрителей, и въ числѣ ихъ есть почетнѣйшіе люди, есть и трудолюбивые классы народа, которые, слыша драматическое выраженіе, доведенное до такого изступленія, и разговоръ, дошедшій до такого цинизма въ мысляхъ и въ словахъ, спрашиваютъ, въ чемъ-ли дѣлѣ Г. Гюго величайшій поэтъ нашего времени, или писатель, сочиняющій свои пьесы подъ вліяніемъ домоваго?

Со вторымъ дѣйствіемъ начинается другой рядъ чудовищныхъ явленій. Бѣшеные молодые люди, которыхъ видѣли мы въ палатахъ Барбериго, уже въ Феррарѣ. Они не побоялись ѣхать, вмѣстѣ съ Венеціянскимъ Посланникомъ, во владѣнія этой самой Лукреціи, которую оскорбили столь жестоко. Подъ покровительствомъ Республики, они почитаютъ себя неприкосновенными, и безпрестанно продолжаютъ оказывать Лукреціи свое презрѣніе. Дженаро пріѣхалъ вмѣстѣ съ друзьями; онъ раздѣляетъ ихъ негодованіе, и въ порывѣ изступленія противъ этой женщины, которая подслушиваетъ у себя на балконѣ, скрывшись за драпировкою, вспыхиваетъ гнѣвомъ, увидѣвъ, что на поршикѣ дворца Герцогскаго написано золотыми буквами: *Боргія.* «Не такъ названъ этотъ дворецъ!» вскрикиваетъ онъ, и сбиваетъ шпагою своею первую букву ненавистнаго имени; въ надписи остается слово: *оргія.*

Трешья часть вымышлена вся на основаніяхъ Мелодрамъ того времени, когда еще процвѣтали онѣ

Digitized by Google

въ блескѣ, когда отравленная чаша *Бѣлаго Пилигрима* заставляла содрогаться всѣхъ посѣтителей бульварныхъ театровъ. Мы отнюдь не думаемъ упрекать Автора: уже давно сказано, что Мелодрама ожидала только геніяльнаго человѣка, чтобы убить Трагедію; явился Г. Гюго, и заимствуя положенія у Гг. Кювелье, Кеньеса, Пиксерекура, онъ, подобно Мольеру, только берешъ свое, гдѣ находишъ его. Онъ даже былъ такъ смѣшливъ, что не ограничился этими плебейскими заимствованіями; онъ наложилъ руку и на высшую аристократію литтературную: Вольтеръ долженъ былъ заплатишь ему дань, и для успѣха *Лукреціи Боргіи* доставилъ свою лучшую сцену изъ *Меропы*.

Лукреція идетъ къ своему супругу, Альфонсу Эстскому, Герцогу Феррарскому, требовашь правосудія на дерзкихъ, которые осмѣлились оскорблять ее даже въ собственномъ ея дворцѣ. Но она не знаетъ, что виновникъ, обрубившій имя: *Боргія*, есть молодой Дженнаро, предметъ самой нѣжной ея привязанности. Альфонсу извѣстно это, и намѣреніе его уже готово: онъ знаетъ, что этотъ Дженнаро есть тотъ самый, котораго Лукреція Боргія цѣловала въ лобъ, при немъ, въ Венеціи, подъ портикомъ палатъ Барбериго. Онъ хочетъ отмстишь этому молодому чужеземцу, почитая его любовникомъ своей жены. Онъ поклялся Герцогинѣ, женѣ своей, поклялся Герцогскимъ словомъ своимъ, что оскорбитель ея погибнетъ. Виновника приводятъ, и Лукреція узнаетъ въ немъ Дженнаро. Она столько-же старается упросишь Герцога о

Digitized by Google

помиловании его, сколько прежде просила о его смерти. Герцогъ неколебимъ, и сама Лукреція принуждена налить яду для Дженнаро. По счастью, Лукреція женщина предусмотрительная: воспользовавшись минутою, когда ее оставляютъ одну съ Дженнаро, она сказываетъ ему, что Сиракузское вино, которое Герцогъ заставилъ его выпить, есть ядъ самый тонкій, и противъ него есть только одно средство, извѣстное лишь тремъ человѣкамъ: Папѣ Александру VI, Герцогу Валентинскому, и ей. Лукреція подаетъ Дженнаро стклянку, которая должна спасти его; но тотъ еще колеблется, не довѣряетъ Лукреціи и говоритъ: «*Кто увѣритъ меня, что не вы сами хотите меня отравить.*» Однакожъ онъ рѣшается испытать противуядіе, и Лукреція заставляетъ его бѣжать немедленно, бѣжать изъ Феррары и отъ мщенія Герцогова. Дженнаро удаляется, проклиная Лукрецію, которую почитаетъ онъ злымъ духомъ, преслѣдующимъ его мать. Въ отвѣтъ на его нагубное проклятіе, Лукреція говоритъ ему: «*А я благословляю тебя, Дженнаро!*» Тѣмъ оканчивается второе дѣйствіе.

Мщеніе Лукреціи противъ виновниковъ оскорбленія, нанесеннаго ей въ Венеціи, еще не исполнилось. Она препоручаетъ своему сообщнику, Губетѣ, пригласить на усладительный ужинъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ съ Венеціянскимъ Посланникомъ. Этотъ ужинъ, или лучше сказать эта оргія будетъ у Принцессы Негрони, которой дворецъ имѣетъ сообщеніе съ дворцомъ Боргія. Моло-

Digitized by Google

дые вѣтренники не опасаются пріѣхать туда, и Маффіо насильно увлекаетъ съ собою Дженнаро. Въ этой оргіи скрывается звѣрское злодѣяніе: всѣ собесѣдники будутъ тамъ отравлены, тѣмъ-же сладостнымъ Сиракузскимъ виномъ; но Лукреція не знаетъ, что и ея Дженнаро будетъ тамъ присутствовать. Въ одной изъ пышныхъ залъ дворца Негрони открывается сцена сибаритовъ; мужчины, увѣнчанные цвѣтами, пьютъ изъ чашъ, наливаемыхъ женщинами, ослѣпительными красотой и уборами. Губительна душа пира: онъ наблюдаетъ, чтобы ядъ достался всѣмъ пьющимъ; безуміе разыгрывается вполнѣ, и неизвѣстно чѣмъ окончилось-бы оно, если-бы женщины тихонько не вышли изъ-за стола. Маффіо предлагаетъ прославить наслажденія оргіи Анакреонтическими стансами; но припѣвъ ихъ перерванъ смертною пѣснею, которой звуки глухо доходятъ до ушей собесѣдниковъ: гдѣ-то поютъ унылое и торжественное de profundis. Оргія возобновляется, но и пагубное пѣніе все слышно. Тайный ужасъ овладѣваетъ собесѣдниками, которые не понимаютъ, для чего эти религіозныя пѣсни, среди ночи и столь близко залы пиршества. Но съ шумомъ растворяются двери въ глубинѣ, и монахи, съ завѣшенными лицами, идутъ по два въ рядъ, со свѣчами изъ желтаго воска въ рукахъ, распѣвая гимнъ погребальный.

Іеппо. (вскрикивая) Это становится наконецъ странно!

Маффіо. — Не знаю отъ чего кровь стынетъ въ моихъ жилахъ.

Монахи.—Conquassabit capita in terra multorum.

Digitized by Google

Іеппо. Что за ужасная сѣнь? Не у дьявола-ли мы здѣсь?

Лукреція (является на ступеняхъ двери, вся въ черномъ). Вы у меня.

Это громоносное появленіе открываетъ всю опасность собесѣдниковъ, которые вскорѣ узнаютъ, что имъ остается время только примириться съ Богомъ и подумать о спасеніи своихъ душъ. Тутъ начинается сцена, противоположная сценѣ перваго дѣйствія. Лукреція теперь во всѣхъ преимуществахъ своихъ; она жестоко отмщаетъ нахальнымъ гостямъ палатъ Барбериго. По ея повелѣнію, монахи удаляются; видны пять пустыхъ гробовъ, ожидающіе пять труповъ: «Счетъ вѣренъ—говоритъ она—ихъ точно пять. Ахъ, молодые люди! «вы исторгаете внутренность у несчастной женщины, и думаете, что она не отомститъ за себя! «Вотъ твой гробъ, Іеппо! Маффіо, вотъ твой! Апостоло, Олоферно, Асканіо, вотъ эти ваши!»

Дженнаро, который еще не показывался, вдругъ выступаетъ передъ нее, и говоритъ: «Надобно еще шестой, сударыня!» Лукреція, пораженная ужасомъ, вскрикиваетъ: «Небо!.. Дженнаро.» По ея приказанію всѣ выходятъ вонъ, и здѣсь приготовляется сцена, которая должна привесть къ развязкѣ. Силою настоящаго положенія своего приневолена Лукреція объявить Дженнаро, что онъ принадлежитъ къ фамиліи Боргіевъ; она умоляетъ его употребить противуядіе, которое еще есть у него; Дженнаро отказываетъ, и далеко отъ себя кидаетъ стклянку, которая можетъ спасти одного его, при смертныхъ крикахъ издыхающихъ

Digitized by Google

друзей... Онъ вонзаетъ кинжалъ въ грудь Лукреціи. Испуская послѣднее дыханіе, она открываетъ ему тайну его рожденія, и говоритъ: «Ахъ, ты убилъ меня, Дженнаро! Я твоя мать!»

Вотъ сплетеніе ужасовъ и чудовищныхъ сценъ, составляющихъ эту драму, которой мы не смѣемъ судить какъ произведеніе Искуства. Авторъ умѣлъ выказать въ ней столько дарованія, что сочиненіе его можно цѣнить какъ прекрасную, великую трагедію; однакожъ онъ представилъ въ ней такъ много невѣроятностей, положеній усиленныхъ до чрезмѣрности, и характеровъ, коихъ нѣтъ въ природѣ, что пьеса его имѣетъ значительность только мелодрамы. Преступленія столплены въ ней съ какою-то хвастливостью; въ ней есть какая-то роскошь злодѣйства въ поступкахъ главныхъ лицъ, придающая занимательность самымъ свирѣпымъ ширанамъ бульварныхъ театровъ; наконецъ, всѣ узлы сочиненія развязываются только противуядіемъ. Не смотря на сіи огромные недостатки, драма *Лукреція Боргія* показываетъ въ Авторѣ великую драматическую силу; можно сказать даже, что изъ всѣхъ произведеній его, въ ней особенно замѣтно знаніе сценическихъ сближеній. Въ составѣ этого сочиненія видно конечно искуства не болѣе чѣмъ предполагали его въ Авторѣ, но явенъ опытъ какой-то системы, болѣе прежняго вѣрной, высокой. Слогъ, исключая нѣсколько странностей, цвѣтистъ, силенъ, истиненъ, хотя люди, одаренные умомъ и вкусомъ, имѣли-бы право упрекнуть Автора за ребяческое чванство, за философическія сентенціи, и за презрѣніе, по крайней мѣрѣ очень не похваль-

Digitized by Google

ное, къ предметамъ самымъ священнымъ. Возгласы противъ религіи, противъ дворянства, противъ роялизма, нынѣ оставлены въ разговорахъ людей порядочныхъ, и покупать за нихъ рукоплесканія, кажется, значитъ платить слишкомъ дорого.

Успѣхъ новой драмы былъ блестящъ и единодушенъ. Все способствовало торжеству Автора: обстановка пьесы, богатая, живописная, въ которой показана вся роскошь 16-го вѣка; ученая, высокая игра Фредерика, исполнившаго роль Дженнаро съ искусствомъ превосходнымъ; наконецъ изящныя трагическія воспоминанія Дѣвицы Жоржъ, которая вознеслась до большой высоты въ лицѣ Лукреціи Боргіи.

Какъ будто для того, что все долженствовало быть необычайнымъ въ сочиненіи Г-на Гюго, и музыкальная партитура *Лукреціи Боргіи*, сочиненіе Г-на А. Пиччини, продана за пять сотъ франковъ: въ первый разъ мелодрамная музыка получаетъ почесть гравированія! И такъ оба художника вмѣстѣ пойдутъ къ потомству, точно какъ Люлли и Кино.

Съ Французскаго.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Характеристика Гг. Гизо, Тьера, Бертена-де-Во, и Дюпена старшаго.* — Не говоря о людяхъ, знакомыхъ съ превосходными сочиненіями Гизо, Тьера, Дюпена старшаго, кто̀ у насъ, даже изъ читателей *Сѣверной Пчелы* и *Московскихъ Вѣдомостей*, не знаетъ сихъ почетныхъ именъ современной Исторіи? Кто изъ читающихъ знаменитый Journal des Débats, этотъ источникъ сужденій о политикѣ и Палладіумъ учености многихъ изъ нашихъ земляковъ, кто не знаетъ пылкихъ анти-Филиппикъ Бершена-де-Во? Думая такимъ образомъ, мы въ правѣ надѣяться, что наши охотники до современности прочтутъ съ любопытствомъ слѣдующую характеристику четырехъ лицъ, играющихъ не маловажную роль въ настоящее время. Она была напечатана въ лучшемъ изъ оппозиціонныхъ Журналовъ: Le National, въ то время, когда составлялось нынѣшнее Министерство Французское. Le National отличается рѣзкою правдою во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и умѣетъ высказывать ее умно и благородно. Арманъ Каррель, главный Редакторъ сего Журнала, человѣкъ съ необыкновенными дарованіями. Вотъ что говоритъ онъ:

Digitized by Google

«Не мы будемъ отрицать достоинства Г-на Гизо какъ Профессора, какъ публициста и оратора: мы всегда бережемся подражать Министерскимъ Журналамъ, которые унижаютъ санъ политическаго писателя, и за неимѣніемъ доводовъ, обременяютъ членовъ оппозиціи грубѣйшими бранями, и отымаютъ у нихъ даже неотъемлемыя дарованія. Эта, основанная на личностяхъ полемика, эти уличныя ругательства не годятся намъ. Мы судимъ, а не оскорбляемъ нашихъ противниковъ. Общностію и разнообразіемъ своихъ познаній, Г. Гизо, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ ученѣйшихъ людей во Франціи; но педантизмъ его нестерпимъ. Онъ надувается, высится докторскою спѣсью, и удивительно какъ ошибается въ своемъ вліяніи на Палату Депутатовъ. Его Историческія лекціи, которыя всегда вертѣлись кругомъ одной и той-же темы, и которыя возглашались всегда на одинъ тонъ, утомляли ее какъ не льзя болѣе. Онъ привыкъ, всходя на каѳедру, говорить лекцію ровно часъ, и потому считаетъ обязанностью, или, сказать вѣрнѣе, увлекается привычкою ораторствовать и въ Палатѣ одинъ часъ. Онъ тотчасъ останавливается, когда часовая стрѣлка обошла свой кругъ: краснорѣчіе его заведено какъ часы. Онъ совсѣмъ не такъ шуменъ, какъ Г. Роайе-Коларъ, и не такъ забавенъ, какъ Г. Магюль; однакожь подъ конецъ уже никто не слушалъ его. И онъ вздумалъ еще кидать, прямо, хотя безъ всякаго вызова, въ членовъ оппозиціи тѣ напитанныя желчью слова, которыя остаются на сердцѣ и не проща-

Digitized by Google

ются никогда!.. Холодною, упрямою наглостью характера своего, который выражается на длинномъ, блѣдномъ лицѣ его, Г. Гизо, кажется намъ, болѣе способенъ воспламенить нежели утишить страсти. А это невыгодное расположеніе въ государственномъ человѣкѣ, который думаетъ управлять собраніемъ столь бурнымъ и одушевленнымъ страстями, какъ нынѣшняя Палата.

« Г. Тьеръ похожъ на Доктринеровъ только несноснымъ самодовольствомъ, которое всего чаще бываетъ удѣломъ людей мѣлкихъ; но у него столько-же ясности и быстроты въ языкѣ, сколько у Доктринеровъ замѣшательства и мрака. По тѣлосложенію, въ немъ много женскаго: какъ женщина, онъ отличается въ самомъ дѣлѣ необычайною измѣнчивостью идей и ощущеній, и говорливость его столь быстрошекуща, что и въ женскомъ родѣ не сыщемъ столь бойкаго языка, который-бы поспорилъ съ нимъ въ скорости. Когда учредятся желѣзныя дороги отъ Парижа до Ліона, то можно будетъ доѣхать туда, а Г. Тьеръ все будетъ стоять на трибунѣ и не перестанетъ говорить ни на минуту. Кажется, природа употребила на органы его языка всю крѣпость и упругость, которыхъ лишила она станъ его. *Стенографъ*, не смотря на ускоренныя средства свои, не можетъ поспѣвать за нимъ, и каждое изъ *обращеній* Г-на Тьера, когда дѣло идетъ на ладъ, и когда онъ направился, доставило-бы очень свободно, какому нибудь издателю, матерію на четыре тома Вал-

Digitized by Google

шеръ-Скоттовскихъ. Слѣдовательно, онъ осуществляетъ на трибунѣ *ежедневно* (par jour), и даже съ излишкомъ, то, что сказалъ Буало о Скюдери:

Bienheureux Scudéri, dont la fertile plume
Peut tous les ans, *par mois*, enfanter un volume.

«Разумѣется и безъ нашихъ поясненій, что такая удивительная, неистощимая текучесть словъ нашего парламентскаго Скюдери, нѣсколько разводитъ и топитъ его сужденія и мысли. Но если болтливость и софизмы Скюдери литературнаго не вели ни къ какому послѣдствію, то этого не льзя сказать о болтливости и софизмахъ Г-на Тьера. Депутаты серединныхъ лавокъ, сначала съ изумленіемъ и разинутыми ртами принимали все, что какъ ни попало кидалъ онъ имъ въ голову. Ораторы оппозиціи даже не могли опровергать его, потому что не могли слѣдовать за нимъ. Въ его фразеологіи не было ни возвышенности, ни оборотовъ ораторскихъ; онъ прерывалъ себя, возражалъ на право и на лѣво, и пускался опять на почтовыхъ, будто лишь начиная путь. Г. Тьеръ софистъ превосходный, и въ этомъ отношеніи нѣтъ ему соперника изъ членовъ Палаты. Онъ играетъ всѣмъ, и слушая его чувствуешь, что не управляетъ имъ то сознаніе истины, то нравственное убѣжденіе, безъ коихъ не льзя долго властвовать какимъ-бы то ни было собраніемъ, потому что

Digitized by Google

убѣждать другихъ можемъ лишь тогда, когда убѣждены, увѣрены мы сами. Люди, говорящіе такъ много и такъ скоро, обыкновенно мало разсуждаютъ и не имѣютъ въ сужденіяхъ ни правоты, ни точности. Такъ и Г. Тьеръ, въ своихъ быстрыхъ импровизаціяхъ ронялъ слова необдуманныя, которыя заставляютъ отрекаться отъ него и вредятъ Министерству; потому-то, не смотря на неофитическій жаръ своей преданности, онъ не могъ быть принятъ Казимиромъ Перье въ составъ Министерства.

«Г. Тьеръ человѣкъ чрезвычайно умный, обладающій познаніями обширными, смѣтливостью необыкновенною, разборчивостью гибкою, естественною. Мы думаемъ впрочемъ, что нравственный характеръ его былъ оклеветанъ. Въ своей *Исторіи Революціи* онъ доказалъ, что умъ его можетъ быть сильнымъ, когда онъ находится на пути истины. Но вѣря его личному прямодушію, мы не вѣримъ его прямодушію политическому: это два дѣла весьма различныя. Человѣкъ, въ столь коротское время измѣняющій свои мнѣнія, не надеженъ ни для какой партіи. Мы согласны съ Казимиромъ Перье: Г. Тьеръ уменъ болѣе нежели нужно для Министра, но своими нескромностями, необдуманностью, и непостоянствомъ своихъ мнѣній, онъ повредитъ всякому Кабинету Министровъ, который вздумаетъ присоединить его къ себѣ.

«Избраніе въ Министры Г-на Бершена-де-Во было-бы просто вдохновеніемъ Камариллы: онъ не имѣетъ никакой извѣстности, никакого вліянія для парламента. Отъ непривычки-ли, отъ природной-

Digitized by Google

ли застѣнчивости, или отъ скромности, онъ почти никогда не приближался къ трибунѣ; послѣ Іюльской революціи, онъ не всходилъ туда ни разу. Хотя онъ очень можетъ сочинить хорошую рѣчь, но мы сомнѣваемся, можетъ-ли онъ прочесть ее свободно. Малѣйшее возраженіе смутило-бы его и пригвоздило къ министерской скамьѣ какъ нѣмаго. Вся сила его исходитъ отъ *Журнала Преній*, котораго не составляетъ онъ, но которымъ управляетъ. Этотъ Журналъ, знаменитый своею измѣнчивостью, всегда продавалъ съ молотка свой голосъ. Онъ умѣлъ занять въ Журналистикѣ важное мѣсто искусствомъ своихъ редакторовъ и значительностью покровителей. Никто не умѣетъ лучше его раскрасить софизмы Правительства и говорить чиновникамъ языкомъ участія или боязни. Не должно отрицать, что *Журналъ Преній* необходимъ для того Министерства, которое, такъ или сякъ, хочетъ идти по слѣдамъ прежняго Правительства. Онъ заднимъ вѣтромъ дуетъ въ паруса, и волей или неволей, влечетъ Министерство 13-го Марша къ прежнему порядку дѣлъ. 13-е Марта осуществляется на трибунѣ въ дарованіи Г-на Монталиве, а въ Журналистикѣ повѣсничествомъ *Журнала Преній*. Надобно прибавить, что Г-нъ Бершенъ-де-Во человѣкъ умный, совѣтникъ благоразумный и тонкій. Все это поясняетъ, отъ чего думаютъ о немъ, какъ о Министрѣ. Можно обойдтись безъ Гг. Гизо и Тьера, когда подъ рукою Г-нъ Ремюза, который такъ хорошо *размѣщаетъ* налоги, и Г-нъ Магюль, кото-

Digitized by Google

рый помогаешь *своими* избирателями, *своимъ* Департаментомъ, *своею* каѳедрою; но какъ возможно обойдтись безъ *Журнала Преній* и Г-на Бертена-де-Во? Надобно переносить слѣдствія положенія, въ какое мы поставили себя: таковъ законъ дѣлъ человѣческихъ.

« Впрочемъ, такой составъ Министерства невозможенъ въ нынѣшней Палатѣ. Тутъ еще нѣтъ ни одного человѣка, который можетъ дать движеніе и единство этой починенной машинѣ. Вся Оппозиція, тѣсно соединенная, пошла-бы противъ этого несообразнаго ни съ чѣмъ сборища Доктринеровъ, модниковъ и честолюбцевъ, которые продолжили-бы нашъ упадокъ внутри и униженіе внѣ государства. Обманутый въ своихъ надеждахъ Г. Дюпенъ, разбилъ-бы ихъ своимъ тяжелымъ орудіемъ на трибунѣ, и своимъ вліяніемъ въ Журналахъ. Вызываемъ ихъ удержаться на ногахъ три мѣсяца! Тщетно было-бы двигать коньками устраненій: нить разорвана и Доктринеры видны за занавѣсомъ. Эту комедію представляли безпрестанно и наконецъ она уже надоѣла зрителямъ; надобно сыграть другую пьесу. Надобно вытерпѣть Г-на Дюпена.

« Довольно трудно изобразить такое лицо, какъ Г-нъ Дюпенъ, потому что физіогномія его столь измѣнчива, что не знаете, въ какую минуту схватить ее. Существенно, Г-нъ Дюпенъ значителенъ только на трибунѣ, и когда онъ говоритъ. Если онъ не оставляетъ истины, то ни одинъ ораторъ

Digitized by Google

не умѣетъ лучше его, оригинальностью выходокъ, хотя иногда и не совсѣмъ благородною, но всегда естественною, живою, расшевелитъ собранія Французскаго. Онъ сильно устремляетъ сужденія за сужденіями; онъ шѣшитъ, доказываетъ, увлекаетъ. Но какъ скоро онъ кончилъ и сѣлъ на свое мѣсто, все дѣлается холодно и въ немъ и вокругъ него. Онъ одинокъ на своей скамьѣ. У него, говоря собственно, нѣтъ ни друзей, ни покровителей. Отъ чего это? Не отъ грубости-ли его пріемовъ и вспыльчивости? Однакожь Казимиръ Перье былъ больше нежели грубъ. Онъ былъ властителенъ и гнѣвливъ, но не измѣнчивъ. Онъ былъ врагъ непримиримый, но и неизмѣнный другъ людей, предавшихся ему. А мы видѣли, какъ Г-нъ Дюпенъ, въ одинъ и тотъ-же день писалъ въ Журналахъ противъ своихъ политическихъ друзей, и поддерживалъ на трибунѣ, вечеромъ, съ увлеченіемъ, котораго совсѣмъ не испытывалъ, совершенно противное тому, что писалъ онъ утромъ. У Казимира Перье былъ планъ; у Г-на Дюпена нѣтъ никакого. У него нѣтъ никакой собственной системы. Случается, что разсуждая, онъ иногда забываетъ начало и дѣлаетъ въ заключеніе выводы противъ самого себя. Это юрисконсультъ иораторъ мгновенія; но у него нѣтъ головы человѣка государственнаго, нѣтъ истинной возвышенности ума. Онъ ни сколько не умѣетъ мыслить, но удивительно хорошо защищаетъ идеи другихъ. Мы думаемъ, что Г-нъ Дюпенъ совершенно неспособенъ быть первымъ Министромъ. У него недостаетъ генія поразить умы сочленовъ общностью и вели-

Digitized by Google

чіемъ своихъ плановъ, не достанетъ постоянства слѣдовать какой нибудь системѣ въ необходимыхъ развитіяхъ ея, не достанетъ воли господствовать надъ тщеславнымъ прошивоборствомъ другихъ Министровъ, не достанетъ уклончивости и гибкости въ характерѣ, чтобы привлечь къ себѣ ихъ довѣренность и подавить внутренніе раздоры Кабинета, не достанетъ и пріятности въ обхожденіи, чтобы понравиться Камариллѣ 13-го Марта. Слѣдственно Г-нъ Дюпенъ не рожденъ быть Министромъ, и однакожь будетъ имъ. Если патріоты не хотятъ его Министерства, то Камарилла, хотя также не хочетъ, но не можетъ безъ него обойдтись. Будутъ льстить его суетности, прославлять его краснорѣчіе. Сдѣлаютъ его голосною трубой всѣхъ глупостей. Доктринеры облекутъ его своимъ туманомъ. Шалкости его разставятъ ловушки на всякомъ шагу, и потомъ — когда износятъ его, оборвутъ съ него цвѣшки — бросятъ перваго Министра, какъ негодную вещь, въ темный уголъ.

Г-нъ Дюпенъ чувствуетъ все это, или лучше сказать, его заставляютъ чувствовать это, и потому-то онъ еще не рѣшается повредить себѣ союзомъ съ Доктринерами. Но не избѣжать ему отъ нихъ. Это его судьба.»

(Изъ La Quotidienne).

Digitized by Google

— *Изъясненіе картинки.* — Всего труднѣе было живописцу изобразить *четвертый возрастъ человѣка.*

«. . . . . Then, a soldier,
Full of strange oaths, and bearded like the pard,
Jealous in honour, sudden and quick in quarrel,
Seeking the bubble reputation
Even in the cannon's mouth...»

(То есть: «Но вотъ онъ уже воинъ; въ устахъ его странныя брани; у него уже борода, какъ у леопарда; онъ ревнуетъ чести, онъ вспыльчивъ и готовъ ссориться, вездѣ видя воздушный пузырь, славу — даже и въ жерлѣ пушки....).»

Шекспиръ говоритъ здѣсь о такихъ предметахъ, которые неизобразимы въ Живописи. Надобно было взять идею его, и представить ее средствами своего Искусства. Смиркъ изобразилъ воина, впереди битвы, одушевленнаго пылкостью воинственною. Схвативъ знамя, онъ идетъ прямо на баттарею, и съ увѣренностью въ побѣдѣ обращается къ своимъ солдатамъ. Онъ забылъ все, онъ думаетъ только о битвѣ. Въ положеніи сего главнаго лица есть нѣкоторая принужденность, но выраженіе его прекрасно. Постороннія принадлежности — войска, пушки, раненые солдаты — изображены съ большимъ искуствомъ, хотя и не очень соотвѣтственно нынѣшнему понятію о сраженіяхъ. Впрочемъ, повторимъ, что трудно было вполнѣ выразить все разнообразіе, всю иносказательность Шекспировой мысли.

Digitized by Google

— *Литтературныя извѣстія.* — Въ Петербургѣ печатается и выйдетъ въ свѣтъ къ Свѣтлому Воскресенію книга, подъ заглавіемъ: *Пестрыя Сказки съ краснымъ словцомъ, собранныя Иларіономъ Модестовичемъ Гомозенкою, Магистромъ Философіи и разныхъ Ученыхъ Обществъ Членомъ.* Одна изъ сихъ Сказокъ, *о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому проспекту*, была напечатана въ Альманахѣ *Комета Бѣлы*, подъ именемъ Влад. Глинскаго. Изданіе сей книги будетъ щегольское, на веленевой бумагѣ, съ картинкою, гравированною на деревѣ; заглавный листокъ отпечатанъ литтерами, вырѣзанными и отлитыми нарочно для него.

(Сообщено.)

Насъ просятъ извѣстить публику, что книги: Les Ecorcheurs, par V. d'Arlincourt, и Les Quatre époques de la vie de Mme la Duchesse de Berry — переводятся на Русскій языкъ.

— *Выписка изъ Тифлисскихъ Вѣдомостей.* — 2-й баталіонъ Херсонскаго Гренадерскаго полка выступилъ въ походъ изъ кантониръ-квартиръ своихъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1831 года, и возвратился въ оныя въ первыхъ числахъ Декабря 1832.

Въ теченіе цѣлаго года, баталіонъ сей находилъ единственное для себя убѣжище у одного только бивачнаго огня, и въ продолженіе трудныхъ походовъ постоянно являлъ примѣръ самаго строгаго

Digitized by Google

военнаго порядка, неразлучнаго съ неустрашимостью. Я видѣлъ ужасающій блескъ штыковъ сего баталіона посреди Лезгинъ, бѣжавшихъ по неприступнымъ высотамъ Гебекъ-Кали, и удивлялся отличной его храбрости при взятіи селенія Казакичу, во время сильнаго мороза, простиравшагося до 25 градусовъ. Я съ трепетомъ взиралъ, какъ сіи безстрашные Гренадеры штыками своими прокладывали себѣ путь къ побѣдѣ чрезъ Гимринскіе завалы, по трупамъ Мюридовъ Кази-Муллы, и наконецъ съ удовольствіемъ былъ свидѣтелемъ штыкательнаго пріема, сдѣланнаго сему отличному баталіону при возвращеніи его на квартиры, Командующимъ Херсонскимъ Гренадерскимъ полкомъ Подполковникомъ Берилевымъ. Баталіонъ, вступая на площадь города Гори, нашелъ тамъ подъ ружьемъ нѣсколько ротъ изъ другихъ двухъ баталіоновъ своего полка остававшихся въ Грузіи, которыя отданіемъ воинской почести съ музыкою, привѣтствовали возвращеніе храбрыхъ своихъ товарищей. Послѣ церемоніяльнаго марша, при радостныхъ крикахъ ура! Подполковникъ Берилевъ приказалъ возвратившемуся баталіону построиться по ротно, и проходя по рядамъ, начиная съ Гренадерской роты, обнималъ каждаго солдата, благодаря всѣхъ вмѣстѣ и каждаго порознь за храбрость и отличное поведеніе въ походахъ. Обойдя всѣхъ, онъ приказалъ поставить ружья въ козлы и приступить къ возданію благодарности Всевышнему. — Предъ фронтомъ началось благодарственное молебствіе за побѣды, дарованныя нашему оружію.

Digitized by Google

Во время молебствія, позади каждой роты поспѣшно поставлены были столы, съ различною сытною пищею, къ коимъ по окончаніи священнодѣйствія приглашены были возвратившіеся изъ похода воины. Командующій полкомъ, поднявъ заздравный кубокъ, провозгласилъ здоровье Государя Императора, на которое громкимъ восклицаніемъ восторга отвѣчали всѣ присутствующіе. Наполнивъ кубокъ вторично, онъ сказалъ: « Я пью за здравіе 2-го баталіона, который поведеніемъ своимъ заставилъ уважать еще болѣе имя Херсонскаго солдата. » Храбрые Гренадеры отвѣтствовали ему единодушнымъ ура! Сердечное умиленіе и радость содѣлались общими; всѣ обнимались и поздравляли другъ друга съ блистательнымъ окончаніемъ экспедиціи. Я съ восторгомъ смотрѣлъ на сей прекрасный праздникъ воиновъ, одушевленный веселіемъ простоты и храбрости. Послѣ обѣда ротные пѣсенники запѣли пѣсни, сочиненныя во время послѣдней экспедиціи, и извѣстныя между Кавказскими войсками подъ названіемъ: пѣснь *Кази-Муллы*. Я собралъ сіи подробности съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ извѣстными всѣмъ Русскимъ воинамъ, и увѣренъ, что они поймутъ чувства своихъ товарищей, за предѣлами Кавказа служащихъ.

(Сообщено).

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

XLIX Части.

Отрывки изъ Введенія во Всеобщую Исторію. Сочиненіе Мишеле..... 3
О разведеніи и воспитаніи лѣсныхъ деревьевъ. Сочиненіе Валтера Скотта..... 183, 347
Осада Антверпена, подъ предводительствомъ Принца Пармскаго, въ 1584 и 1585 годахъ. Сочиненіе Шиллера..... 499
Германскіе Испытатели природы....., 38, 214
Видъ и расположеніе древнихъ театровъ. Сочиненіе Мазуа.....524

Блаженство безумія. Повѣсть Н. П..... 62, 228
Серафина, или первая любовь. Изъ Воспоминаній о юности, Карла Нодье..... 408, 544

Дѣвицы невѣсты. Парижскіе нравы..... 97
Прогулка по берегамъ Рейна. Сочин. Ф. Купера 273, 408

Критика: *Борисъ Годуновъ*. Сочиненіе *А.* Пушкина. СПб. 1831 г. 117, 289
Сказанія Современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Часть III. *Записки Маржерета и Президента де-Ту*. СПб. 1832. г. *Описаніе Украйны*. Сочиненіе Боплана СПб. 1832 г. *Сказанія Князя Курбскаго*. Часть. 1 СПб. 1833 г 429
Краткое Начертаніе Естественной Исторіи животныхъ, содержащее въ себѣ Органологію жи-

Digitized by Google

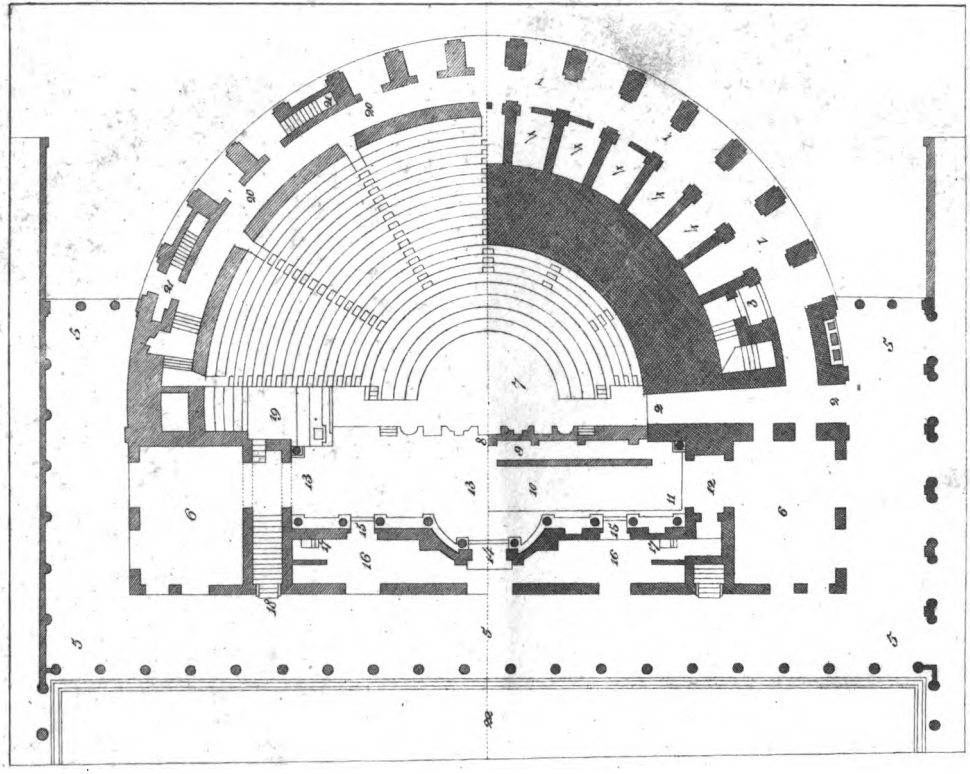
вопныхъ, съ краткимъ Физіологическимъ объясненіемъ; изданное въ пользу учащихся Врачебной Наукѣ, Профессоромъ А. Ловецкимъ. 2 ч. М. 1832 г.. 572

Русская Литтература..... 148, 328, 458, 581
Иностранная Литтература 163, 606
Русскій Театръ..... 472

Смѣсь..... 177, 342, 493, 621,
Парижскія моды.

При сей Части Телеграфа находятся: четыре очерка съ картинъ Смирка, изображеніе внутренняго расположенія Геркуланскаго театра и шесть картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.

Digitized by Google



Digitized by Google